

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziejic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>

SPIS TREŚCI

JĘZYKOZNAWSTWO I LITERATUROZNAWSTWO | ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Pliushch B. INDIRECT TRANSLATION: THE CASE OF UKRAINIAN LITERATURE.....	5
Аврамов Г. Г. К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	8
Алхасова С.М. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОТЕРИ ПРИ ПРОЗАИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРА	11
Baykova Olga, Obukhova Olga, Berezina Yulia, Baykova Alexandra ETHNIC IDENTITY OF RUSSIAN GERMANS IN FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN MINORITY IN THE KIROV REGION).....	13
Бобровницкая Н. В. НАРОДНАЯ ВЕРСИФИКАЦИЯ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПЕСЕН.....	15
Бондаренко Марина ЖАНР АВТОБИОГРАФИИ В ПРОЗЕ Р. Р. ГЕЙВЗА.....	20
Брагарник-Станкевич О. С. ГЛАГОЛЫ ЗВУЧАНИЯ В БЕСИМЯСЛЕННОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	23
Попова И.М., Глазкова М. М. ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ АНТРОПОНИМОВ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА И ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ)	25
Гресько О.В. ВІРТУАЛЬНА РЕАЛЬНОСТІ І МОБІЛЬНА ЖУРНАЛІСТИКА.....	31
Djafarova D.I VARIABLE AND INVARIABLE INNER FORM OF THE WORD.....	36
Калініна-Шамрай В.Р. ВЕРБАЛЬНА ТА НЕВЕРБАЛЬНА СКЛАДОВІ СУЧАСНОГО ФРАНЦУЗЬКОГО КОМІКСУ.....	40
Лось А. Л. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	46
Попова Т. Г. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	51
Преснякова Н. А. СОМАТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ»).....	56
Продан Ю.П. КЛАСИФІКАЦІЯ ТЕРМІНІВ-ФРАЗЕМ ТА СУМІЖНИХ З НИМИ ОДИНИЦЬ МОВИ СПЕЦІАЛЬНОГО ПРИЗНАЧЕННЯ У СУЧАСНОМУ МОВОЗНАВСТІ.....	61
Руснак И. М. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА.....	64
Смолина Л. В. МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	67
Таныш Синан МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ ТУРЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	70
Татевосян Р.В. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ Л.Н.ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК И КОНТЕКСТ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ.....	76
Федина Е.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ЧЕЛОВЕК.....	79

Филатова Е. В. ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ.....	83
Филатова Н. И. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ИСПАНСКИХ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ.....	87
Цынк С. В. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ».....	90
Шигуров В.В. МОДАЛИЯЦИЯ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	93
Radalka Iuliia MODALITY AND EXPRESSION MEANS IN SPANISH.....	105

GEOLOGIA | ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алымова М. В. МНОГОВАРИАНТНОЕ 3D МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРОЕНИЯ ЗАЛЕЖЕЙ УВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ОЦЕНКИ ИХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПАСОВ НЕФТИ И СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ.....	109
Глотов В.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЗА СЧЕТ ПОДЗЕМНЫХ ВОД В ГОРНЫХ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ.....	115
Mayevskiy V.Y.Kurovets S.S. HYDROCARBONS GENESIS AND FORMATION OF THEIR DEPOSITS AS A BASIS OF PREDICTING OIL-AND-GAS PRESENCE IN DEEP-SUNK HORIZONS OF SEDIMENTARY BASINS.....	122
Марусяк В. П. ТИПОМОРФНІ ОСОБЛИВОСТІ ПІРИТУ ЯК КРИТЕРІЙ ЗОЛОТОНОСНОСТІ ЧИВЧИНСЬКОГО РУДНОГО РАЙОНУ МАРМАРОСЬКОГО МАСИВУ.....	129
Сальников В.Н. , Куреева А. Е. ЭПИТАКСИЯ В МИНЕРАЛАХ, РАСТЕНИЯХ И ЖИВОТНОМ МИРЕ.....	139
Скуфьин П. К., Чувардинский В. Г. К ПРОБЛЕМЕ «ВЕЛИКОГО ОЛЕДЕНЕНИЯ» НА РУССКОЙ РАВНИНЕ.....	157
Ярема А.В. АНАЛІЗ РЕЗУЛЬТАТІВ ГАЗОГЕОХІМІЧНОГО ПРОГНОЗУ ПЕРСПЕКТИВ НАФТОГАЗОНОСНОСТІ ДЛЯ ВИБОРУ ПЕРШОЧЕРГОВИХ НАФТОГАЗОПОШУКОВИХ ОБ'ЄКТІВ У МЕЖАХ БОРИСЛАВСЬКОГО НАФТОГАЗОПРОМИСЛОВОГО РАЙОНУ.....	165

JEZYKOZNAWSTWO I LITERATUROZNAWSTWO | ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

INDIRECT TRANSLATION: THE CASE OF UKRAINIAN LITERATURE

Pliushch B.

PhD student,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

ABSTRACT

The article is focused on indirect translation as a common phenomenon within the framework of translation of Ukrainian literary prose into other European languages. Analysis of causes and consequences of mediation in translation is offered in the article.

Key words: translation, indirect translation, mediating language, translation into a non-native language (L2 translation).

Translation lets us look back while we move ahead. In reverie and raillery.

Marilyn Gaddis Rose

Introduction. Translation has always been known as a way of spreading knowledge about other countries, cultures and worldviews. Thus translation of Ukrainian literature into other European languages can be considered as a tool for shaping Ukraine's image on the international arena. However, the position of the Ukrainian language on the linguistic map of the world represents quite an obstacle to promotion of its cultural products – literary works etc. It is one of the so-called “small” [1, 53] or peripheral languages, among which are Catalan, Chinese, Dutch, Scandinavian languages etc. [6, 141]. Given that the history of translation from Ukrainian is complicated and remains a rare “event” in translation world. A. Lefevre states that “the text of translation has often been called a culture's window on the world” [3, 11] but if we consider a Ukrainian text in translation very often that “window” was covered or even shattered by indirect translation, that is by translation through the mediating language.

Problem statement. This article focuses on the fact that much translation of the Ukrainian literature was (is) not made directly from the source language of the original, but may have passed intermediary third language. This paper aims to analyze the reasons behind the “everlasting” phenomenon of the indirect translation and to investigate possible problems, deficiencies and/ or gains of mediation in terms of rendering the author's style.

Publications analyses. There is little research on indirect translation and thus only a small amount of information about it. Moreover it's very hard to detect a complete textual base (the source text, the mediating translation, the target text etc.) since the participants of the entire process of indirect translation (publishers, translators etc.) tend to conceal its “indirect” nature. J. Spirk in his research on the reception of Czech literature in 20th century Portugal claims that “one of the reasons why indirect translations are not a favourite academic topic consists precisely in the difficulty of establishing the appropriate body of texts” [8, 141]. Analyzing the future research revenues and the contemporary state of indirect translation H. Pieta and A. Rosa state that it “remains one of the most understudied

phenomena in translation studies today” [4] despite the fact that it takes precedence quite often, especially in the case of (semi) peripheral languages. M. Ringmar states: “Indirect translation may be used as a means to control the contents of the target text, e.g. for political or religious reasons. This aspect is likely to have played a role in the frequent use of Russian as a ML in the former Soviet Union” [7, 7]. Russian indeed is the most common mediating language in indirect translations of Ukrainian literature, although there are some examples of English texts that played the role of the source texts for translations of works by Ukrainian authors into other European languages (German, Italian etc.) but those rare examples have never been analyzed before.

Unsolved aspects of the problem. The potential of the research on indirect translation is highly underestimated in terms of its meaning for the dynamics of different phenomena in translation per se and translation studies in general. The translation of Ukrainian literature together with the aspect of its indirect translations is scarcely studied, especially on the international academic arena. Thus this paper aims to analyze the reasons behind the “everlasting” phenomenon of the indirect translation and to investigate possible problems, deficiencies and/ or gains of mediation in terms of rendering the writer's idiosyncrasy. A narrative “Boa Constrictor” (1878) by Ivan Franko and a novel “Tyhrolovy” (1944) by Ivan Bahriany along with their direct and indirect translations served as a data material for study. The works by Ivan Franko (1856-1916) and Ivan Bahriany (1907-1963) represent the Ukrainian prose style at its height and that gave us an impetus to examine the quality of their “presentation” in other languages and thereupon cultures.

In terms of literary translation the style of a writer plays an important role since its preservation is indispensable for a highly valued translation. All too often claims that “the original text has lost many of its qualities in translation” can be attributed to the translator's failure to “recognize” and to “recreate” the style of a writer. Therefore, it is almost impossible to overestimate the function of a translator in the process of translating a work of fiction. However, both the author's idiosyncrasy and the function of the translator gain forced perspective in terms of indirect translation (the translation through the mediating

language). It has been (and still is) common practice in the commercial market, particularly in the case of minority languages considered “exotic target languages” [2, 1], among which Ukrainian, unfortunately, is still reckoned in Europe and the USA. The topicality of this research can be regarded as very high, taking into consideration the small number of research papers concerning the phenomenon of indirect translation in general and the complete absence of scholarly research dealing with the indirect translation of the Ukrainian prose into English (mainly through Russian as the mediating language) as well as into other European languages (predominantly via English). The conducted comparative analysis of the narrative “Boa Constrictor” by Ivan Franko and the novel “Tyhrolovy” by Ivan Bahriany and of their direct (respectively – Russian and English) and indirect (respectively – English and German) translations also contributes to the novelty of this research paper (heretofore, they have never been considered by any translation scholar from this particular vantage point).

All the main tasks of the research (such as the detection of the possible causes for indirect translation in general and of the Ukrainian literature in particular; the singling out of all the characteristic features of Ivan Bahriany’s and Ivan Franko’s styles; the analysis of the original and the translated texts, aimed to detect the direct and indirect translations’ adequacy in terms of rendering the main features of the author’s idiosyncrasy; defining the role of the direct translation, which serves as the source text for the indirect translation as well as the character of correlation between them; search for possible alternatives to indirect translation) were fulfilled. This was accomplished with the help of such survey methods as contextual analysis, comparative analysis of the original text and its direct and indirect translations, descriptive method for the description of translation difficulties and the ways of their negotiation, hypothetic analysis for reasoning the possible factors of indirect translation and search for solutions to the problem of interpretation in the process of direct and indirect translation.

As a result of comparative analyses of the mentioned texts, we’ve been able to outline such main causes of such a longstanding practice of indirect translation as: the “rarity” of the source language; the hostility of some European literature markets (mainly English and German) to the direct translation of foreign literature; internal policy of some publishing houses and states (ideological motives for taking a stand against the direct translation, using relay-language as the language of censorship etc.); unacceptability of L 2 translation (translation into non-native language) as a viable alternative to the indirect translation.

Despite common perceptions that the quality of the indirect translation is based on the quality of the mediating translation, it by no means always depends entirely on its source. This entails both negative and positive (!) correlation between indirect translation and the problem of rendering the writer’s idiosyncrasy. For instance, in the indirect German translation of the novel “Tyhrolovy” by Ivan Bahriany the main feature of the writer’s style – the author’s metaphor – is lost despite its accurate rendering in the direct English translation (mediating translation). For example:

1. Жахливий крик молодості, що її вхопила зубами смерть [9, 50].

1.1. It was the desperate cry of youth seized by the fangs of death [10, 62].

1.2. Das war der Schrei eines jungen Menschen in den Fängen des Todes [11, 54].

The image of the metaphor is changed as a result of translator’s associations implication and standardization of language (in English). Thus жахливий крик молодості [a horrifying cry of youth] is rendered as desperate cry of youth, which is reminiscent of a commonly used expression – a desperate cry for help. However, the original image of the metaphor wasn’t completely standardized in translation into English because otherwise молодість, яку вхопила зубами смерть would be rendered not as youth seized by the fangs of death, which differs a little from the image of the original metaphor, being at the same time not as common as would be youth in the jaws of death (using the idiom in the jaws of death). Thus the translator into English sticks to the common for the target culture association of death with something animalistic and savage (using fangs instead of jaws) meanwhile creating a fresh image of metaphor. Indirect German translation of the metaphor confirms its mediated nature (in den Fängen des Todes is a literal translation of the fangs of death) as well as proves its tendency to demetaphorization (жахливий крик молодості [a horrifying cry of youth] turns into der Schrei eines jungen Menschen [a cry of a young man]).

Allusions and realia (as the main constituents of the style, which create irony and humorous effect) on the contrary suffered much more losses in the direct English translation than in the indirect German interpretation. For example, indirect German translation is more accurate in rendering such Soviet realia as ударники – Stachanowarbeiter, партробітники – Parteimann, колгоспні колективізатори – Kolchosen-Organisator etc. Mostly it is caused by the impact of factors of place and time as well as by far more scrupulous attitude of the Austrian publishing house to the novel’s publication, which can be considered more “reader-friendly” due to its additional materials and artworks.

The ethical and psychological factors are among the main contributors to the potential “inferiority” of any indirect translation (apart from causal relationship between the losses of the direct translation and their multiplication in the indirect translation). A translator, who performs an indirect translation is consciously or subconsciously bound to take more liberties with the source text (mediating translation) of his/ her translation than he/she would take with the original text. This assertion can be justified by consideration of rendering such main features of Ivan Franko’s idiosyncrasy as repetitions, alliteration and rich imagery (similes, epithets etc.) in the direct Russian and indirect English translations. Alliteration was poorly rendered in Russian translation and thus almost lost in the indirect English translation, however, there is no objective explanation (except the ethical factor) for the loss of the author’s original imagery in the indirect translation (as a result of the descriptive translation) owing to the fact that it was almost perfectly preserved in the direct translation. For example:

2. Само собою розуміється, що таке життя йому швидко збридли і що він ждав весни, як спасення душі [12, 395].

2.1. Само собой разумеется, такая жизнь ему опротиве-

ла, и он ждал весны, как спасения души [13, 33].

2.2. It stands to reason that he soon got tired of this kind of life and awaited with eagerness the coming of spring [14, 19].

Here the simile is calqued in translation into Russian (він ждав весни, як спасення душі – он ждал весны, как спасения души). The reason for such a close and adequate rendering of the poetics of the Ukrainian author in Russian translation is not only the factor of direct translations but also the conceptual similarity of linguistic worldviews (Ukrainian and Russian). As, for instance, in the Arab world the spring and the sun are considered to be a negative concepts due to the difficulties of surviving in the desert. In Ukrainian and Russian traditions the spring time on the contrary has always been associated with the new beginning, with the blossoming of flowers and life. In the indirect English translation this simile is lost through descriptive translation – he awaited with eagerness the coming of spring. Such a loss in translation has no clear justification because the main concept of the original simile is the “saving of the soul” which is an allusion to the Christian aim of the Salvation of the Soul, that was a controversial topic during the Renaissance (the treatise by F. Pucci about the salvation, 1594). Thus it would be acceptable to render the original image of the simile through the calque in the indirect translation (he awaited the coming of spring, as the saving of his soul) because the concept of eagerness, which was used in the descriptive translation, doesn't render the topic of “salvation” and hope that can give power to live. Moreover, eagerness encompasses some pleasant emotions but the main character is desperate in the source text. So the loss of the original image of the simile changes not only the aesthetics of the original work but its emotional context as well.

Thus literary works by Ukrainian authors were very often translated into other languages through the intermediary language – Russian (the narrative “Boa Constrictor” by Ivan Franko). However, in view of legal standards and other factors, the cases of indirect translations were usually concealed. Thus the real number of the indirect translations of the Ukrainian prose remains to be seen. Another intermediary language, used for the translation of the Ukrainian literature, was (and still is) English (the novel “Tyhrolovy” by Ivan Bahriany). The concealment of indirect translation is connected to the legal aspect of translation (UNESCO Recommendation on the Legal Protection of Translators and Translations and the Practical Means to improve the Status of Translators [5]) and the ideological motives. Therefore, we consider undertaking a number of studies aimed at detection of the indirect translations (for their improvement or elimination/ retranslation) to be of utmost importance.

Negative correlation between indirect translation and the problem of rendering the author's idiosyncrasy prevails. In comparison to direct translation, mediated (indirect) translation is more prone to distort the author's idiosyncrasy and the individual outlook as well as the literary work's aura. The indirect translation multiplies the deviations of the first (direct) translation far more often than compensates them.

Conclusion. The given paper emphasizes and defines the difficulties of the literary translation in terms of indirect translation, singles out the role, the causes and the implications of this phenomenon in context of intercultural relations

between Ukraine and other countries. And bringing to a focus the issue of indirect translation as a common practice to translate the Ukrainian literature is of utmost significance. For it can galvanize attention of those not indifferent (and proactive) to the development dynamics of the intercultural relations between Ukraine and other countries as well as offer them a clue to the enhancement of that dynamics (by detecting and improving the already existing indirect translations of the Ukrainian literature, preventing indirect translation of the Ukrainian literature etc.). Highlighting the phenomenon of indirect translation can also be of service to the Ukrainian translators, inducing them to popularize the masterpieces of the Ukrainian literature by contributing to its “correct” representation (in direct translations only!) in the foreign literary markets.

References

1. Bellos David. *Is that a Fish in your Ear? The Amazing Adventure of Translation*/ David Bellos. – London: Penguin Books Ltd, 2012. – 390 p. – ISBN 978-0-241-95430-0;
2. Dollerup C. “Relay” and “Support” translations / C. Dollerup. – 2008. – P.1-9. – Mode of access: <http://www.cay-dollerup.dk>;
3. Lefevere A. *Translating literature: practice and theory in a comparative literature context* / Andre Lefevere. – New York: The Modern Language Association of America, – 1994. – 162p. – ISBN 0-87352-394-6;
4. Pieta H., Rosa A.A. *Indirect translation: state-of-the-art and future research avenues*/ H. Pieta, A.A. Rosa. – 2012. – Mode of access: <http://www.fb06.uni-mainz.de/est/51.php>;
5. Recommendation on the Legal Protection of Translators and Translations and the Practical Means to improve the Status of Translators – Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.phpURL_ID=13089&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html;
6. Ringmar Martin. *Relay translation* / Martin Ringmar // *Handbook of translation studies*; [edited by Yves Gambier, Luc van Doorslaer]. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. – V.3. – P.141-144. – ISBN 9789027203335 (Hb), ISBN 9789027273062 (Eb);
7. Ringmar M. “Roundabout Routes”: some remarks on indirect translations/ M. Ringmar. – Leuven: Katholieke Universiteit, 2006. – P.1-14;
8. Spirk J. *Censorship, Indirect translations and Non-translation: The (Fateful) Adventures of Czech Literature in 20th-century Portugal* / J. Spirk. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 190 p. – ISBN (10): 1-4438-6330-0.
9. Багрянний І. Тигролови. / Вид. 3-тє, без змін. – К.: Національний книжковий проєкт, – 2011. – 248с.;
10. Bahriany I. *The Hunted and the Hunters.*/ tr. by George S.N. Luckyi / Ivan Bahriany – Toronto: Burns&MacEACHERN, – 1954. – 270p.;
11. Bahriany I. *Das Gesetz der Taiga/Deutsche Bearbeitung von Dr. Margreth von Kees/3 Auflage* / Ivan Bahriany. –K In Graz: Verlag Styria, – 1963. –255S.
12. Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах./ Том 14. Повісті та оповідання (1875-1878). – К.: Наукова думка, – 1978. – 476 с.;

13. Франко И. Удав. (Boa Constrictor). Повесть. [Пер. А. Дейча. Послесл. Г.Недилько]. – Симферополь: Крымиздат, – 1956. – 87 с.;

14. Franko I. Boa Constrictor and other stories. (Translated from the Russian by Fainna Solasko). – Moscow: Foreign languages publishing house, – 1957. – 294 p.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/ НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аврамов Георгий Георгиевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии
Южный федеральный университет, Россия

ISSUES OF THE LINGUISTIC STATUS OF THE CATEGORY OF (BOUNDEDNESS/UNBOUNDEDNESS) IN MODERN FRENCH LANGUAGE

Avramov G. G. PhD (Philology), Senior Lecturer of Roman Philology, Southern Federal University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье категория предельности/непредельности рассматривается как ядерный компонент аспектуальной семантики предложения.

ABSTRACT

The article treats the category of boundedness/unboundedness as the core component of aspectual semantics of a sentence in modern French language.

Ключевые слова: Функционально-семантическая категория аспектуальности, предельность/непредельность, видовая семантика

Key words: Functional-semantic category of aspect, boundedness/ unboundedness, aspectual semantics

В последнее время аспектология получила столь бурное развитие, что о ней можно говорить уже как об особой отрасли языкознания со своими специфическими принципами, методами и задачами. Можно говорить о том, что аспектология уже выработала свою аксиоматику, т.е. ряд основополагающих принципов, служащих отправной точкой при изучении категории вида и смежных или сходных с видом явлений в различных языках. Так, признается, что « ФСК аспектуальности является универсальной, несмотря на то, что не все языки имеют грамматически оформленную категорию вида. Однако в содержательной стороне всех языков «некоторая зона смыслов», каким-либо способом выраженная и соответствующая тому, что в славянских языках выражается с помощью видовых форм и способов действия [1, 79].

Судя по тому, что в языке, действительно, «наряду с необходимостью с необходимостью отражать временные границы действия существует необходимость передачи пространственно-временной характеристики действия и состояния [2, 15], категория вида справедливо относится к числу понятийных категорий, «данных в сознании являющихся результатом опыта» [3, 13]. В аспектологии соотношение между ФСК аспектуальности как категорией высказывания и видом как категорией грамматической интерпретируется следующим образом: они соотносительны в плане содержания (так как обе выражают видовую семантику), но резко противопоставляются в плане выражения: вид выражает эту семантику посредством парадигматически противопоставленных форм одного глагола, аспектуальность же объединяет все средства выражения видовой семантики - лексические, морфологические, синтаксические (в том числе и средства выражения вида как грамматической категории - в "видовых" языках»). Таким образом, в современном языкознании видовая семантика

рассматривается как универсальная понятийно-языковая категория, присутствующая в любом языке и имеющая своя лексические, грамматические и семантические средства выражения, по-разному комбинирующиеся в различных языках.

Существует, по крайней мере, две точки зрения на семантику вида. Одна из них восходит к акад. В.В.Виноградову, который считал основным значением вида значение наличия/отсутствия внутреннего предела действия [4, 497]. Эта точка зрения принята сейчас большинством отечественных лингвистов. Согласно второй точке зрения [5; 6], семантика вида состоит в наличии/отсутствии признака неделимой целостности действия.

В данной работе принимается трактовка семантики вида, выдвинутая Ю.С.Степановым: «Вид есть грамматическая категория, семантика которой состоит в полагании или снятии понятия внутреннего предела действия, т.е. семантика вида свободно оппозитивна; форма вида в соответствии с семантикой также всегда свободно оппозитивна: она заключается в противопоставлении, по крайней мере, двух выражений для одного объективного действия" [7, 413].

Такое определение семантики вида позволяет говорить о ней как о семантике сигнификативной, ориентированной не на обозначение предмета действительности (денотата), а на обозначение понятия (сигнификата). Другими словами, вид не предполагает появление предела или его исчезновение в объективной действительности, в обозначаемом процессе, в денотате.

Постулируя свободно-оппозитивный и сигнификативный характер семантики вида как грамматической категории, мы опираемся на положение, выдвинутое многими славистами еще в начале XX в. (Э.Герман, Г.Якобзон, Э.Кошмидер и др. [8]) и развиваемое в последнее время

Ю.С.Степановым: «Виды, собственно, появляются тогда, когда говорящий получает от системы языка возможность представить любое действие либо как ограниченное предельно, либо как неограниченное и, следовательно, получает свободу субъективно характеризовать объективное действие. Таким образом, вид заключается в возможности двойного изображения одного и того же действия в зависимости от точки зрения говорящего, субъекта речи на объективную ситуацию» [9, 137]. Эту возможность Ю.С. Степанов иллюстрирует русскими парами типа "убить - убивать", подчеркивая при этом, что свобода выбора определяется в минимальном по длине и минимально обусловленном контексте [там же, 141].

Аспектуальность как функционально-семантическая категория высказывания характеризуется своей определенной внутренней структурой, проявляющейся прежде всего в соотношении ее ядерных и периферийных элементов. В русском и других славянских языках с их высоко развитой системой видовых противопоставлений проблема выделения ядра (центра) ФСК аспектуальности решается однозначно: грамматическая категория вида и является в славянских языках ядром ФСК аспектуальности. Во французском языке ни оппозиция простые/сложные времена, ни оппозиция линейные/точечные времена не могут быть признаны чисто видовыми. Несомненно, что временные формы глагола влияют на аспектуальную характеристику действий, но формируют они аспектуальные значения не сами по себе, а во взаимодействии с другими средствами аспектологического контекста. Французская глагольная система не дает возможности субъективно характеризовать одно и то же объективное действие либо как ограниченное, либо как неограниченное внутренним предельно «в минимальном по длине и минимально обусловленном контексте». Во французском языке лексема *tuer* может означать и "убить" и "убивать", а выбор того или иного (видового) значения определяется в широком контексте, т.е. в самом высказывании. По-видимому, справедливо высказывание Р.Ружички о том, что «глагольный вид представляет собой не что-то не выражаемое и этим языкам чуждое, а пример своеобразного оформления лингвистического знака и означаемого, осмысляемого только в границах высказывания и контекста» [10, 11]. Итак, отсутствие во французском языке парадигматически противопоставленных форм одного глагола для выражения видовой семантики позволяет говорить об отсутствии в нем категории вида как категории грамматической.

Отсутствие во французском языке грамматической категории, вида выдвигает на первый план проблему ядра (центра) ФСК аспектуальности. Основываясь на положении о том, что если ФСК в данном языке не опирается на морфологическую категорию, занимающую центральное положение по отношению к иным компонентам поля, то роль ядра могут играть другие языковые средства [11 10], исследователи французской аспектологии в качестве ядра ФСК аспектуальности рассматривают категорию предельности/непредельности. При этом данная категория интерпретируется большинством ученых как лексико-семантическая, выражающаяся в оппозиции предельных/непредельных по своей лексической семантике глаголь-

ных основ. В основе такого понимания данной категории лежит определение А.В.Бондарко, который определяет предельность как предполагаемый самой природой действия внутренний предел, которого достигает действие, а непредельность - как предполагаемое самой природой действия отсутствие у него какого-либо предела [12, 203; 13, 21].

Однако, опираясь только на лексическую семантику глагольного слова, чрезвычайно трудно, если не невозможно, определить однозначно глагол как предельный или непредельный. Во-первых, в этом случае предельные/непредельные глаголы задаются списками и представляют собой открытые лексические ряды, что исключает возможность исчисления всех глагольных лексем данного языка, и всегда остаются глаголы, не охваченные данной классификацией. Во-вторых, большинство исследователей говорят о предельности/непредельности глаголов действия, и в этом случае вне сферы аспектуальной характеристики остается обширный пласт глагольной лексики, выражающей недействие. Однозначному определению предельности/непредельности глагольной лексемы препятствует функционирование глаголов (как единиц языка) в речи. Анализ фактического языкового материала показывает, что почти каждая глагольная лексема в составе одних высказываний может интерпретироваться как предельная, в составе же других высказываний - как непредельная. Так, например, глаголы *construire*, *lire*, *écrire*, которые во всех лексических классификациях рассматриваются как предельные, и которые, действительно, выражают предельность в высказываниях типа *Pierre construit une maison*; *Pierre lit un roman intéressant*; *Pierre écrit une lettre à sa mère*; функционируют и в высказываниях типа: *Pierre construit des maisons*; *Pierre lit beaucoup*; *Pierre écrit mal*, в которых они выражают непредельность. Все это свидетельствует о том, что предельность/непредельность зависит не только и не столько от лексической семантики глагольного слова, сколько от функционирования глагола в предложении, в зависимости от его окружения в высказывании. Несомненно, что предельность/непредельность в своих истоках связана с лексической семантикой глагольного слова, однако действительная специфика этой категории полностью и всесторонне проявляется только на уровне семантики синтаксической.

Указывая на недостаточность и противоречивость чисто лексического подхода к категории предельность/непредельность, А.А.Холодович рассматривает предельные глаголы как отображение процессов с одной степенью свободы, т.е. таких, которые завершаются переходом в какое-нибудь вполне определенное состояние. Так, единственным состоянием, возникающим по завершении, например, такого процесса, как "надевать пальто" может быть только состояние "быть в пальто". Непредельные глаголы, соответственно, интерпретируются как отражение процессов с несколькими степенями свободы, т.е. когда окончание данного процесса не имплицитно подразумевает перехода в какое-либо состояние. Например, процесс ходить по комнате может окончиться любым другим процессом или состоянием, в котором способен, по логике вещей, находиться субъект данного процесса. Ср.: Он ходил, ходил по комнате и, нако-

нец, сел / Он ходил, ходил по комнате и, наконец, покинул ее" и т.п. [14, 138-139]. Следует отметить, что под понятием "процесс" А.А.Холодович понимает любой предикативный признак /как действие, так и недействие/, за исключением состояния. Ср.: «Упрощая реальное положение дел, будем считать, что глаголы называют только процессы и состояния» [там же]. Таким образом, у А.А.Холодовича явно просматривается семантико-синтаксическая направленность анализа категории предельности, поскольку характеризуются уже не глагольные лексемы "надевать" и "ходить", а глагольно-именные синтагмы надевать пальто и ходить по комнате, предельность/непредельность которых проявляется уже только в высказываниях с данными синтагмами.

С другой стороны, А.А.Холодович указывает, что предельность/непредельность процесса, проявляясь на уровне высказывания, по-разному соотносится с понятием законченности. Законченность предельного процесса предполагает вполне определенное состояние, с которым процесс находится в строгих хроно-логических причинно-следственных отношениях, ср.:

(а) А повесил В —> (б) В повешен, В висит,

где (а) пресуппонирует (б), а (б) является хронологическим следствием (а). Законченность же непредельного процесса не предполагает с необходимостью никакого определенного состояния. Если же даже в конкретном высказывании и следует какой-либо процесс, например, "Он ходил, ходил по комнате и, наконец, сел", то этот процесс связан с непредельным исходным отношением простой временной последовательности, но никак не хронологическими причинно-следственными отношениями.

Из этого следует, что у предельности и непредельности различается сам лингвистический статус законченности, поскольку законченность предельного процесса является его внутренней исчерпанностью, законченность непредельного процесса является его простой прекращенностью в произвольный момент времени по причинам, внешнеположным по отношению к самому процессу. Прекращенность действия не означает его исчерпанности, преодоленности внешнего или внутреннего предела. Прекращенность и предельность действия - это понятия разных уровней: прекращенность относится к темпоральности, предельность -аспектуальности [15, 32].

Следовательно, критерием при определении предельности/непредельности процесса является их различный характер соотносительности с понятием законченности и связан с наличием/отсутствием в ситуации результативного состояния как хронологического следствия его законченности.

Но состояние не может проявляться само по себе или для себя, оно всегда является-состоянием чего-либо, какой-либо субстанции. Поэтому А.А.Холодович связывает предельность с результативным состоянием субстанций (субъекта и/или объекта), участвующих в исходном предельном процессе. Таким образом, у А.А.Холодовича происходит переориентация перспективы анализа с глагола на его окружение, на субстанции, участвующие в выражаемом глаголом процессе. Предел процесса находится не в нем самом, определяется не его "внутренней природой", а проявляется вне его - в связанных с ним субстанциях и

определяется наличием в денотативной ситуации субстанции - носителя результативного состояния как хронологического следствия законченности исходного процесса. При этом А.А.Холодович отмечает, что предельный процесс, связывающий несколько субстанций, может в принципе предполагать столько результативных состояний, сколько предметов участвует в ситуации. Однако от этого процесс не перестает быть предельным, поскольку для каждого участника ситуации предполагается только одно, вполне определенное состояние, т.е. это предельный процесс с одной степенью свободы по отношению к данному участнику этого процесса, ср. [14, 154-155], ср.:

состояние субъекта (только одно):

'держат в'
'класть в'

состояние объекта (только одно):

'лежат в'

Из вышесказанного следует, что семантика предельности по своему онтологическому статусу является семантикой денотативной, ориентированной на обнаружение предела в субстанциях, участвующих в процессе. В этом плане предельность принципиально отличается от семантики вида как семантики сигнификативной, направленной на обозначение понятия о пределе. Из денотативного характера семантики предельности вытекает и ее лингвистический статус категории как категории семантико-синтаксической, проявляющейся только в семантико-синтаксической организации предложения.

Итак, семантический анализ категории предельности/непредельности в современном французском языке показывает, что, являясь по своему онтологическому статусу денотативной, предельность/непредельность является семантической основой особого и мало изученного типа аспектуальности, которую можно назвать актантажной (или субстанциональной) сущностью которой проявляется в том, что характеристика процесса представлена через с у б с т а н ц и и, между которыми протекает глагольное действие. Объектом исследования в этом случае является пространственное измерение глагола, обслуживающее категорию "предела", в которой отображается преломление конечного и бесконечного в языке. На первое место выносятся изучение с у б с т а н ц и й, между которыми протекает глагольное действие, т.е. требует ли глагол особого выражения начальной и/или конечной субстанции, и как это отражается на характеристике самого процесса. Направленная на выявление предела в "отрезке" действительности, категория предельности/непредельности интерпретируется уже как наличие/отсутствие в ситуации субстанции, на которой замыкался бы процесс. В этом случае аспектуальную характеристику получает уже не процесс сам по себе, а вся ситуация в целом. Так, процесс "lire" может быть центром, по крайней мере, двух принципиально различных денотативных ситуаций - действия и характеристики, репрезентируемых, соответственно, предложениями:

(а) Pierre lit un livre и (б) Pierre lit beaucoup.

Но предельностью характеризуется вся ситуация (а), поскольку в ней присутствует субстанция un livre, на которой замыкается процесс и которая является носителем

результативного состояния как хронологического следствия исчерпанности процесса "lire", ср.: Le livre se lit. С другой стороны, неопределенностью характеризуется также вся ситуация (б), так как здесь "законченность" действия не предполагает никакого результативного состояния. Таким образом, нельзя не согласиться с Ш.Балли, который как-то заметил, что основные трудности и проблемы, возникающие при исследовании аспектуальности во французском языке, связаны с тем, что все исследователи искали и ищут вид в глаголе, и никто - в его окружении [15, 386].

Список литературы

1. Маслов Ю.С. Универсальные компоненты семантики в содержании категории совершенного/несовершенного вида / Ю.С. Маслов // Советское славяноведение 1973. №4. - С. 73-83.
2. Ярцева В.Н. Проблема универсалий и классификация языков / В.Н. Ярцева // Универсалии и типологические исследования. М., 1974. - С. 5-28.
3. Серебренников Б.А. Сводимость языков мира, учет специфика конкретного языка, предназначенность описания / Б.А. Серебренников // Принципы описания языков мира. М., 1976. - С. 7-52.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947. - 774 с.
5. Исаченко А.И. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология- II / А.И. Исаченко/ Братислава, 1960. - 557 с.

6. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Грамматические категории французского глагола / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова / М., 1972. - 152 с.
7. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность / Балто-славянская проблема I / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1976. Т. 35. №5. - С. 408-420.
8. Вопросы глагольного вида. М., 1962. - 383 с.
9. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность / Балто-славянская проблема II / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1977. Т. 36. № 2. - С. 135-152.
10. Ружичка Р. К вопросу о существовании особых принципов и методов описания грамматической структуры славянских языков / Р. Ружичка // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. - С. 8-12
11. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс / М., 1969. - 110 с.
12. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко / Л., 1976. - 255с.
13. Бондарко А.В. Семантика предела / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1976. № 2. - С.14- 25.
14. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович / Л., 1979.
15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли / М., 1955. 413 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОТЕРИ ПРИ ПРОЗАИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРА

Алхасова С.М.,

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», доктор филологических наук, отдел кабардино-черкесской литературы

ART IN LOSS PROSE TRANSLATION FOLKLORE

Alhasova SM, Federal State Budget Scientific Institution "Kabardino-Balkar Institute Humanitarian Studies", Doctor of Philology, Kabardino-Circassian literature department.

АННОТАЦИЯ

Казалось бы, нет ничего проще, чем использование для фольклорных текстов прозаического перевода, когда стихотворные строки передаются без рифмы и ложатся сплошным прозаическим текстом. Но этот способ перевода фольклора при всех своих положительных и привлекательных качествах сопряжен с большими проблемами и художественными потерями. При переводе необходимо глубокое проникновение в сущность, содержание и форму подлинника.

ABSTRACT

It would seem that there is nothing easier than to use a prose translation of folklore texts, verse lines when transmitted without rhyme and lay down a solid prose text. But this method of translation of folklore with all its positive and attractive qualities arise from the great challenges and artistic losses. When translating requires a deep insight into the nature, content and form of the original.

Ключевые слова: Фольклор, научный перевод, метод, эпос, оригинал, текст.

Key words: Folklore, Scientific translation, method, epic, original text.

Долгое время считалось, что перевод текстов устного народного творчества невозможен. Но время наложило свой отпечаток, мнение по этому вопросу существенно изменилось. Данный вопрос требует специальной теоретической и методологической разработки. К художественно- поэтическим текстам устного народного творчества издавна применялся прозаический перевод. Прозаический перевод имеет свою особую специфику и значитель-

но отличается от литературно-поэтического перевода фольклорных текстов. Имеются в виду не только переводные прозаические фольклорные тексты, но и тексты, переданные нерифмованными стихами.

Вопросами перевода народного эпоса, подбором и исследованием применимых к нему способов и методов занимались многие ученые-фольклористы, литературоведы, и даже писатели. В их числе В. Я. Пропп, В. М. Жирмун-

ский, М. И. Кудряшев, П. Н. Полевой, Н. П. Дыренкова, С. А. Козин, Б. Я. Владимирцов, Н. И. Кравцов, Ю. Тувим, А. И. Алиева, В. М. Гацак, Х. Г. Короглы и многие другие.

Разработкой способов перевода адыгского фольклора, в первую очередь нартского эпоса, о котором далее пойдет речь, занимались Е. В. Гиппиус, А. Т. Шортанов, З. П. Кардангушев, З. М. Налоев, М. А. Кумахов, З. Ю. Кумахова, А. М. Гутов и др.

Прозаические переводы текстов устного народного творчества имеют длительную историю. Впервые тезис о прозаическом переводе фольклорных текстов выдвинул В. М. Жирмунский на текстологическом совещании в Москве ещё в 1958 г.: «Мы выдвинули предложение о том, что для академических изданий хорошо было бы дать прозаический перевод, но не подстрочный, а литературно-художественный» [1, 62]. В качестве положительного примера прозаического литературного перевода Жирмунский приводит перевод Евсеевым карельских рун.

Понятно, что по переводным текстам, даже академическим, или научным, нельзя судить о лексике, аллитерации. Однако чтобы анализировать стилистику и метрику стиха какого-либо фольклорного произведения, первейшим условием является знание языка. Имеется в виду – знание обоих языков: оригинала и перевода. И, тем не менее, хочется подчеркнуть: невозможно исследование художественных особенностей текста только по переводу, каким бы он ни был. Здесь применимы, в первую очередь, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический анализы. Однако это не означает, что прозаические переводы фольклорных текстов должны «вытеснить», подменить стихотворные переводы. Нам хорошо известны переводы из эпоса Л. М. Пеньковского и С. Липкина в 60-70 гг. прошлого столетия: они сыграли свою общественную роль. Но для рассмотрения, анализа, исследования текстов устного народного творчества их категорически нельзя рассматривать. При анализе «фольклористического», научного перевода необходимо учитывать специфику народного творчества, историю культуры народа, особенности его художественного наследия [2, 196].

Переводы адыгского эпического памятника «Нарты» позволяют судить о ранних способах перевода. Эти переводы содержат в себе мифологические и исторические истоки. А это важно не только в познавательном плане истории и теории перевода, но и в плане изучения истории словесного искусства в его соотносительности с действительностью. Первые переводы нартского эпоса пролагали путь через развитие повествовательного искусства, то есть, прозаический перевод. Эти особенности приводят к выводу, что фольклор следует переводить совершенно иными способами или методами, чем художественную литературу. Ставится вопрос, какой перевод лучше взять: художественный или научный? Тут следует учесть особенности оригинала. Если текст позволяет переводить его художественным способом, то необходимо проанализировать ритмическую, художественную систему текста, его фабулу и т.д. на разных уровнях: эквиритмическом и неэквиритмическом. Тексты специально для пения – эквиритмические. У каждого уровня – свои особенности. Профессор В. М. Гацак делает попытку сочетать научность перевода с

ритмической организацией речи. Автор вводит впервые термин «фольклористический перевод».

Вот что пишет по этому поводу В. М. Гацак: «Мы берем эпос как художественный памятник, но в то же время не отождествляем его с письменной литературой. Следовательно, обе крайности для нас исключаются, не отвечая сути явления. Но исключаются лишь в определенных своих свойствах, препятствующих оптимальному фольклористическому решению проблемы» [3, 182].

На первый взгляд может показаться, что для перевода фольклорных текстов нет ничего проще, чем прозаический перевод, когда стихотворные строки передаются без рифмы и ложатся сплошным прозаическим текстом. Но этот способ перевода фольклора при всех своих положительных и привлекательных качествах связан с большими проблемами.

Впервые нами были выявлены пять способов устно-поэтического перевода кабардино-черкесского (адыгского) фольклора, сложившихся исторически.

Самые первые переводы – это переводы Ш. Ногмова, его «История адыгейского народа» [4, 48]. К первым переводам следует отнести и переводы Кази Атажукина [5]. Эти переводные тексты сделаны в 40-60 годы XIX столетия. Что касается переводов Шоры Ногмова, это, скорее, вольные, свободные переложения. Исторической особенностью того периода является то, что ни фольклор, ни перевод как таковой не были еще предметом всестороннего научного анализа. В отношении принципа перевода текстов Шоры Ногмова, то, как справедливо пишет А. Гутов: «В дореволюционных изданиях широко практиковался «двукратный» перевод: «Вначале под строкой оригинала пишется значение лексической единицы, затем отдельно за публикуемым текстом помещается смысловой литературно обработанный перевод» [6, 13].

Для примера приведем фрагмент, вернее, одну стихотворную строфу из песни «Гуртатская битва» Ш. Б. Ногма [7, 28-29]:

А Алежме я тегеліер гятапа-бжипакяра
А Алэжмэ я тегэлыер гатэпэ-бжыпэкІэрэ
Этих Аляжевых их подкольчужник сабли-пикі остриём

Бхадокутануа шакуташ. Калехер зикуте шухеме
Пхъэдокъутэнуэ щакъутащ. Къалэхэр зыкъутэ шухэмэ.

Щепам подобно они разбили. Крепость громящим всадникам.

Болатича фицер бгадизаш
БолэтычІэ фыцэр бгъэдыхъаш
Болет смуглый подъехал».

Вот как дается данная стихотворная строфа дается сплошным текстом при прозаическом переводе: «Своей сабли-пикі остриём подкольчужник Аляжева разрывает. Кизилбашей золотые шишаки адыги подобно щепам раскальвают. К громящим крепость всадникам – Болет смуглый подъехал». Художественные потери не так явственны в одной-двух коротких строфах, однако они имеются и здесь, и составляют полную противоположность литературно-поэтическому переводу.

Второй, исторически сложившийся принцип перевода

- это академический, филологический перевод, принятый изданием СМОМПК. Речь идет о тех переводах с адыгских языков, которые были опубликованы в сборнике «Материалы для описания местностей и племен Кавказа» в конце прошлого века.

Третий тип исторического перевода принят создателями академического фольклорного сборника 1936 г. Его создатели сделали попытку передать научную и художественную достоверность и художественную организацию фольклорных текстов.

Четвертый тип исторического перевода принят институтом Мировой литературы имени А. М. Горького в серии «Эпос народов СССР». При отказе от звуковой организации речи в поэтических текстах сделана попытка передать достоверность оригинала в его художественной организации. Примером такого способа перевода может служить издание адыгской версии многонационального эпического памятника.

И последний, пятый исторический тип перевода представлен в Антологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. В качестве примера может служить многотомное издание «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (М., 1980 г., 1981, 1987, 1991, 1993 гг.) под редакцией профессора Е. В. Гиппиуса. Впервые передана звуковая и ритмическая организация текста при отказе от художественно-композиционной структуры. То есть, здесь речь идет о передаче рифмованных текстов поэтическим и музыкально-поэтическим способом [8, 24-26].

Перечисленные типы перевода касаются только поэтических текстов. Перевод прозаических фольклорных текстов на другой язык до настоящего времени не представляется возможным.

Ссылки:

1. Жирмунский В.М. 1958. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького. На правах рукописи: 62-63.
2. Гацак В.М. 1977. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М., «Наука»: 196.
3. Гацак В.М. 1977. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М., «Наука»: 182.
4. Ногмов Ш. Б. 1994. История адыгейского народа. Нальчик, «Эльбрус».
5. «Нарты». 1974. Москва, ИМЛИ. Научно-литературный перевод осуществлен А.И.Алиевой: 9-16.
6. Гутов А.М. 1993. Поэтика и типология нартского эпоса. Москва, «Наука. Восточная литература»: 207(13).
7. Ногма Ш.Б. 1956. Филологические труды. Т. I. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов: 29-30.
8. Алхасова С.М. 2006. Проблемы художественного перевода в кабардинской литературе: Эволюция. Специфика. Контекст. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, КБИГИ: 24-26.

ETHNIC IDENTITY OF RUSSIAN GERMANS IN FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN MINORITY IN THE KIROV REGION)

Baykova Olga,

Vyatka State University

Doctor of Philology, Faculty of Linguistics,

Obukhova Olga,

Vyatka State University

PhD, Faculty of Linguistics,

Berezina Yulia,

Vyatka State University

PhD, Faculty of Linguistics,

Baykova Alexandra,

Vyatka State University

Master of Linguistics, Faculty of Linguistics

ABSTRACT

This paper also looks in more detail at identity in the local German community in the Kirov region. Topicality of the research on German ethnic minority in the Kirov region (Russia) is determined by the general linguistic, historical-linguistic and sociolinguistic value of insular dialectology connected with peculiarities of development and functioning of dialects in the situation when separate ethnolinguistic groups exist in isolation from the main ethnic community.

The materials of this article may be of use to those who are interested in the research on problems of German dialectology and speech perception.

Key words: Ethnic Germans, the language of the Russian Germans, distinctive identity markers.

Introduction

The German ethnic group formed in the Vyatka region in XX century as a result of several waves of migrations -

voluntary and forced ones. The first references to the Germans in the Vyatka province can be found in archival documents of XVII century where such names as Nemchinov, Nemchin

(originated from the word "nemets" meaning a German in Russian) are mentioned several times (in the garrisons of the towns Urzhum, Yaransk, Malmyzh) [1, 10-12; 2, 129-131].

The first stage was initiated by the manifestos of Catherine II in 1762 and 1763. When they came into force there began so called 'agricultural' immigration of Germans to Russia, namely, to Vyatka. The second stage was connected with the release of prisoners of war in the Vyatka Governorate, because during the Patriotic War of 1812 and the First World War thousands of prisoners of war from France, Saxony, Italy, Poland, Bavaria, Austria and Prussia were sent to Siberia via Vyatka. The third stage is associated with the deportation of Russian Germans from the Volga region, Ukraine, and Kazakhstan [2, 129-131; 3; 4, 96-100; 5, 154-157]. According to statistics, 1408 Russian Germans live in the Kirov region at present.

The topicality of this aim is chiefly determined by the fact that linguistic and social-political constituents of the languages and their dialect interaction beyond their main area are becoming now a real social problem.

The empiric base of the present research was formed on the materials of dialectological and ethnographic expeditions to 6 settlements of the Verchnekamskiy district in the Kirov region taken in the years of 1999-2012. The data of these expeditions formed the bank which includes records of 26 informants speaking at the total duration of 50 hours and questionnaires with sociolinguistic and historical-demographical information about each informant.

Theoretical Background of Study

To achieve the research objectives the following theoretical and experimental methods have been used: the analysis of the literature on the research, the social-differentiated analysis of the material under study, the statistical and comparative-and-contrast analysis while correlating the dialect systems under study with other dialect systems, the system of the Standard German language. Applying the given methods for analyzing the material allows to examine the phenomena occurred highly objectively and reliably.

Ethnic Identity of the Russian Germans in the Kirov Region

Beyond any doubt, identity is an interdisciplinary area of research, and its markers (subareas) have been discussed in special literature [6; 7]. The distinctive identity markers are: common territory, ethnical language, religion, everyday family culture, family set-up, folklore, crafts, behavior code, common historical experience, psychological makeup.

As to the first parameter, common territory, it has always been of minor importance with ethnic German settlers in Russia / USSR. Today, traditional "German language islands" are considerably stable in West Siberia, the Altai Region, Kazakhstan and the Volga Region (Saratov).

Ethnical language is unanimously considered to be most crucial within ethnical identity structure, being the means of reflecting a peculiar picture of the outer (and inner) world. The German community in Kirov region is linguistically heterogeneous. The linguistic competence ranges from non-speaking / reading to full-fledged skills. In the oldest age group the respondents speak "dialectally mixed" vernacular, with the traits of Swabian, South German and Low German dialects. The senior group members have mastered their mother tongue within the family, which is the easiest, most efficient and natural

way to learn a language. Middle age group (45 – 59 years) had different experience in learning German: from grandparents and elder relatives, at high school and university, through self-instruction. Few of them can speak Standard German, have writing skills, the rest of the group understand the text, know the most common oral clichés and can reproduce simple sayings.

On the whole, we witness a vivid example of language shift, a voluntary change from German to Russian, the language of the majority. Nevertheless, German is taught in special classes sponsored by Germany. Besides, some informants of the younger age groups, strongly motivated to master German, have achieved very good results.

Religion is regarded by ethnologists as a crucial consolidating factor. But for decades the Soviet authorities have persecuted religion. Nevertheless, childhood memories of Christian Easter, Christmas or Advent have become part of the celebrations, decoration and the cousin. The Kirov German community is unanimous in regarding Christmas and Easter the major religious occasions free from consumerism both in Russia and elsewhere. There also remains a common Protestant tradition to mark the coming Christmas with a special Advent Calendar, which is popular in the oldest age group. Religion everyday family culture (housekeeping, hygiene, food) has also preserved ethnic peculiarities. At the level of livelihood special dishes have become a sociocultural marker, e.g. Strudel, Schneeball Suppe, baked goose with Sauerkraut etc.

The family set up is also peculiar. 95% of the respondents are married. The marriages are mixed (94%), with two children as a rule, divorce is rare. Most respondents have graduated from universities or colleges, it is more typical of females (engineer, kindergarten teacher, high school teacher, doctor, economist). Categorization of children in mixed families is done on the consensus basis, e.g. with two children, one characterized as German the second as Russian.

German folklore is well-known to the respondents in the Kirov region, i.e. fairy tales and their characters, legends, proverbs, nursery rhymes, etc. Many sing in the choir, rehearsals are held on a weekly basis. Naturally, the traditional German melodic structure has been changed into unison singing, "open voice" technique and greater emotional charge, which is also Russian impact.

Crafts are not popular, but some respondents display high artistic skill as blacksmiths, or in carpentry. Some women used to be professional cooks, having introduced elements of German cuisine into the traditional Russian menu (fruit soup).

Behavior patterns code seems to be correlative with psychological makeup. Most typical are the eagerness to do the job perfectly, responsibility, sober and practical attitude to the problems and difficulties arising, a rational turn of mind alongside with compassion. Family history is cherished among all age groups, including the youngest. In some families written family history has been compiled.

Conclusion

Summing up, it was established that ethnicity is a category that changes with regard to time and situation. The ten parameters / markers of identity are dynamic, responding to objective factors. With regard to the ethnic Germans of Russia the factor of common historical experience is the most crucial

ethno-consolidating factor.

Our hypothesis on common historical experience as a formidable ethno-consolidating factor proved to be valid. The older generation cherish memories of hardships and injustice of deportation, and the way they managed to overcome hardships, which creates a consolidating emotional memory. In the younger age groups ethnicity is not concealed, kids and young people are proud of their German ancestors and eager to probe deeper into the family history.

References

1. Baykova, Olga. 2008. The current condition of the German dialects in the Kirov Region and the peculiarities of their vocalism system: monograph. Kirov: Vyatka State University of Humanities, 10–12
2. Baykova, Olga. 2012. On the Language situation as one of the determining factors of ethnic groups verbal behavior in a foreign language environment (by the example of Russian Germans in Kirov region), in: Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. 7. Titusville, Fl., L and L Publishing, USA, 129–131

3. Baykova, Olga. 2013. German island dialects in the Kirov Region – their functioning in the condition of language interaction, in: International scientific publications: Language, Individual & Society, 7 (1), Published by Info Invest Ltd www.sciencebg.net Bulgaria (EU), Published at: http://www.scientific-publications.net

4. Orekhova, Natalya & Obukhova, Olga. 2011. The language of the Russian Germans in Glazov: dialects and contamination forms, in: The study of German dialects in Russia: the history, present and future of the German island dialects study. Moscow, IDVK-press, 96–100

5. Orekhova, Natalya & Obukhova, Olga. 2012. Sociolinguistic peculiarities of speech behavior of ethnic Germans residing in Glazov. Germans in Russia: view from the regions: Russian scientific Conference with international participation. Kirov: VyatSHU Pbl., 154–157

6. Crystal, David. 1997. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press

7. Mead, Margareth. 1970. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap. Doubleday. N.Y.

НАРОДНАЯ ВЕРСИФИКАЦИЯ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПЕСЕН

Н. В. БОБРОВНИЦКАЯ,

аспирант отдела украинской
и зарубежной фольклористики
ИИФЭ им. М. Ф. Рильского НАН Украины
(г. Киев, Украина)

FOLK VERSIFICATION: GENRE FEATURES OF SOCIAL SONGS

N. V. BOBROVNYTSKA, postgraduate student of the Department of the Ukrainian and foreign folklore Institute of art studies, folklore and Ethnology named after Maxim Rylsky National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу специфики стихосложения наименее анализированных с точки зрения особенностей формы социально-бытовых песен. Проанализированы взгляды ученых-фольклористов (Ц. Неймана, Ф. Колессы, А. Иванушко) на эту проблему. Выяснено не только мотивы казацких, чумацких, рекрутских и солдатских, заработнических песен, но также общие и отличительные черты в их стихосложении. На основе анализа текстов песен этих жанров определено специфику их ритмики, рифмы, строфики, фоники.

ABSTRACT

The article focuses on the specifics of the versification of the least analyzed from the point of view of features of the shape social songs. Analyzes the views of scientists-folklorists (T. Neumann, F. Kolessa, A. Ivanitsky) on this issue. Clarified not only the motives of the Cossack, milky, recruit and soldier, sorabotnichestva songs, but also common features in their poetry. Based on the analysis of the lyrics of these genres defined the specifics of their rhythms, rhymes, strofika, fonik. Common features of these groups of songs have the features of rhyme, mostly female, although in recruit and soldier songs sometimes found in rhyming dactylic and masculine. External rhyme is often nominative-verbal and not always accurate, what type of characters to determine it is not always easy. At the level of strofik most common two-line stanza with the rhyme related, although sometimes repeating rows twice causes the three-line (two-line instead). Different rhythmic structure of the songs. Often in one song blends several sizes. In these genres are sizes 7, 8, 9 to 14-complex with different structures, but most often made the two-piece 7-letney and three-segment 14-tiletney that can be combined with others.

Ключевые слова: социально-бытовые (казацкие, чумацкие, рекрутские и солдатские, заработнические) песни, народное стихосложение, мотивы украинских социально-бытовых песен, особенности народной ритмики, рифмы, строфики, фоники.

Key words: socio-domestic songs, folk poetry motifs of Ukrainian social songs, especially rhythms, rhymes, strofika, fonik of folk poetry.

Среди лирической песенности как украинского, так и других славянских народов, есть отдельная группа, в которой основное место занимают не чувства влюбленных

или семейные проблемы, а общественные явления. Это – социально-бытовые (или общественно-бытовые) песни, в которых отразились чувства, размышления социальных

групп, вызванные событиями в жизни целого народа, характерными чертами сословного быта.

Актуальность. К исследованию особенностей социально-бытовых народных песен, их содержания, тематики, поэтики и стилистики обращались многие фольклористы. Одной из менее исследуемых проблем современной фольклористики, связанных с этими песнями, является познание особенностей их стихосложения. Ритмика этих песен частично изучена (в связи с музыкальными особенностями), мало уделялось внимания рифме, строфике, фонике.

Анализ исследований и публикаций. Вопросы народного стихосложения интересовали многих украинских и других славянских исследователей в XIX-XXI вв. Эту тему рассматривали в своих трудах украинские фольклористы А. Потебня, Ц. Нейман, П. Сокальский, И. Франко, П. Житецкий, Н. Сумцов, М. Возняк, Кл. Квитка, Ф. Колесса, М. Грушевский, А. Дей, С. Грица, А. Иваницкий, Н. Дмитренко, Л. Ефремова, литературоведы Г. Сидоренко, Н. Сулима, В. Ковалевский, И. Качуровский, Б. Бунчук, Н. Чамата. Российские ученые занимались различными аспектами темы народного стихосложения в определенный период: В. Тредиаковский, П. Голохвастов, А. Востоков, А. Кубарев, Ф. Корш, А. Веселовский, Н. Штокмар, Н. Гаспаров, В. Жирмунский.

Стоит подчеркнуть, что специальных исследований специфики стихосложения социально-бытовой лирики нет ни у одного из упомянутых исследователей. Их замечания относительно особенностей ритмики этого жанра песен излагаются лишь в связи с общими исследованиями особенностей народного стихосложения. Больше всего таких замечаний находим у Ц. Неймана, Ф. Колессы, А. Иваницкого. Вопрос особенностей рифмы, рифмовки строфики и фоники практически не затрагивался.

Цель. Определить, что общего в стихосложении казацких, чумацких, рекрутских и прочих социально-бытовых песен, а что отличает их друг от друга в аспекте выявления особенностей рифмы, строфики, фоники.

Изложение основного материала. Традиционные общественно-бытовые украинские песни это: казацкие, чумацкие, рекрутские, солдатские, наемнические, батрацкие, бурлацкие и их разновидности.

Количественно весомый и своеобразный раздел украинских народных песен – казацкие. Из всего массива казацких песен А. Иваницкий выделяет три подгруппы: с историческим подтекстом, но без точных исторических признаков; песни с изображением казацкого быта, именно они составляют ведущую часть этого раздела; лирические, которые условно причисляют к казацким, зачастую из-за упоминания слова «казак». Среди последних преобладают песни о любви [2, 159-160].

В песнях с историческим подтекстом освещена личная и общественная судьба казаков на фоне исторической ситуации, о которой можно более-менее определенно говорить из содержания текста. Древнейшие среди этих песен изображают картину разрушения татарами и турками Украины и борьбы казаков с их нашествиями.

Вторая подгруппа песен показывает нам своеобразие казачьего быта. Чаще всего изображается три основные этапа жизни степного рыцаря: отъезд из дома, казацкие

будни, гибель казака на поле боя. Прощание мужа, который становился на казацкий путь, с семьей часто изображает конфликт между семейными и общественными интересами. Однако, как правило, преобладают последние и казак избирает почетный путь защитника родного края. Широко изображены в песнях казацкие будни. Эта группа песен охватывает много жизненных подробностей, приключений и размышлений. Часто самым верным другом казака был конь, поэтому не удивительно, что во многих песнях он наделялся человеческими чертами: советчика, собеседника и друга.

Множество песен воспевают казацкую смерть. Чаще всего эти песни начинаются с изображения степи, или холма, на котором лежит убитый казак: рассказчик будто опаздывает на то событие, которое привело к смерти. Подтверждением этому могут быть и современные записи, в частности, песня «Ой на горі вогонь горить»:

Ой на горі вогонь горить, / 2 р.

Під горою козак лежить. / 2 р.

Закрив очі китайкою / 2 р.

Заслугою козацькою. / 2 р.

(Записано от Козырь Анны Емельяновны, 84 года, г. Житомир, 2015 г.)

Это песни-реквиемы, где оплакивается и превозносится судьба казака-рыцаря. Чаще всего за ним убивается мать, любимая девушка или жена, сердце которой предчувствует беду, или которой появляются определенные знаки будущей трагедии. Непрерывные войны делали смерть неизменной спутницей казацкой жизни. Тема смерти – одна из самых воспетых в этом разделе. К постоянным деталям образности относятся изображения степного пространства, одинокой могилы на горе или под ней, зеленой или темной дубравы, а также ворона, филина или степного орла. Однако самое важное место отводится коню. Это единственное живое существо в бескрайней степи, которую казак завещает свою последнюю волю.

В лирических песнях о любви, где встречается слово «казак», нет сословных признаков. На некоторые воздействия в интимной лирике обстоятельств казацкой жизни указать можно. Нередко двух влюбленных разлучало казацкое призвание. И девушке оставались тревожные надежды и воспоминания, которые она переливала, вышивая платки, рушники и сорочку (рубашку), надеясь на возвращение любимого.

Казацкие песни преимущественно составлены только двустрочными куплетами без припевов. А. Иваницкий предполагает, что простота строения вообще согласуется с народным пониманием лирико-эпического стиля, который присущ многим историческим казацким и чумацким песням. Такое объяснение подтверждается тем, что появление различного рода припевных элементов особенно показательно для шуточных, сатирических, танцевальных песен. Исследователь считает разнообразие припевания элементом «облегченного» стиля в фольклоре (один из атрибутов категории комического), а их отсутствие наоборот показательно для «высокого» стиля (возвышенное, драматическое, героическое, трагическое) [2, 162].

Песенные строки имеют складочисленное строение (строфы заключаются по изометрическому принципу, то

есть соблюдается одинаковое количество слогов в строках), что и свидетельствует о «стремлении к высокой простоте формы» [2, 162]. В основном употребляются 2- и 3-сегментные (изредка 4-сегментные) песенные строки. Например, в песне «Ой сів козак їсти, ідуть к йому вісти» стих песни составлен двумя размерами: первый полустих каждого стиха правильным 12-тисложником строения (6+6), соответственно второй полустих каждого стиха 14-тисложником (4+4+6):

Ой сів козак їсти, / ідуть к йому вісти:
 Кидай, козак, / вечеряти, / час на коня сісти!
 Козак покидає, / на коня сідає,
 Мати його / рідненькая / з жалю умліває. [7, 19].

То же в песне «Ой на горі ячмінь, а в долині жито». Песни же «Не жур мене, моя мати», «Ой спав пугач на могилі» составлены одним 3-сегментным 14-сложником размера (4+4+6).

3-сегментные формы, как считает А. Иваницкий, имеют своим источником размер (4+4+6). Такие размеры, как (6+6+7), (4+6+6) подобное возникают на основании амплификации (расширения путем добавления слогов) размера (4+4+6). Например, (5+4+6):

Та не жур мене, / моя мати, // бо я сам журюся
 образуется через добавление вначале частицы «та» [2, 162].

Такая амплификация, по мнению музыковеда, незначительна. Потому что в некоторых песнях она может достигать очень существенных для склада напева изменений. Так, например, основополагающий размер (4+4+6) может быть распет до 4-сегментного типа (4+4+4+4), (5+4+4+4) и тому подобное, их немного, и иногда цезура между третьей и четвертой складочисельными группами недостаточно рельефная [2, 162].

Для соблюдения размера часто употреблены междометия «ой» («ой як вийду за ворота», «ой спав пугач на могилі»), уменьшительно-ласкательная лексика (козаченькам, Хмельниченька, коника, голубонька, соколونько), полные нестянутые формы прилагательных (козацькеє, вороніі, золотіі и др).

В исследованиях ученых, которые обращались к проблеме ритмики и строфики общественно-бытовой лирики, зачастую отсутствует любая информация относительно особенностей их рифмы, рифмовки и фоники. Анализируя эти песни, мы делали акцент и на этих проявлениях формы.

Что касается рифмы, то в казацких песнях она чаще всего двухсоставная, женская, открытая, глагольная или именительно-глагольная, точная, появляются и внутренние рифмы (в примере выделены курсивом), которые часто возникают за счет повторения одинаковых или однокоренных слов, рифмовка смежная (ааббввгг), как вот в песне «Ой на горі ячмінь, а в долині жито»:

... Ой убито, вбито, / затягнуто в жито,	а
Червоною китаюкою / рученьки прикрито.	а
Прилетіла пава, /на рученьки впала:	б
Такі очі, такі й брови, / як у мого пана.	б
Прилетіла птиця – / мальовані крильця:	в
Такі очі, такі й брови, / як у мого Гриця...	в [7, 77].

Среди фонологических особенностей казацких песен

чаще всего выделяются ассонансы «а» – «о», «ы».

Следующий анализируемый жанр – чумацкие песни. Чумаками называли людей, занимавшихся торгово-производческим промыслом. Чумацкие песни по аналогии с казацкими можем поделить на две подгруппы. Первая – преимущественно мужские песни, сочиненные самими чумаками во время долговременных путешествий, их можно назвать истинно чумацкими.

Ф. Колесса, проанализировав сборник И. Рудченко «Чумацькі народні пісні» (1874 г.), выделил следующие основные мотивы сугубо чумацких песен: по приказу атамана валка собирается уезжать; женщина старается вернуть чумака с дороги; постой чумаков, пожар в степи; чумаки отбиваются от разбойников; нападение татар, битва, большие потери; зима захватывает в дороге чумаков, они бедствуют без продовольствия и корма для волов; чумаки на базаре с дорогим товаром; чумаки гуляют и пропивают все свое добро [4, 95].

Несколько меньшей, но также достаточно полно представленной в чумацкой песенности есть вторая подгруппа, связанная с лирикой любви, отношениями между супругами, иногда юмористического содержания (как правило, объектом шутки является чумаки и чумацкая жизнь). Эти темы отражены в песнях, составленных, скорее всего, не самими чумаками, а их окружением. Среди них много женских песен. Это не сугубо чумацкие песни.

Одним из немногих исследователей, которые рассматривали ритмические особенности чумацких песен в связи с их содержанием и тематикой, А. Иваницкий в учебнике «Украинской музыкальный фольклор» посвятил этой проблеме отдельный раздел. Ученый выделяет основные размеры, которыми сложены чумацкие песни, согласно их мотивам, чем напоминает подход А. Потебни к анализу колядок, щедривок и веснянок в монографии «Объяснение малорусских и сродных народных песен» (1883; 1887). Прямая связь ряда складочисельных форм с тематикой является одной из особенностей чумацких песен. В других жанрах лирики музыковед находит такую взаимосвязь значительно реже [2, 169].

Первым размером, который рассматривает ученый, является 10-сложное стихотворение строения (6+4), которое встречается с аллегорическим поэтическим мотивом, имеет часто применяемый зачин: «Їхали чумаки з України». Содержание этих песен такое: соловей (или ремез) вывел птенцов вблизи дороги, и они гибнут от пожара, который возник из-за чумаков.

Распространенными являются варианты аллегорической по содержанию песни «Ой горе тій чайці» (которых известно более двухсот). А. Иваницкий утверждает, что они в основном имеют гетерометрическую строфу (6+6) + (4+4+6). В песне рассказывается, как чумаки разорили гнездо чайки, которое она опрометчиво построила возле дороги. Содержание этих вариантных групп ассоциируется с человеческой судьбой, даже с исторической судьбой целого украинского народа, который страдал от агрессии воинственных соседей в течение ряда веков [2, 168].

Следует заметить, что размер этой песни можно рассматривать и с точки зрения стоп, что было сделано еще Ц. Нейманом в статье «Куплетные формы народной юж-

но-русской песни» (опубликованной в журнале «Киевская старина» 1883 г.). Ученый считал ее песней нового склада со смешанным ритмом как таковую, что имеет амфибра- хический лад с хорейной первой частью второго стиха:

___/___ // ___ / ___
 ___/___ / ___ // ___/___

Ой горе тій чайці, // горе тій небозі,
 Що вивела чаєняток // при битій дорозі.

(Лисенко, III, чумацька, 8).

Эта песня не выдерживает постоянно этого куплета, в дальнейшем тексте она переходит в куплет [(8+6)+(8+6)], в виду чего сделано предположение, что куплет [(6+6)+(8+6)] есть сокращенная форма весьма родственного ему предыдущего куплета [6, 631].

Следующим размером (4+3) составлено большую группу вариантов, где наиболее типичный запев «Ой чумаче, чумаче, життя твоє ледаче»: в них преимущественно говорится о гибели чумака. Однако, даже в песнях с таким строением, по нашим собственным наблюдениям, кое-где некоторые строфы имеют другое строение, как в песне «Ой з-за Дону з-за ріки» стих песни составлен 7-мисложником, хотя два полустиха 4 и 5 имеют 14 и 8-мисложники в своем строении:

Ой з-за Дону з-за ріки	4+3	
Виходили чумаки –	4+3	
Чорноморські козаки.	4+3	
Не доходя Чорного яру, становилися,	4+5+5	
Сірих волів розпрягали,	4+4	
Без опаски спать лягли.	4+3	[7, 104].

Для песен юмористического содержания, в которых чумак изображен легкомысленным гулякой («Гуляв чумак на риночку»), особенно характерным является 8-составной размер строения (4+4). Вероятнее всего, что они составлены не в чумацкой среде. Чумак является неким обобщенным персонажем, как «дед», «баба», «казак», «кум» или «кума» в большинстве шуточных и танцевальных песен, в которых стоят и песни о чумаче.

А. Иваницкий отмечает, что значительное распространение получили в чумацких песнях амплифицированные размеры, как и в казачьих песнях. Для всех них основанием служит та же модель (4+4+6), где каждая из групп может быть расширена на 1-3 слога. Амплифицированные размеры составляют основу чумацких песен: про тяжелое вынужденное зимование («Ой косить хазяїн на сіножаті»), о болезни и смерти чумака в дороге, о неожиданных поворотах чумацкой судьбы (разорении хозяйства, нападении грабителей) и другие [2, 169].

Такие растянутые, распевные размеры, видимо, не случайны, потому и исполнялись эти песни преимущественно протяжно, что вызывает определенные ассоциации с медленным движением чумацкой валки на бесконечной дороге в широкой степи.

Чумацкие песни в основном имеют двухсоставную, женскую (хотя иногда случается и односложная, мужская) рифму, открытую, именительно-глагольную, не всегда точную; выделяется также внутренняя рифма начал полустихов (выделено курсивом), например:

Здумали / чумаки в дорогу:
 Покупили собі / вози нові,

Поробили / ярма кленові,
 Поробили / запони дубові,
 Покупили / воли половіі... [7, 81].

По нашим наблюдениям, в чумацких песнях преимущественно двухстрочное строение. Случаются, однако, трехстрочные строфы, которые возникают за счет повторения одной строки дважды. Рифмовка смежная или перекрестная, иногда тройная.

На фонологическом уровне можно выделить ассонансы «а», «о», «у», «ы» – «и», а также очень часто аллитерации шипящих и свистящих звуков «ж-ч-ш-с».

Песни о рекрутчине и солдатчине начали составлять в XVIII в., когда Австрия и Россия начали вводить обязательную военную службу, чуждую интересам украинского народа. В этих песнях отражается два периода жизни – рекрутский и солдатский. Основные мотивы песен о рекрутчине: слезы матерей, родных, не раз молодой жены с детишками, отчаяние новобранцев, которых везут в чужую сторону, откуда разве только птичкой можно было передать весть в семью. Рекрутские песни пронизаны настроениями отчаяния и горя. Складывались и пелись рекрутские песни преимущественно женщинами.

Значительно шире тематика солдатских песен. А. Иваницкий выделяет две разнородные группы: 1) песни, в которых изображен солдатский быт (тяжелая бесправная жизнь, походы, война, увечье, смерть солдата, досуг и ухаживания за девушками, возвращение из армии домой). Значительная часть таких песен создана самими солдатами; 2) песни, в содержании которых солдатская жизнь непосредственно не отражена. Но эти песни вошли в быт воинов, пелись ими на досуге, а также во время походов и муштры [2, 176].

Содержание рекрутских и солдатских песен укладывается в очень широкий круг ритмических форм. Здесь насчитывается более двадцати складочисельных размеров. По нашим наблюдениям, чаще всего среди них встречаются 8-мислоговые со строением (4+4), 12-слоговые строения (6+6) и 14-слоговые (4+4+6). Встречается некоторое количество амплифицированных размеров, а также 7-слоговой размер строения (4+3).

Как утверждает А. Иваницкий, амплифицированные размеры составляют существенную примету чумацкой песенности, а в рекрутско-солдатских они ничем не выделяются, в общей сложности их здесь немного.

Наоборот, в рекрутско-солдатских песнях особенно распространенные размеры (6+6), (4+4), частично (4+3) и единственный широко применяемый трисегментный размер (4+4+6) [2, 179]. Действительно, этот последний используется и в песнях, которые сохранились до сих пор, подтверждением является запись песни «Ой на горі три дубочки», сделанный нами недавно:

Ой на горі три дубочки –	4+4
Всі три зелененькі,	6
Пийте хлопці горілочку,	4+4
Поки молоденькі.	6
Пийте хлопці горілочку,	4+4
Завтра не будете.	6
Прийде карта до волання,	4+4
До війська підете.	6

(Записано от Козырь Анны Емельяновны, 84 года, г. Житомир, 2015 г.)

Общей чертой всех этих размеров являются четкость и лаконизм. Такие размеры как бы подчеркивают движение солдатских колонн, удаль, определенную барабанную браваду, но не редко за всем этим скрывается глубокая тоска.

Часто в рекрутских и солдатских песнях наблюдается и сочетание нескольких размеров, например, 8-ми, 9-ти и 10-сложник в песне «Щось на мене люди ворогують», 12 - и 14-слоговые строения (6+6)+(4+4+6) в песне «Ой крикнули орли, з-за моря летючи» и другие.

Очень часто в припеве (роль которого может выполнять вторая строка стиха, которая повторяется) появляются различные неполнозначные слова – междометия (гей, ги, ей, уха-ха и т. д.), командные выражения (раз, два), припевки (ей да люлі, раз-два-люле) и подобные, которые влияют как на размер песенного стиха, так и подчеркивают принадлежность песни именно этой группы.

Строфическим особенностям рекрутско-солдатских песен присущи 2-вух и 3-строчные формы, образующие различные комбинации. Если двухстрочные строфы, то тип рифмовки чаще всего – смежный. Когда 14-слоговой стих песен записывается как четырехстрочный, тогда может быть перекрестный.

Рифма в этих песнях чаще всего двухсоставная, женская, открытая, глагольная, именная или сочетаются эти две, точная, встречается также внутренняя рифма, как вот в песне «Щось на мене люди ворогують» (обозначена курсивом):

Щось на мене люди ворогують,
Кайданочки та й готують,
Кайданочки та й на ніжки,
Дрібне путо та й на руки.
Та, либонь, мені тут не бути,
Либонь, мені іти в некрути... [7, 161].

На фонологическом уровне подавляющему большинству этой группы песен свойственны ассонансы «а», «о», «у» реже «ы» – «и» аллитерация «р», которая словно подчеркивает бой барабанов и четкость движения солдат.

В течение XVII-XVIII вв. в Украине были распространены такие формы заработка: бурлачество (заработок вдали от родных мест), наем на сельскохозяйственные, грузовые, строительные работы.

В бурлацких песнях изображен тяжелый труд, странствия в поисках лучшей жизни, конфликты с богачами («Ой наступила та чорна хмара, став дощ накрапати»), жизнь на чужбине. Наёмные («наймитські») песни отображают службу в помещиков и сельских богачей, труд в поле и хозяйстве. Строкарские песни рассказывают о пребывании в отработке определенный, заранее оговоренный срок – (отсюда «строкарські»). Обнищавшие семьи отдавали детей в срок или нанимались сами взрослые («Ой матінко-зірко, як у строку гірко»). В этой подгруппе отдельно стоят батрацкие песни о судьбе сирот-батраков, наиболее бесправного слоя сельской бедноты («Налетіли журавлі»). Заметную часть составляют эмигрантские песни – о заработках в других странах и судьбу трудовой эмиграции.

Значительно большим разнообразием, чем в чумацких песнях, отмечаются складочисельные размеры батраче-

ского фольклора. Объяснить это можно тем, что чумаки локализовались в центральных областях, а заработки охватывают всю Украину и даже чужие земли. Именно поэтому в них интегрировались российские, белорусские и западноевропейские элементы.

В песнях этого жанра используется очень широкий спектр складочисельных форм: от 7-ми до 17-сложников различного строения. Наиболее распространенными среди них являются двосегментные (4+3), (4+4), (5+4), (6+6); трисегментные (4+4+4), (4+4+5), (4+4+6), (6+6+5); гетерометрические (6+6) + (4+4+6), (5+5) + (4+4+6) др.

Ц. Нейман определял и среди бурлацких песни с «новым слогом» (стопным – Н. Б.). Как пример он приводит песню из сборника Н. Лысенко «Та щоб моє тіло // бурлацьке біле // та й не чорніло, Од ясного сонця, // од буйного вітру // та й не марніло» (II, 15) с куплетом [(6+6+5)+(6+6+5)], ритм которой, по мнению ученого, чистый хорейный и разнообразится амфибрахией в третьей части [6, 632].

В строфике батрацкого фольклора выделяют двухстрочные, реже – трехстрочные построения. Рифмовки этой группы песен преимущественно смежные. Если же строфы трехсложного размера разбиты на четыре строки, то рифмовка кое-где может быть перекрестной типа абаб, как в наемнической песне «Ой зацвіла калинонька»:

Ой зацвіла / калинонька а 4+4
Нижче перелазу; б 6
Було ж добре / наймиточку а 4+4
В хазяїна зразу. б 6 [7, 262].

Рифма этой группы песен преимущественно двухсоставная, женская (бурлацкая «Жив дома – добра не знав», наемническая песня «Ой зацвіла калинонька», заработническая «Ой піду я понад лугом» и др.), хотя встречаются и односложные, мужские (бурлацкая «Ой гук, мати, гук») и трехсложные, дактилические (бурлацкая песня «Віють вітри все буйні»), открытая, именительная, прилагательная, глагольная, именительно-наречевая, не всегда точная. В некоторых песнях встречаем внутреннюю рифму, например, в заработнической песни «Ой піду я понад лугом» (обозначено курсивом):

Ой піду я / понад лугом,
Ой там милий / оре плугом...
Ой він оре / чуже поле, –
Мені за їм / жити горе! [7, 266].

Среди фонологических особенностей этих песен можно выделить частые ассонансы «о», «ы» и аллитерации шипящих «ч-ш-ж».

Выводы. Среди особенностей формы социально-бытовых песен, разнообразных по содержанию (ибо отражают жизнь разных социальных слоев населения), есть ряд общих и отличительных черт.

Общими чертами всех этих групп песен являются особенности рифмы, в основном женской, хотя в рекрутских и солдатских и заработнических песнях иногда встречаются дактилические и мужские. Внешняя рифма чаще всего именительно-глагольная и не всегда точная, из-за чего тип рифмовки определить не всегда просто. На уровне строфики чаще всего встречается двухстрочные строфы со смежной рифмовкой, хотя иногда повтор строк дважды вызывает появление трехстрочных (вместо двухстроч-

ных). Очень часто на ритмическое строение песен, их размер влияет употребление междометий «гей», «эй», «ой», употребление уменьшительно-ласкательной лексики, а также полной не стянутой или неполной стянутой формы прилагательных, причастий, местоимений, что характерно для народнопоэтического стиля. На фонологическом уровне подавляющему большинству песен рассмотренных жанров свойственны ассонансы «а» – «о», реже «ы» – «и» и аллитерация шипящих, свистящих, а в рекрутских и солдатских еще и «р».

Отличается ритмическое строение песен. Часто в одной песне сочетается несколько размеров. В этих жанрах встречаются размеры от 7-ми, 8-ми, 9-ти до 14-сложных различного строения, однако чаще всего принято двухсегментные 7-мисложники и трехсегментные 14-сложники, которые могут сочетаться с другими. Некоторые из песен этих жанров можно анализировать и с точки зрения стопного стихосложения. Тогда наиболее распространенными размерами есть хорей и амфибрахий, которые могут сочетаться в песнях.

Список использованных источников и литературы

1. Ефремова Л. А. Частотный каталог украинского песенного фольклора. Ч. 1-3 / Л. А. Ефремова; НАН Украины, ИИФЭ им. М. Т. Рылского. – К. : Наукова думка, 2009-2011.

2. Иваницкий А. И. Украинский музыкальный фольклор. Учебник для высших учебных заведений / А. И. Иваницкий – Винница: НОВАЯ КНИГА, 2004. – 320 с.

3. Колесса Ф. М. Ритмика украинских народных песен / Ф. М. Колесса // Фольклористические труды / АН УССР, ИИФЭ им. М. Ф. Рылского. – К. : Наукова думка, 1970. – 413 с.

4. Колесса Ф. М. Украинская устная словесность / Ф. М. Колесса. – Львов : Накладом фонда «Учитесь, братья мои», 1938. – 645 с.

5. Наймитські та заробітчанські пісні / [Ред. кол. : А. И. Дей (гол.)]. – К. : «Наукова думка», 1975.

6. Нейман Ц. Г. Куплетные формы народной южно-русской песни / Ц. Г. Нейман // Киев. стар. – 1883. – Т. VI. – № 8. – с. 599-644

7. Соціально-побутові пісні / [сост. и передм. А. М. Хмилевской; ил. В. Е. Перевальского и А. Ф. Павленко]. Серия «Народна творчість». – К. : Дніпро, 1985. – 331 с.

N. V. BOBROVNYTSKA, postgraduate student of the Department of the Ukrainian and foreign folklore Institute of art studies, folklore and Ethnology named after Maxim Rylsky National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

ЖАНР АВТОБИОГРАФИИ В ПРОЗЕ Р. Р. ГЕЙВЗА.

Марина Бондаренко,

Государственный

социально-гуманитарный университет,

кандидат филологических наук, филологический факультет.

AUTOBIOGRAPHY IN THE ACTIVITY OF ROBERT GRAVES.

Bondarenko Marina, PhD, The State social-humanitarian university (Kolomna), philological faculty.

АННОТАЦИЯ

Творчество Р. Грейвза связано с различными жанрами. Автобиография писателя «Прощаясь со всем этим» была написана им в возрасте 33 лет и обозначила две ключевые темы: война и разочарование в религии. «Автобиография Ваала», написанная чуть более года спустя, содержательно во многом перекликается с «Прощаясь со всем этим», что позволяет в данной статье рассматривать данные тексты как образцы жанра автобиографии.

ABSTRACT

The activity of Robert Graves is linked with different literary genres. The autobiography "Goodbye to all that", written by Graves at the age of 33, deals with the themes of the war and the religion crisis. "Autobiography Baal", which was created the year after, is related with "Goodbye to all that" and this makes possible the comparative analysis of these books.

Ключевые слова: Грейвз, литература «потерянного поколения», автобиография, кризис веры, прием «маски».

Keywords: Graves, autobiography, the literature of "lost generation", religion crisis, "mask".

Прозаическое наследие английского автора Роберта Ранке Грейвза (1895 – 1985) весьма обширно. Одним из жанров, к которым писатель обращался, была автобиография. Собственно таковой была книга «Прощаясь со всем этим» ("Goodbye to all that"), написанная в 1929 году и опубликованная в 1930. Смысл названия Грейвз объясняет следующим образом. В мае 1929 года после развода с первой женой Нэнси Николсон он уезжает за границу, «решив никогда не возвращаться в Англию» [1, 356]. Эта книга Грейвза не только знакомит читателя с некоторыми событиями его жизни, но и определяет одну из наиболее значимых тем

творчества: тему войны. «Прощаясь со всем этим» можно рассматривать и в контексте литературы «потерянного поколения», поскольку Гейвз отразил собственный военный опыт и мировоззрение своих ровесников. «Своим сознанием и нервной системой я все еще был настроен на войну. Снаряды разрывались в моей голове по ночам; незнакомые люди днем напоминали мне лица погибших друзей» [1, 298]. В 1930 году он выпустил «Но это все еще длится» ("But it still goes on"), апеллируя, как позволяет судить название, к своей автобиографии. Представляется логичным рассматривать эти книги как непосредственно связанные

друг с другом. В «Но это все еще длится» входит «Автобиография Ваала», не принадлежащая к классической модели жанра и представляющая собой скорее сатирический памфлет. Общей темой в «Прощаясь со всем этим» и «Это все еще длится» является кризис веры.

«Жанр автобиографии у Грейза лишь внешне соблюдает рамки заявленной формы. Так, собственную автобиографию («Прощаясь со всем этим») он начинает с иронического пассажа: «В качестве доказательства моей готовности соблюдать традиции автобиографии, позвольте сразу отметить два моих ранних воспоминания» [1, 1]. При этом в тексте сохраняется принцип последовательной хронологии.

В «Автобиографии Ваала» Грейвз соединяет традицию литературной критики и сатирического осмысления вопросов религии. Повествователем является Бог как универсальная, межконфессиональная категория: «...так как я написал Пятикнижие и Коран» [2, 170]. Имя рассказчика выбрано не случайно: «Ваал» или «Баал», во-первых, в семитской мифологии часто использовалось для обозначения разных богов. Во-вторых, культ представлял Баала как умирающего и воскрешающего бога; в-третьих, в эпоху эллинизма – период взаимопроникновения культур – этот бог стал соответствовать египетскому Осирису и греческому Зевсу. Таким образом, логика Грейвза при выборе «универсального» бога очевидна: Ваал – это имя Бога вообще.

И в этом тексте Грейвза ирония становится способом организации повествования. В первую очередь, это ирония по отношению к выбранной жанровой форме. «Будучи достаточно прямым, свидетельство может быть в форме биографии, косвенным – в форме автобиографии; для достижения мировой известности – популярной автобиографии» [2, 171]. Маска «универсального» Бога позволяет говорить обо всем, однако приоритетной темой становится религия. Ироническая интонация сопровождает упоминания двух книг, возникая благодаря снисходительному, а местами псевдокомплиментарному отношению «объекта» восхваления к панегирикам в свой адрес. «Пользуясь возможностью, я хотел бы остановиться на двух последних работах из недавно появившихся и так или иначе связанных с моим именем. Обе они вышли в США в конце 19 века. Степень моего участия в работе над ними не одинакова» [2, 172].

«Книга Мормона» (The Book of Mormon) была написана Джозефом Смитом и опубликована в 1830 году. Роберт Гейвз как человек, скептически относящийся к религии, но при этом обладающий обширными познаниями в этой сфере, не мог не обратить внимания на книгу, содержащую писания пророков, якобы живших на Американском континенте приблизительно с 2200 до н. э. по 421 год. Авторский комментарий передоверен Ваалу, самодовольство которого приведено в соответствие с содержанием «книги». «Одним из моих незамедлительных действий по реализации себя как эволюционирующего Бога, было желание предъявить мое восстановленное чувство юмора... Что естественней пародии на мои собственные ранние сочинения, нелепые подделки под древние тексты?» [2, 172]. Аттестация Д. Смита как «благородного и честнейшего

человека» завершает процесс создания иронического контекста.

Вторая книга, удостоенная в «Автобиографии Ваала» иронического упоминания, – это работа Мэри Бэйкер Эдди «Наука и здоровье» (1875), которую Ваал «убедил опубликовать под ее именем» [2, 173]. Это издание в США было широко известно, пользовалось популярностью, а «продажи «Науки и здоровья» почти серьезно конкурировали с продажами Библии». Скептицизм и ироническое недоверие Грейвза к «Книге Мормона» сменяется сатирическим антиклерикализмом в отношении «Науки и здоровья». Главный посыл Бэйкер Эдди о возможности исцеления верой и готовность церкви зарабатывать на этом высмеиваются Грейвзом. В одном фрагменте рассуждений Ваала об этой книге содержится отношение писателя к сакральным для христиан текстам, которое во многом определило метод этого автора в повести «Моя голова! Моя голова!» (1925), в романе «Царь Иисус» (1946), в «Восстановленном Евангелии из Назарета» (1954) и ряде других работ. Роберт Грейвз с недоверием воспринимал многие устоявшиеся представления об Иисусе Христе и истории христианства, потому что находил много противоречий в Библии. «...Я теперь многие вещи комически доказываю, создавая одну главу как утверждающую истину, а другую – ошибочную» [2, 176]. Он часто выступал как текстолог, собирая альтернативные источники и выстраивая собственные концепции.

Непосредственно сама «автобиография» Ваала следует за этим «критическим» вступлением. «В начале я начал. Но не воображайте, что я сразу начал как Всемогущество, как бесконечность или как Творец... Часто осмеиваемая дата сотворения, которая по моему разрешению дается, преимущественно по Библии, как 4004 г.д.н.э. (хотя первая египетская династия утвердилась ок. 6000 г.д.н.э.), является близкой к истинной. Но тогда я еще не был готов к сотворению мира. До 4004 г.д.н.э. я пребывал в разрозненном и не несущем ответственности состоянии» [2, 177]. Маска Ваала позволяет Грейвзу полемизировать с каноническими теориями, создавая игровое пространство, в котором все а priori подвергается ироническому переосмыслению. По сути Гейвз выстраивает вполне постмодернистскую концепцию истории человечества, выявляя тот момент в ней, когда оформляется сама идея Бога. «Я по-настоящему появился, когда человек стал тем, что называют «человек разумный» [2, 181].

Ключевой идеей «Автобиографии Ваала» является «многоликость» Бога, проявляющая себя в смене имен. По Грейвзу, поликонфессиональность мира есть вопрос номинации. «Я начал как Лама. Следует заметить, что до сих пор это имя используют на Востоке для меня в моих священных проявлениях. Далай-лама – это я после посещения Тибета» [2, 182].

По своему содержанию (но не форме) «Автобиография Ваала», как было отмечено ранее, связана с «Прощаясь со всем этим». Обе книги объединяет тема кризиса веры, религиозный нигилизм. «У меня был религиозный пыл, который сохранялся до моего шестнадцатилетия» [1, 16]. Пережитое Грейвзом во время первой мировой войны обострило в нем неприятие лицемерия, которое он видел

в церкви. Во время короткого отпуска с фронта в апреле 1916 года он вместе с родителями (верующими протестантами) отправляется на воскресную службу. Показателен в этом воспоминании лексический ряд, безо всякого почтения к происходящему передающий состояние скуки и уныния протагониста. «К половине десятого служба не думала заканчиваться, и я стал сильно скучать, украдкой стремясь выйти: как угодно, но я хотел смыться./.../ Я остался и старался сочинять латинские эпиграммы, которые были способом убить время» [1, 208]. Подобное состояние вызвано не только отсутствием склонности к вере. Возможно, его неприятие религии объясняет фраза, словно случайно оброненная: «Викарий читал проповедь об искупительной жертве» [1, 209]. У Грейвза, ненадолго покинувшего окопы и видевшего множество смертей, равнодушно-спокойное отношение обывателей и церкви к смерти на войне вызывает неприятие. Об этом явно свидетельствует та временная дистанция, которая отделяет время написания автобиографии (1929) и само упоминаемое событие (1916). Схожий мотив звучит и в «Автобиографии Ваала». Высказывание повествователя отстраненно-сдержанное, но ироническая интонация автора проявляет себя через маску рассказчика. «Солдат, прихожанин одной из моих хорошо известных церквей, умирает в госпитальной палате. Он был смертельно ранен прихожанином другой моей известной церкви (или той самой): кровавая война должным образом ведется во имя меня с обеих сторон. Он стонет, кричит и вопрошает «почему?». Мой уполномоченный представитель, священник, спешит к его постели и отвечает «На то воля Божья», имея в виду меня» [2, 184]. «И его жена по совету матери спешит ко мне в церковь, спросить, что я могу сделать для ее мужа./.../ Мой представитель, так как ее муж уже упокоился, дает ей второй ответ. Он отвечает на вопрос «почему?» с полным ртом вина, прикрываясь моим именем. Она, наконец, успокоилась» [2, 185].

Для Грейвза военный опыт станет не только отправной точкой в поисках собственной религии (а по сути – создании таковой в виде идеи Белой Богини), но и определит как магистральную тему его творчества тему смерти. В «Прощаясь со всем этим» в организации текста часто присутствует прием контраста, функция которого в создании атмосферы обыденности. Войну Грейвз описывает очень лаконично, подчеркнута безэмоционально, иногда используя иронию, приобретающую трагическое звучание. «Рядом со мной лежит человек с развороченным мозгом. Я никогда не видел раньше человеческий мозг, считая его чем-то вроде поэтической формы» [1, 118]. Гейвз в своей автобиографии отразил особую психологию человека на войне. Протагонист отправляется (как и многие его сверстники) на фронт добровольцем, полагая, что это не

так страшно, как поступление в Оксфорд. «Хотя газеты предрекали короткую войну – до Рождества – я надеялся, что она будет достаточно долгой, чтобы задержать мое поступление в Оксфорд в октябре, которого я боялся» [1, 68]. Война очень быстро приучает воспринимать смерть как данность. Человек привыкает существовать в предлагаемых обстоятельствах. «Моя посылка с копченостями из дома была гораздо важнее любой бомбардировки. /.../ Будучи свободным от своих обязанностей, я засыпал, не дожидаясь окончания бомбежки. Нет разницы, как быть убитым: во сне или бодрствуя» [1, 221– 222]. Однако война не позволяет себя забыть: спустя много лет те события, которые сознание вынужденно считало в то время привычной рутинной, приобретают характер кошмара, неотступно преследуя. «Во время учебы в Оксфорде война не давала себя забыть. Приехал Эдмунд Бланден, который восстанавливался после отравления газом неподалеку в госпитале. Война продолжалась для нас обоих, и мы все переводили в термины окопной войны» [1, 304].

Представление о войне как о противоестественном состоянии мира вызывает у Грейвза сомнения в Боге, точнее, в оправданности его существования. В «Прощаясь со всем этим» весьма многочисленны эпизоды, в которых констатируется беспомощность священнослужителей (католических и протестантских) объяснить солдатам, почему они должны умереть. В «Автобиографии Ваала» уже на универсальном уровне, опираясь не на личный опыт, а на антропологическую историю человечества, Ваал констатирует, что его эволюция как бога была связана с формированием в сознании людей вопроса «почему?» и отсутствием рационального ответа на него. «Пока я отвечаю «потому что» на их (людей) вопрос «почему?», мои страхи будут их страхами» [2, 203]. Особенностью повествователя в обеих книгах (в большей степени, конечно, в «Автобиографии Ваала») является стремление рационального постижения веры, логического обоснования постулатов христианства. В «Автобиографии Ваала» намечен абрис той «религии», которую Грейвз обоснует в «Белой Богине» (1948): в ее основе будет лежать идея гармонии, а «искупительная жертва» станет добровольным даром поэта своей Музе. «В моей новой религии не будет места институтам целибата или полигамии, массовому безумию или отчаянию, отшельникам» [2, 176].

Ссылки:

1. Graves R. Goodbye to all that. – London: Penguin books. – 2011. – 360p.
2. Graves R. Autobiography Baal / But it still goes on. – N.Y. – 1931. – p.170 – 203.

ГЛАГОЛЫ ЗВУЧАНИЯ В БЕСТИАЛЬНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Брагарник-Станкевич Ольга Самуиловна
Старший преподаватель
Белорусский государственный университет

SOUND VERBS IN RUSSIAN BESTIAL VERBAL LEXICON
Bragarnik-Stankevich O.S. Senior lecturer Belarusian State University

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор ставит своей целью выделить и описать среди всех бестиальных предикатов группу глаголов, включающих в своей семантике понятие «издавать звук», а именно – глаголы звучания.

ABSTRACT

In this article, the author aims to identify Russian bestial verbal lexicon in the field of verbs used to describe sounds made by animals.

Ключевые слова: парадигматический подход, бестиальные глаголы, глаголы звучания, ономапон.

Key words: paradigmatic study approach, bestial verbal lexicon, verbs of sound, onomatopoeia.

Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к изучению слова в его системных связях. Накопленный лингвистический опыт показывает, что наиболее плодотворным путем изучения словарной системы языка является выделение и описание лексико-семантических групп слов [9, с. 1]. Сегодня лексико-семантические группы слов рассматриваются как сложные и многоаспектные явления, обусловленные экстралингвистическими, социолингвистическими и языковыми параметрами [8, с. 3].

Актуальность исследования определяется тем, что последовательное изучение и описание различных лексико-семантических групп русского языка являет собой необходимое условие для дальнейшего развития лексикологии, практической лексикографии, лингводидактики и всего языкознания в целом. В этом аспекте бестиальная глагольная лексика представляет значительный интерес как с точки зрения отражения в семантике глаголов группы экстралингвистической действительности, так и в плане дальнейшего накопления материала для решения различных проблем полисемии, компонентного анализа, лексической стилистики и других разделов семасиологии и лексикологии [9, с. 1].

Наиболее лингвистически обоснованным путем выведения семантических признаков слов является не анализ понятийной соотносительности слова и не анализ словарных толкований, а рассмотрение парадигматических связей лексической единицы. Парадигматические классификации глагольной лексики осуществляются путем выделения в значениях слов (при их сравнении с идентификатором) тождественных и дифференциальных компонентов. По данному принципу можно выделять глаголы со значениями действия, процесса, отношения, состояния и т.д. Парадигматический подход используется для выделения различных лексико-грамматических глагольных разрядов, в том числе глаголов модальных, большинства частных лексико-семантических групп, например, активных и пассивных глаголов конкретной лексико-семантической группы и т.п. Парадигматические классификации в какой-то мере перекрещиваются с тематическими. Однако, парадигматический принцип в отличие от тематического учитывает не только денотативный, но и сигнификативный аспект

классифицируемых значений (семем) [6, с. 7-8]. Таким образом, анализ парадигматических связей слова есть одновременно и определение его компонентного состава.

Ярким примером попытки объединить эти факторы в единое целое с использованием парадигматического подхода является выделение и изучение такой прослойки словарного состава языка, которая отражает знания и представления о животном мире. Выделяя таким образом специфические коммуникативные глагольные группы, где глагольное наименование изучается через его соотносительность с объективной действительностью, а именно: глагольные предикаты, приписывающие референтно-таксономическому классу имен «животные, птицы, насекомые» свойственные им динамичные признаки действия, процесса и состояния, изучим глаголы, которые будем называть, вслед за Р.С. Ганжой, бестиальными (от латинского слова *bestia* – «животное, зверь») [5, с. 37].

В четвертом издании «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой зафиксировано чуть более 1000 бестиальных глаголов [7]. В данной статье автор ставит своей целью выделить и описать среди всех бестиальных предикатов группу глаголов, включающих в своей семантике понятие «издавать звук», а именно – глаголы звучания.

Изучению семантико-синтаксических свойств глаголов звучания посвящено большое количество работ ученых-лингвистов (Р.Г. Карунц, С.Н. Савина, Л.К. Выздога, Н.А. Акулинина, В.С. Каншарова и др.). Выбранная лексико-семантическая группа (глаголы звучания) представляет несомненный интерес для исследователей языка, поскольку звук как элемент объективной реальности играет значительную роль в познании человеком окружающей действительности [2, с. 3].

В качестве периферийных сем компонент «звуковой» семантики входят в значения глаголов самых различных семантических классов: глаголов речи, глаголов движения, глаголов действия и других. Собственно все глаголы звучания по своему денотативному содержанию делятся на четыре основные группы: 1) глаголы, характеризующие звучание неживых предметов, 2) глаголы, характеризующие звуки, издаваемые живыми существами (кроме человека), 3) глаголы, характеризующие звуки, издаваемые

человеком, 4) глаголы нейтральные к указанным противопоставлениям [1, с. 3].

Поскольку предметом данного исследования являются бестиальные глаголы звучания, то особый интерес для нас представляет вторая группа глаголов, а именно глаголы, характеризующие звуки, издаваемые живыми существами (кроме человека).

Выделенные глаголы можно условно разделить на три подгруппы:

А) глаголы, обозначающие звуки домашних и диких животных;

Б) глаголы, обозначающие звуки птиц (домашних и диких);

В) глаголы, обозначающие звуки остальных живых существ (земноводных, пресмыкающихся, насекомых) [1, с. 9-10].

Рассмотрим каждую из групп подробнее.

А) Глаголы, обозначающие звуки домашних и диких животных, включают такие глаголы, как реветь, рычать, рыкать (рычать время от времени), рывкать (рычать отрывисто), трубить (когда речь идет о крупных животных, таких как слон, лев, медведь и т.д.), лаять, брехать, тьякать, гавкать, выть, скулить (жалобно подвывать), мяукать, мурчать, ржать, гоготать, игогокать (о лошадях), мычать, бляеть, хрюкать, визжать, пищать (обычно о мелких животных), цокать (о белках), фыркать, сопеть и т.д. [7]. По количеству лексических единиц данная группа может быть отнесена к самой многочисленной.

В своем подавляющем большинстве такие глаголы имеют звукоподражательный характер, что позволяет отнести их к разряду ономапов.

Ономаповы в языке не представляют собою случайного скопления лексических единиц – напротив, они образуют систему. В языкознании выделяют три класса ономапов, в зависимости от обозначаемых ими звуковых физиологических процессов: а) обозначения носовых процессов; б) обозначение ротовых процессов; в) обозначение горловых процессов [3, с. 10]. Мы, проводя исследование бестиальных звукоподражательных глаголов, не считаем необходимым придерживаться такой классификации. Обобщая все бестиальные глаголы со звуковой семантикой, опираемся на исследование Л.К. Выздога «Семантика глаголов звучания в современном английском языке», где автор создает модель анализируемой лексической подсистемы, разделив глаголы, обозначающие процесс производства звуков живыми существами, на звуки, издаваемые частью тела особи, и звуки, издаваемые звуковым аппаратом особи (в гортани) [4, с. 6].

Подавляющее число элементов основного артикуляторного состава ономапова находит свое отражение в фонетическом составе слова. В образовании ономапов русского языка учувствует подавляющее большинство языковых фонем. Для всех фонем и элементов основного фонетического состава характерным является выполнение ими тех или иных изобразительных функций, а точнее, звукоизобразительных.

Рассмотрение фонетического состава ономапов позволяет говорить о том, что содержанием фонем и их значением являются обозначаемые элементы звучания или

сочетание звучаний звукового физиологического процесса. Корень ономапова имеет сложное словообразовательное строение, поскольку словообразование ономапов определяется как внеязыковыми факторами (универсальными, не зависящими от каждого данного языка), так и языковыми факторами (проявляющимися различным образом в зависимости от конкретного языка) [3, с. 14-15].

Б) Глаголы, обозначающие звуки птиц (домашних и диких), включают такие глаголы, как петь, распевать, звенеть (звонко петь), заливаться, кричать, гукать, ухать, стонать, кудахтать, клокотать, квохтать (о курах и некоторых других птицах), кукарекать, голосить, крякать, гоготать, гагакать, курлыкать (обычно о журавлях), клеткать, каркать, куковать, ворковать, воркотать, турлыкать, урчать (о коноплянках), свистеть, свиристеть (о чибисах), скрипеть, щелкать, щебетать (о ласточках, щеглах), трещать, цокотать, стрекотать, тенькать, тюлююкать (о куликах), чирикать, цокать, цыркать, хрипеть и т.д. [7].

Большинство глаголов этой подгруппы тоже являются звукоподражательными.

Глаголы, входящие в состав данной группы, чаще всего реализуются в конструкции подлежащее + сказуемое/сказуемое + подлежащее (Кричат орлы, Соловьи поют и т.д.), воплощая тем самым семантическую модель «Название животного – процесс звучания». Такая модель позволяет с легкостью производить метафорические сдвиги значений: Дергает коростель, Трубят лоси, Петя ухает и т.д.

В) Глаголы, обозначающие звуки остальных живых существ (земноводных, пресмыкающихся, насекомых), включают следующие лексические единицы: квакать, турлыкать (о лягушках), шипеть, жужжать, трещать, стрекотать, звенеть (о мухах, жуках), гудеть (о пчелах, шмелях), зудеть, пилить (о сверчках), пищать, цыкать, тикать, цыркать (о сверчках, кузнечиках) и т.д. [7] В своем большинстве и эти глаголы могут быть отнесены к разряду звукоподражательных. По количеству лексических единиц данная группа может быть отнесена к самой малочисленной.

Таким образом, рассмотрение лексического состава глаголов звучания бестиальной лексики русского языка позволяет сделать вывод о том, что в состав указанной группы в большинстве своем входят глаголы звукоподражательные, то есть ономаповы, которые образуют сложную лексическую систему в языке. Среди всех подгрупп бестиальных глаголов звучания самой многочисленной является группа глаголов, обозначающая звуки домашних и диких животных.

Список литературы:

1. Васильев, Л.М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке // Системные отношения в лексике и методы их изучения / Башк. гос.ун-т им. 40-летия Октября. – Уфа, 1977. – 143 с. – С. 3-18
2. Виноградова, Т.В. Семантика и синтаксис английских глаголов, выражающих понятие непроизвольного звучания: автореферат дисс. ... кандидата филол. наук: Нижегород. гос. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 1999. – 20 с.
3. Воронин, С.В. Английские ономаповы: Автореф.

... канд. филол. наук. – Л., 1969. – 16 с.

4. Выздога, Л.К. Семантика глаголов звучания в современном английском языке: автореферат дисс. ... кандидата филол. наук: Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Мн, 1988. – 20 с.

5. Ганжа, Р.С. Изучение глагольной семантики // Русский язык в школе / М-во образования Рос. Федерации. – М., 1970. – № 4. – С. 33-39.

6. Исаева, И.А. Градуальная семантика глагола в современном русском языке: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 2008. – 16с.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, Т. 1-4, 1981–1984.

8. Фролова, В.А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка / В.А. Фролова. – Чебоксары: ЧГПУ, 2005. – 221 с.

9. Чудинов, А.П. Лексика существования в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 16 с.

5

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ АНТРОПОНИМОВ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА И ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ)

Попова Ирина Михайловна

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русской филологии,
Тамбовский государственный технический университет,

Глазкова Марина Михайловна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
Тамбовский государственный технический университет,

ANTHROPONYMS MULTI-FUNCTIONALITY IN MODERN RUSSIAN LITERATURE (BASED ON THE PROSE OF ZAHARPRILEPINAND LUDMILAULITSKAYA)

Popova I. M. the Doctor of Philology, professor managing Russian Philology chair of The Tambov State Technical University

Glazkova M. M. Candidate of Philology, associate professor The Russian philology The Tambov State Technical University

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется функциональность имён и прозвищ героев, выявляются смыслы имён главных и второстепенных персонажей в прозе Захара Прилепина и Людмилы Улицкой, с помощью которых решаются многие художественные задачи: раскрывается авторский замысел, выявляется концептуальная основа произведения, сопоставляются и противопоставляются характеры персонажей, организуются сюжетные линии, формируется символическая и мотивная структура. Делается основной вывод, что в прозе Захара Прилепина и Людмилы Улицкой они представляют интертекстуальную языковую игру и ассиметрично варьируются.

ABSTRACT

The article analyzes the functionality of heroes names and nicknames, reveals the meanings of the names of central and lesser characters in the prose of ZaharPrilepin and LudmilaUlitskayawith the help of which many artistic tasks are solved: the artist's intention is revealed, conceptual framework is determined, characters tempers are compared and contrasted, storylines are organized, symbolic and motivic structure is formed. It is concluded that they represent intertextual language game and vary asymmetrically in the prose of ZaharPrilepin and LudmilaUlitskaya.

Ключевые слова: поэтика личного имени и прозвища; номинативная, социальная, эмоциональная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая функциональность имён и прозвищ, антономазия.

Key words: forename and nickname poetics; nominative, social, emotional, expressive, aesthetic, stylistic functionality of names and nicknames, antonomasia.

Современные писатели обнаруживают принципиальную важность выбора имени героя, служащего одним из концептуальных основ художественного текста и выражающего позицию авторов произведений. В романах Захара Прилепина и Людмилы Улицкой антропонимы и антономазия, интертекстуальная игра именем являются также важным характерологическим средством, так как эти художественные приёмы «включают имя героя в систему сопоставлений и противопоставлений, организующих художественный текст на разных его уровнях, служат ключом к подтексту произведения, выделяют его мифологический,

фольклорный и др. планы» [1, с. 137].

В романе Захара Прилепина «Санька» имя главного героя, вынесенное в заглавие, подчёркивает вековую укоренённость героя в русском деревенском быте, переданную ему прадедами. Устное произнесение имени, зафиксированное письменно в тексте произведения на каком-либо уровне, свидетельствует о том, как звали Сашу в детстве его дед и бабка и их деревенские соседи, тогда, когда «деревня исчезала и отмирала» [2, с. 34]. И молодые поколения, как хилые деревца, припавшие, но не нашедшие, куда «пустить корни», убегали в город, который «оказался слабым, и гру-

шечным» [Там же, с. 34]. Вокруг было беспросветное одиночество в шумном городе, похожее на пустую «пластмассовую игрушку» [Там же, с. 34].

В романе поставлена проблема гибели русской деревни, главной носительницы русского духа. Определяется причина одиночества, которая возникает от бездуховности её сынов, крестьян-христиан, убежавших в многомиллионные города, где они не нашли себе места нигде, кроме пустых площадей и улиц для выражения своего отчаяния, неприятия цинизма современного общества и своей неприкаянности.

Прерванная связь поколений вызвала трагедию отчуждения даже в традиционных семьях. Бабушка Саньки любила только ушедших сыновей, а в Саньке она не чувствовала уже «свою кровь»: «Саша был отдельным человеком, почти уже отчуждённым» [Там же, с. 43]. И только в имени «Санька» звучал отзвук прежней всеобщей соборности, слитности душ. А теперь: «Всё истекло и отмелькало. Накатывало бесцветное. Редко капало оставшееся на дне» [Там же, с. 43]. Это «редко капало» есть память о предках, оставшаяся в старинном произнесении имени.

Помня своё настоящее имя, герой Прилепина «остался один хранителем малого знания о той жизни», что прожила его деревенская семья, изображённая на чёрно-белых снимках семейного «иконоста» Тишиных. Он был уверен, что «новые хозяева» выбросят фотографии вон, и родные лица предков «на карточках» размоют дожди и снега, как будто их и никогда не было на русской земле [Там же, с. 55].

Будущее представляется Саньке в образе безымянного, одиноко играющего за окном ребёнка на фоне не подававшей признаков жизни деревни, мальчик изо дня в день «бил по своему грязному отражению» в луже хворостиной [Там же, с. 50].

Неслучайно Саньку окружают друзья из «Союза создающих» без имён, а только с кличками: «Негатив», прозванный так за вечное недовольство всем и вся, и безымянные Рогов, Безлётов, Афганец, Кавказец, Хомут и др. «пацаны». Они обретают полное имя только тогда, когда совершают что-то достойное человека. Например, Безлётова мать Саньки называет Алексеем Константиновичем, когда он помогает семье доставить гроб умершего отца в родную деревню, вопреки всем препятствиям, которые возникли, когда водитель машины их кинул одних в сугробах русского бездорожья.

По определению О.И. Фонаковой, «прозвище – самый мотивированный вид антропонима в художественном тексте с прямо или косвенно характеризующей семантикой» [3, с. 45]. Добавим, что прозвище – это вид антропонима, дополнительное фамильярное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с преобладающей чертой его характера, «сопутствующим его жизни, обстоятельствам, по какой-либо аналогии, по происхождению», по особенностям внешности и другим мотивам [4, с. 240]. Как и имя, прозвище в художественном тексте отличается семантической двуплановостью, делающим его «говорящим», оценочным.

Прозвищем заменяют имя потому, что люди зачастую не осознают себя достойным имени, не помнят, что за

каждым именем человека стоит святой мученик или исповедник Веры Христовой, и имена всех людей «написаны на небесах». Санька спокойно перечисляет своих «самых забубённых ребят: Шаман, Паяла, Бурый... Дальнобойщик... Грек», не задумываясь о том, что и сам потерял исконное имя, хотя и остался «Сашей» [2, с. 134].

Герои романов «Санька», «Патологии», как и персонажи повестей «Восьмёрка», живут в сложное время распада «великой» страны на излёте 90-х годов в начале 2000-х годов. Они молоды и готовы умереть за то, чтобы «умирающий русский мир» вновь возродился. Они только что вышли из детства, поэтому личное имя легко включается в «атропонимическую цепь», «заменяется прозвищем, отвечающим его поведенческой характеристике, и, наоборот, возвращается к неполному имени при взрослении. В свою очередь, прозвище может терять свою изначальную изоморфность характеру и поведению героя, персонаж может «перерастать» своё прозвище» [4, с. 238]. Он способен возвращаться, изменяя своё поведение, личное имя. Санька, Александр переводится с греческого как «мужественная помощь», что звучит символически [5, с. 7].

Сборник Захара Прилепина «Восьмёрка» представляет собой единое целое, т.к. обнаруживает явную цикличность: все восемь повестей и рассказов, входящих в него, объединены темой жестокости и насилия в современном обществе, осознание которой происходит в детстве и формирует человека-волка; в книге есть сквозные мотивы детства, отцовства, смерти, любви, потери родовой памяти и др.; общие сюжетные линии об одиночестве молодёжи в период безвременья и т.д.

Имя героя повести, стоящей в сборнике первой, вынесено в заглавие «Витёк» [6]. Заголовок является сильнейшей позицией текста, т.к. несёт в себе концептуальный смысл произведения и выражает авторскую позицию. Знаменательно, что семилетний мальчик, только что выучивший буквы, главный герой, имеет неполную форму имени, нагружённую коннотацией фамильярности и ни разу не повторенную в самом художественном тексте. С помощью суффикса -ёк- передана субъективная оценка (пацан, бродяга) и выражено панибратское отношение к носителю имени.

Семантика полного имени Виктор, обозначающего «победитель» и заимствованного из латинского языка [7, с. 14], звучит в финале тоже один раз при знакомстве с девочкой из московского поезда, что соответствует замыслу автора и отвечает главной идее произведения. Только девочка была воспринята героем как доброе, неагрессивное существо, похожее на его бабушку.

Автор-повествователь, как и все персонажи «Витька», называют главного героя «пацан» (более тридцати раз), что подчёркивает крайнюю степень обобщённости этого образа. При этом в прозвище «пацан» повествователем маркируется принадлежность центрального персонажа к простонародной, почти маргинальной среде: в «умирающей деревне» ребёнок одет «в обноски», за ним не следит никто из взрослых, он не учится в школе, которая очень далеко: «Дедов в деревне не было вовсе, деды перевелись. Детей тоже почти не водилось», кроме «бандеровской мелкоты», внуков осуждённого бродяги» [6, с. 44].

Все члены семьи мальчика тоже не имеют личных имён: их зовут «мать», «отец», «бабушка». Напротив, домашние животные обладают «людскими» именами и характерами: корова Маруся, «неспешная и отзывчивая, как бабушка. Другая – ближнего соседа по прозвищу Бандера, такая же рыжая, как он» [Там же, с. 9], называлась Бандерка.

Возможно, такая «путаница с именами, по мнению Витька, происходит от того, что кругом люди жестоки и ненавидят друг друга. Отец с Бандерой дерутся «на-смерть» из-за съеденного соседским псом петуха, убивают несмышлёных животных (котов, собак). И то же самое творится в Москве: «В Москве война, в Москве злоба и ко-ловорот – затрещало радио на все голоса. Москва горит, бьёт витрины и пугается ездить в метро» [Там же, с. 21]. Как и Санька, Витёк уверен, что «Москва похожа на разукрашенную заводную игрушку. Поезда светились на ней, словно бусы, во лбу горела звезда, всё внутри неё стрекотало, гудело, искрилось» [Там же, с. 21].

Несмотря на то, что все кругом «бьют и толкаются», пацан нашёл такую же как он девочку в поезде из Москвы, и только ей он назвал своё полное имя «Я Виктор, – добавил он. – Это моё имя» [Там же, с. 24].

По большому счёту, в повести Прилепина Виктор восстанавливает ещё одно полное имя, которое Витёк к многократно выкладывает серебристыми большими буквами. Это «Москва». Для мальчика «Москва» – не город, не географическое название, а личное имя, которое в сопряжении с его именем Виктор знаменует скорую победу здоровых сил и возрождение большого жестокостью русского мира 1990-х годов.

Антропонимы в прозе Захара Прилепина обладают полифункциональностью, характеризуют героя, выражая основную идею произведения, выполняя социальную, эмоциональную, аккумулятивную и адресную функции. При этом главной является функция эстетическая и экспрессивно-стилистическая.

Имя главного персонажа романа Захара Прилепина «Обитель» ещё больше расширяет функциональность: кроме названных второстепенных функций в нём подчёркивается мифологический подтекст, выступающий как текстовая доминанта произведения.

Артём, Артемий означает в переводе с греческого языка «здоровый, невредимый» [5, с. 11]. Но имя это двойственно, с тёмной непроявленной этимологией, восходит к культу богини Артемиды – покровительнице охоты, символом которой является луна – чистота и девственность. Но Артемиды обладает решительным агрессивным характером, в гневе она часто убивает царей за то, что они не принесли вовремя дары ей, «потребовала в жертву дочь Агамемнона, предводителя ахейцев в походе на Трои, за то, что он убил священную лань», требовала человеческих жертв» [7, с. 107].

Через имя главного персонажа «Обитель» раскрывается не только суть его язычески-страстного характера, но одна из центральных идей произведения, что все беды России XX века от распада в душах людей христианской морали и возобновления в человеке языческой распушенности, устремлённости к страстным телесным наслаждениям и удовлетворении плоти при полной бездуховности и эгоиз-

ме. Автор романа «Обитель» отвечает по сути на вопрос, поставленный в романе «Санька». «Почему повсеместно возникают между людьми агрессия и злоба?» – задаёт вопрос герой «Саньки», «Удивительным казалось то, что встреча душ, ищущих добра, оборачивалась бешеным вихрем» [2, с. 152]. «Почему собак в часы прогулок больше, чем детей?» [Там же, с. 153].

Имя Артём в романе «Обитель» З. Прилепина выполняет не только основные (номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую) функции, но, прежде всего, несёт символическую и эстетическую функциональность. Подробно эта проблема рассмотрена в статье И.М. Поповой «Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «своя правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» [8, с. 144-150]. В ней доказывается, что отсутствие твёрдого стержня православной морали, телесная страстность определяют низкую духовность персонажей. По словам З. Прилепина, Артём «жил неоглядой, задорный, ветреный», «не имел никакой предрасположенности ни к рукоприкладству, ни к подавлению тщедушных и робких», «разозлиться как следует никогда не умел» [9, с. 152]. Но попав в штрафной изолятор, Артём безжалостно, как садист, издевается над Санниковым, Горшковым и другими «чекистскими штрафниками» [Там же, с. 674-677]. Хотя окружающие его заключённые указывают ему: «Поведение ваше, в общем говоря, омерзительное и отвращающее», Артём, убивший собственного отца, чувствует себя «неуместно здоровым молодым человеком» [Там же, с. 678]. Галина Кучеренко в «Дневнике» отмечала, нераскаянность и неосознанность заключёнными своей вины: «Тут все говорят, что невиновны – все поголовно ... я же знаю их дела, иногда на человеке столько грязи, что его закопать не жалко, но он смотрит на себя совсем чистыми глазами. Человек – это самое ужасное» [Там же, с. 718].

Отец Иоанн надеялся, что Артём «дитя среди всех», «не поспевающий колос, полный молоком беззлобия» [Там же, с. 519]. Повествователь подчёркивал правду: «окаменелость» души героя после убийства отца и нераскаянность – причина того, что Артём не может преодолеть своё неверие, называя Евангелие «глупой книжкой» [Там же, с. 524].

Проекция на мифологический образ Артемиды здесь на лицо. Захара Прилепина называют неореалистом, завершившим и подытожившим эпоху русского постмодернизма. Людмила Улицкая – писатель более старшего поколения – прошла и через увлечение наиболее продуктивными постмодернистскими приёмами в своём творчестве (романы «Казус Кукоцкого», «Даниэль Штайн, переводчик» и др.). Интерес к имени, антропонимы как средство выражения концептуального смысла в художественном тексте сохраняется в её романе «Зелёный шатёр», который демонстрирует тесную связь символики имени с концептуализацией персонажа в сюжетной сфере повествования, как это происходит и у Захара Прилепина.

Роман Л. Улицкой посвящён выявлению роли российской (советской) интеллигенции в борьбе с тоталитарной сталинской системой и её чудовищными последствиями. В центре произведения трое школьных друзей (Илья, Саня и Миха) и их учитель Виктор Юльевич, пробудивший в

них потенции личности, совесть которой не позволяет терпеть унижения и постыдные ограничения творческой и социальной свободы.

Илья, имя которого переводится с древнееврейского языка как «крепость Господня» [5, с. 23]. Смысл имени позволяет говорить об его ассиметричном варьировании в произведении. То есть речь идёт о приёме антономазии – игре именем, часто в его перекодированном, противоположном значении.

«Илья вскоре после окончания школы первым из их выпуска осознал, что не хочет работать на государство ни с девяти до пяти, ни с восьми до восьми, ни в режиме «сутки трое», а также не хочет учиться ни в каком учебном заведении, потому что всё, что ему было интересно, он мог узнать без дисциплинарной муштры и насилия. Он лучше всех знал способы избегания, ускользания, растворения. Самый верный путь – фиктивный наем в секретари к ученым и писателям. Редкий, почти эксклюзивный вариант, который и обеспечивал Илье относительную независимость от государства. Более надежные, но менее привлекательные варианты требовали действительной траты личного, драгоценного времени – рабочие места в котельных, в подъездах, в охране» [10, 480-481].

Илья во многом циничный атеист. Он легко бросает жену с больным ребёнком, не хочет иметь детей от любимой им Оленьки под предлогом, что от него рождаются только уроды, пренебрегает единственным сыном, то есть «о крепости Господней» речи быть не может. А наоборот, он, спасая себя от преследования властей, совершает предательство Миши, самого чистого и беззащитного из друзей.

Игра именем происходит и в случае с Михеем Меламидом. В этом случае можно говорить, что здесь осуществлено писателем симметричное варьирование именем. Ведь Бог есть любовь милосердная, сочувствующая, вплоть до смертной жертвы собой. Всё это есть в судьбе Миши, в его поступках.

Символика имени Миши тоже раскрывает его концептуальную роль в романе. Михаил – «кто подобен Богу» [Там же, с. 34]. Но все называют героя не полным, а уменьшительно-ласкательным вариантом имени – Миша: одарённый от природы сверхчувствительностью, состраданием, умением любить ближнего, разносторонними способностями, этот персонаж не смог преодолеть страданий и ушёл из жизни, не сумев «спасти душу».

Миша – эталон мужчины в ореоле борца и почти мученика. Он «по природе своей наполовину состоял из жажды знаний, научного и ненаучного любопытства и восторга, а на вторую половину из неопределенного творческого горения» [Там же, с. 21].

Персонаж сочетает стойкость, бесстрашие с состраданием к людям. Ещё в детстве «Жалость огромного размера, превышающая Михину голову, и сердце, и все тело, накрыла его, и это была жалость ко всем людям, и плохим, и хорошим, просто потому, что все они беззащитно мягкие, хрупкие, и у всех от соприкосновения с бессмысленной железкой мгновенно ломаются кости ...» [Там же, с. 39].

«Обнажённость сердца» сделало Мишу поэтом, но не сумевшим реализовать свои творческие возможности.

Автор комментирует характер Миши так: «Бывают у людей таланты простые, как яблоко, очевидные, как яйцо, – к математике, к музыке, к рисованию, даже к собиранию грибов или к игре в пинг-понг. С Мишой было сложнее. Талантов на первый взгляд не было, но были хорошие способности: к поэзии, к музыке, к рисованию.

Настоящий его талант, полученный им от рождения, невооруженным глазом был не виден. Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой «всемирной жалости» [Там же, с. 449].

Повествователь связывает гибель Миши с его «неверием» и стремлением вырваться из ужасных оков тоталитарного бытия: «Снял ботинки, чтобы не оставлять грязных отпечатков подошв, вспрыгнул на подоконник, едва на него опершись. Пробормотал: «Имаго, имаго!» и легко спрыгнул вниз. <...> Улетает крылатое существо, оставляя на земле хитиновую скорлупку, пустой гроб летящего, и новый воздух наполняет его новые легкие, и новая музыка звучит в его новом, совершенном органе слуха» [Там же, с. 583].

Несмотря на уверение повествователя, что Миша – «неверующий поэт», он написал в своём последнем стихотворении: «Друзья, молитесь за меня» [2, с. 583].

Третьего друга Александра все называли только Саня. «Александр – греческое имя, в переводе «мужественная защита» [5, с. 7]. Саня – музыкально одарённый человек, воспринимает мир как грубую и грязную камеру, ограничивающую человека, где есть только гармония музыки». Имя героя антонимично его характеру: он отрицает, а не защищает окружающий мир, представляя его простым, как семь нот: «Скорлупа грубого и грязного мира треснула, в прогалины хлынул новый воздух. Единственный, для дыхания души необходимый воздух. То самое потрясение, которое десятью годами раньше пережили шестиклассники, когда в школе появился Виктор Юльевич со стихами, бросаемыми при входе в класс. Он возвращал им «ворованный воздух». Разница заключалась в том, что Саня теперь был взрослым, успел болезненно пережить расставание с музыкой навеки, навсегда, – и теперь оказалось, что после разлуки любовь стала только глубже. Его дарование, пролежавшее на дне, после десятилетней спячки пробудилось и рванулось вверх. Скучноватое детское сольфеджио обернулось увлекательной наукой об устройстве музыки. Несколькими годами позже Саня будет уверен – об устройстве самого мира рассказывало тогда сольфеджио простенькими словами, в самом первом приближении» [10, с. 251].

Герой отвергает окружающее, углубляясь в музыку: «Бах, отвергнутая, а с годами вернувшаяся романтика, подошедший к последней, казалось бы, границе классической музыки Бетховен – и все эти новые композиторы, и новые звуки, и новые смыслы...

На улицах шел дождь, сыпал снег, летел тополиный пух, стояла нестерпимая политическая трескотня о свершениях и победах – уже догнали и почти перегнали. На кухнях пили чай и водку, шелестели преступные бумаги, шушрала магнитофонные ленты с Галичем и молодым Высоцким,

там тоже рождались новые звуки и новые смыслы. Но этого Саня почти не замечал. Это был мир Ильи и Михи, его школьных друзей, которые все более от него отдалялись [2, с. 255].

Авто в имени Сани явно осуществил, как и в имени Ильи ассиметричную антономазию с целью демонстрации слабости характера талантливого, но робкого человека.

Второстепенные персонажи романа «Зелёный шатёр» тоже включаются автором в игровую стратегию. Среди них с полным «говорящим» антропонимом Дмитрий Степанович Дулин. Персонаж с говорящей фамилией Дмитрий Дулин, перешел из прежней «прослойки» общества в интеллигентскую элиту.

Имя «Дмитрий» переводится с греческого языка «плод земной», а «Степан» – венец, греческое». Автор пишет: «Дмитрий Степанович был родом деревенский, привычный к животным, и оставался деревенским до тех пор, пока город Подольск, разрастаясь, не проглотил их некрасивой деревеньки и деревенская жизнь постепенно не разрушилась» [10, 410]. Здесь ключевое слово «проглотил». Городская жизнь именно проглотила персонажа, оставив его внутренне «с душой», с «шишом», несмотря на все внешние «венценозные» преобразования и возвышение до старшего научного сотрудника.

«Митя всем был обязан своей жене: и пропиской московской, и ординатурой по неврологии, а потом и аспирантурой» [Там же, 412]. Он сам о таком и не мечтал, но Нина нашла через знакомых это место в научном институте и направила мужа. Сама же работала участковым врачом в поликлинике, за что и дали им квартиру без очереди. Повествователь подчёркивал: «Дулин сначала аспирантуре сопротивлялся – понять не мог, зачем она? Уж если на то пошло, пусть бы сама поступала и защищала научную диссертацию. Но Нина решила иначе. Поскольку институт, в который он поступал в аспирантуру, был психиатрический, а Дулин специализировался по неврологии, то пришлось ему подобразовываться в психиатрии – учебники проконспектировал и сдал вступительный экзамен. Назначили ему тему по алкоголизму – он все изучил, что мог по тем временам: про изменения психики, поведенческие реакции алкоголиков, про делирий и другие интересные вещи. [Там же, с. 412].

«Подобразовываясь», Дулин сделал ошеломляющую карьеру», но остался «примитивом» во всём: «простодушным и добросовестным дураком» [2, с. 413]. Он не мог забыть своё ужасное детство: «И тогда он сразу вспомнил все плохое, что с ним в жизни случалось: как издевались над ним городские ребята в школе, как орала учительница Камзолкина, как била мать, как таскал за уши пьяный мамин «прихажер» дядя Коля... И заплакал. Дулин плакал – потому что был кроликом, а не мужчиной» [Там же, 446]. Антономазия в данном случае заключается в переносе имени героя на его восприятие маминим «прихажёром».

Лжеинтеллигент остался «животноподобным», хотя и безобидным существом, также как и «Полушка», Полухина Галя, которая «была из бедной семьи, жила в полуподвале Олиного почтенного дома, собой была не особо хороша и училась еле еле средне. Олю еще в третьем классе назначили «подтягивать» Галю в учении, и Оля прониклась к ней

сочувствием. Великодушие Оли было безукоризненным. В нем полностью растворялась снисходительность богатого и красивого к бедному и плохонькому, а это бедное и плохонькое существо вьюнком обвивало плотный ствол, запуская в него воздушные корешки и подсасывая понемногу [10, 261].

Автор «Зелёного шатра» резок по отношению к тем, кто не обладает высоким интеллектом и творческим потенциалом.

Как и Дулин, Полушка (мелкая монетка) – Галина (с греческого «тихая», «ясная» [5, 15] выбилась в люди: стала знаменитой спортсменкой, но перенесла серьёзную травму и вместо олимпийского золота довольствовалась должностью секретаря-машинистки, а затем жены сотрудника КГБ Грызуна, у которого тоже «говорящее» прозвище, как и у другого КГБешника Сафьянова.

Использует Людмила Улицкая и говорящие неологистические фамилии с особым фонетическим звучанием и созвучием друг с другом, как у Гоголя Бобчинский-Добчинский. Это создаёт не только сатирический эффект, но и маркирует бездарность, дебилизм маргинальных личностей.

В самом начале романа повествователь подчеркнул через систему имён и прозвищ, что интеллигентному высокому этому миру глубоких сложных чувствований, личностных переживаний, который символизировали три друга, противостоял мир примитивный, бездарный, грубый, воплощённый в образах Мурыгина и Мутюкина.

Знаменательно, что они не имеют имён: все называют их только по фамилиям. Это подчёркивает, что за ними стоят такие же неразвитые духовно семьи, родовые кланы, питавшие среду пролетариата, возведённого на пьедестал революцией 1917 года.

Это «гегемоны», названные повествователем «два вождя»: «Два вождя, Мутюкин и Мурыгин, держали всех остальных в руках, а когда ссорились между собой, то и класс разделялся на две враждующие партии, к которым изгой никогда не примыкали, да их и не приняли бы. Тогда происходили веселые, злые, с кровяной и без, потасовки, и все про них забывали. А потом, когда Мутюкин и Мурыгин мирились, опять начинали замечать этих непарных, некомпанейских чужаков, которых избить как следует труда не составляло, но интереснее было держать их в страхе и беспокойстве и постоянно напоминать, кто здесь главный: очкарик, музыкант, еврей или «нормальные ребята», как Мутюкин и Мурыгин [10, 16].

Классовая ненависть к интеллигенции (очкарикам) была основана на зависти: «низкосортные» очкарики и слабаки здорово учатся, а Мутюкин с Мурыгиным еле тянут. Конфликт, который взрослые люди назвали бы социальным, обострялся, приобретал более осознанный характер, по крайней мере, со стороны притесняемого «меньшинства». Именно тогда Илья впервые ввел термин, который сохранился в их компании на долгие годы, – «мутюки и мурыги». Это был почти синоним знаменитым «совкам» более позднего времени, но прелесть была в его рукотворности.

Мутюки – это слово, напоминающее «матюки», то есть мат – примитивный язык атеистического маргинального

слоя населения. Саня и Миха расшифровали суть души хулиганов в «филологической игре», тем самым развенчав их. Мальчики увидели в фамилиях дерзких озорников животное начало («му»: «разговор на луку двух почтенных особ» – коров); невоспитанность, дикость нрава («не вполне приличный звук, издаваемый после еды («рыгать»); увидели «тяжесть», ношу неосознанных грехов «ух»); и сделали вывод: «Вместе – имена двух существ, условно принадлежащих виду Homo sapiens» [Там же, 25].

За свою лингвистическую загадку, которую разгадал только Илья, Миха и Саша заплатились самым важным: Саша мечтой о судьбе музыканта; Миха – большого поэта, хотя и Мутюкин лишился впоследствии самой жизни.

Этот эпизод из детства героев очень знаковый, так как показывает резкое разделение общества по уровню личностного развития и ненависть пролетарского «простонародья» к интеллигенции, заложенную большевиками. «Уравновешивают» классовую ненависть такие «новые интеллигенты» как Дулин.

Таким образом, анализ произведений таких разных по возрасту и проблематике, но одинаково талантливых писателей, как Захар Прилепин и Людмила Улицкая, показывает, что важной составляющей поэтики их прозы является игра антропонимами в их разных модификациях и формах.

И в романах Л. Улицкой и в прозе З. Прилепина поэтика имени и прозвища работает полифункционально: и на авторскую интерпретационность, и социально-личностную, и творческую, и на выражение авторской позиции, и на характеристику персонажей. Контекстуально обусловленное преобразование какой-либо из побочных коннотаций имени или прозвища в устойчивую, доминирующую ведёт к эффекту нарицательности и символизации (Мутюкин, Грызун, Полушка – у Улицкой; Негатив, Бурый, Шаман и др. – у Прилепина). Личное имя заменяется прозвищем, отвечающим за поведенческую характеристику, когда автору необходимо дать социальные или экспрессивные

определения персонажем.

Имя является в прозе З. Прилепина и Л. Улицкой текстовой доминантой, несущей общеконцептуальный смысл, позволяющий более глубоко раскрыть авторскую интенцию, противопоставить или сопоставить героев, включить мифологический, библейский или другой какой-либо культурный контекст, позволяющий сделать образ персонажа многоаспектным, сложным, глубоким, как в реальной действительности.

Список литературы:

1. Николина Н.А. Филологический анализ текста. –М.: Издательский центр Академия, 2003. –256 с.
2. Прилепин Захар. Санька. –М.: АСТ, 2015. –349 с.
3. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. –Л.: ЛГУ, 1990. –103 с.
4. Бабенко Н.Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодернизма. –М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. –304 с.
5. Толкователь имён святых угодников Божьих. Сост. В. Близнак. –СПб.: «Эврика», 1990. 121 с.
6. Прилепин Захар. Восьмёрка. –М.: АСТ, 2015. –300 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. –М.: Советская энциклопедия, 1980. Т.1. 671 с.
8. Попова И.М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «своя правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12(54). 2015. Ч.2. С.144-150.
9. Прилепин Захар. Обитель. –М.: АСТ, 2015. –746 с.
10. Улицкая Л.Е. Зелёный шатёр. –М.: Астрель, 2012. –637 с.

ВІРТУАЛЬНА РЕАЛЬНІСТЬ І МОБІЛЬНА ЖУРНАЛІСТИКА

Греско О.В.

к.філол.н., доцент кафедри телебачення і радіомовлення

Інститут журналістики

Київського національного університету імені Тараса Шевченка

VIRTUAL REALITY AND MOBILE JOURNALISM

Gresko O.V. PhD, Associate Professor, Institute of journalism of National Taras Shevchenko University of Kyiv

АНОТАЦІЯ

В статті йдеться про новаторські підходи подачі інформації за допомогою технологій віртуальної реальності, проаналізовано його переваги і недоліки, перспективи застосування у журналістиці XXI століття.

Мобільні додатки розглянуто як складову сучасного телерадіомовлення в контексті таких явищ, як візуалізація і віртуалізація контенту сучасних ЗМК.

ABSTRACT

Innovative approaches of presenting information by means of Virtual Reality technology are considered in the article. Advantages and disadvantages and prospects of VR in journalism of the XXI century are analyzed.

Mobile applications are considered as part of modern broadcasting in the context of such phenomenons as virtualization and content visualization of modern mass media.

Ключові слова: віртуальна реальність, змішана реальність, новаторство у журналістиці, мобільні додатки.

Key words: virtual reality, mixed reality, innovation in journalism and mobile applications.

Постановка проблеми. У сучасному світі комунікацій і технологій паралельно з візуалізацією відбувається віртуалізація журналістського контенту XXI століття. Розвиток соціальних мереж робить глобальний Інтернет-простір відкритим, доступним, інтернаціональним, завдяки чому він віртуалізується швидше. Технологію віртуальної реальності спочатку використовували лише в індустрії комп'ютерних ігор. Тепер її застосовують у журналістиці, медицині, навчанні, освіті, туризмі тощо. Технології віртуальної і доповненої реальності суттєво змінюють звичний спосіб комунікації.

Аналіз останніх публікацій. З огляду на новаторський, але водночас актуальний і перспективний характер теми, вивченню віртуальної, доповненої та змішаної реальності присвячено порівняно небагато праць науковців: М. Вашкевич, Р. Гаріфуллін, О. Генісаретський, А. Кісім, П. Мілграм, Р. Павлюк, Б. Потятиник, Т. Петрів та інші.

Основна мета даного дослідження – проаналізувати новаторсько-експериментальні підходи із застосуванням віртуальної реальності у журналістиці та інших видах людської діяльності.

Для досягнення зазначеної мети окреслено наступні завдання:

- дати визначення і походження наступним поняттям: віртуальна реальність, змішана і доповнена реальність і т. д.;
- дослідити особливості поширення інформації за допомогою мобільних додатків;
- проаналізувати переваги і недоліки віртуальної реальності з точки зору інформаційного споживача, а також окреслити перспективи застосування VR в майбутньому.

Розважальна та інформаційно-розважальні функції стали невід'ємною частиною новітніх ЗМК, що використовують мобільні додатки для поширення медійного контенту. Користувач звик до формату ігор, вікторин та інших віртуальних забаганок, що поступово стають частиною інформаційного продукту для мобільних додатків. Вна-

слідок цього відбувається трансформація формату подачі репортажів із місця події.

Новаторський підхід подачі контенту, пов'язаний із віртуальною реальністю, поступово стає звичкою сприйняття дійсності постійних Інтернет-користувачів. Першими у своїй журналістській практиці віртуальну реальність при висвітленні новин застосувало The New York Times (NYT). Американське видання у листопаді 2015 року розробило і запустило революційну технологію, яку було реалізовано у вигляді мобільного додатку. Перший інформаційний матеріал у такому форматі вийшов про Україну, про дітей війни, які втратили свої помешкання через військові дії. В 11-ти хвилинному відео розповідається про 11-річного українця Олега Терьохіна зі Сходу України, будинок якого був знищений терористами, підтримуваними Росією, 12-ти річну сирійську дівчинку Хану і 9-річного Чула з Південного Судану. Перегляд відео створює відчуття присутності на місці подій. Користувач телефоном в різних напрямках може оглядати все, що відбувається навколо. Щоб не потрапити в поле зору камер під час зйомок Олега та його друзів команда The New York Times ховається за дверима. Додаток NYT VR доступний для iOS- і Android-пристроїв. Можна переглядати відео як напряму з телефону, так і для більшого занурення в реальність – через Google Cardboard VR.

Virtualis у перекладі з латинської означає «можливий», «гаданий», «здатний», «той, що повинен чи може проявитися». Ясно, що це розуміння має мало спільного з тим значенням, якого згаданий термін набув у 80-90-х р. р. [1; С. 6]

Оксфордський словник подає «віртуальний» як такий, що не існує фізично, проте виглядає таким завдяки комп'ютерним програмним засобам, що його генерують. Віртуальні реальність, віртуальність – імідж, доквілля, генероване комп'ютерними програмами, з якими людина може взаємодіяти в інтерактивному режимі, використовуючи шолом, обладнаний екраном. [2]

Словник Вебстера визначає віртуальність як реалістич-

ну імітацію довкілля, включно з тривимірною графікою, за допомогою комп'ютерних засобів. [3]

Віртуальна реальність (англ. Virtual Reality) – комп'ютерні системи, які за допомогою візуальних, звукових, смакових, тактильних та інших ефектів занурюють користувача в уявний світ, з яким він взаємодіє за допомогою різноманітних сенсорів (шолом, рукавички, окуляри і т. д.). Характерними ознаками віртуальної реальності є: моделювання в реальному часі; імітація оточення з високим ступенем реалізму; можливість діяти на оточення і мати при цьому зворотний зв'язок. Нова технологія безконтактної інформаційної взаємодії створює відчуття реальності завдяки мультимедійним образам, звукам тощо. Створений комп'ютером штучний простір має всі ознаки реальності, де можливі комунікації як зі справжніми людьми, так і з вигаданими персонажами.

Перша спроба філософського осмислення віртуальності належить середньовічному логіку Дунсу Скоту (XIII ст.). У відомій суперечці стосовно природи всезагальних понять (універсалій) він зайняв позицію, компромісну між реалістами (платоніками) та номіналістами, вважаючи, що поняття мітять у собі емпіричні (чуттєво-досвідні) атрибути конкретних речей не формально, як деякі наперед встановлені ознаки, а віртуально. Критично-віртуальні фазові переходи між загальним та одиничним згодом дослідив у своєму «Вченому незнанні» німецький філософ, теолог, кардинал Римо-католицької церкви Микола Кузанський. Термін «віртуальність» також з'являється в XVII сторіччі в розробках класичної механіки, як позначення математичного експерименту, обмеженого об'єктивною реальністю, зокрема, накладеними зовнішніми обмеженнями і зв'язками. Власне, формулювання «віртуальної реальності» зустрічається вже в XIX сторіччі, зокрема, у слов'янофіла - позитивіста, представника школи культурно-історичної монадології М. Данилевського в праці «Россия и Европа». [4; С. 78]

Змішана реальність (англ. mixed reality, MR), іноді називають гібридна реальність – це злиття реальних і віртуальних світів для створення нових середовищ і візуалізації, де фізичні та цифрові об'єкти співіснують і взаємодіють у реальному часі. Змішана реальність має місце не тільки в фізичному або віртуальному світі, вона є сумішшю реальності та віртуальної реальності, включає в себе як доповнену реальність, так і доповнену віртуальність.

Складовою частиною змішаної реальності є доповнена (додаткова, розширена, поліпшена, збагачена) реальність (англ. augmented reality, AR), що спрямована на збільшення реальності за допомогою віртуальних елементів, тобто реальні об'єкти інтегруються у віртуальне середовище. Прикладом доповненої реальності є паралельна лицьової кольорова лінія, що показує знаходження найближчого польового гравця до воріт при телетрансляції футбольних матчів, стрілки з вказівкою відстані від місця штрафного удару до воріт, намальована траєкторія шайби під час хокею тощо.

Сам термін імовірно був запропонований при співпраці з корпорацією Boeing дослідником Томом Коделом в 1990 році. [5] Дослідник Рональд Азума в 1997 році визначив доповнену реальність як систему, яка поєднує віртуальне

і реальне; взаємодіє в реальному часі; працює в 3D. [6] У 1994 році Пол Мілграм і Фуміо Кісін описали Континуум Віртуальність-Реальність (англ. Milgram's Reality-Virtuality Continuum) - простір між реальністю і віртуальністю, між якими розташована доповнена реальність (ближче до реальності) і доповнена віртуальність (ближче до віртуальності). [7]

Віртуальна (VR) й аугментована (AR) реальність вражають уяву, однак ці платформи і додатки перебувають на ранніх стадіях розвитку і нагадують привабливий ринок смартфонів до приходу iPhone. Пристрої віртуальної реальності дозволяють досягти відчуття повного занурення в інший світ, в той час як AR-девайси здатні надати своєму власникові певні відомості про об'єкти навколо нього. За прогнозом Digi-Capital, 2017 року обсяги продажів на ринках віртуальної й аугментованої реальності становитимуть приблизно по \$10 млрд. Протягом наступних трьох років перший ринок зросте утричі, до \$30 млрд, а другий – у 12 разів, до \$120 млрд.

За твердженням науковця Б. Потятиника, незабаром можна буде не тільки знати, що відбувається на Близькому Сході чи в Америці. З'явиться можливість буквально відчувати себе у гарячій точці, в джунглях чи на субтропічному пляжі. Цілковита ілюзія реальності, де ліквідовано просторові і часові бар'єри, де зливаються «там» і «тут», «колись» і «тепер». Йдеться про те, що машина буде творити осмислений цікавий текст, використовуючи для озвучення імідж потрібної людини.

Отже, віртуальність – це певний внутрішній простір, картини у наших головах. Тобто віртуальність – це психічна реальність, це прояв у психіці численних інформаційних сигналів, реалізація їх на «екрані» психіки як «внутрішнього світу». Власне цей внутрішній світ і є єдиним доступним нам світом. Проте не тільки. Людина винайшла засоби комунікації, завдяки яким можна внутрішні світи, творячи віртуальну сферу. Тому віртуальність також інша свідомість або свідомість іншого, яка входить у мою. Тут можна було б вжити поняття «колективна» чи «велика свідомість». [8; С. 9]

Професійний репортер за допомогою образних і мовно-стилістичних засобів, що викликають уяву, може перенести підсвідомо свою аудиторію безпосередньо на місце події. Одним із найкращих прикладів впливу на уяву людини, яка сприймає інформацію на слух і водночас малює власні картини об'єктивної і вигаданої дійсності у своїй підсвідомості, є радіомовлення. Одного разу численна аудиторія радіослухачів навіть повірила, що на Землі висадилися марсіани. 30 жовтня 1938 року американська телерадіокомпанія CBS транслувала радіопостановку «Війна світів» за мотивами однойменного роману Герберта Уеллса. Під час годинної передачі, яку не переривали на рекламу і не нагадували час від часу про формат радіоп'єси (радіоспектаклю), повідомляли про висадку марсіан у штаті Нью-Джерсі, бої між американськими військами й прибульцями. Приблизно п'ята частина з 6 мільйонної аудиторії слухачів прийняла радіоспектакль за реальний репортаж новин – почалася масова паніка й істерія, люди тікали з міст, деякі з них стверджували, що бачили подібні до блискавок залпи прибульців і відчували запах їх отруй-

них газів. [9] Переконаливість у даному разі було досягнуто не лише за допомогою деталізації і сценарію радіопостановки, а насамперед інтонації, тону кореспондента.

Постановка режисера Орсона Уеллса була однією з перших, що викликала такий резонанс. Згодом радіостанції намагалися повторити цей ефект, тому повідомлення про напад японців на військову базу Перл Харбор у 1941 року американці сприйняли з недовірою. Отже, умовно побувати на місці подій можна під впливом чийогось потужного образного мислення або навіть власного.

Сучасна журналістика намагається уникати посередництва створюючи прямий зв'язок між інформатором і комунікатором. Журналістська віртуальна реальність здатна занурювати користувачів як індивідуально, так і масово в епіцентр актуальних подій і відкривати обрії за допомогою телекамер на 360 градусів. У цьому разі можливість оцінити ситуацію повністю перекладено на користувача, який має абсолютну свободу вибору.

Однак існує різниця між віртуальною реальністю і відео на 360 градусів, яке, як правило, тримає глядача в фіксованій точці. Таке відео використовують для віртуальних турів онлайн реклами готельно-ресторанного бізнесу або масштабних товарів і т. д. Деякі теоретики взагалі виокремлюють технології віртуальної реальності та відео на 360 градусів.

Журналістика у віртуальній реальності повинна дотримуватися таких же етичних норм, як і звична журналістика. При застосуванні новітніх технологій репортери мають переконатися, що аудиторії це не нашкодить, а навпаки, навчить користуватися документалістикою у віртуальній реальності з критичної точки зору. Попри професійну етику, журналістські стандарти і досвід колег минулого століття, сучасники також вдаються до вигадок з метою перевірки реакції масової аудиторії на моделювання тієї чи іншої події в прямому ефірі. Наприклад, 13 грудня 2006 року бельгійський державний телеканал RTBF повідомив, що Фландрія оголосила незалежність і Бельгія розкололася. У сюжеті передавали, що король Альберт II із родиною виїхав з країни, у Брюсселі й інших містах тривають багатотисячні мітинги. Фламандцям видаватимуть нові паспорти, мінятимуть автомобільні знаки. Попри те, що на екрані показували рухомий рядок «Це - вигадка», почалася паніка. Сотні людей телефонували в студію, вийшов з ладу на декілька годин сайт телеканалу. Противники відокремлення Фландрії вийшли на мітинги в Антверпені й Брюсселі. Наступного дня RTBF провів опитування і з'ясував: 89% телеглядачів повірили сюжету. Журналісти пояснили, що хотіли побачити ставлення людей до бажання Фландрії відокремитися. [10]

Застосування віртуальної реальності в людській діяльності має своє переваги:

- проведення медичного обстеження, консультацій і навіть дистанційних операцій;
- віртуальна присутність чоловіка під час пологів дружини;
- підготовка персоналу різних галузей;
- надання і отримання послуг (довідково-інформаційного, консультативного характеру і т.д.)
- можливість мандрувати в часі і просторі;

- освіта;
- туризм;
- відтворення історичних подій в музеях тощо.
- і недоліки:
  - втрата психологічного контролю споживача над дійсністю через тривале занурення у віртуальну реальність;
  - новини, що відображають дійсність, споживач може сприймати як продукт вигаданого змісту, проводячи паралелі з кіновиробництвом;
  - зникнення потреби особистісного спілкування на професійному і побутовому рівні в майбутньому;
  - можлива залежність користувача від віртуального простору, що призводить до існування в ілюзорному світі та перетворює його на об'єкт маніпуляцій;
  - негативні наслідки для здоров'я людини: скарги на сильні головні болі та розосередження уваги (особливо для людей із проблемами зору).

При підготовці персоналу в авіакосмонавтиці, дайвинзі, історії, медицині та інших сферах людської діяльності використовують спеціальні тренажери з навчальною метою.

В медичному коледжі Weill Cornell (Нью-Йорк, США) є кімната віртуальної реальності зі спеціальною системою з графічною гарнітурою і засобами тактильного зворотного зв'язку. Набуваючи необхідні навички для проведення успішних операцій, майбутні хірурги відчувають механічний вплив на органи «хворого». На аналогічному тренажері вчать робити місцеву анестезію майбутні стоматологи в Університеті Аахена (Німеччина). Попри те, що станом на 2016 рік на VR симуляторах вчать всього 1% студентів у США, перевага і перспектива подібного обладнання очевидна.

Віртуальні прилади підвищують якість медичних послуг, допомагають при діагностиці та операціях: у спеціальних окулярах лікар може побачити тривимірні знімки, зроблені рентгеном, УЗД або томографом; за допомогою «чотирирукого» робота Da Vinci хірурги, які сидять спиною до хворого за пристроями з 3D окулярами і джойстиком, роблять операцію. Можливо, згодом популярності наберуть дистанційні консультації з лікарем через окуляри віртуальної реальності.

У психології та психіатрії віртуальна реальність допомагає подолати панічні страхи, сприяє швидшому одужанню і кращому розумінню пацієнта. Учасники бойових дій і спецоперацій, ветерани позбуваються посттравматичного синдрому.

За допомогою технологічного обладнання віртуальної реальності чоловік, перебуваючи в іншому місці, мав змогу бути присутнім при пологах своєї дружини. Для того, щоб збудити уяву школярів, наприклад, учителі історії впроваджують в освітній процес практику відвідування музеїв із VR. Реальність – це процес, який вимагає участі людської свідомості, а спостерігач – це той, хто виконує саму дію. Віртуальні технології успішно використовуються в туризмі, урізноманітнюють і вдосконалюють сферу послуг і парках розваг з атракціонами від віртуальних американських гірок з рухливими кріслами до подорожей різними країнами світу.

Можна виділити п'ять основних видів реальностей:

природна віртуальність, мистецька віртуальна реальність, паравіртуальна реальність, протовіртуальна реальність, інтегрована віртуальна реальність. Природна віртуальність – це властива людині сфера її духовно-психічної діяльності, що реалізується у сновидіннях, мріях, фантазуваннях, дитячих іграх, галюцинаціях. Специфіка мистецької віртуальної реальності полягає у свідомій участі в ній реципієнта, у частоті глибоких переживань і емоцій, ніж за умови звичайної діяльності людини, головне - в естетичній насолоді, яку відчуває особистість упродовж всього часу сприймання цієї реальності. Паравіртуальна реальність створюється психоделійним мистецтвом і постмодерністським авангардним мистецтвом, що продукує елементи віртуальності без застосування інформаційно-комунікаційних технологій. Генератором своєрідної квазівіртуальної реальності є психоделійне мистецтво, що створюється при змінених станах свідомості митця. До протовіртуальної реальності належать усі форми й елементи віртуальності, що виникають або свідомо створюються при використанні сучасної комп'ютерної техніки. Суть інтегрованої віртуальної реальності полягає в тому, що реципієнт, який перебуває в спеціально обладнаному кріслі, з допомогою сенсорних датчиків, що поєднують його з комп'ютером, може проникати в образі свого електронного двійника всередину кіберпростору і частково самостійно формуючи його і свій власний образ, активно брати участь в арт-ігрових ситуаціях, модифікувати їх відповідно до власних бажань, комунікувати як із віртуальними, фантомними персонажами програми, так і з власними винаходами (електронне моделювання), а також із іншими реципієнтами - учасниками, арт-партнерами, які увійшли у віртуальний простір за допомогою персональних комп'ютерів, розміщених у різних куточках земної кулі, і при цьому переживати комплекс відчуттів повністю адекватних діям і відчуттям людини в реальній життєвій ситуації. [11; С. 79]

Все частіше виробники інтегрують віртуальну реальність у смартфони і соціальні мережі. Мобільні додатки є складовою сучасного телерадіомовлення в контексті таких явищ, як візуалізація і віртуалізація контенту сучасних ЗМК. Мобільний додаток (англ. «Mobile app»): - програмне забезпечення, призначене для роботи на смартфонах, планшетах та інших мобільних пристроях. Численні мобільні додатки вбудовані при виробництві або можуть бути завантажені на нього з онлайн-магазинів додатків, таких як App Store, BlackBerry App World- та інших, безкоштовно або за плату.

Першочергово мобільні пристрої використовувалися для швидкої перевірки електронної пошти, але їхній високий попит привів до розширення їхньої призначень і в інших областях, таких як ігри для мобільних телефонів і GPS, спілкування, перегляд відео і користування Інтернетом.

Ринок мобільних додатків сьогодні дуже розвинутий і неспинно росте. Термін «додаток» - скорочення від англійського терміна «прикладне програмне забезпечення» - став дуже популярним.

Мобільні гаджети виконують функції пульту дистанційного керування. Наприклад, першим у світі паперовим

літачком з електромоторами (PowerUp FPV) можна керувати за допомогою фірмового додатка для смартфона і водночас дивитися відео польоту. Паперовий безпілотник може літати в автономному режимі за визначеним маршрутом або за допомогою сенсорних кнопок інтерфейсу чи нахилів смартфона, на дисплей якого також транслюється зображення з камери. За допомогою спеціально встановленого додатка можна вмикати лампочку, обирати один із мільйона кольорових відтінків, синхронізувати світлове шоу в домашніх умовах із музичним супроводом і т. д.

Основною платформою для спілкування та обробки даних поряд із телефонами в найближчі десять років стануть технології віртуальної реальності. Наявність смартфона в сумці або кишені скоріше стане звичкою або залежністю, адже люди користуватимуться окулярами віртуальної реальності, що створюють ефект присутності та дозволяють миттєво ділитися враженнями з близькими людьми. Розробники удосконалюють технології віртуальної реальності і устаткування для занурення в комп'ютерні вимірювання вже виходять на ринок і стають більш доступними. Одним із популярних винаходів 2016 року є шолом Oculus Rift, який при відносно скромних технічних характеристиках, пропонує повноцінне занурення в абсолютно інший світ. Можна по-новому побачити і насолодитися будь-яким заходом, починаючи з концертів та віртуальних турів і закінчуючи спортивними подіями. Розробка до вподоби любителям ігор з ефектом присутності та кутом огляду в 360 градусів.

Технології віртуальної і доповненої реальності лише починають розвиватися, однак згідно з дослідженнями CCS Insight, обсяг ринку віртуальної і доповненої реальності складе 4 млрд. \$ до 2018 року, а кількість продаваних пристроїв віртуальної реальності досягне 20 млн.

Технологічні винаходи витісняють або доповнюють попередників: друкарська машинка – комп'ютер – ноут-бук - планшет - смартфон - окуляри доповненої або навіть віртуальної реальності – лінзи - ?..

Однією з мотивацій прогресу є спроба уникнути посередництва при обробці та передачі інформації. Наступним витком розитку технологій і людини є можливість ділитися своїми почуттями і емоціями з іншими людьми на відстані. Існує наукова гіпотеза, що людина мала і має таку властивість, однак через відсутність потреби її застосувати людський мозок не розвиває особливості телепатії природній шляхом. Вчені обирають логічно-обґрунтований і раціональний шлях, який в часових рамках довший і менш ризикований за чутливо-інтуїтивний.

Найбільшим досягненням в області комунікаційних технологій, за прогнозами власника Facebook Марка Цукерберга, може стати створення особливих технологій телепатії, за допомогою яких люди зможуть миттєво ділитися думками один з одним, якщо захочуть. Дослідженнями і практичними спробами встановити прямий контакт між мозком двох різних людей займається команда Starlab в Барселоні (Іспанія) і фахівці Axilum Robotics у Страсбурзі (Франція). У 2020 році може з'явитися шолом віртуальної реальності, який зможе вимірювати рівень активності кори головного мозку людини. Подібні розробки нагадують наукову фантастику, але новаторством свого часу ста-

ла поява стільникових телефонів, які тепер є невід'ємним атрибутом комунікації в повсякденному житті та найпоширенішим електронним пристроєм на споживчому ринку в усьому світі. За прогнозами аналітиків, в 2016 році буде продано близько 1500 млн. смартфонів.

Із появою iPhone 3G у 2008 році почалася ера мобільного контенту. Найбільшу динаміку зростанням серед усіх платформ доступу до Інтернет має мобільна інформація. За даними Morgan Stanley Research, на початку 2014 року чисельність Інтернет користувачів стаціонарних комп'ютерів і мобільних пристроїв стала практично однаковою і досягла приблизно 1700 мільйонів.

Текстова версія для мобільних телефонів дуже стисла за обсягом, але може бути розширена за допомогою посилань. Формат і контент мобільних додатків більш розважальні. Навіть суто інформативні програми оформлені у зручному для сприйняття вигляді «infotainment». Завдяки новітнім комунікаційним технологіям користувачі все частіше застосовують нові способи спілкування. Наприклад, Hangouts пропонує покращений чат із новими функціями:

- чат із групою людей;
- надсилання вкладених фотографій, наклейок і смайликів;
- телефонні дзвінки та відеочати за участю до 10 чоловік;
- спілкування на ходу в Hangouts для Android або iOS.

Вищезазначені можливості користувачі можуть також використовувати для публічних обговорень актуальних питань і резонансних подій. Мобільний контент передбачає власну модифікацію пакету новин, де індивідуальна підбірка інформації відбувається автоматично або за замовленням споживача. Особливість мобільної журналістики полягає не лише у новому форматі подачі контенту, а й оперативності передачі даних.

Ефективний постачальник інформації сучасної конвергентної редакції – це універсальний журналіст зі смартфоном. Для збору і поширення аудіо, відео, фото, текстів і т. д. на різноманітних мультимедійних платформах достатньо базових технічних вмінь, а також вдало організувати свій час для оперативного поширення. Популярними інструментами покращення якості матеріалів для журналістів слугують мобільні додатки для роботи з аудіо, відео, фото та стрімінгом. Функції для обробки можуть бути інтегровані з Інтернет-сервісами за допомогою безкоштовних додатків. Збільшити функціональність смартфонів можливо за допомогою спеціальних аксесуарів і платних мобільних програм (аплікацій).

Програми для роботи з аудіо:

Audioboo - програма для запису, трансляції та розповсюдження аудіо.

Soundcloud і MixCloud дозволяє завантажувати та поширювати аудіофайли в соціальних мережах, блогах і т. д. Запис може візуалізуватися за допомогою фотографії.

Luci Live - мобільний додаток для професійних радіоників.

Voice Memos і Voice Record Pro (для iOS) для запису якісного звуку на диктофон у мобільному телефоні.

Програми для роботи з відео:

PicPlayPost - для створення відео колажів, дозволяє додавати музику і завантажувати готовий матеріал на Facebook, Vine та Instagram.

Videolicious - додаток для відеомонтажу, накладення титрів і т. п.

ThingLink дозволяє зробити відео та фото більш інтерактивним.

Vine - програма для створення інтерактивних коротких відео з ефектом руху.

Bambuser і Periscope дозволяють стрімити з мобільного телефона з Інтернет доступом

Програми для роботи з фотографіями:

Flickr - фоторедактор.

Instagram одаток дозволяє редагувати фото безпосередньо перед завантаженням і поширювати.

Legend призначена для створення рухомих картинок із текстом.

Picmonkey дозволяє створювати колажі, елементи дизайну, редагувати онлайн.

Snapseed - фоторедактор в мобільному телефоні, що корегує яскравість, контраст, насиченість.

TheNounProject - сайт для завантаження ілюстрацій, іконок, ескізів, символів тощо.

Оснащеність працівників компактним професійним спорядженням вигідна редакціям, адже багатопрофільний журналіст (англ. backpack journalist) завжди зможе фіксувати новини. У травні 2013 року щоденна чикагська газета Chicago Sun-Times звільнила всіх фотографів і зобов'язала журналістів фотографувати на смартфони. Адже якість світлин, знятих на вбудовані камери настільки висока, що підходить як для друкованої, так електронної версії видання.

Видання The Wall Street Journal створило окрему сторінку і заохочує журналістів робити відеоматеріали за допомогою телефону. Мобільне відео дозволяє робити інтерв'ю, кліпи, створювати новинні репортажі тощо. Однак навіть найсучасніший телефон, який можна використовувати для різних типів ЗМК, не допоможе створити професійний телевізійний продукт.

Технології трансформують не лише медійний контент, а й стиль медіатекстів. За твердженням проф. А. Мамалиги, «системний характер мовної економії спостерігається на матеріалі побудови таких одиниць, як речення, фраза. Є визнаним характерне для медіастилю використання простих речень, малокомпонентних складних, неповних, одночленних речень».

Доцільність мовної економії пояснюється передусім її стилеутворювальними функціями. Завдячуючи стислому, фактологічно-сутнісному, короткому і водночас компактному викладові, реалізуються такі особливості медіастилю, як оперативність, конкретність, точність, інформаційна доступність для величезної кількості людей і врешті-решт – відчутний вплив на формування суспільної думки, у тому числі й засобами експресії. [12; С. 69]

Тенденція скорочення обсягу матеріалів притаманна всім ЗМК, особливо електронним версіям, що поширюються за допомогою мобільних додатків. З огляду на сучасні тенденції соціальних комунікацій мобільна журналісти-

ка, новітні технології створення і поширення медійного контенту, зокрема за допомогою віртуальної реальності, будуть активно розвиватися ставати більш доступними для широкого загалу користувачів.

Список літератури:

1. Потятиник Б.В. Медіа: ключі до розуміння. Серія: Медіа критика. – Львів: ПАІС, 2004. – 312 с.
2. The Oxford English Reference Dictionary, 1996.
3. Webster's New Universal Unabridged Dictionary, 1996.
4. Павлюк Р. Структурні елементи віртуального навчального іншомовного середовища педагогічного вишу / Р. Павлюк // Молодь і ринок. - 2012. - № 3. - С. 77-81
5. Brian X. Chen (2009-08-25). If You're Not Seeing Data, You're Not Seeing. August 2011.
6. R. Azuma, A Survey of Augmented Reality Presence: Teleoperators and Virtual Environments, p. p. 355–385, August 1997.
7. P. Milgram and A. F. Kishino, Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays IEICE Transactions on Information

and Systems, E77-D(12), pp. 1321–1329, 1994.

8. Потятиник Б.В. Медіа: ключі до розуміння. Серія: Медіа критика. – Львів: ПАІС, 2004. – 312 с.
9. Radio Beat: Oct. 30, 1938 – The broadcast that scared a nation.
10. http://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_pyat-zhurnalistskih-vigadok-u-yaki-povirili/332847
11. Павлюк Р. Структурні елементи віртуального навчального іншомовного середовища педагогічного вишу / Р. Павлюк // Молодь і ринок. - 2012. - № 3. - С. 77-81
12. А. Мамалига. Комунікаційно-синтаксична специфіка медіа текстів: мовна економія (за матеріалами сучасних видань). // Мова. Суспільство. Журналістика: Збірник матеріалів ХХІІ міжнародної науково-практичної конференції з проблем функціонування і розвитку української мови «Мова. Суспільство. Журналістика» (Київ, 8 квітня 2016). – К.: Видавець Паливода А. В., 2016. – 152 с.

VARIABLE AND INVARIABLE INNER FORM OF THE WORD

Djafarova D.I

Scientific researcher,

Uzbek State University of World Languages

ABSTRACT

This article is devoted to the analyses of variable and invariable inner form of the word in French and Uzbek languages. All illustrations in this article are based on birds and plants items.

Key words: motivation, motivational mark, inner form of the word, motivology, variable and invariable of inner form, motivational meaning, polymotivation.

Variability problem of the inner form of the word is reflected in several works like [Blinova 1974, 1980; Kosyanova 1994; Mihalyova 1994;], where the notion of variability is explained as “changing of the inner form as a result of polymotivation at the expense of motivational form and meaning of a word.” [Blinova 1984, 184].

The variability of inner form of the word is viewed as a result of morpho-semantic structure of motivational unit, language collective conceptual difference and exposed by the linguists on the basis of unit factors of language perception. The distinguishing features of the inner form of the word (IFW) may be homogeny, and may be reflected in motivational paradigm that has heterogeneous structure.

There are two types of notions of aviculture and horticulture in analyzed languages. They are the followings:

1. Variability of inner form of the word (VIW).
2. Invariability of inner form of the word (VIW).

Inner form of the word is considered to be invariable if one variant of motivational meaning (MM) and one variable of motivated form is marked (MF). As an illustration of invariability of inner form we will give examples of birds and plants items in Uzbek language.

Кокилдор читтак (Kokildor chittak) – motivational meaning (MM): a bird that has a topknot on its head;

Кизил бўйинли булбул (Qizil boyinli bulbul) – motivational meaning: a bird with red colour under its neck;

Найбурун (Nayburun) – motivational meaning: a bird that has small canals in its nose;

Коровой (Qoravoy) – motivational meaning: a bird that has black feather;

Илонхўр бургут (Ilonhur burgut) – motivational meaning: an eagle that feeds with poisonous snakes (adders);

Бигиз тумшук (Bigiz tumshuq) – motivational meaning: a sharp headed bird;

Откулок (Otquloq) – motivational meaning: the figure of the leaf is similar to horse's ears;

Сутқон (Sutqon) – motivational meaning: a plant which has poisoned sap alike milk;

Тугмачагул (Tugmachagul) – motivational meaning: a plant with white flowers alike small buttons;

Соябонгул (Soyabongul) – motivational meaning: a plant which has a form alike canopy;

Саллагул (Sallagul) – motivational meaning: a plant which has flowers that spinned like turban;

Шакарак (Shakarak) – a sweet type of melon;

In French language the items of invariable inner form of the word are more than in Uzbek language:

Ortie – motivational meaning: a plant with a touch of which body starts to scratch;

Belle – de – nuit – motivational meaning: a plant which blossoms in the evening;

Courvite – motivational meaning: fast running bird;

Filassier - motivational meaning: a bird which as a drill sticks into grain (fiber);

Fauvette - motivational meaning: a bird which's feathers are light yellow coloured;

Chasseton - motivational meaning: a bird that chases well;

Durbec - motivational meaning: a bird with hard beak;

Paquerette - motivational meaning: a plant which blossoms in Easter holiday;

Bleuet - motivational meaning: a plant with blue flowers;

Paturin - motivational meaning: a plant which blooms on pasture lands;

Bardanette - motivational meaning: a plant alike old woman;

Jaunette - motivational meaning: a plant with yellow flowers;

Invariable inner form of the word is appeared in the followings:

1. Motivational names of the birds based on their pronounced voices (diver, wood sandpiper and others).

2. Compound marked motivational ornithonyms;

3. Semantic motivational ornithonyms (frigate, cricket) (Adilova, 1996, 76). But in our opinion, some of the birds' names that are indicated with pronounced voices can be an example to the invariable type of inner form. For example: как-ку, шак-шак, биз –биз (kakku, shaq-shaq, bzz-bzz) birds can be examples to invariable inner form of the word.

Биз – биз (bzz-bzz) motivational meaning: while flying pronounces sound bzz-bzz;

Какку – motivational meaning: a bird that pronounces sound ku-ku;

In French language there are also the names of the birds that are named due to the pronounced sound and they can be examples to the invariable inner form of the word: Coucou, Pit – pit, dudu.

Relativity of variability of the inner form is featured despite of the type of motivated item inner form. We can give the following examples:

Кўнкирокгул (Qongiroqgul) – motivational meaning: 1. A plant which form is alike bluebell; motivational meaning: 2. A plant which produces sound of a bluebell;

Калампир ўт (Qalampir ot)– motivational meaning: 1. A plant which bitters as pepper; motivational meaning: 2. in a form of pepper; motivational meaning: 3. its colour is as pepper's colour.

Император пингвин (Imperator pingvin) – motivational meaning: 1. Impressive as an imperior; motivational meaning: 2. has an ability of governing; motivational meaning: 3. high

Сув бургути (Suv burguti) – motivational meaning: 1. inhabits in a place of reservoirs; motivational meaning: 2. gets own prey from water; motivational meaning: 3. swims on the surface of a water.

Variation of the inner word depends neither to nominational principle nor to complexity of motivational sign, or may be connected to a motivational type or motivational signs of items that features with its informative opportunities; as more will be informativity of motivational meaning, so much will be an opportunity of changeability of inner form of a word.

As a result of polymotivation variability of inner form of the word can occur the followings:

a) changing of the form of motivational sense; bechot (beche

- spade, becher –garden fork, to dig), plant. niveole (nival-snowy));

b) different segmentation of motivational form;

c) changing of motivational form and motivational meaning at one time; oeillet (ear) ва oeill/et (oeil/eye).

Changing by inner form polymotivation can be divided into two forms:

1. The word that has an invariable inner form (i.e. has not changeable motivational form and changeable motivational meaning). In this case, variable inner form of the word is relevant to the words with homogeneous motivated paradigm:

Тарикхўр (Tariqhur) - motivational meaning: 1. A bird that feeds up with grain of millet; motivational meaning: 2. A bird that lives near crops of miller; motivational meaning: 3. A bird that comes during sowing time of a millet; motivational meaning: 4. A bird with a colour of a millet.

Найгул (Naygul) – motivational meaning: 1. A plant hollow top of which is in a form of pipe; motivational meaning: 2. A plant from which pipe is made.

Газанда (Gazanda)– motivational meaning: 1. A plant which infects other plants; motivational meaning: 2 a plant which lives on account of other plants affecting their roots.

An illustration to constituent list of the names of birds can be the following: Мешкобкуш (Meshkobqush), Болтатумшук (Boltatumshuq), Таскара (Tasqara), Иблис (Iblis), Йилкичи (Yilqichi). There are a big amount number of the plants' names that can be included to this group: Тўнкизтарок (Tongiztarok), Туяпайпок (Туярауроқ), конютар (Qonyutar), кайикчагул (Qayiqchagul), Ўроқтумшук (Uroqtumshuq), Юлдузўт (Yulduzot) and others.

In French language:

Veuve – motivational meaning: 1. a bird that pronounces sound of crying widow; motivational meaning: 2. A bird with long feathers that are alike black clothes of widow;

grande+eclair – motivational meaning: 1. A plant flowers of which are light yellow colour that are alike lightning; grande-big, éclair-lightning; motivational meaning: 2. A plant that grows up in a form of lightning;

Ficaire – motivational meaning: 1. A plant that is alike wart; motivational meaning: 2. A plant from the sap of which warts can occur.

The following examples can be illustrated to this group: motteux, huitrier, bare, souchet, spatule; plants: Pulicair, lamme-de-Job, nid-d'oiseau, viperine, alliaire, sabline.

These types of words which have heterogeneous motivational paradigm are occurs very frequently:

Bechot – motivational meaning: 1. A bird whose beak reminds shovel, beche-shovel; motivational meaning: 2. A bird that digs the ground, becher-(ground) to dig.

2. A word that has variable inner form (has variable motivational form and variable motivational meaning). This type of word usually has heterogeneous motivational form.

Баликчи (Baliqchi) – motivational form: 1: Fisher; motivational meaning: a bird that feeds with water fishes; motivational meaning: 2: Fisher; Motivational meaning: a bird that looks like fish;

Бакасалла (Baqasalla) - motivational meaning: Motivational form: 1: frog/turban; motivational meaning: poisonous cep; motivational form: 2: Turban of a croaker: motivational

meaning: type of a cep that reminds the form of turban;

Нонжийда (Nonjiyda) – motivational form: 1 bread: /jiyda; motivational meaning: meat type of big jiyda; motivational form: 2: Breadjiyda; motivational meaning: type of jiyda that is hearty as a bread;

Совунак (Sovunak) - motivational form: 1: Soap; motivational meaning: a plant roots of which produce foam alike soapsuds (lather); motivational form: 2: Soapier; motivational meaning: frothing plant

The variability of inner form of the word of the names of birds and plants in French language is considered to be one of its distinctive features.

Combattant - motivational form: 1. COMBATT/ANT. motivational meaning: 1. A fighting bird; motivational form: 2. COMBATTANT; motivational meaning: 2. A bird that behaves itself as a warrior, combatant-soldier;

Oeillet - motivational form: 1. OEILL/ET; motivational meaning: 1. A plant form of which reminds an eye, oeil-eye; motivational form: 2. OEILLET; motivational meaning: мотивацион

вацион маъно 2: a plant with flowers that are alike ears; oeillet-ear;

Compagnon – motivational form: 1. COMPAGN/ON; motivational meaning: 1. A plant sprouts with its seeds, accompagner- be together. Motivational form: 2. COMPAGNON; motivational meaning: 2. A plant constant companion of which is sowing wheat;

Globulaire - motivational form: 1. globul-aire, motivational meaning: 1. A plant that is like ball; motivational form: 2. Globulaire; 2. motivational meaning: a plant in a form of a ball;

Dentaire - motivational form: 1. dent/aire; motivational meaning: 1. A plant leaves of which are in a form of teeth, dent-tooth. motivational form: 2. Dentaire; 2. motivational meaning: a plant whose edges of leaves are in a form of teeth, dentaire-toothed.

The results of motivational comparative analysis of variable and invariable inner form of the word of aviculture and horticulture of both languages are given in the following 6th table.

Table # 6

Type of the IFW (Inner form of the word)	Items of the aviculture				Items of the horticulture			
	Uzbek lan-ge		French lan-ge		Uzbek lan-ge		French lan-ge	
Total LEXICAL UNITS	126	100%	109	100%	127	100%	128	100%
Variable	49	39%	27	25%	46	36%	26	20%
Invariable	77	61%	82	75%	81	64%	102	80%

*Total number of motivational lexical units

Motivational comparative analysis of variable and invariable inner form of the word (IFW) of semantical group micronism in Uzbek and French languages shows that a big amount of variable inner form is dedicated to birds items: in Uzbek language their number consist of 39%.

Semantical group of variable IFW of plant items consist of 36%. Variable inner form of the word of lexical items in French language are substantially less than in Uzbek language, i.e. items of birds consist of 25% and items of plants are 20%.

Motivational paradigm degree of lexical units of comparative analysis gave the following results. Firstly, pertaining lexical units' minor inner form with main inner form has the same variability and well-matches each other from the semantic side.

Adequate lexical units:

uzb.: Фрегат (Fregat) - motivational meaning: 1. A bird, form of the body of which is like fregat;

fr.: fregate - motivational meaning: 2. A bird which swims like fregat.

uzb.: Кардинал (Cardinal) - motivational meaning: 1. Red-feathered bird whose feathers are alike the clothes of cardinal;

fr.: Cardinal - motivational meaning: 2: Red-feathered bird on the head of which there is a hat like cardinal's.

Equivalent lexical units:

uzb.: Сарик тож (Sariq toj) - motivational meaning: 1. A bird which has a yellow line on its head that is alike the crown;

fr.: Roilet - motivational meaning: 2. A bird whose cirrus is alike the crown of a king, roi-king;

uzb.: Ойгул (Oygu) - motivational meaning: 1. A plant that grown up in a moon light;

fr.: Lunaire - motivational meaning: 2. Fertile plant which fetals' flowers are alike round moon, lune-moon.

uzb.: Мисвок (Misvoq) - motivational meaning: 1. A plant which is used to clean teeth;

fr.: Dentaire - motivational meaning: 2. A plant whose leaves are alike teeth, dent-tooth.

Secondly, in the group of lexical units of relevant inner form the items may differ:

a) In a case where by the number of inner variability matches one of the motivational meaning:

uzb.: Ёнкокхўр (Yongoqhor) - motivational meaning: 1. A bird that feeds with nuts; motivational meaning: 2. A bird that catches nuts; motivational meaning: 3. A bird that inhabits in hazel-rough.

fr.: Casse-noix . motivational meaning: A bird that grinds the nuts, noix-hazel.

uzb.: Лайлактумшук (Laylaaktumshuq) – motivational meaning: A plant which form is alike the heron's tail.

fr.: Bec de – grue - motivational meaning: Fertile plant which is alike the beak of the crane, bec-beak, grue-crane.

b) Moreover, inner form variants that have propositional structure are at the same amount due to the motivational meaning components of semantics:

uzb.: Тарикхўр (Tariqhor) - motivational meaning: 1. A bird that lives in crops of miller; motivational meaning: 2. A bird

that feeds with the crops of miller;

fr.: Linotte - motivational meaning: 1. A bird that inhabits on the area under crops of flax; motivational meaning: 2. A bird that feeds with the crops of flax, lin-flax.

uzb.: Чигиртка (Chigirtka) - motivational meaning: 1. A bird that pronounces sounds which reminds the sound of black cricket; motivational meaning: 2. A bird that feeds with crickets;

fr.: Locustelle - motivational meaning: A bird which voice is alike crickets'.

c) Lexical units that have the same motivational meaning component of semantics but differs with propositional structure:

uzb.: Кунгабокар (Kungaboqar) - motivational meaning: 1. A plant which colour and form is alike the sun; motivational meaning: 2. A plant that grows up towards the sun;

fr.: Tournesol - motivational meaning: A plant which turns its flowers toward the sun, tourner-turn, sol(eil)-the sun.

Common component of lexical units' semantics of French and Uzbek languages is considered to be "the sun".

uzb.: кўёнжун (Quyjonjun) - motivational meaning: 1. A plant which colour reminds the colour of a hare; motivational meaning: 2. A plant which form reminds hare;

fr.: Queue - de - lievre - motivational meaning: 1. A plant which form reminds the tail of a hare; motivational meaning: 2. A plant which colour is similar to the colour of hare's tail;

d) When one semantical component of motivational meaning well-matches with a number of variants of inner form and propositional structure:

uzb.: қошиқтумшук (Qoshiqtumshuq) - motivational meaning: 1. A bird beak's form of which reminds a spoon; motivational meaning: 2. A bird with thick beak;

fr.: Bec - en - cuiller - motivational meaning: bec- beak, cuiller - spoon, a bird with a beak like a spoon; motivational meaning: 2. A bird which colour reminds the colour of a spoon;

Common semantic component of French and Uzbek items is "spoon beak".

uzb.: Мехригиё (Mehrigiyo) - motivational meaning: 1. A plant which considers to be medicinal and wound healing from all illnesses; motivational meaning: 2. Healing herb that is used in medicine; motivational meaning: 3. Reviving plant arising beneficence;

Among people there is such legend that to a person who carries the seed of this plant with him/herself others will be very kind.

fr.: Vulnenaire - motivational meaning: 1. A plant that has healing properties; motivational meaning: 2. wound healing herb; motivational meaning: 3. wound reviving plant, vulnenaire-to cure, to heal, to revive.

Common semantic component of motivational meanings of French and Uzbek items is "wound healing".

Here we will illustrate one of the descriptions of comparative inner form of the word (IFW): If inner form of lexical units will match due to the semantical motivational meaning, whether the inner form is one variant and whether only one semantical component matches it is considered to be as comparative.

Thirdly, in a group of lexical units that has non - alternative inner form despite of the number of inner variants of birds and

plants items that matches, they differ in any case by semantic motivational names.

uzb.: Бўздоқ (Buzdoq) - motivational meaning: 1. A bird that unfits for chasing; motivational meaning: 2. A bird inhabits in a place where are loads of mice;

fr.: Crecerelle - motivational meaning: A bird which sound is alike rattle, crecelle-rattle.

Due to the variability and invariability of inner form of the word during the motivational comparative analysis of French and Uzbek motivational aviculture and horticulture items comparative lexical units can be distinguished to the following types:

Variable inner form of the word-variable inner form of the word

uzb.: Жавдар қуш (Javdar qush) - motivational meaning: 1. A bird that inhabits on an area cropped by rye corn; motivational meaning: 2. A bird which colour is like yellow rye; motivational meaning: 3. A bird that feeds with rye; motivational meaning: 4. A bird that comes while sowing rye crops;

fr.: Pluvier - motivational meaning: 1. A bird that flies during rain; motivational meaning: 2. A bird singing during rain; motivational meaning: 3. A bird that with its singing calls rain, pluie-rain.

uzb.: Карнайчи (Karnaychi) - motivational meaning: 1. A bird which beak is in a form of trumpet; motivational meaning: 2. A bird which singing is like the sound of a horn;

fr.: Oiseau - trompette - motivational meaning: 1. A bird which pronounces a sound of pipe, oiseau-bird, trompette-pipe; motivational meaning: 2. A bird beak of which is alike pipe;

Variable inner form of the word-Invariable inner form of the word

uzb.: Буқоқли қаптар (Buqoqli kaptar) - motivational meaning: 1. A bird pronounces sounds from the gullet; motivational meaning: 2. A bird with white stripe on its neck; motivational meaning: 3. A bird that has lips under throat;

fr.: Tourterelle - motivational meaning: 1. Noisy bird that pronounces loud sounds; motivational meaning: 2. A bird that has white stripe on its throat;

uzb.: Тахтакана (Tahtakana) - motivational meaning: 1: a plant that attracts insects; motivational meaning: 2. A plant that repels insects; motivational meaning: 3. A plant which smell attracts insects;

fr.: Passerage - motivational meaning: flower of anger, passer-passer, rage-anger.

uzb.: Тегманозик (Tegmanozik) - motivational meaning: 1. Sharp picking fragile plant; motivational meaning: 2. Touch-me-not plant which throws its fetus if touched.

Variable inner form of the word of motivational units of morpho-semantical structure is viewed as a result of conceptual differences of language collectivity. It may happen as a result of half motivation changing, inner form of the word changes, motivational forms changing and also may happen due to the motivational meaning changing. The feature of changeability of inner form of the word may have homogeneous as well as heterogeneous structure that occurs in motivational paradigm of the words.

Comparative analysis of variable and invariable inner form of the words showed that a huge number of words that have

variable inner form refer to Uzbek language that is considered to be a special feature of motivational structure in Uzbek language. (avicult-39%, horticult-36%). In French language their number is less. (avicult-25% and horticult- 20%).

Used literature:

1. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск: 1974.
2. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учеб. пособие. Томск: 1984; изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком» \ URSS, 2010.
3. Блинова О.И. Мотивационный словарь и его ин-

формативные возможности // Междунар. симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М.:1984.

4. Косьянова Ж.А. Варьирование внутренней формы слова в диалектной речи// Явление вариативности в языке. Кемерово: 1994. –С187-188.

5. Михалёва Е.В. Явление лексикализации внутренней формы слова: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск: 1994.

ВЕРБАЛЬНА ТА НЕВЕРБАЛЬНА СКЛАДОВІ СУЧАСНОГО ФРАНЦУЗЬКОГО КОМІКСУ

Калініна-Шамрай В.Р.

кандидат філологічних наук,
асистент кафедри Французької філології
Київського національного університету
ім. Тараса Шевченка (Україна)

VERBAL AND NONVERBAL ELEMENTS OF FRENCH MODERN COMICS

Kalinina-Shamrai V.R. candidate of linguistics, lecturer of the department of French philology Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine)

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена дослідженню вербальної та невербальної складової сучасного французького коміксу. Результати аналізу свідчать про гармонійне поєднання та взаємовплив цих компонентів. Виявлено варіативність способів відображення вербальної та невербальної складової та визначено їх вплив на реципієнта. З'ясовано доцільність використання коміксів як дидактичного матеріалу для вивчення французької мови.

ABSTRACT

The article deals with verbal and nonverbal elements of a comic strip. The harmonic combination and interaction of these elements is shown. The results of analysis evidence the wide range of verbal and paralinguistic components representation methods and its effects on the recipient. It is determined the utility of comics use as teaching tools in foreign language teaching and learning.

Ключові слова: комікси, креолізований текст, вербальні елементи, невербальні елементи, мовні бульки, ономатопеї.

Key words: comic strips, creolized text, verbal elements, nonverbal elements, speech balloon, onomatopoeia.

Комікси, які у Франції та Бельгії одержали назву la bande dessinée, в Італії – fumetti, в англо-американських країнах – comics або comic strip, в Японії – mangas, мають чималий успіх серед читачів та користуються великою популярністю. Цей дев'ятий вид мистецтва став справжнім феноменом суспільства та культури і посів гідне місце серед наочних матеріалів, які застосовуються для набуття комунікативних навичок в процесі вивчення мови.

Актуальність дослідження зумовлено можливістю прикладного застосування французьких коміксів для вивчення вербальних та невербальних (паралінгвістичних) засобів комунікації та їх подальшого використання як дидактичного матеріалу для вивчення французької мови.

Метою статті є дослідження взаємовпливу вербальної та невербальної складової сучасного французького коміксу, а також з'ясування доцільності використання коміксів під час викладання французької мови.

Об'єктом дослідження стали вербальні та іконічні компоненти коміксів.

У сучасній науковій літературі існує чимало визначень коміксів. У цій статті ми будемо спиратись на визначення, запропоноване російським вченим, дослідником дев'ятого

мистецтва О.Г. Соніним. Отже, науковець вважає комікси «особливим способом оповідання, текст якого становить послідовність кадрів, що містять не лише малюнок, а й вербальний твір, який відображає головним чином діалог персонажів та оточений специфічною рамкою. При цьому малюнок та вербальний текст, який він містить, утворюють органічну змістову єдність» [1, с. 12]. Завдяки взаємодії в коміксі вербальної та невербальної складової, цей вид мистецтва поєднує в собі високий обсяг інформації, яка розрахована на максимальну простоту сприйняття. Вербальною складовою вважається літерний текст. Так само як у творах художньої літератури, в коміксі виділяють два види тексту: мова персонажів й мова автора (до якої належать титри, заголовки, авторське резюме, коментарі як до всього коміксу, так і до його окремих епізодів [2]. Невербальна складова містить графіку комікса (послідовність малюнків, кожен із яких обрамований рамкою і утворює кадр) і параграфіку, яка трансліює здебільшого фонову, додаткову інформацію і відіграє роль субститута літерного тексту та бере участь у створенні експресивності та емотивності коміксу, а також утворює анімацію графічної частини [2].

Таким чином, комікс є сполученням вербального та невербального (іконічного) компонентів, які разом утворюють креолізований текст.

Останнім часом спостерігається підвищення інтересу до вивчення коміксів як креолізованого тексту, а також до їх прикладного застосування у дидактиці, про що свідчать дослідження О.Є. Анісімової [3], О.І. Резнікової [4], Л.Г. Столярової [5], F. Lacassin [6], М.-Р. Namez [7] тощо.

О.Є. Анісімова вважає, що «креолізований текст постає як складне текстове утворення, в якому вербальні та іконічні елементи утворюють одне візуальне, структурне, значеннєве та функціональне ціле, спрямоване на комплексний прагматичний вплив на адресата» [3, с. 17].

Загалом, існують два різновиди креолізації тексту: часткова (коли вербальна частина є порівняно автономною, а зображальні елементи тексту є факультативними) та повна (коли вербальний текст цілком залежить від зображувального ряду, а саме зображення є облігаторним елементом

текста [8, с. 118]. Комікс є текстом із повною креолізацією, оскільки він характеризується високим ступенем спаяності обох елементів, які сприймаються як єдине ціле.

Говорячи про основні складові коміксу, слід виділити кадр (фр. vignette або case), який показує картинку або малюнок (фр. image або dessin), обмежений рамкою та мовну бульку (фр. bulle або phylactère) різної форми, яка містить репліки або думки персонажів. Полоса або смуга (фр. bande або strip) дозволяє побачити горизонтальну послідовність декількох малюнків та панель (фр. planche) є сторінкою коміксу, яка містить декілька полос [9,10].

Розглянемо детальніше вербальні та невербальні складові коміксу на прикладі таких альбомів [11-20].

Слова автора «*texte narratif*» або «*récitatif*» в коміксі за традицією беруться в рамку, розташовуються у верхній лівій частині картинки та часто виділяються жовтим кольором:

Автор часто висловлюється аби надати інформацію щодо місця, обставин або хронології подій чи зробити відповідний коментарій.

Цей текст в рамці може окрім того передавати слова, думки або спогади автора, який є одним із персонажів коміксу.

З метою розрізнення слів автора від слів персонажа у мовній бульці художник нерідко вдається до варіації форм цього тексту, як-от: сувій пергаменту, аркуш із шкільного зошиту із рукописним текстом, лист тощо.

Репліки та думки персонажів розташовані у мовній бульці (bulle), промовному міхурі (ballon) або філактері (phylactère). Мовні бульки розрізняються власне своєю

формою, формою своїх контурів, фоном та місцем в кадрі.

Більшість авторів використовує овальні мовні бульки (еліпси), наприклад у гумористичних коміксах, таких як Spirou. Інші художники надають перевагу прямокутнику. Наприклад, автори бельгійських коміксів, головним героєм яких є Tintin.

Нерідко можна зустріти поєднання мовних бульок різної форми в одному кадрі.

Фон бульки зазвичай є білим, але з метою драматизації ситуації, аби виділити ономаіопеї або показати різні голоси персонажів (наприклад під час телефонної розмови) і т. ін. використовують різнокольорові мовні бульки.

Бульки, що відображають думки, можуть містити текст у поєднанні з малюнками, які відображають спогади, мрії, задуми, історії тощо. Таким чином, ці бульки показують ментальні картинки або образи, які відбивають суб'єктив-

не бачення персонажів.

Мовні бульки та бульки думок мають покажчик, який називається «хвіст», спрямований у бік мовця. Цей хвіст може виглядати як лінія, коли персонаж розмовляє, або

як маленькі бульбашки, коли персонаж думає. Декілька хвостів, що виходять з одного міхура, позначають, що

Зазвичай, мовні бульки розташовані в кадрі зліва направо і зверху вниз аби надати послідовність реплік, їх хронологію. Оскільки читання коміксу починається з верхньої частини сторінки, таке розташування є обґрунтованим: перш ніж побачити персонажів, читач їх чує.

Коли один персонаж має декілька бульбашок в одному кадрі, часто лише бульбашка біля голови мовця має хвіст, а інші є підключенням до неї послідовними вузькими смугами.

декілька персонажів вимовляють ту саму репліку.

Швидкий діалог виглядає як чергування міхурів, розташованих близько один до одного, а сперечання та гомін відтворюються за допомогою хаотичного накопичення мовних бульок.

Хвіст мовної бульки може указувати на персонажа, якого не видно на малюнку, який є, наприклад, всередині дома, за вікном, в машині тощо або на персонажа, який є за межами кадру.

Контур мовної бульки та її хвіст можуть відрізнитися графічно і, таким чином, повідомляти різну інформацію. Форма контура у поєднанні із текстовим наповненням бульки та малюнком дозволяє розрізняти голосові відтінки та відображати емоції персонажа. Отже, передаючи частину змісту, контур є прикладом аналогового письма. Найчастіше у коміксах зустрічаються такі види контуру мовних бульок, як:

колючий (скульптурний) – який передає сухий, ди-

намічний або механічний голос;

розколотий – що відбиває гучний голос, гнів, крики, спричинені біллю тощо; такий контур часто зустрічається у міхурах, що містять ономапої. Разом з тим, контури букв у таких ономапоях також нерідко мають нерівні зубчасті краї. Таким чином, на реципієнта здійснюється подвійний вплив: його увагу пригортають і специфічні контури мовної бульки, і специфічне її наповнення:

нечіткий – відображає тремтіння голосу;
пунктирний контур передає тихий голос;
контур у вигляді бурульок свідчить про крижаний або плаксивий голос персонажу;
квітчастий контур втілює спокусливий голос, медові речі або ліричні промови

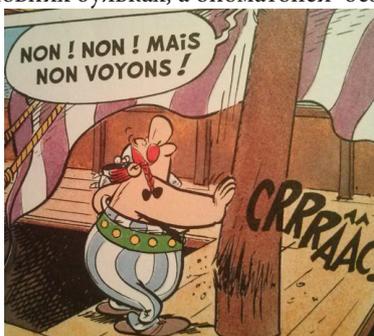
В одному кадрі можна виявити поєднання реплік пер-

сонажу та ономапої

Часто задля цього використовують мовні бульки різної форми та різного кольору:

Іншим способом є розміщення реплік у мовних бульках, а ониматопей без контура:

Нерідко застосування у коміксах піктограм та ідеограм має ефект цензури. У багатьох коміксах малюнок дозволяє замінити брутальні слова персонажів малюнком, що викликає асоціації. Так, цензурою забороняється вживання певної pejоративної лексики в коміксах для не-

повнолітньої аудиторії. Автори змогли обминути цю цензуру за допомогою малюнків, які відбивають ідеї. Іноді ці піктограми та ідеограми постають як ребуси.

Загалом, піктограми часто вживаються у бульках думок персонажів:

Нерідко з метою надання більшої експресивності піктограми дублюють вербальну складову мовної бульки:

Далі у цій статті слід приділити увагу аналізу графічного та анімаційного оформлення вербальної складової коміксу.

Під час дослідження французьких коміксів нами було

виявлено використання в одному кадрі тексту різними мовами з метою відображення культурного середовища та конкретної мовної ситуації. Наприклад, арабською та французькою:

латиною та французькою:
 Santa Lucia, ora pro nobis...santa Magdalena, ora pro nobis...
 Santa Anna...

Une procession! Par ce temps! Ces moines ont perdu la raison! [11, p. 5];

англійською та французькою. У наведеному нижчі прикладі текст пісні англійською мовою відображається за допомогою фонетичного письма:

Yes ouiiiiare zeu champions [12, p. 24].

Можна зустріти також поєднання слів французькою та англійською мовами в одній репліці:

C'est who? [12, p. 54].

Окрім того, автор може застосовувати різні графічні засоби при написанні букв. Так, всередині одного кадру можна виявити слова, надруковані малими та великими літерами:

У наведеному вище прикладі три різних розміри букв відповідають гучності реплік: від тихої до гучного крику дитини.

Нерідко зустрічаються слова, написані жирним шрифтом. Зазвичай, за допомогою цього засобу автор нама-

гається показати, що його персонаж говорить гучніше, кричить, його тон змінюється на агресивний або він говорить з іноземним акцентом тощо.

Окрім того, автори коміксу вживають різнокольорові букви, що утворюють одне слово:

Важливим часто вживаним стилістичним засобом французьких коміксів, за допомогою якого може бути переданий будь-який звук, є ономапопея. Серед них є загально прийняті в той чи іншій країні та зафіксовані у словниках як граматична категорія – різновид вигуку. Водночас існують імпровізовані, контекстуальні, епізодичні ономапопеї. Під час аналізу ономапопей у французьких коміксах було виявлено такі графічні особливості:

1) повторення букв, звуковим еквівалентом яких є голосні звуки (асонанс):

NRAAAAAAAAA
 Áááááááááh!
 Et mon cœur aussiii
 OUUH!
 EEEEEH Bien...
 DRIIIIII

WAAAAAAAAA
 WOUAAAH!
 COCAAAAAAAAA
 CRAAC
 TCHAAAH!
 TÛÛÛÛÛT TÛÛÛÛÛT
 VIPIIIIIIP
 TARATA RIPIII
 NOOOOON!
 AIIIIÉ!
 HEEN!
 HOOOUUW!
 WUUUUUWUUUUUWUUUUUUUU... і т. ін.;

2) повторення букв, звуковим еквівалентом яких є приголосні звуки (алітерація):

PFFF!

MMM...
 PSCHHRRRLOOOO
 PINNNC! PLONNNC! PLOUNNNC!
 PSST...
 HARGG...
 BRRRRRRRR
 DRRRRRING
 SSSHHHHHHHHHH... тощо;

б) повторення окремих складів та слів. Цей спосіб було виявлено не лише у ономапопеях, а й у мовних бульках, що містять звичайні репліки:

BRODOBOM BRODOBOM! [13, p. 62]
 AHR AHR AHR! [14, p. 24]
 HA HA HA [12, p. 52]
 CLAC CLAC CLAC CLAC CLAC [15, p. 51]
 REVIENS! RE-VIENS! [11, p. 8]
 HÉ! HÉ! [11, p. 29]
 MES YEUX! MES YEUX!... [11, p. 42]

Отже, комікс як особливий вид мистецтва, який поєднує в собі риси інших, а також у більш вузькому значенні як приклад креолізованого тексту є складним твором, що органічно поєднує в собі елементи двох різнорідних систем – вербальної на невербальної. Варіативність способів оформлення вербального та невербального компонентів збільшує експресивність цього жанру і, таким чином, пригортає до нього увагу читача та стимулює його інтерес. Взаємозв'язок вербального та невербального компонентів полегшує розуміння і заохочує реципієнтів. Комікси постають водночас як твір мистецтва і наочний матеріал в процесі вивчення французької мови. За цих обставин є доцільним використання цього дев'ятого виду мистецтва для набуття комунікативних усних та письмових навичок, а також для формування компетенції в галузі міжкультурної комунікації.

Література

1. Сонин, А.Г. Комикс: психолингвистический анализ / А.Г. Сонин. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1999. – 111 с.
2. Козлов, Е.В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф / Е.В. Козлов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 183с.
3. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003.

- 3) написання слів разом без пробілу:
 BOMBOMBOMBOMBOM
 GRILIGRILIGRILIGRILIGRILIGRILI [13, p.81];
- 4) поєднання в одному слові букв та піктограм:
 LÂÂÂ [13, p.19];
- 5) нестандартний спосіб написання букв у слові – зверху вниз або знизу догори:

– 128 с.

4. Резникова, А.И. Структурные и лингвистические особенности французского комикса как креоллизованного текста / А.И. Резникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (29), часть 1. – С. 165–168.
  5. Столярова, Л.Г. Анализ структурных элементов комикса / Л.Г. Столярова // Изв. Тульск. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – № 1. – С. 384–389.
  6. Lacassin, F. Pour un neuvième art: la B. D. / F. Lacassin. – P.: Edition Slatkine, 1982. – 508 p.
  7. Hamez, M.-P. Animer un atelier bande dessinée / M.-P. Hamez // Le Journal de l'animation. – 2001, N. 16, P.19–35.
  8. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
  9. Composition de la bande dessinée [Електронний ресурс] Режим доступу: URL: <http://www.composition-de-la-bande-dessinee.net/>
  10. Le coin des bulles. Le vocabulaire de la bande dessinée [Електронний ресурс] Режим доступу: URL : <http://lecoindesbulles.blogspot.com/2007/03/le-vocabulaire-de-la-bande-dessine.html>
- Джерела ілюстративного матеріалу
11. Martin, J. L'Alchimiste [Text] / J. Martin, J. Pleyers. – Tournai: Casterman, 1989. – 48 p.
  12. Dupuy Monsieur Jean. Vivons heureux sans en avoir l'air / Dupuy, Berberian. – Genève: Les humanoïdes associés, 1998. – 56 p.
  13. F'Murrrrrr Les aveugles / F'Murrrrrr. – Tournai : Casterman, 1992. – 98 p.
  14. Larcenet, M. Congo Bob présente. Guide de la survie en entreprise / M. Larcenet, F. Glacial. – P. : Éditions Audie, 2005. – 47 p.
  15. Hergé Tintin au pays de l'or noir / Hergé. – Tournai : Casterman, 1977. – 62 p.
  16. Goscinny, R. Astérix gladiateur /R. Goscinny, A. Uderzo.

– P. : Hachette, 1999. – 48 p.

17. Antico, N. Girls don't cry / N. Antico. – Grenoble: Éditions Glénat, 2010. – 56 p.

18. Bravo, É. Une épatante aventure de Jules. Un départ précipité / É. Bravo. – Dargaud, 2015. – 56 p.

19. Bravo, É. Spirou le journal d'un ingénu / É. Bravo. – Dupuis, 2011. – 69 p.

20. Regnaud, J. Ma maman / J. Regnaud, É. Bravo. – P.: Gallimard, 2007. – 122 p.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лось Александра Львовна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

CONCEPTUALIZATION OF VISUAL IMPRESSIONS: REPRESENTATION OF PERCEPTION QUALITY IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Los A.L. PhD in Linguistics, assistant professor National Research University «MIET»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности концептуализации ситуаций зрительного восприятия, представленных словами *ясный* и *clear* в русском и английском языках. Обосновывается наличие разных когнитивных оснований, согласно которым носителем языка осмысляются свойства, описываемые данными словами. Анализируются сходные и отличительные семантико-когнитивные признаки лексем *ясный* и *clear*, участвующие в формировании переносных значений этих слов.

ABSTRACT

The article covers peculiarities of conceptualizing situations of visual perception represented by the words *ясный* and *clear* in Russian and English languages. The paper proves that there are similar as well as different cognitive motives according to which the language speaker perceives qualities described by these words. Specific semantic-cognitive characteristics of the *ясный* lexeme taking part in formation of its figurative meanings, in contrast to the *clear* lexeme, are analyzed.

Ключевые слова: концептуализация; зрительное восприятие; когнитивные основания; качество восприятия; среда зрительного восприятия, визуальная выделимость.

Key words: conceptualization; visual perception; cognitive motives; perception quality; visual perception medium; visual standing out.

Постановка проблемы и анализ последних исследований и публикаций. На современном этапе развития лингвистики языковые явления исследуются с точки зрения отношения к ним человека, а также свойств, характеризующих процессы мышления и восприятия (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса). При этом главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что «естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать «ориентированными на наглядность», «visually oriented», «перцептивно мотивированными»» [6, 224].

Важно, что знания о мире, полученные зрительным (и вообще перцептивным) путем, принципиально отличаются от знаний, полученных в процессе общения, прежде всего тем, что не нуждаются в явной вербализации [1; 6].

Выделение нерешенных вопросов данной проблемы. Вопрос о характере восприятия и его концептуализации средствами естественного языка, вместе с тем, не представляется полностью изученным. Ясно только, что благодаря этим знаниям человек обладает ориентацией, координатой, свободно двигается, действует, соизмеряет свои усилия с обстановкой и т.д. Как известно, проблема моделирования зрительного восприятия в системах искусственного интеллекта обозначена как «распознавание образов», а ее решение столкнулось с большими трудно-

стями, вызванными тем, что самая простая для человека операция – увидеть и тут же распознать предъявляемый предмет, часто даже не осознавая этого, – оказывается предельно сложной при ее экспликации и формализации. Таким образом, процесс зрительного восприятия чрезвычайно сложен и многогранен, и проблема выражения в языке знаний, основанных на зрительном восприятии объектов, представляет большой интерес для когнитивных исследований. В связи с этим для лучшего понимания организации видимого мира представляется важным изучение характера концептуализации зрительных впечатлений (и самого механизма зрительного восприятия) и исследование соответствующих языковых единиц.

Цель исследования. В данном исследовании предпринимается попытка исследовать то, каким образом структурируются ключевые представления, определяющие характер концептуализации светлого в естественном языке.

Особенности характера концептуализации светлого в естественном языке исследуются на примере слов светлый, яркий, ясный и *light, bright, clear*, репрезентирующих данный концепт в русской и английской языковой картине мира. Выбор данной группы единиц обусловлен тем, что они отражают базовые представления о светлом в соответствующих картинах мира и являются частотными лексемами.

Изложение основного материала. В целом в основе концептуализации зрительного восприятия в языке лежат

общие когнитивные установки, которые выявлены как в русском, так и в английском языках. К таким общим когнитивным основаниям относятся:

- качество восприятия объекта Наблюдателем, обусловленное, во-первых, отсутствием препятствия в восприятии объекта, во-вторых, качеством среды зрительного восприятия и, в-третьих, визуальной выделяемостью воспринимаемого объекта; эту сторону зрительного восприятия репрезентируют слова ясный и clear;

- интенсивность светового / цветового воздействия объекта на зрительные органы Наблюдателя, описываемая словами яркий и bright;

- световая наполненность объекта и его потенциальная способность иметь дополнительную цветовую характеристику; данный аспект зрительного восприятия представлен единицами светлый, light и bright.

Остановимся подробнее на когнитивном признаке «качество восприятия объекта Наблюдателем», представленное русским словом ясный и английским clear.

Процедура настоящего исследования включала следующие этапы:

1. Сбор материала и его обобщение. (Сбор примеров с исследуемыми единицами; отсеивание повторяющихся контекстов; предварительный анализ и классификация примеров на основе использования методов дистрибутивного, валентного и компонентного анализа, создание репрезентативной выборки).

2. Выдвижение рабочей гипотезы о признаках, составляющих значение исследуемых единиц, на основе выявленных дистрибутивных, валентных характеристик.

3. Экспериментальная проверка гипотезы о признаках, входящих в значение исследуемых единиц, с последующей ее корректировкой и повторная проверка уже скорректированной гипотезы. (Формирование экспериментальной выборки; проверка гипотезы о значении исследуемой единицы путем предъявления предложений экспериментальной выборки информанту-носителю языка; анализ результатов эксперимента; корректировка гипотезы, создание новой экспериментальной выборки).

4. Составление релевантного толкования, исходя из выявленных признаков, входящих в значение исследуемых единиц.

Данная процедура позволила выявить семантико-когнитивные субпризнаки, входящие в значение лексем ясный и clear: отсутствие препятствия в восприятии, качество среды восприятия и визуальная выделяемость воспринимаемого объекта.

В основе процесса концептуализации зрительных впечатлений в ситуациях, описываемых словами ясный и clear, значимы следующие представления:

- хорошее качество восприятия объекта (релевантно для слов ясный и clear);

- визуальная выделяемость объекта (описывается лексемами ясный и clear);

- объект представлен как среда для зрительного восприятия (репрезентируется с помощью прилагательных ясный и clear);

- объект представлен как источник излучения (описывается только словом ясный);

- объект представлен как поверхность, не покрытая объектами, которые могут мешать ее качественно-му восприятию или передвижению по ней (описывается только словом clear).

Поясним выявленные представления с помощью примеров: В ясном синем небе далеко-далеко летел журавлиный клин / В ясном воздухе было видно, как в лес за вспыхивающим озером шоссе въезжала колонна из пяти крытых брезентом грузовиков [3], где воспринимающий субъект оценивает, каков объект (небо / воздух), причем он одновременно фиксирует высокое «качество» восприятия среды (воздуха / неба) и других объектов (все объекты четко очерчены, визуально выделяемы, различимы, не расплывчаты; видно очень далеко). Ср. также: В ясную лунную ночь каждая травинка на земле видна [2], где Наблюдатель также оценивает высокое качество среды восприятия и восприятия других объектов в дневное и ночное время суток.

Таким образом, в приведенных высказываниях Наблюдатель делает акцент на качестве среды восприятия, на хорошей видимости сквозь объект: ясное небо / воздух, на видимости других объектов: ясная ночь. Ср. также ситуацию зрительного восприятия, в которой есть препятствие в восприятии объекта вследствие плохого качества среды визуального восприятия: Туман сгустился, закрыл поле, и вскоре не видно стало ничего / Туман сгустился до того, что в десяти шагах ничего не было видно.

Свойство среды быть качественной для зрительного восприятия (ясное небо, воздух ясен и свеж, ясные воды (поэт.)), может переноситься на подобное свойство других сред, например акустического или «ментального» восприятия. Например, ясный воздух может быть также качественной акустической средой восприятия: Ясный воздух был полон то тягучим шелестом, то сухим, дробным тарханием [5]. В качественной акустической среде распространяются ясный звук, ясный голос, ясный звон. Ясное сознание, ясный ум могут представлять собой качественную «среду» для «ментального» восприятия, в которой формируются (и с помощью которой воспринимаются) ясный вопрос, ясная мысль, ясное доказательство, ясное понимание.

В ситуациях зрительного восприятия, представленных в высказываниях ясный день, ясное утро, ясная погода, ясный вечер, ясная ночь, релевантны следующие смыслы: во-первых, наличие источника излучения (солнце, луна, месяц, звезды); во-вторых, качество восприятия объектов хорошее (это, в свою очередь, обусловлено хорошим качеством среды восприятия – неба, воздуха).

В высказываниях ясное небо, воздух ясен и свеж, ясный свет звезд / солнца / луны / лампы / огня, вносятся три смысла: наличие источника излучения (солнце, луна, месяц, звезды); качество восприятия неба / воздуха / света хорошее; качество восприятия других объектов (в небе, воздухе, при свете) хорошее.

Ср. также другие примеры, в которых объекту приписывается качественная характеристика ясный: ясное небо / воздух / * ясная среда / ясные воды (поэт.) Ясное небо – естественная среда, прозрачная для зрительного восприятия, в которой можно хорошо и далеко видеть. Подобным

же образом объясняется отмеченность высказывания Воздух ясен и свеж. Воздух – это также естественная среда, которая, в принципе, может быть прозрачной (качественной) для зрительного восприятия. Неотмеченность высказывания *ясная среда, по-видимому, объясняется тем, что денотат объекта среда осмыслен как пространство, которое заполняется объектами: *ясная среда обитания к-л. животных, общаться в плохой / *ясной среде; (среда для зрительного восприятия представлена как «заполненная» воздухом, водой или, например, в английской языковой картине мира в качестве среды для зрительного восприятия может быть представлен квазиестественный объект – стекло). Ср. также: клочок ясного неба (клочок неба между облаками, сквозь который можно хорошо видеть, часть неба неправильной формы, в виде обрывка (клочок – часть плоскости: бумаги, материи) и a patch of clear sky – клочок ясного неба. Высказывание полоса ясного неба между облаками было отмечено информантами как приемлемое, но не совсем естественное. По-видимому, основанием для этого послужило то, что полоса представляет собой геометрический объект слишком правильной формы (ее Наблюдатель может видеть, например, через щель в проеме, двери, ставнях и т.п., и в этом случае конфигурация неба действительно может представлять собой полосу). Ср. также: sheet of clear sky over us (полоса ясного неба над нами). Сомнения в оценке высказываний ?квадрат ясного неба и *треугольник ясного неба объясняется, по-видимому, произвольной, правильной конфигурацией данных геометрических фигур при объективной невозможности их существования в природе (хотя, в принципе, можно представить себе такую ситуацию, в которой Наблюдатель смотрит на небо и визуальнo оценивает его как ясное, находясь в комнате с открытым настежь окном квадратной формы). Невозможно также сочетание прилагательного ясный со словами типа клочок, полоса: *ясный клочок неба / *ясная полоса неба, поскольку можно видеть сквозь небо, а не сквозь клочок / полосу. Эти объекты не представляют собой среду для визуального восприятия. В качестве среды для зрительного восприятия могут осмысляться восход, свет солнца / луны / звезд / месяца и свет приборов искусственного освещения: ясный восход (восход в данной ситуации зрительного восприятия представляет собой среду, которая оценивается с точки зрения прозрачности, того, насколько хорошо можно в ней видеть), ясный свет солнца / луны / звезд, который представлен как прозрачная среда для зрительного восприятия: При ясном свете луны он отчетливо увидел... / Только и можно было видеть при ясном свете месяца, как одно его ухо чуть-чуть двигалось то назад, то вперед (С. Марков). Ситуации зрительного восприятия, представленные в высказываниях *ясный свет люстры / светильника и ясный свет лампы / фонаря / фар, осмысливаются по-иному. Световая среда, распространяемая любым из искусственных источников излучения, в принципе, может быть прозрачной, в ней можно хорошо видеть. Неотмеченность высказываний *ясный свет люстры / светильника объясняется прежде всего тем, что светильник / люстра в большей степени чем, например, лампа / фары / фонарь допускают двойную интерпретацию. Лампа – источник искусственного излу-

чения, специально созданный человеком для того, чтобы заменять естественный источник излучения. Как и всякий артефакт, лампа / фонарь / люстра / светильник выполняют ряд функций; в нашем случае, таких функций две: освещение и элемент декора. Таким образом, данные предметы характеризуются, помимо способности давать свет, еще и определенной формой, размерами, дизайном и являются предметами интерьера. (Можно сказать: красивая лампа / люстра / светильник / фонарь). Таким образом, визуальная оценка ясный свет лампы / фонаря / светильника / люстры может относиться и к первой функции (освещение), и ко второй (элемент декора). Акцент в данном случае смещается на представление о люстре / светильнике как красивом предмете интерьера. Ср.: яркая люстра / светильник, где люстра / светильник могут получать визуальную оценку яркий как из-за интенсивного светового воздействия люстры / светильника на зрительные рецепторы Наблюдателя, так и воздействия, связанного с восприятием цветовых характеристик этих приборов освещения. Лампа / фонарь / фары созданы человеком преимущественно для того, чтобы освещать, и имеют, как правило, простой дизайн. Тем не менее, у семи из пятнадцати опрошенных информантов высказывания ясный свет фонаря / фар вызвали сомнения. Вместе с тем, при введении в контекст слов, акцентирующих хорошую видимость объектов при ясном свете лампы / фонаря / фар, высказывание ясный свет лампы / фонаря / фар получает положительную оценку у большинства информантов: При ясном свете лампы он увидел... / При ясном свете фар приближающейся машины они увидели лежавшего на шоссе человека. Действительно, в приведенных ситуациях зрительного восприятия при ясном свете лампы / фонаря / фар акцент делается прежде всего на то, насколько хорошо при таком свете можно видеть окружающие объекты. Таким образом, ясный свет лампы / фонаря / фар – это свет, при котором можно хорошо (отчетливо, далеко) видеть, воспринимать, «создающий» прозрачную среду. Ситуация, задаваемая словосочетанием ясный свет фар, может получать и другое осмысление: Стало совсем темно. Вдруг, где-то вдали они увидели ясный свет фар приближающегося автомобиля, где ясный свет фар представлен как хорошо видимый, различимый (в темноте, ночью). Рассмотрим ситуации зрительного восприятия, представленные высказыванием ясный свет огней города: Анна и Андрей шли очень долго. ?Наконец, вдали они увидели ясный свет огней города; *В / при ясном свете огней города он увидел... В первой ситуации зрительного восприятия свет огней города осмыслен как источник излучения, визуальнo выделяемый и хорошо видимый. Слово ясный в данном предложении вносит информацию о том, что свет хорошо / отчетливо видим вдалеке, визуальнo выделяем. Во второй ситуации зрительного восприятия свет огней города представлен как среда, создаваемая источником излучения, с акцентом на хорошей видимости окружающих объектов, и, таким образом, в норме огни города не являются источником света для восприятия объектов. В роли качественной среды для восприятия объектов в русском языке в ряде случаев могут выступать ясный свет огня / пламени: При ясном свете огня он отчетливо разглядел небольшой (в виде звездочки) шрам на ее плече. В

описываемой ситуации зрительного восприятия свет огня / пламени осмыслен как среда, в которой можно хорошо видеть, качественно воспринимать. Ср. также: При ярком свете огня он отчетливо разглядел небольшой (в виде звездочки) шрам на ее плече, где акцент прежде всего делается на интенсивности воздействия огня как источника излучения на зрительные рецепторы Наблюдателя, и слово яркий вносит информацию о том, что интенсивность излучения достаточна для хорошего зрительного восприятия.

Характеристика ясный может также приписываться объектам, которые представлены как естественная среда для зрительного восприятия: ясный воздух / небо / свет. Ср. также: clear water (*ясная вода / прозрачная вода), clear glass (*ясное / прозрачное стекло), где в качестве среды для зрительного восприятия могут выступать объекты вода, стекло. На основе метонимического переноса признака качества среды для зрительного восприятия образовались иные значения слова ясный: ясное небо, солнце – ясное утро / день / погода (утро / день / погода, когда ясно светит солнце и ясное небо); ясное небо, ясная луна / звезды – ясный вечер / ночь / погода (вечер / ночь / погода, когда ясно светит луна / звезды и ясное небо). При этом утро / день / вечер / ночь / погода визуально оцениваются с точки зрения качества восприятия объектов вокруг утром / днем / вечером / ночью / в такую погоду: В ясную погоду с этой башни видна вся окрестность.

Теперь обратимся к типичным случаям употребления слова clear: The lines are most visible on a clear night [8] (В ясную ночь эти линии особенно хорошо видны), где воспринимающий субъект-Наблюдатель фиксирует хорошее качество восприятия объекта lines); или He liked to drop pebbles into clear water and watch them sink to their resting place [9] (Ему нравилось бросать маленькие круглые камешки в прозрачную воду и смотреть, как они погружаются на дно), где фиксируется хорошее качество восприятия среды, описанной словом water (вода), и объектов – pebbles (маленькие круглые камешки) в этой среде. Ср. также: From here, on a clear day, you can see right across the channel, not less than 13 miles away [7] (В ясный день с этого места канал просматривается не меньше чем на тринадцать миль), где фиксируется хорошее качество восприятия среды (воздуха). Таким образом, во всех представленных выше ситуациях зрительного восприятия Наблюдатель оценивает высокое качество среды восприятия (воздуха, неба, воды), которая обеспечивает отсутствие препятствия при восприятии Наблюдателем этой среды и других находящихся в ней объектов. Все визуально воспринимаемые объекты четко различимы и хорошо видимы.

Теперь обратимся к примерам со словом clear. В ситуации зрительного восприятия, когда Наблюдатель присваивает объекту качественную характеристику clear, объект представлен как среда (воздушная, водная), которая визуально оценивается с точки зрения качества ее восприятия, а также восприятия находящихся в ней объектов. Высокое качество восприятия обусловлено прозрачностью среды восприятия. В качестве среды могут выступать воздух, небо, свет (преимущественно естественного источника излучения), вода: clear morning sky (ясное утреннее небо), clear air (ясный, чистый воздух), clear light (ясный

свет), clear water (прозрачная / чистая вода). Отметим, что у носителей русского языка естественная среда вода не представлена как качественная для зрительного восприятия, – ср. неотмеченное: *ясная вода. Высказывание ясные воды (Днепра) как поэтическое выражение является возможным. К естественным средам в английском языке, по-видимому, относят также «среду», создаваемую квазиестественным, главным образом прозрачным объектом стекло. Это может объясняться свойством идеальной прозрачности данного материала, его чистой поверхностью. Свойства идеальной прозрачности и чистой поверхности могут реализовываться и в визуальной оценке неба, когда, с одной стороны, небо оценивается как среда с высоким качеством восприятия и, с другой, как поверхность, на которой нет препятствий для восприятия (облаков, дымки). Рассмотрим другие ситуации зрительного восприятия, описываемые словом clear: clear morning air (ясный утренний воздух), clear morning light (ясный утренний свет), clear sky (ясное / чистое небо), a deep clear water with swift currents (прозрачная глубокая река с быстрым течением), a sheet of clear glass (пластина прозрачного стекла), в которых среда (воздух / свет / небо / вода / стекло) представлена как качественная (прозрачная) для зрительного восприятия. Ср., однако, неправильные: *the hot clear water (горячая *ясная / чистая вода) / *mix milk powder with clear water (смешайте сухое молоко с чистой / *ясной водой), в которых вода осмыслена как жидкость (вещество) с определенными свойствами, позволяющими ее определенным образом использовать, и *We should breathe with clear air (мы должны дышать чистым / *ясным воздухом) / *the contents of oxygen in the clear air should be no less than 21 % (содержание кислорода в чистом / *ясном воздухе должно быть не менее 21 %), в которых воздух представлен именно как вещество, а не как среда для зрительного восприятия. Вместе с тем, воздух как в русской, так и английской языковой картине мира представлен не только как среда для зрительного, но и акустического восприятия. Ср.: I heard the sweet lark sing in the clear air of the day (Днем в ясном воздухе было слышно, как сладко поет жаворонок) и Меж заводских цехов поднимался дым, мелькало пламя, и ясный воздух был полон то тягучим шелестом, то сухим, дробным тархтением.

Прилагательное clear может развивать иные значения (путем метонимического переноса), например: clear night / evening (ясная ночь / вечер – ночь / вечер, когда ясное небо); clear day / morning (ясный день / утро – день / утро, когда ясное небо), clear weather (ясная погода).

В ситуации зрительного восприятия, описанной словом clear, значимым является также и то, что объект представлен как поверхность, не покрытая объектами, которые могут мешать ее качественному восприятию: clear skin (свободная от веснушек (непокрытая веснушками), чистая кожа); clear complexion (чистая кожа лица). Сходным образом можно интерпретировать ситуацию зрительного восприятия clear sky (ясное / прозрачное, чистое небо), в которой объект, представленный словом sky (небо), концептуализируется и как поверхность, не покрытая объектами (облаками, дымом), которые могут мешать ее восприятию: sheet of clear sky over us [12] (полотно чистого /

*ясного неба над нами), patch of clear sky (клочок чистого / ясного неба), reaches of clear sky [11] (участок / широкая полоса чистого / *ясного неба), и как пространство, которое осмыслено как качественная среда для хорошего восприятия объектов: In the clear sky they saw... (В ясном небе они увидели...). От значения слова clear «чистый, с незапятнанной, свободной поверхностью» образовались другие на основе переноса свойства объектов не создавать препятствия при зрительном восприятии на сходное свойство объектов не создавать препятствия, например при передвижении: clear road (дорога, свободная от машин, снега, препятствующих передвижению) в предложении It's difficult to keep the road clear from snow (трудно постоянно держать дорогу чистой от снега), clear coast / чистое побережье (the coast is clear, so you can escape [10] / на побережье никого, вы можете бежать – побережье свободно от нежелательных людей, которые могут быть препятствием для побега), clear space (свободное место на листе бумаги, где ничего не написано), clear line (чистая / пустая строка, незаполненная письмом, оставленная неиспользованной для письма): Leave clear line space before your name (BNC) (оставьте чистую / пустую строку перед именем). Рассмотрим другие примеры со словом clear, основанные на метафорическом переносе: clear conscience (чистая совесть – свободная от грязных, корыстных помыслов), clear understanding (четкое / ясное понимание – свободное от сомнений), clear explanation (четкое / ясное объяснение – свободное от неточностей). Вместе с тем, осталось неясным, к какому значению можно отнести качественную характеристику clear, когда она приписывается таким объектам, как view / sight (вид / взгляд): clear view of the stage (хороший / *ясный вид на сцену), clear sight of things (трезвый / ?ясный взгляд на вещи). Данные ситуации зрительного восприятия можно интерпретировать как «такой, в котором все объекты и их детали визуально выделены и четко очерчены» – clear picture / четкая картина, и как «со свободной поверхностью, на которой нет препятствий для восприятия», в зависимости от того, какой именно аспект представляется для говорящего важным в данной ситуации.

Выводы и предложения. При анализе процессов концептуализации зрительных впечатлений средствами английского и русского языков обнаруживаются как сходные, так и разные основания, которые отражают определенные когнитивные области знаний о зрительном восприятии в языке.

Рассмотрим сходства и различия в характере концептуализации качества восприятия в английском и русском языках. В русском языке качество восприятия и отсутствие препятствия в восприятии объекта обусловлено характером среды (прозрачностью / непрозрачностью), в которой происходит зрительное восприятие: ясное небо / воздух (небо / воздух, в которых хорошо и далеко видно). В английском языке препятствие, помимо среды восприятия, могут создавать и другие объекты. Ср.: clear sky / ясное / чистое небо (с прозрачной средой, без посторонних объектов – облаков, мешающих зрительному восприятию неба). В русском языке присвоение небу качественной характеристики чистое подразумевает отсутствие посторонних объектов (облаков и др.) на небе, а не его прозрач-

ность. Ср. также по-разному представленные ситуации зрительного восприятия в русском и английском языках: clear water – чистая (без посторонних примесей), прозрачная вода (ср.: *ясная вода), clear glass – чистое, прозрачное стекло (ср.: *ясное стекло). Вместе с тем, в английском языке в роли объекта, которому приписывается качественная характеристика clear, может быть также некоторая гладкая поверхность (picture, photograph), на которой четко очерчены и визуально выделены объекты и их детали: clear picture (четкая картина), clear photograph (четкая фотография), clear image (четкое изображение), clear reflection in the water (четкое, визуально вычленимое, с четко очерченными контурами (деталей) отражение в воде). Ср. также неотмеченные: *ясная фотография, *ясное отражение. В русском языке значим комплексный когнитивный признак «качество восприятия и визуальная выделимость», который реализуется в высказываниях ясное солнце / луна / месяц / звезды. В английском языке данный признак не нашел выражения: *clear sun / moon / stars. При этом, в английском языке получил выражение когнитивный мотив «свободный от других объектов, мешающих восприятию»: clear skin – свободная от веснушек (непокрытая веснушками), чистая кожа; clear complexion (чистая кожа лица). Сходным образом можно интерпретировать ситуацию зрительного восприятия, представленную высказыванием clear sky (ясное / прозрачное, чистое небо), в которой объект, представленный словом sky (небо) концептуализируется и как поверхность не покрытая объектами, которые могут мешать ее восприятию: sheet of clear sky over us (полотно чистого / *ясного неба над нами); patch of clear sky (клочок чистого / ясного неба); reaches of clear sky (участок / широкая полоса чистого / *ясного неба), и как пространство, которое осмыслено как качественная среда для хорошего восприятия объектов: In the clear sky they saw... (В ясном небе они увидели...).

Выявленные в ходе исследования особенности концептуализации зрительных впечатлений в естественном языке, представленных словами ясный и clear дают основание утверждать, что существенную роль в осмыслении ситуации зрительного восприятия играет соотношение собственно языкового уровня языковой концептуализации (который связан с системой средств данного языка и отражает культурно-этнические особенности) и уровня смысла (универсального, межъязыкового, межкультурного), который может быть передан различными средствами данного языка, а также разных языков.

Ссылки:

1. Апресян, Ю.Д. 1995. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры.
2. Загоскин, М.Н. 1982. Юрий Милославский, или русские в 1612 году: Исторический роман. М.: Московский рабочий.
3. Калинин, А.В. 1992. Цыган: Роман. М.: Молодая Гвардия.
4. Марков, С. Н. 1978. Летопись. М.: Молодая гвардия.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка

ка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

6. Рябцева, Н.К. 2000. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под ред. А.С.Нариньяни. Т.1. Теоретические проблемы. Протвино: 223-237.

7. Adams, D.N. 1989. The Long Dark Tea-Time of the Soul. London: Pan Books.

8. BNC – British National Corpus [Electronic resource]. Access mode: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>

9. Burroughs, E.R. 2002. A Princess of Mars. London: Penguin classics.

10. Dorian, A. 1958. Mystery on Graveyard Head (originally published: No Moon on Graveyard Head). New York: Berkley Publishing CO Inc.

11. OALDCEM – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: eds. A.S. Hornby, J. Crowther. 1999. London: Oxford University Press.

12. Rowling, J.K. 2001. Harry Potter and the Goblet of Fire. London: Bloomsbury Publishing Plc.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Попова Таусия Георгиевна

*доктор филологических наук, профессор,
Российский Университет Дружбы Народов*

METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXT

Popova T.G. Doctor of Philology, Professor, Peoples' Friendship University of Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются методологические основы научно-технического текста. Определяется состав стереотипных операторов методологического контекста. Выявляются функции методологического контекста. Все это позволяет рассматривать коммуникативную структуру научного текста как многомерное, объемное образование.

ABSTRACT

The manuscript elaborates on methodological basis of scientific-technical text. Stereotype operators of methodological context are defined. Functions of methodological context are considered. All this allows us to consider the communicative structure of scientific texts as multi-dimensional and comprehensive.

Ключевые слова: методологический аспект, онтологическое содержание, эпистемическая ситуация, операторы, новое знание.

Keywords: methodological aspect, ontologic content, epistemic situation, operators, new knowledge.

Постановка проблемы. Структура знаний научного текста

Научно-технический текст представляет собой сложное организованное взаимодействие компонентов знания - старого (известного науке) и нового (пока неизвестного). Эти компоненты репрезентируют в текстовой ткани динамику обоснования новой научной идеи (концепции) и пронизывают всю смысловую структуру текста, являясь ее основой. Они служат сквозным материалом речевого строительства, поскольку каждое высказывание - суждение предстает в контексте целого произведения как носитель известного или неизвестного знания, чередование старого и нового знания как механизма развертывания научного текста. Понятие «старое» и «новое» знание определяются в качестве когнитивных единиц научного текста [4].

В ходе разработки проблемы структуры знания научного текста выяснилось, что структура научного текста соотносится со структурой научного знания как продукта познания объекта субъектом. Это позволяет обосновать понятие эпистемической ситуации в качестве универсальной экстралингвистической метамоделю [2001, 30 с.] научного текста, отображающей комплекс взаимосвязанных экстралингвистических факторов, оказывающих систематическое влияние на текстообразование в научной среде и формирующих лингвистическую специфику текста.

Известно, что динамика развертывания научного текста в определенной мере отражает динамику познаватель-

ного процесса. При этом движение представляемого в тексте знания от гипотетического ко все более обоснованному осуществляется по принципу его содержательно-тематической открытости широкому континууму специальной научной информации. Собственно новое знание исследователя становится научным только при условии его знания «вписанности» в систему наличного (т. е. чужого) знания [3].

Специфика научного познания, заключающаяся в непрерывной поступательности и преемственности развития, позволяет рассматривать науку как органичную сферу реализации интертекстуального взаимодействия. Каждый научный текст знаменует собой переход от уже известного ("старого") знания к новому. Он с необходимостью соотнесен со многими предшествующими текстами как теоретическим фундаментом для вновь создаваемого научного трактата и проспективно ориентирован на будущие тексты.

Новизна в науке предстаёт как интегративное единство "своего" и "чужого" [3]. Именно интертекстуальность как особый способ построения нового текстового смысла через взаимодействие с "чужой" смысловой позицией отражает сущность механизмов текстообразования в науке, а так же отражает процесс смыслового диалогического взаимодействия текстов в плане содержания и выражения, особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстами.

Переплетение известного и нового пронизывает весь

процесс развертывания научного текста и выступает в нем в качестве одного из текстообразующих механизмов, а также является инструментом смыслообразования, поскольку отражает в речевой ткани особенности организации научного мышления. Анализ глубинного уровня текста говорит о взаимодействии, диалектическом единстве, в рамках которого и старое, и новое знание одинаково ценны. Содержание онтологического аспекта эпистемической ситуации включает два важных составляющих континуума науки – нового и старого знания в их диалектической взаимосвязи.

В реальном познавательном процессе новое знание всегда погружено в богатый эпистемический контекст: когнитивный, связанный с преемственностью научной деятельности и отношением нового знания к старому, аксиологический, обусловленный ценностной ориентацией ученого в общем фонде имеющегося знания, рефлексивный, связанный с личностным аспектом познавательной деятельности, коммуникативно - прагматический, детерминированный адресованностью знания читателю и нормативностью способов представления научной информации [2001]. Каждый из них выполняет свою функцию в формировании эпистемического контекста.

Важнейшими функциями нового знания являются отражение в тексте денотата – научной картины мира автора на фоне картины мира данной науки; экспликация содержания нового знания; функция текстопостроения, связанная с формированием общетекстового пространства и интеграцией во всех видах знания.

Новое знание. Дискурсивные маркеры результатов и выводов

Новое знание представляет собой развернутую, композиционную речевую структуру, репрезентирующую предметное содержание полученного знания [4]. Вербализированное новое знание является смысловым стержнем всего текста в его основных фазах – проблемы, идеи, гипотезы, доказательства, вывода.

Верхней границей текста нового знания можно считать формулировку проблемы и цели исследования, которая обычно эксплицируется прямой номинацией:

«El principal objetivo de este trabajo es lograr la fotobiodegradación de las mezclas preparadas con almidón» (Ingeniería. Ciencias ambientales, № 37, 1998, 14).

В качестве дискурсивных маркеров нового знания представлены:

el propósito del presente trabajo, el trabajo pretende, el trabajo proporciona aportes, el objetivo de la investigación, como una contribución al estudio, programar el estudio con el propósito, etc.

Нижней границей текста нового знания является первичное формулирование вывода, логически вытекающее из предыдущих рассуждений. Например: «Los resultados permiten proponer nuevas leyes de atenuación...» (Interciencia, vol.26, №10, 2005).

В качестве дискурсивных маркеров результатов и выводов нового знания представлены: es conveniente puntualizar las siguientes conclusiones, se concluye que, en conclusión, para concluir, las principales conclusiones se resumen, los resultados, etc.

Развертывание нового знания детерминируется основными этапами научно-познавательной деятельности, включающими экспликацию проблемной ситуации, формулирование идеи и гипотезы, аргументацию, констатацию вывода. Данное содержание этапов познавательной деятельности выявляет своеобразный сюжет научно-технического текста.

Старое знание “своего” и “чужого”

Старое знание возникает на пересечении двух контекстов – “своего” и “чужого”. Старое знание демонстрирует историю вопроса, способы решения научной проблемы, выражает связь с предшествующими концепциями, эксплицирует принадлежность автора к той или иной научной школе, воспроизводит чужое высказывание, выделяет авторитетность чужих высказываний и др.

Типы текстовой репрезентации старого знания определяются когнитивными и коммуникативными функциями. К этим функциям относятся:

- ссылки на авторитетное мнение предшественников с целью аргументации собственной позиции автора и подтверждение обоснованности нового знания; демонстрация принадлежности субъекта к определенному научному направлению, научной школе, отражение научного кругозора автора. Например: «Los datos disponibles de estratigrafía [De Cserna Zoltan, et al, 1988, Delgado Granados, et al, 1994], paleomagnetismo [Centeno Elena, et al, 1986], arqueología y vegetación [Rzedovski, 1954], composición litológica [Badilla Cruz, 1977] y edades radiométricas [Urritia Fucugauchi, 1996]... de un evento volcánico» (Ingeniería. Investigación y tecnología. 2002, 178);

- демонстрация интеллектуального фона концепций, соотнесение полученных результатов с результатами предшественников, определение окружения нового знания с четким разграничением «своего и чужого». Например: «El drama aquí, de acuerdo con Alfredo Ortega Rubio, es que cada especie de nuestro planeta es un acontecimiento imposible de reproducir para el género humano e irrepetible de manera espontánea en la naturaleza» (Información científica y técnica, vol.10, № 147, 1998, 54).

- экспликация принадлежности старого знания и представление читателю научно-библиографической информации об авторах прототекстов;

- представление содержания предпосылочного знания, актуального для формирования авторской концепции, с преемственной связью нового знания с предшествующим.

- экспликация идеи, гипотезы или основного тезиса,

- демонстрация интеллектуального фона концепций, соотнесение полученных результатов с результатами предшественников с четким разграничением «своего и чужого»;

«Con los resultados de las pruebas anteriores se obtiene la gráfica» (Ingeniería. Investigación y tecnología. 2002, 26).

Авторитетность в научном дискурсе определяется как одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании цитат, ссылок на мнение известных личностей или результаты исследований [1, с. 7 – 18]. Авторы опираются на уже признанные авторитеты. Чаще всего чужое мнение привлекается для подтверждения правильности положений научной работы самого автора, в ре-

зультате чего данные, полученные конкретным субъектом познания, приобретают определенный "вес" в восприятии читателя, а ссылка на работы других ученых служит косвенным доказательством компетентности этого исследователя.

Цитаты и ссылки играют ведущую роль для выражения категории авторитетности. Авторитет заключается в определенном способе влияния на адресата посредством выбора и реализации определенных дискурсивных стратегий. Успешность коммуникации зависит во многом от того, насколько участники коммуникативного процесса доверяют получаемой информации. Ссылка на авторитет является одним из важнейших факторов для коммуникационного процесса в научном дискурсе.

Целеустановка прецедентного контекста представляет старое знание, свернутое до эпистемического знака. Денотат является "чужим" текстом. Способ представления является сверхкомпрессированным, дискретным, в основном, на пространстве контекста старого знания [6]. Прецедентное знание можно рассматривать как один из механизмов формирования и сохранения научной традиции [5]. Эти не просто знаки целых текстов, которым они эквивалентны по смыслу, а значимые личностные знаки, на что указывают содержащиеся в них антропонимы:

формула Бернулли - fórmula de Bernoulli;
формула Лагранже - fórmula de Lagrange;
формула Муавра - fórmula de Moivre;
формула Пуассона - fórmula de Poisson.

Химический элемент Niobio называется в честь Niobe, дочери Tántalo и Tantalio в честь самого Tántalo, Vanadio называется Vanadis – скандинавская богиня; Jurásico (Юрский период) связан с горной грядой Jura, расположенной между Францией и Швейцарией; Würm – название, которое используется для последнего четвертичного ледникового образования по названию Würm, притока Дуная, на террасах которого были исследованы эти ледниковые явления.

География пестрит яркими названиями, основанными на собственных именах, типа архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова, бертоллево́ соль была получена французским химиком Клодом Луи Бертолле в 1785 г.; рисование силуэтов по одной из версий было придумано французским министром финансов Этьеном де Силуэтом, жившим в XVIII веке. Ртутный термометр Фаренгейт происходит от фамилии немецкого физика Габриеля Даниэля Фаренгейта (1714 г.), шкала Цельсия по имени шведского астронома Андерса Цельсия (1742 г.), Термины-эпонимы в большинстве случаев появляются в результате присвоения этих названий благодарными пользователями как «языковые памятники» выдающимся ученым, изобретателям, врачам [5].

Корень имени собственного может быть использован для образования различных терминов. L. Galván, итальянский ученый 18 века : корень «galvan» используется в следующих терминах galvanismo, galvanizar, galvanización, galvanómetro, galvanoplastia, galvanotecnia. Pasteur, знаменитый французский ученый: корень «pasteur» используется в терминах pasteurera, pasteuriza, pasteurización. E. Fermi, Нобелевский Лауреат по физике, выдающийся

итальянский исследователь: корень «fermi» используется в терминах fermio, fermion. Имя Гипноса (гр. ὕπνος) — бога сна, способствовало образованию термина hypnosis — гипноз (см. термины hipnosia, hipnosis, hipnotizable, hipnótico, hipnofobia, hipnogenesis). Его латинский эквивалент Somnus (см. термины somnifero — снотворное средство, somniloquo — человек, разговаривающий во сне, somniloquia — заболевание, связанное с разговором во сне, sonambulismo — сомнамбулизм, лунатизм).

Ю.С. Степанов определяет науку, как особую сферу разделения труда человечества, специальной задачей которой является приобретение и фиксирование знаний, а также изобретение новых средств для этого [2001, с. 40-41]. Как отмечает Е. М. Какзанова [2015], в математике категория науки совпадает с базисным концептом - алгебра Фурье, арифметика Пеано, геометрия Римана, пространство Минковского; элемент Коксетера; производное число Дини; двойной шестисторонник Шлефли; эллипс Брокара; показатель Фурье, гамильтонов путь; евклидов компакт; эйлеровы треугольники; диофантово приближение.

Прецеденты обладают большой семантической емкостью при минимальной формальной вместимости, так как являются результатом компрессии содержания исходных текстов и формой их метонимической замены.

Появление прецедентных контекстов в научных публикациях свидетельствует об антропоморфизации и персонализации науки, т.е. имя ученого – субъекта прецедента – в какой-то момент начинает отождествляться с его концепцией, входит в "золотой фонд" науки и становится знаком самого научного знания.

Прецедентное знание, вербализированное на плоскости текста, – это субструктура научного текста, представляющая собой совокупность объединенных авторским замыслом прецедентов, выраженных речевыми знаками имплицитной информации, которые указывают на релевантные для познавательной деятельности кванты старого знания: onda de Love, frontera de Conrad, frontera de Mohorovicic, ley de Faraday, ley de Lenz, ley de Pascal, ley de Nerst, teorema de Cauchy, bases de Schiff, coeficiente Abbe, constante de Curie, cilindro de Wehnelt, caracol de Pascal, etc.

Прецеденты, будучи личностными знаками, способствуют упорядочению фактов науки, являются точками отсчета в изменении научной парадигмы, дают читателю и автору возможность систематизировать научное знание и ориентироваться в его фонде. Содержание предшествующего знания, актуального для авторской концепции, может и не получить в научном тексте эксплицитного выражения, оставаясь в то же время понятным подготовленному читателю. Это происходит в тех случаях, когда кванты старого знания – законы, гипотезы, теоремы – входят в дисциплинарный фонд той или иной науки под именами их авторов, превращаясь в терминированные понятия, владение которыми является условием профессиональной компетенции каждого ученого. Содержание дисциплинарного знания остается в подтексте и составляет имплицитную информацию, опирающуюся на общую профессиональную пресуппозицию автора и читателя.

Прецедентный контекст обычно актуализирует онтологический или методологический аспект дисциплинар-

ного знания. На онтологическое содержание указывают прецеденты [6], обозначающие ментальный объект познания. Методологическое содержание старого знания получает реализацию посредством словосочетаний, называющих: когнитивную форму (ley de Faraday, ley de Lenz, ley de Pascal, ley de Nerst, teorema de Cauchy, etc.), теоретико-познавательные средств (bases de Schiff, cadena de Marcov, coeficiente Abbe, constante de Curie, etc.), инструменты эмпирического познания (cilindro de Wehnelt, crisol de Gooch, contador G-M (Geiger-Muller, caracol de Pascal, etc.). Следует рассмотреть соответствующие прилагательные: de Euclides – euclidiano, de Euler – euleriano, de Tauber – tauberiano, de Newton – newtoniano, образованными от имени в различных сферах науки. Одно упоминание имени оказывается достаточным для того, чтобы реципиент извлек из своего интеллектуального «архива» эпистемическое содержание, связанное с этим именем.

В гносеологическом плане прецедент является типичным приемом сжатия старого знания с целью его сохранения, уплотнения и дальнейшего научного накопления. Будучи свернутой речевой структурой, прецедентное знание вербализируется в виде дискретно-точечных включений, инкрустирующих ткань всего произведения. В отличие от контекста старых знаний, который всегда сопровождается библиографическими указателями на источник чужой речи, прецедентное знание, как правило, не имеет специальных метатекстовых или графических демаркаторов, ни библиографических ссылок в силу презумпции общеизвестности. Он апеллирует к знаниям и памяти читателя, отражает общность апперцепционной базы отправителя и получателя научного сообщения.

Интеграция нового знания, старого знания и прецедентного знания в политекстуальную структуру является универсальным построением научного текста. В структурном плане этот принцип детерминируется чередованием старого и нового знания как важнейшего интертекстуального механизма развертывания научного текста.

В заключение следует отметить, что старое знание и прецедентное знание, входящие в состав смысловой структуры текста, репрезентируют преемственность, диалогичность и интертекстуальность познавательной деятельности, они формируют когнитивный фон, «встраивают» новое знание.

Методологическая основа научного текста

Развертывание нового знания детерминируется основными этапами научно-познавательной деятельности, включающими экспликацию проблемной ситуации, формулирование идеи и гипотезы, аргументацию, констатацию вывода. Данное содержание этапов познавательной деятельности выявляет своеобразный сюжет научно-технического текста.

Целеустановка методологического контекста связана с представлением способов получения, обоснования и развития нового знания. Денотат содержит методологию и механизмы познавательной деятельности. Способ представления является дискретным, эксплицирующим познавательные действия и средства, направленные на решение проблемы; в основном на пространстве контекста нового знания.

Методология науки – это учение о принципах построения, формах и способах научного познания. Методологический аспект эпистемической ситуации характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития, обоснования и интерпретации научного знания. Как отмечает Е.А. Баженова, если онтологический аспект связан со знанием о мире, то содержание методологического аспекта заключается в «знании о знании» [2, с. 93].

Методологический аспект эпистемической ситуации характеризуется иерархической организацией, в которой высший уровень занимает философская методология как теория всеобщего, ориентированная на создание единой картины мира. Второй уровень включает общенаучную методологию, которая объединяет методы, принципы и формы исследования в различных областях науки. К третьему уровню относится специально-научная методология – совокупность исследовательских процедур, применяемых в конкретной отрасли знания. Четвертый уровень методологии представлен конкретными методиками исследования, используемыми для решения познавательных задач определенного типа.

Методологический контекст представляет собой дискретную речевую структуру, объединяющую разноуровневые единицы, которые в контексте научного произведения репрезентируют содержание методологического аспекта эпистемической ситуации.

Анализ конкретного материала показывает, что описание содержания того или иного субтекста неизбежно требует расчленения целостной структуры текстовой ткани, поскольку в реальном контексте произведения контексты взаимодействуют и переплетаются.

Контекст нового знания теснейшим образом связан с методологическим контекстом, назначение которого – сознательная категориальная концептуализация предмета и метода исследования, экспликация перспективы и парадигмы изучения объекта и принципов изложения. Дискретный по форме текстуализации методологический контекст своими единицами инкрустирует весь текст, обеспечивая представление содержащейся в нем информации именно как научного знания и репрезентируя методы, способы и пути получения, развития и обоснования нового знания.

Состав стереотипных операторов методологического контекста включает существительные – научно-философские понятия, являющиеся исходным пунктом для различных наук: materia, sustancia, forma, regularidad, continuidad, deducción, inducción, elemento, sistema, norma, objeto, objetivo. Состав стереотипных операторов методологического контекста включает существительные, которые означают базовые научно-технические понятия: investigación, ciencia, estudio, clasificación, práctica, análisis, hipótesis, principio, aspecto, tarea, resultado, idea, concepto, noción, realización, efecto, experiencia, resultado, problema, función, materiales, métodos, objetivo, objeto, período, estructura, tema, característica, teoría, resumen, etc.

Состав стереотипных операторов методологического контекста включает глаголы и их синтаксические дериваты, обозначающие ментальные действия субъекта по отно-

шению к предмету исследования: analizar (hacer el análisis), estudiar (realizar el estudio), investigar (hacer la investigación) и др.; атрибутивные словосочетания методологического характера: análisis complejo, características funcionales, los rasgos principales и др.

Научно-техническая деятельность – это социальная деятельность, основной целью которой является получение новых знаний, изложение полученных результатов и передача новых знаний в форме этих результатов в письменном или устном виде в соответствии с конкретной ситуацией. Исходя из этих предпосылок, можно выделить следующие тематические группы:

- глаголы, которые воздействуют на объект исследования. К этой группе относятся такие глаголы, как afectar, construir, transformar, cambiar, inventar, investigar, etc.;

- глаголы абстрактного характера, которые используются субъектом действия, то есть, те, которые выражают ментальные акты субъекта. К ним относятся analizar, considerar, estimar, pensar, creer, resolver, suponer, imaginar, concebir, prever, etc., они выражают состояние или характеристику субъекта;

- глаголы, которые выражают действия или состояния, связанные с объектом исследования: depender, existir, resultar, servir, divergir, etc., они выражают характеристики и состояния объекта.

К соотношению «субъект – процесс – объект» добавляется еще один компонент, связанный с представлением результатов исследования и средствами передачи полученной информации. Представление результатов исследования выражается глаголами: dirigir, comunicar, describir, definir, expresar, reportar, etc. Средства передачи полученной информации представлены глаголами registrar, ejemplificar, simbolizar, citar, etc..

Эти же группы общенаучной лексики представлены и разрядами существительных. Воздействие на объект исследования – elaboración, aplicación, distribución, investigación, clasificación, logros, etc..

Состояние или характеристика субъекта – actitud, consideración, estimación, pensamiento, resolución, solución, suposición, duda, etc..

Характеристики или состояния объекта – rasgos, nivel, dependencia, existencia, complejidad, excepción, problema, proceso, etc..

Представление результатов исследования – descripción, explicación, presentación, recomendación, conclusión, etc.

Средства передачи полученной информации – artículo, cita, resumen, reseña, tabla, ilustración, símbolo, etc..

Анализ существительных, связанных с активным воздействием на объект (elaboración, aplicación, distribución, investigación, clasificación, logros, etc.), показывает, что они зачастую выражают процесс или действие (investigar-investigación), в то время как существительные, выражающие состояния, часто утрачивают отглагольные черты (concebir - concepción). Что касается характеристик или состояний объекта (rasgos, nivel, dependencia, existencia, complejidad, excepción, adaptación, problema, proceso), то эти существительные выражают не действие, а качество, состояние или признаки и взаимодействуют с прилагательными.

Состав стереотипных операторов методологического контекста нередко существует в сочетании со средствами побуждения, выражающими модальные значения необходимости, важности, предпочтительности той или иной познавательной процедуры. Так, наиболее распространенным средством текстуализации императивных отношений, актуальных для формулировки проблемы исследования, являются безличные инфинитивные конструкции с глаголами речи и мысли: es necesario, hay que, es importante, es imprescindible, cabe señalar, decir, enfatizar, tener en cuenta и др.. На этапе изложения гипотезы типичными речевыми актуализаторами методологического контекста являются конструкции с гипотетической модальностью, такие, как se supone, es posible, es probable и др.:

Методологический контекст выполняет важную коммуникативную функцию: его операторы, инкрустирующие всю текстовую ткань, выполняют роль своеобразных смысловых вех на пути от незнания к знанию. Эта функция методологического контекста становится особенно актуальной для речевого выражения эвристического этапа доказательства гипотезы, требующего экспликации приемов и стратегии аргументации, объяснений, процедур обоснования понятий и способов их развития.

В научном тексте этой цели служат стереотипные речевые маркеры – прежде всего глаголы, обозначающие ментальные действия, союзы и их аналоги, выражающие причинные, следственные, уступительные, целевые, условные, сопоставительные, пояснительные, противопоставительные, градационные отношения между компонентами субтекста нового знания: ya que, por tanto, al mismo tiempo, sin embargo, al contrario, aunque и др. [8].

Для доказательства, функционирующего в научных текстах, характерна особая, жесткая связность изложения, подчеркивающая логическую взаимозависимость всех его компонентов.

Выводы

Таким образом, методологический контекст, формируя метакогнитивную оболочку онтологического содержания, придает информации текста легитимный статус научного знания, репрезентирует методы его получения, развития и обоснования, членит научное содержание на кванты смысла, обеспечивая композиционно-смысловую упорядоченность произведения. Основными компонентами контекста методологического знания являются: категоризация форм получаемого знания; репрезентация методов, способов, приемов, средств решения проблемы; экспликация различных типов мыслительных и экспериментальных действий в процессе познавательной деятельности.

Список литературы

1. Авторитетность и коммуникация. Коллективная монография под ред. проф. В.Б. Кашкина, ВГУ, Воронеж, 2008.
2. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 269 с.
3. Варава В.В., Рахманин В.С., Глухова А.В. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности // Диспозиция «свой-чужой» в культуре / под ред. Кравца А.С. – Воронеж, 2007. – 257 с.

4. Данилевская Н.В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода. – Вестник Пермского Университета. Серия. Российская и зарубежная филология, вып. 3.–2009.
5. Какзанова У.М. Имя собственное в термине. Монография. – М.: Галлея - Принт. 2015. – 292 с.
6. Попова Т.Г., Руднева М.А. Научно-технический текст в современном ракурсе. Германия: Palmarium

Academic Publishing, Монография.- 2014.-246 с.

7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры.- М.: Академический проспект.- 2001.- 990 с.

8. Caballero, Francisco y Larrauri Maite El análisis de textos filosóficos, Textos de Didáctica de la Lengua y de la Literatura, 8, 1996,– 17-26 p.

СОМАТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ»)

Преснякова Надежда Александровна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков для
нелингвистических направлений
факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского Государственного Университета, Россия*

SOMATIC METAPHORS IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES (BASED ON PHRASEOLOGY OF SEMANTIC FIELD “EMOTIONS”)

Presnyakova N. A., senior teacher, Department of foreign languages for non-linguistic directions, the faculty of Russian philology and foreign languages, Pskov State University, Russia.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается механизм возникновения эмотивных фразеологических единиц - соматическая метафора. Исследование нацелено на обнаружение сходств и различий восприятия окружающего мира представителей двух языковых картин мира.

ABSTRACT

This article focuses on the mechanism of emotive phraseological units' origin – somatic metaphor. The research is aimed at finding similarities and differences of perception of two language world pictures' representatives.

Ключевые слова: соматическая метафора, фразеология, семантическое поле «Эмоции», языковая картина мира.

Keywords: Somatic metaphor, phraseology, semantic field “Emotions”, language world pictures.

Проблема взаимодействия языка и культуры – одно из перспективных направлений лингвистических исследований нашего времени. «Лингвистика 21 века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания» [1, с.3]. Желание исследователя овладеть неким скрытым знанием заставляет его осмысливать язык как путь к познанию ментальности народа, как возможность прикоснуться к взглядам и убеждениям предков. С этой точки зрения безусловный интерес представляет фразеология как языковая кладовая нации.

Соматизмы давно изучаются лингвистами в разных аспектах. Один из аспектов их исследований состоит в выявлении их возможностей в метафорическом обозначении эмоций. «Формирование соматической метафоры тесно связано с магическими действиями и архетипическими представлениями людей, находящихся во власти мифологического мышления. Погруженный в мир мифа человек, познавая окружающую его действительность, ищет подобия, он сравнивает мир с самым доступным и хорошо известным ему объектом – своим телом» [2, с. 62]. Ранее проведенные нами исследования были посвящены феномену человеческого тела, в частности изучалась национально-культурная специфика таких соматизмов, как

рука [3, с. 95-98], голова [4, с. 62-64], сердце [4, с. 62-64], глаза [5, с. 258-262]. Рассматривалась символическая ценность соматизмов как компонентов фразеологических единиц. Однако многие вопросы остаются открытыми, что оставляет поле для изучения.

В данной статье совершена попытка рассмотрения соматической метафоры как способа познания языковой картины мира русских и англичан на материале фразеологизмов семантического поля «Эмоции». Исследуемый двуязычный корпус охватывает 698 единиц, из них 342 английских фразеологических единиц (далее по тексту ФЕ) и 356 русских. Материалом исследования послужили данные картотеки, составленной на основе ряда авторитетных русских и английских словарей и справочников [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15], а также базы данных – British National Corpus [16] и Национальный корпус русского языка [17].

Методологическую основу исследования составили основополагающие труды отечественных и зарубежных учёных в области семантики и лексики (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, А. Вежбицкой), языка и культуры (Е.М. Верещагина, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, В.Н. Телия), сопоставительных исследований и межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасовой, Н.В. Уфимцевой, З.З. Чаны-

шевой, M. Argyle, R. Lado), невербальной семиотики (Г.Е. Крейдлина, P. Ekman).

Одним из механизмов образования фразеологических единиц является метафора. ФЕ часто выступают как вторичное средство выражения понятия. Наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений. В метафоре прослеживается «само зарождение мысли и ее осуществление в языке» [18, с.81]. В.Г. Гак выделяет две основные функции метафоры: «... с одной стороны, она служит средством обозначения тому, чему нет названия, с другой – средством создания художественной речи» [18, с.11].

Метафора – код культуры, т. е. носитель культурной информации. Осмысление метафор, лежащих в основе ФЕ английского и русского языков, позволяет выявить универсалии сознания двух народов и специфически национальное в восприятии мира.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своем труде «Метафоры, которыми мы живем» отмечают: «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [19, с. 5]. Авторы выделяют ряд метафорических понятий (концептов), поясняя, что «понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [19, с. 9]. Понятийные метафоры иначе называют базисными или концептуальными. Под базисной метафорой понимается, «когда сущности одного вида понимаются и переживаются в терминах сущности другого вида. Такие метафоры редко осознаются носителями языка. Но они дают возможность использовать одно высокоструктурированное понятие для структурирования другого» [20, с. 115]. Иллюстрацией базисных метафор могут служить такие метафоры выборки, как «любовь – сумасшествие»: *head over heels (over head and heels) in love* – по уши влюбиться, свести с ума; «любовь – война»: *steal someone's heart* – завоевать любовь; стрелять (стрельнуть) глазами (глазками); «страсть – жар»: *hot blood* – горячность, вспыльчивость; глаза разгорелись (горят) – кому-л. захотелось чего-л. очень страстно. Данные концептуальные метафоры встречаются в обоих исследуемых языках, однако, есть метафоры подобного рода, характерные только для одного языка, и не типичные для другого. Например, концептуальная метафора «спокойствие – холод» прослеживается только в английском: *have one's brain on ice* – сохранять ледяное спокойствие, не терять головы, быть сдержанным; а «спокойствие – легкость, освобождение» только в русском: *легко на сердце* – без тревоги, без опасений.

Если концептуальные метафоры не поддаются расшифровке носителями языка, то ряд образных метафор «можно попытаться «расшифровать» путем восстановления сравнения – подобия, через которое проходит идиома, мотивированная на основе метафоры» [21, с.81]. В этой связи Т. З. Черданцева пишет: «Восстановление сравнения – по-

добия можно попытаться произвести с помощью формул «подобно тому (чему)», «как кто (что)». Даже в тех случаях, когда связь двух сравниваемых ситуаций потеряна в веках, сам по себе факт такого сравнения общеизвестен, и это только подтверждает возможность его восстановления. Так, например идиома сидеть на мели прошла через сравнение подобно кораблю» [21, с.81]. Примерами подобных метафор могут быть: *lick one's lips* – облизываться, смаковать, предвкушая удовольствие (подобно предвкушению вкусовых ощущений); (будто, точно, словно) бельмо в (на) глазу – тот, кто мешает, раздражает своим присутствием (подобно недугу, мешающему хорошо видеть); мозолить (намозолить) глаза – раздражать своим постоянным присутствием (подобно болезненному процессу натирания мозоли на чем-л.) и т.д.

«Известны еще и такие метафоры, которые образовались на основании сравнения с нереальными вещами и явлениями, точнее с невидимым миром, существующем только в сознании людей, а в некоторых случаях речь может идти вообще о заведомо несуществующих «нечто» или «некто». Тогда это свидетельствует о наличии воображения у носителей языка, которое также участвует в коммуникативном процессе» [21, с.81]. Материалы нашей выборки подтверждают факт существования фантазийного мира людей (воображения), который находит материальное воплощение в языке. В результате чего появляются фразеологизмы, в основе которых лежит образ того, чего не бывает: камень на сердце (душе) (лежит); глаза на лоб лезут, проглотить язык, зубы разгорелись – сильно желать чего-л.; *not to turn a hair* – сохранять спокойствие (не боясь, не смущаясь) (дословно – и волоском не шевельнуть); *one's eyes stand out of one's head* – глаза полезли на лоб.

Также можно выделить ряд других оснований возникновения метафор: «основание метафоры может представлять собой гносеологический слепок с уже имеющейся реалии, или же отвлеченное понятие с еще нечеткими контурами, или, образ, ассоциируемый с некоторым символом, стереотипом, замысел, который определяется целью» [21, с.43].

Двуязычный материал выборки демонстрирует наличие как концептуальных, так и разных образных метафор, лежащих в ассоциативно-образной основе антропоморфных фразеологизмов семантического поля «Эмоции». В рамках исследования был классифицирован собранный материал по видам эмоции, в результате чего выделено 15 групп эмоций, которые могут быть обозначены по базовым эмоциям ряда: 1)гнев; 2)страх; 3)радость; 4)беспокойство; 5)любовь/страсть; 6)горе/страдание; 7)удивление; 8) спокойствие; 9)презрение; 10)стыд/вина; 11)интерес; 12) раздражение; 13)угроза/предупреждение; 14)смирение/покорность; 15) контроль эмоций. Данная работа предполагает рассмотрение метафор в сопоставительно-типологическом плане, что даст лингвистический материал для понимания того, к каким метафорам прибегают представители русской и англосаксонской культур для выражения идентичных эмоций.

Анализ материалов выборки позволяет выделить метафоры, которые представлены в Таблице 1:

Метафоры семантического поля «Эмоции» русского и английского языков

Тип эмоций	Метафора в русском языке	Метафора в английском языке
Гнев	«гнев/злость – повышение температуры»	
Страх	«страх – понижение температуры»	
Радость	«радость – широкая улыбка» «удовольствие – предвкушение вкусовых ощущений, вкусовое ощущение»	
		«удовольствие – чесать что-л.»
Беспокойство	«тревога – груз, тяжесть»	
	«беспокойство – боль» «беспокойство – головокружение»	
Любовь/Страсть	«любовь – сумасшествие» «любовь – война» «страсть – жар»	
Горе/Страдание	«печалиться – причинять себе боль»	«страдать – разбивать что-л., иметь что-л. разбитым» «печаль – боль»
Удивление	«удивление – увеличение глаз» «удивление – лишение дара речи»	
		«удивление – головокружение»
Спокойствие	«спокойствие – легкость, освобождение»	«спокойствие – холод»
Презрение	«презрение – указание пальцем на объект презрения» «презрение – плевок в объект презрения»	
Стыд/Вина	«стыдиться – избегать взгляда»	
Интерес	«интерес – пристальный взгляд»	«энтузиазм – положение подбородка»
Раздражение	«раздражение – сытость»	
	«раздражение – мешающий объект»	«раздражение – боль»
Угроза/Предупреждение	«угроза, наказание – физическая расправа»	
Смирение/Покорность	«ноги – унижение, подавление»	
Контроль эмоций	«контроль эмоций – отсутствие движений»	
	«контроль эмоций – намеренное упущение чего-л.»	«контроль эмоций – одетая на лицо маска»

Анализ таблицы позволяет проследить единство восприятия представителей двух лингвокультур, а также различия перцепции окружающего мира, зафиксированного во ФЕ.

Единство мышления прослеживается в образовании фразеологизмов, обозначающих эмоции: любовь, беспокойство/тревога, удивление, презрение, стыд/вина, раздражение, угроза/предупреждение, смирение/покорность, контроль эмоций, страсть, гнев/злость. Ниже приведены метафоры, лежащие в основе обозначенных эмоций.

Метафора «любовь – сумасшествие» является основополагающей в образовании русских и английских ФЕ: lose one's heart – влюбиться; lose one's head – потерять голову (влюбиться); be head and (over) ears (be over head and ears) (in love) – быть по уши влюбленным; терять голову. Чувство «любовь» в обоих языках в ряде случаев описывается в терминах войны: win smb's heart – добиться чьей-л. любви; gain smb's heart – добиться чьей-л. любви; завоевать сердце; покорять сердце.

Единая идея лежит в образе для выражения эмоции «беспокойство/тревога» – «тревога – груз, тяжесть»: с тяжелым сердцем; тяжело на сердце, lie (heavy) at smb's heart

– тяготить душу; weigh upon smb's heart – тяготить душу, лежать камнем на сердце; with a heavy (sinking) heart – с тяжелым сердцем, в грустном расположении духа. Примерами общности образного мышления русских и англичан также могут выступать такие метафоры:

эмоция «удивление»: 1) «удивление – увеличение глаз»: глаза на шесть копеек, делать большие глаза; make big eyes – сделать большие глаза, удивиться; have eyes popping (out of your head) (your eyes nearly pop out of your head) – быть удивленным или шокированным чем-л. 2) «удивление – лишение дара речи»: язык отнялся, язык прилип к гортани; smb. has lost one's tongue – потерять дар речи от удивления; his tongue failed – он решился дара речи;

эмоция «презрение»: 1) «презрение – указание пальцем на объект презрения»: показывать (указывать, тыкать) пальцем, snap one's fingers at – открыто выражать презрение к кому-л.; point the finger of scorn at smb. – насмехаться над кем-л, презрительно отзываться о ком-л; point the finger (of blame)\point the\an accusing finger – обвинять, указывать пальцем на кого-л. 2) «презрение – плевок в объект презрения»: плевать (плюнуть) в лицо; плевать (плюнуть) в глаза; spit in smb's eye – оскорбить, обидеть,

пренебрежительно относиться;

эмоция «стыд/вина»: «стыдиться – избегать взгляда»: не знать, куда глаза девать, прятать глаза; *be unable to look smb in the face* – стыдиться взглянуть в лицо кому-л.; *hide one's head (hide one's face)* – испытывать чувство стыда или смущения, скрывать свое унижение;

эмоция «раздражение»: «раздражение – сытость»: сыт по горло, *be fed to the teeth (be fed up to the back teeth)* – осточертеть, до смерти надоест; сыт по горло;

эмоция «угроза/предупреждение»: «угроза, наказание – физическая расправа»: свернуть шею, не сносить головы, свернуть голову (башку, шею), снять голову, *lift (raise) a hand against smb.* – поднять руку на кого-л. (угрожать ударить кого-л.); *give smb. (get) a thick ear* – ударить кого-л. или получить по уху в качестве наказания; *box smb's ear* – влупить пощечину, влепить затрещину;

эмоция «смирение/покорность»: «ноги – унижение, подавление»: валяться в ногах (в ножках), лизать пятки; преклонять (преклонить) колени (колени, колена); падать на колени, ползать в ногах, повергать (повергнуть) к стопам (ногам), *on one's (bended) knees* – на коленях, униженно, присмыкаясь, *sit at smb's feet* – благоговейно внимать чьим-л. словам, приклоняться перед кем-л., *bend (bow) the knee to smb.* – преклонить колено перед кем-л.; *(go down) on bended knee* – покорно, умоляя;

эмоция «контроль эмоций»: «контроль эмоций – отсутствие движений»: и ухом не ведет (не повел), и глазом не моргнуть, и (даже) бровью не шевельнул; *without batting an eye (not even bat an eye)* – не выражать эмоции, действовать индифферентно.

Сходство ассоциаций прослеживается и при отражении эмоции «страсть». Так, в двух языках мы обнаруживаем метафору «страсть – жар»: *blood is up* – страсти разгорелись; *have a soft (warm) spot in one's heart for smb* – испытывать влечение; кровь играет (кипит, играет, горит) – кто-л. охвачен страстью, порывом чувств. Интересным представляется тот факт, что в основе возникновения ФЕ, обозначающих определенные эмоции, может лежать идея как повышающейся, так и понижающейся температуры.

Эмоция «гнев, злость» связана с мыслью о повышении температуры: под горячую руку – сделать что-л., сказать что-л. в состоянии возбуждения, раздражения, гнева; *make smb's blood boil* – (кровь закипела), приводить кого-л. в бешенство, в ярость; *in hot blood* – сгоряча, в сердцах, вспылив. Идея понижающейся температуры является базовой для английских и русских ФЕ, обозначающих «страх»: мороз по спине дерет – ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения, кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах – кто-л. испытывает чувство сильного страха, ужаса; *make one's blood run cold* – похолодеть от ужаса; *freeze one's blood* – похолодеть от ужаса.

Тем не менее, в большинстве случаев разные языки прибегают к разным метафорам для обозначения эмоций. Так, рассматривая ФЕ с темой «спокойствие», только в английском языке мы можем легко выделить такую базовую метафору как «спокойствие – холод»: *cold blood* – хладнокровие; *in cold blood* – хладнокровно. В русском языке «спокойствие» связано с ощущением облегчения, легко-

стью, освобождением от чего-л.: камень с сердца свалился – почувствовал душевное облегчение после избавления от тяжелого щемящего чувства; как (будто, точно, словно) гора с плеч – почувствовать полное облегчение.

Чувство «печаль, досада» в русском языке реализуется посредством метафоры «печалиться, досадовать – причинять себе боль»: кусать себе локти, кусать губы, рвать на себе волосы, хоть пулю в лоб. В английском языке чувство «горе, страдание» передается через метафору «страдать – разбивать что-л., иметь что-л. разбитым»: *break one's heart* – убиваться, расстраиваться; *a broken heart* – разбитое сердце; *one's heart is broken* – сердце разбито, убитый горем; *break smb's heart* – огорчить, расстроить кого-л.; *break smb's heartstrings* – разбить чье-л. сердце, причинить большое горе.

Отсутствие эмоций или контроль передается в двух языках при помощи разных метафор. В русском языке метафора «контроль эмоций – намеренное упущение чего-л.»: пропускать мимо ушей, смотреть сквозь пальцы, пропускать\пропустить сквозь пальцы. В английском языке – «контроль эмоций – одетая на лицо маска»: *put a (good) face on smth.* – притвориться довольным чем-л., не унывать перед лицом чего-л.; *put on a brave face* – действовать смело, решительно, держаться мужественно; не раскиснуть; стараться выглядеть счастливым, когда на самом деле плохо.

Особого внимания заслуживают факты, иллюстрирующие специфичность языков, например, только в русском языке прослеживается метафора «интерес – пристальный взгляд»: смотреть во все глаза, не сводить глаз, наострить глаза, впиваться глазами; «раздражение – мешающий объект»: как кость в горле, стоять комом в горле, стать/становиться (встать) поперек горла.

Только в английском языке бодрость духа соотносится с положением подбородка: *keep one's chin up* – не падайте духом, бодритесь; *chin up!* – не унывайте; *take things on the chin* – не падать духом.

Особенно интересен тот факт, что одна и та же метафора в разных языках может лежать в основе ФЕ, обозначающих совершенно разные эмоции. Так, в русском языке ассоциативно-образный компонент «боль» присутствует в коннотации ФЕ, обозначающей эмоцию «беспокойство»: голова болит – кто-л. волнуется, беспокоится; болеть душой (сердцем) – испытывать тревогу, беспокоиться, страдать, переживать; в английском языке этот же компонент является определяющим в обозначении эмоции «печаль»: *be sick at heart* – тосковать, томиться или эмоцией; «раздражение»: *pain in the neck (pain in the ass or butt)* – источник раздражения. Или, метафора, связанная с образом головокружения является базисной для передачи эмоции беспокойство в русском языке: голова кружиться, голова идет кругом, мутиться/помутиться в голове; а в английском можно обнаружить метафору «удивление – головокружение»: *turn one's head* – 1) вскружить голову; 2) выражать сомнение, тщеславие; 3) удивлять; *make one's head spin* – вскружить голову, изумить, ошеломить, смутить.

Необходимо также отметить, что в качестве образного стержня части соматической ФЕ используется и описание повадок животных, их поведения в различных ситуациях;

соответствующие фразеологизмы обозначают такие же или сходные ситуации в сфере человеческих отношений. Отдельные действия, передаваемые содержанием исходных словосочетаний указанных ФЕ, присущи только животным. Подчеркнутая экспрессивность создается за счет большого диссонанса их актуального и этимологического значения: скалить зубы – злиться, негодовать; кошки скребут на сердце – тревожно, беспокойно; cast sheep's eyes at smb – бросать влюбленные взгляды; be on one's hind legs – встать на дыбы, заупрямиться, прийти в ярость; with one's tail between one's legs – удрученный, угнетенный, пристыженный.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что метафоры, обладая культурной коннотацией, являются источником знаний, постижение которых позволяет понять культуру народа. Рассмотрение метафор в сопоставительном плане дает возможность проникнуть в общие закономерности мышления людей разных культур, а вместе с тем увидеть специфику рассматриваемых языков. Данное исследование показало, что, несмотря на отсутствие генетической общности, на разноструктурность языков и дальность русской и английской культур, исследуемые языки демонстрируют изоморфность черт, что проявляется в выборе сходных метафор. Тем не менее, мы не можем говорить об абсолютном тождестве, так как собранный материал показывает и алломорфные черты в метафорическом аспекте.

Библиографический список:

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. С.3.
2. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2013. – с. 62
3. Преснякова Н. А. "Рука" в соматическом коде культуры (на материале английской и русской фразеологии) / Н. А. Преснякова // Вторая научно-практическая конференция молодых ученых-гуманитариев: Матер. Конф.; Великий Новгород, 2009 / Под ред. Е. В. Сергеевой, М. Н. Щетинина; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – с.95-98
4. Преснякова Н. А. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках / Н. А. Преснякова // Вестник Новгородского Государственного Университета. Научно-теоретический и прикладной журнал. Серия: «История. Филология», №52, 2009. – с. 62-64
5. Преснякова Н. А. К семиотике глаз в русской и английской культурах (на материале фразеологии) / Н. А. Преснякова // Службы сервиса и соц.-экономич. развитие региона: Сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Соловьева – Псков, 2011. – С.258-262
6. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
7. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 6-е изд., исправл. – М.; Живой язык, 2005. – 944 с.
8. Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 1056 с.
9. Словарь образных выражений русского языка. / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысаева и др.: Под ред. В. Н. Телия. – М.: «Отечество», 1995. – 368с.
10. Словарь современных английских идиом / Сост. Соломник Т. Г. – СПб.: ООО «Издательство «Золотой век», 2003. – 416 с.
11. Фразеологизмы в русской речи: Словарь – справочник / Сост. Н. В. Баско. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 272с.
12. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова и др.; Под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 7 – е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524, {4} с.
13. Яранцев Р. И. Словарь – справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов. – М.: Рус. Яз., 1981. – 304с.
14. Addison Wesley. Longman Idioms Dictionary. England: Longman Limited, 1998. – 398 p.
15. Ammer Christine. The American Heritage dictionary of idioms. The USA, Boston: Forbes Inc., 1997.. – 1191 p.
16. www.natcorp.ox.ac.uk.
17. www.russcorp.ru
18. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 136с.
19. Дж. Лакофф (George Lakoff), М. Джонсон (Mark Jonson) \ Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) /- Едиториал УРСС, 2004 г. – С. 5-9
20. Середина О. Е. Базисная метафора в русских и английских фразеологизмах с семантическим полем «человеческие отношения» // Текст как объект изучения и обучения. – Псков, 1999 г. – С.115
21. В. Н. Телия Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988 г. – С. 43-81

КЛАСИФІКАЦІЯ ТЕРМІНІВ-ФРАЗЕМ ТА СУМІЖНИХ З НИМИ ОДИНИЦЬ МОВИ СПЕЦІАЛЬНОГО ПРИЗНАЧЕННЯ У СУЧАСНОМУ МОВОЗНАВСТІ

Продан Юлія Петрівна
аспірантка

Кам'янець-Подільський коледж культури і мистецтв

THE CLASSIFICATION OF TERM-PHRASEMES AND ADJOINING TO THEM LEXICAL UNITS IN THE MODERN LINGUISTICS

Prodan Y. P., postgraduated student, Kamianets-Podilsky Colledge of Culture and Art

АНОТАЦІЯ

У статті проаналізовано різноманітні класифікації синкретичних лексичних одиниць, які мають ознаки і терміна, і фразеологізму, а також зроблена спроба класифікувати терміни-фраземи та суміжні з ними лексичні одиниці мови спеціального призначення за різними критеріями.

ABSTRACT

The article is about of different types the classification a special group of lexical units which belong both terminology and phraseology, the ideas of linguists are analysed in relation to the noted problem. To make the attempt of classification term-phraseemes and adjoining to them lexical units by different criterions.

Ключові слова: класифікація, лексична одиниця, термінологічне словосполучення, фразеологізм, термін-фразема.

Keywords: classification, lexical unit, terminological word combination, phraseologism, term-phraseeme.

Проблема взаємодії терміна і фразеологічної одиниці, позначення цього феномену відповідним лінгвістичним терміном – у центрі уваги сучасного мовознавства. Взаємодія цих двох одиниць спричиняє поєднання фразеологічного й термінологічного значень в одній лексичній одиниці, які накладаються одне на одного, й відповідно доповнюють одне одного.

Ураховуючи попередній досвід наукових пошуків, спробуємо систематизувати й узагальнити між собою визначення такої синкретичної мовної одиниці, яку у нашому дослідженні будемо кваліфікувати терміном-фраземою. Основними її кваліфікаційними ознаками є такі: усталеність компонентного складу і структури, а також контексту, в якому вона функціонує, семантична цілісність, відтворюваність, наявність основного (первинного) та переосмисленого фразеологічного (вторинного) значень, належність до відповідної терміносистеми, ідіоматичність. У сучасному мовознавстві на позначення цієї одиниці існують такі терміни, як термін-фразеологізм (Я. В. Разводовська, К. В. Житнікова [10; 3]), термінологічний фразеологізм (О. О. Нікуліна [5; 6]), фразеотермін (О. А. Шиленко [15]).

Термін-фразема – це усталене словосполучення та сполучення слів, яке, крім свого основного номінативного значення, має ідіоматичне (фразеологічне) значення, належить до певної терміносистеми й мови професійного спілкування [7, с. 119].

Стилістичне розшарування мови стає причиною того, що майже у всіх сферах людської діяльності тісно взаємодіють кілька підмов, які залежать від своїх адресатів і мають різну професійну спрямованість. Як зазначає О. М. Гончаренко, більшість термінологів погоджуються з думкою про те, що кожна галузева термінологія характеризується своєю закріпленістю за вузькою сферою спілкування, спеціальна для певної галузі науки як функціонально, так і за змістом. Дослідниця спеціальні слова і словосполучення групи людей певної професійної діяльності, спеціальну лексику кваліфікує номінативними одиницями окремого шару в лексичній системі, особливістю

якого є детальна диференціація понять [2, с. 4–5].

Серед одиниць мови спеціального призначення за функціонально-семантичним розшаруванням, крім термінів-фразем, у різногалузевих лексикографічних джерелах, віднаходимо: 1) професіоналізми-фраземи – усталені словосполучення та сполучення слів, компонентний склад яких можуть формувати як загальнонавчені слова, при поєднанні яких одиниця набуває спеціального (професійного), ідіоматичного значення, так і власне терміни й загальнонавчені слова, з ознаками ідіоматичності, образності, експресивності, напр.: водити бика, муз. – “супроводжувати розпис молодих у РАГСі” (ЦЛ, с. 40); “круглий стіл”, журн. – “телепередача дискусійного характеру, побудована на зіткненні протилежних поглядів” (СТСЖ, с. 35); соц. – “форма публічного обговорення (нарада, конференція, бесіда, зустріч), котра характеризується певним порядком, черговістю виступів його учасників, що сидять за столом і який має умовно круглу форму, підкреслюючи цим рівність усіх учасників” (ССТП, с. 150); “повітряна яма”, фін. – “нестійке становище, в якому опиняються цінні папери у зв'язку з раптовим і надзвичайним падінням їхнього курсу переважно після повідомлень негативного характеру” (СФР, с. 176); 2) жаргонізми-фраземи – напівфіційні словосполучення та сполучення слів з виразним експресивно-стилістичним забарвленням, які не називають наукових понять, якими послуговується певна група людей, об'єднана за професійною ознакою, напр.: косити капусту, муз. – “грати за гроші без задоволення” (ЦЛ, с. 94); мізків не вистачає, комп. – “не вистачає ресурсів оперативної пам'яті” (ЩСКС, с. 73); фірмово скулити, муз. – “до біса гарно співати” (ЦЛ, с. 192).

Проблема класифікації терміносполучень, фразем та взагалі лексичних одиниць, займає значене місце в лінгвістичних дискусіях. Це, насамперед, пов'язано з тісною взаємодією лексичних одиниць різних рівнів мови, їх поліфункціональністю. Класифікуючи та аналізуючи синкретичні лексико-фразеологічні одиниці мови спеціального призначення, важливо враховувати їх компонентний склад (термін чи загальнонавчене слово) та зв'язки ком-

понентів між собою (ступінь їх злиття).

Тому мета нашого дослідження полягає в аналізі лінгвістичних праць, у яких вже частково розглядалося питання класифікації лексичних одиниць, які мають ознаки і терміна, і фразеологізму, а також вироблення єдиної класифікаційної системи термінів-фразем та суміжних з ними лексичних одиниць мови спеціального призначення.

З цього приводу О. І. Голованова зазначає, що проблему класифікації неоднослівних термінів термінолог вирішує неоднозначно, оскільки фразеологізмами визнає лише фразеологічні зрощення, або ідіоми, беручи до уваги при цьому, по-перше, ступінь злиття компонентів, і по-друге, статус компонентів, які входять до словосполучення, що є важливим чинником диференціації фразеологізмів у термінології [1, с. 57], що дає можливість за моделями відбивати професійно важливу інформацію. У таких моделях різна комбінація компонентів об'єктивує різну взаємодію професійного та буденного знання в їхній когнітивній структурі. Пор.: спеціальне слово + загальноживане слово; загальноживане слово + загальноживане слово; спеціальне слово + спеціальне слово [1, с. 60–61].

На нашу думку, особливе місце серед аналізованих одиниць займають терміни-фраземи, структуровані за моделлю спеціальне слово (термін, професіоналізм, професійний жаргонізм) + загальноживане слово. Така лексична одиниця в термінологічному просторі має похідне значення. При цьому відбувається запозичення загальноживаного слова, значення якого конкретизується, переосмислюється і стає частиною значення терміна-фраземи.

Подібну класифікацію лексичних одиниць, які належать і до термінологізмів, і до фразеологізмів, віднаходимо у А. М. Пиж, яка ділить їх на: 1) ідіоми зі звуженим значенням (реальне значення за обсягом вужче номінального); 2) ідіоми з розширеним значенням (реальне значення ширше за первинне, яке виконує роль внутрішньої форми); 3) ідіоми зі зміщеним значенням (реальне значення переплітається з первинним); 4) ідіоми з перенесеним значенням (реальне значення не переплітається з первинним) [9, с. 89–91].

В. М. Лейчик з-поміж лексичних одиниць, які ми кваліфікуємо як терміни-фраземи, розрізняє фразеологічні зрощення, фразеологічні єдності, фразеологічні сполучення (один компонент яких має номінативне значення, другий – переносне, метафоричне, а конструкція загалом є усталеною в межах відповідної сукупності термінів) і фразеологічні вирази (всі компоненти мають повне номінативне значення, а їх поєднання є спеціально закріпленим та відтворюваним) [4, с. 31–32].

Т. В. Пузевич поділяє терміни-фраземи за ознакою семантичного злиття компонентів, використовуючи формальний метод вияву ознак ідіоматичності І. О. Мельчука [8, с. 122] і виявляє такі класи термінів-фразем: неідіоматичні терміни (фразеологічні вирази і фразеологічні сполучення), ідіоматичні терміни (мотивовані фразеологічні єдності й немотивовані фразеологічні зрощення) [8, с. 124–125].

Лексичні одиниці, які перебувають на межі термінології і фразеології, фразеотерміни, О. А. Шиленко відносить до центральної області (номінативні фразеотерміни, подібні

слову), перехідної зони (парні фразеотерміни – зі структурою парного словосполучення неідіоматичного характеру) і периферію (шаблонні формули). Центральна область – це фразеотерміни ідіоматичного характеру (фразеотерміни-зрощення / ідіоми – внутрішня форма одиниці не відбиває зміст одиниці, тобто цілісне значення не відповідає окремим значенням слів, які його утворюють; фразеотерміни-епоніми – назва явища чи поняття, яке виражене семантично трансформованим компонентом і поєднано з іменем людини, яка вперше їх виявила чи описала, або за назвою регіону, країни, з яким вони пов'язані; фразеотерміни-номенклатури – ідіоматизовані номенклатурні полілексемні одиниці чи професійні найменування та популярні народні назви) і фразеотерміни неідіоматичного характеру (фразеотерміни сполучення – сполучення, які виникають за допомогою семантично трансформованого компонента та іншого непереоосмисленого; фразеотерміни-епоніми – назва явища, поняття, структури, методу за іменем людини, яка вперше їх виявила чи описала, чи за назвою регіону, країни, з яким вони пов'язані; фразеотерміни-номенклатури – неідіоматизовані полілексемні одиниці, один компонент яких семантично трансформований) [15, с. 10].

О. О. Нікуліна класифікує досліджувані синкретичні одиниці відповідно до їхнього лексичного складу: 1) лексичні одиниці, які складаються тільки з термінів (без урахування службових слів); 2) лексичні одиниці, у складі яких є терміни й загальноживані слова; 3) лексичні одиниці, які складаються тільки із загальноживаних слів [5, с. 19].

Т. М. Федулєнкова відповідно до сучасних тенденцій розвитку семантики вважає за можливе поділ фразеологічних зворотів ділової англійської мови на три групи: 1) фразеологічні одиниці, які повністю зберегли первинне значення (вирази, значення яких тотожне як і в розмовному мовленні, так і у мові бізнесу); 2) фразеологічні одиниці, які частково втратили первинне значення (вирази, які в діловій мові набувають, завдяки метафоричному перенесенню й часткової трансформації компонентів, іншого значення); 3) фразеологічні одиниці, які набули власне нового значення (вирази, які за семантичного аналізу в силу зміни первинного значення набули смислу, відмінного від того, який дають значення їхніх компонентів) [12, с. 9–11].

Класифікація Л. П. Тарнаєвої подібна до класифікації Т. М. Федулєнкової. Дослідниця розрізняє такі фразеологічні одиниці (бізнес-ідіоми), які представляють фразеологічний рівень бізнес-тезаурусу: фразеологічні сполучення, фразеологічні єдності, усталені порівняння, прислів'я, цитати [11, с. 110].

Зазначимо, що, класифікуючи терміни-фраземи, важливо враховувати: 1) не лише ознаки фразеологізмів, а й термінів, оскільки терміни-фраземи поєднують у собі ознаки і терміна, і фразеологічної одиниці; 2) семантичну структуру таких одиниць, зважаючи на їхню однозначність і багатозначність. За словами Т. М. Федулєнкової, деякі науковці вважають, що терміни-фраземи, як і фразеологізми взагалі не можуть мати кількох значень: “Чим більша семантична самостійність компонентів фразеологічної одиниці, тим менше у неї можливостей стати багатозначною”

[12, с. 11–12]. Проте ми не поділяємо цю думку.

Полісемія як один із шляхів розвитку термінів-фразем, базується на асиметричній дихотомії змісту і сенсу, немінуча, оскільки вона, проявляючи природне прагнення до економії мови, дає можливість виразити нове значення за допомогою вже наявної форми. Асиметрія фразеологічної одиниці як мовного знака – основа розвитку і фразеологізму, і терміна-фраземи [12, с. 13–14].

Отже, синкретичну лінгвістичну одиницю, яка поєднує в собі ознаки і терміносполучення (системність, незалежність від контексту, прагнення однозначності, точність і лаконічність, небажаність синонімії та омонімії, смислова цілісність, відтворюваність) і фразеологізму (смислова цілісність значення, відтворюваність, відносна постійність компонентного складу та структури, емоційно-експресивний характер, незалежність від контексту) кваліфікуємо терміном-фразею. Серед одиниць мови спеціального призначення виділяємо крім термінів-фразем (офіційне спілкування), ще професіоналізми-фраземи (формальне, статусно-рольове спілкування) і жаргонізми-фраземи (неформальне, фамільярно-знижене).

Опираючись на розрізнення понять “термінологізація” й “фразеологізація”, відповідно пропонуємо використовувати поняття “термінофразеологізація” на позначення термінологізації фразем і “фразеотермінологізація” на позначення фразеологізації терміносполучень

Пропонуємо таку класифікацію термінів-фразем та суміжних із ними одиниць мови спеціального призначення: 1) за функціонально-семантичною диференціацією, розрізняємо: а) терміни-фраземи, в яких усі компоненти є термінами, вживаються самостійно за межами словосполучення; б) терміни-фраземи, один із компонентів яких є терміном, а другий – загальноновживаним словом; в) терміни-фраземи, в яких усі компоненти є загальноновживаними словами, набувають спеціального значення лише за поєднання один з одним; г) напівтерміни-фраземи, в яких один із компонентів є терміном, інший – професіоналізмом, виражений переважно загальноновживаним словом; г) професіоналізми-фраземи, в яких один із компонентів може бути терміном, а інші загальноновживаними словами або всі компоненти є загальноновживаними словами, набувають спеціального значення лише при поєднанні один з одним; д) й жаргонізми-фраземи, в яких усі компоненти є словами лексики обмеженого вживання, які не зважаючи на поєднання, вже мають у своїй основі спеціальне, емоційно-забарвлене, фамільярно-знижене значення;

2) за ознакою семантичного злиття компонентів: 1) терміни-фраземи, які повністю зберегли своє первинне (самостійне) значення; 2) терміни-фраземи, які частково втратили своє первинне (самостійне) значення / терміни-фраземи неідіоматичного характеру (термінофразеологічні сполучення, один із компонентів яких функціонує у своєму первинному значенні, а інший має семантично зв'язане значення); 3) терміни-фраземи, які набули зовсім нового, переосмисленого, значення / терміни-фраземи ідіоматичного характеру (термінофразеологічні зрощення, семантично неподільні, значення компонентів яких не залежить від лексичного складу);

3) за ступенем термінофразеологізації та фразеотермі-

нологізації: а) терміни-фраземи, які повністю втратили своє первинне значення (за термінологізації – термінологічне, за фразеологізації – фразеологічне); б) терміни-фраземи, які частково втратили первинне (термінологічне або фразеологічне) значення (термінофразеологічні або фразеотермінологічні сполучення, один із компонентів яких вживається у своєму первинному значенні, інший має зв'язане значення); в) терміни-фраземи, які набули нового значення (термінофразеологічні або фразеотермінологічні зрощення, неподільні, значення компонентів яких не залежать від їхнього лексичного складу).

Список умовних скорочень лексикографічних джерел:

ССТП – Соціологія : словник термінів і понять. – К. : Кондор, 2006. – 372 с.

СТСЖ – Словник термінології сучасної журналістики / [укл. : А. С. Попович, Л. М. Марчук ; за ред. А. С. Попович]. – Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський нац. ун-т імені Івана Огієнка, 2010. – 82 с.

СУСМ – Словник українського сакрального мистецтва / [за наук. ред. М. Станкевича]. – Ін-т народознавства НАН України. – Львів, 2006. – 288 с.

СФР – Словник фондового ринку / [авт.-уклад. А. Т. Головко, В. Ф. Кобзар, О. О. Науменко та ін.]. – К., 1999. – 288 с.

ЦЛ – Цеацура О. Лаба – тлумачний словник музичного та мистецького сленгу / О. Цеацура. – К. : “Український Ренесанс”, 2009. – 350 с.

ЩСКС – Щур І. І. Словник комп'ютерного сленгу української мови : понад 1500 слів і стійких словосполучень / І. І. Щур. – К. : Діал, 2006. – 144 с.

Список літератури:

1. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова // Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330 с.

2. Гончаренко О. М. Професіоналізми та жаргонізми торгово-економічної сфери сучасної китайської мови / О. М. Гончаренко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – К., 2008. – № 13 : Східні мови та літератури. – С. 4–8.

3. Житнікова К. В. Комунікативно-прагматична функція терміна-фразеологізма терміносистеми менеджменту та маркетингу // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – Серія: Філологія. – 2004. – Вип. 636. – С. 72–76.

4. Лейчик В. М. Исследование терминологизмов в парадигматике: явление антонимии / В. М. Лейчик, Е. А. Никулина // Вестник МГУ. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2005. – № 1. – С. 30–43.

5. Никулина Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка : автореф. дис. ... доктора фил. наук : 10.02.04 / Елена Александровна Никулина. – М. : Московский пед. госуд. ун-тет, 2005. – 44 с.

6. Никулина Е.А. Лингвистическая компетенция и концепция терминологических фразеологизмов / Е.А. Никулина // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. — №4. – С. 52–59.

7. Продан Ю. П. Поняття “термін-фразема” у лінгвістиці / Ю. П. Продан // Термінологічний вісник : зб. наук.

пр. / [відп. ред. В. Л. Іващенко]. – К. : Ін-т української мови НАНУ, 2013. – Вип. 2(1). – С. 116–121.

8. Пузевич Т. В. К вопросу о выявления степени идиоматичности терминов-фразем // Мова і Культура: Наук. журнал. – К., 2009. – Вип. 11. – Т. IX. – С. 120–126.

9. Пыж А. М. Идиоматика в сфере английской юридической терминологии / А. М. Пыж // Фразеология и терминология: грани пересечения : монография / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова"; [Т. Н. Федулєнкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна и др.]. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 86–95.

10. Разводовская Я. В. Термины-фразеологизмы подъязыка репродуктивного здоровья, функционирующие в текстах научной и научно-популярной литературы / Я.В. Разводовская // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Материалы Междунар. научн. симпоз., 4-6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : Поморский университет, 2009. – С. 349–352.

11. Тарнаева Л. П. Передача идиоматичности делового дискурса при переводе (лингвометодический аспект проблемы) / Л. П. Тарнаева // Фразеология и терминология:

грани пересечения : монография / Т. Н. Федулєнкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна и др.]. Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 108–127.

12. Федулєнкова Т. Н. Элементарные связи фразеологической терминологии как признак системности языка / Т. Н. Федулєнкова // Фразеология и терминология: грани пересечения : монография / Т. Н. Федулєнкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна и др.]. Архангельск : Поморский университет, 2009. С. 8–22.

13. Шилєнко О. Термін-фразеологізм: проблема визначення // Наукові записки. – Вип. 75 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 5 ч. – Кіровоград, 2008. – С. 329–334.

14. Шилєнко О. Фразеологізація та метафоризація в терміносистемах: відмінності та подібності (на матеріалі англійської мови) / О. Шилєнко // Українська термінологія і сучасність : зб. наук. пр. / відп. ред. Л.О. Симоненко. – К. : КНЕУ, 2007. – Вип. 7. – С. 307–310.

15. Шилєнко О. А. Термінологічна фразеологізація в англомовних фахових текстах: автор. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 "Германські мови" / Ольга Анатоліївна Шилєнко. – Харків, 2013. – 23 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Руснак Ирина Михайловна,

*Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им.Т.Г. Шевченко»,
заведующая отделением заочного обучения,
преподаватель кафедры «Общеобразовательных и социально-экономических дисциплин»,
аспирант Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ*

FORMATION OF SPEECH CULTURE OF PROFESSIONAL TECHNICAL COLLEGE STUDENTS

Rusnak Irina, Bendery Polytechnic branch GOU "Pridnestrovian State University im. T.G. Shevchenko" head of the department of distance learning, teacher of "general education and socio-economic disciplines" graduate student of the Kishinev State Pedagogical University. I. Creanga

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема профессиональной культурой речевого развития. Основные теоретические вопросы рассматриваются здесь. Автор статьи затронул проблему языковой грамотности современного студенческого общества.

ABSTRACT

The problem of the professional culture of speech development. The main theoretical issues are discussed here. The author raised the issue of language literacy of modern student society.

Ключевые слова: язык, речь, культура речи, профессиональная речь, грамотность речи.

Keywords: language, speech, speech culture, professional language, literacy speech.

Современный мир характеризуется процессами глобализации, тенденцией к интеграции мира на определенных общих основаниях, вхождением в постиндустриальное общество. Происходит информационная революция, сжимающая время и пространство, открываются границы. Глобальное взаимодействие цивилизаций ("столкновение цивилизаций" - С. Хантингтон) ставит особенно остро вопрос о человеке, о философском осмыслении его самосознания, его места в новом историческом типе культуры, в организации социокультурного бытия человечества.

В этом глубинном процессе все большее значение при-

обретают науки культурологического цикла, которые обращаются к анализу проблем соотношения человека и мира, человека и природы, человека и культуры, к рассмотрению сущности культуры как специфики человеческого существования.

Общее состояние духовности многонационального общества, как утверждают социологи, зависит от того, насколько стабильной и устойчивой является социокультурная среда и многообразны социально-психологические механизмы связи времен и поколений. Качественной характеристикой социальной ориентации коммуника-

тивных процессов является культура взаимоотношений между людьми, определяемая морально-нравственными нормами. Противоречивое состояние академической науки и, соответственно, определяемой ею всей системы гуманитарного и профессионального образования все-таки позволяет, на наш взгляд, обозначить основной «социальный заказ», предъявляемый обществом к этим социальным институтам. Речь идет об образовании на основе приоритетного внимания к изучению коммуникации как специфической сферы общения, к формированию коммуникативной культуры личности [1, 194].

В связи с этим многие исследователи начинают обращать свое внимание на проблему речевой культуры современного студенчества. В частности, В.А. Козырев утверждает, что «состояние русской речи, особенно речи молодежи, вызывающее глубокую озабоченность не только у лингвистов и преподавателей-русистов, с очевидностью свидетельствует о нравственном неблагополучии общества, о снижении интеллектуальной планки, о неготовности многих вчерашних школьников к получению полноценного высшего образования» [2, 35]. Поэтому в современных условиях проблемы формирования речевой культуры приобретают особую актуальность.

Целью данной статьи является теоретическое осмысление развития профессиональной культуры речи у студентов технического вуза.

Анализ лингвистической и психолого-педагогической литературы позволил сделать вывод о том, что нет единого взгляда на феномен «речевая культура», преобладает тенденция отождествления понятий: «культура речи», «правильность речи» и «речевая культура». В. А. Цукович отмечает: «Культура речи – это использование средств и возможностей языка, адекватных содержанию, обстановке и цели высказывания» [3]. По мнению Л. И. Скворцова, культура речи – это «владение языковыми нормами» [4]. Мы рассматриваем речевую культуру как социальный феномен, представляющий собой способность использовать языковые средства (лексические, грамматические, фонетические и др.) в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи для установления взаимопонимания с окружающими людьми. Говоря о студентах технического вуза, необходимо подчеркнуть, что социальный запрос формирования речевой культуры, предполагает формирование языка научного и делового общения.

Формирование языка научного общения совпало с процессом формирования национального русского языка, что в полной мере отразило их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Л.Л. Кутина, исследователь оформляющегося на русской языковой основе языка науки [5, 16], достаточно полно показала, как формированию национального (русского) литературного языка сопутствовало «возникновение и оформление различных функциональных разновидностей его, связанных с определенными направлениями и потребностями общественной практики. Одной из таких разновидностей является язык науки с разнообразными системами научных терминологий» [5, 3]. Однако научное общение – лишь одна из сфер профессионального общения, которое не исчерпывает всех областей трудовой дея-

тельности на разных уровнях и направлениях.

Впервые идея о языке для специальных целей появилась в работах чешского исследователя Любомира Дрозда, который назвал этот язык функциональным языком (или языком в специальной функции), представляющим собой подязык «данного национального литературного языка» [6, 120].

Интерес к языку профессиональных сфер общения начался с определения фундаментальных постулатов и методов работы с терминологией как с «неким инструментом, которым надо пользоваться наиболее рациональным способом, с тем чтобы он мог наиболее эффективно служить цели, для которой создан: устранению затруднений в научно-технических связях» [7, 15]. Возникающее при этом совмещение понятий «специальный язык» и «терминология» в чем-то весьма обоснованно, так как именно термины являются носителями специальной информации.

Сформированная речь выпускника вуза – это один из важнейших показателей готовности и способности осуществлять профессиональную деятельность. В современных исследованиях по лингвистике и методике преподавания происходит рассмотрение профессиональной речи не как «специальной», нагруженной использованием особой лексики и терминологии. Выделение профессиональной речи обусловлено существованием групп носителей языка, для которых использование данной разновидности языка связано с занятием определенным видом деятельности.

Важнейшим признаком профессиональной речи становится приспособленность речи к потребностям людей, общающихся в данной профессиональной сфере. Сфера деятельности и общения, характер ситуации, цели, темы, условия общения определяют особенности профессиональной речи. В свете коммуникативно-деятельностной концепции языка вслед за Н.К. Гарбовским мы рассматриваем профессиональную речь не как совокупность только профессионально окрашенных единиц языка – специальных терминов и профессионализмов, а как многожанровую функциональную разновидность речи, которая характеризуется лингвистическим, психологическим и социально обусловленным выбором языковых средств выражения, профессионально маркированных, и не имеющих особой стилистической окраски. В этом случае учитываются «способы их организации в процессе общения с целью достижения определенной коммуникативной задачи в общественно осознанных типичных условиях общения в сфере профессиональной деятельности людей» [8, 39–40].

Вся коммуникация, связанная с профессиональной деятельностью, независимо от того, протекает она в письменной или устной форме, в официальной или неофициальной обстановке, то есть коммуникация как особый, вспомогательный вид деятельности, обеспечивающий осуществление основной профессиональной деятельности и подчиненный ее целям как целям деятельности более высокого порядка, и есть профессиональная речь [9].

В настоящее время проблемы языка и культуры профессиональной речи вышли за рамки филологии и стали в один ряд с проблемами общей гуманитарной культуры. Профессиональное общение становится главным в комму-

никативной деятельности человека и представляет собой речевое взаимодействие специалиста с другими специалистами и клиентами организации в ходе осуществления профессиональной деятельности.

Культура профессиональной деятельности во многом определяет ее эффективность, а также репутацию организации в целом и отдельного специалиста. Профессиональная культура включает владение специальными умениями и навыками профессиональной деятельности, культуру поведения, эмоциональную культуру, общую культуру речи и культуру профессионального общения.

Однако невозможно говорить о профессиональной культуре и профессиональной культуре общения без осознания уровня владения языком студентами на современном этапе. Так, преподаватель Славянского Университета Молдовы В. Тудосе в своем исследовании отмечает, что «русская речь молодежи Молдовы изобилует жаргонами» [10]. Более того, исследователи отмечают снижение грамотности речи студентов. Согласно принципу Сепира–Уорфа объем и состав словаря, которым располагает человек, задает те рамки, в которых он воспринимает реальность и объясняет ее другим. Другими словами, язык является средством познания и условием прогресса народов. Так, при формировании уровня культуры профессионального общения, очень важно обращать внимание, в первую очередь, на грамотность владения языком. По определению В.И. Даля, грамотность — степень владения человеком навыками письма и чтения на родном языке.

Исходя из сказанного, под грамотностью мы понимаем не только соблюдение орфографических и пунктуационных норм в письменной речи, грамотность мы рассматриваем как выполнение всех нормативных требований как устной, так и письменной речи. О снижении уровня грамотности носителей русского языка сегодня говорится достаточно активно. На сложившуюся ситуацию в области культуры речи, безусловно, повлиял целый ряд факторов.

Делая вывод о состоянии речи и владения языком современными студентами, Л.В. Валова в своем исследовании подчеркивает, что после анализа многочисленных нарушений языковых норм, необходимо обратить внимание студентов на то, что не стоит переносить акцент с речи на язык, не стоит говорить о порче современного русского языка. Примитивизация современной речевой практики и снижение общего уровня грамотности свидетельствуют о наличии проблем в области культуры речи. Довольно часто наблюдаемое сегодня неумение пользоваться богатейшими языковыми ресурсами свидетельствует лишь об ограниченности самих носителей языка, но вряд ли может служить критикой системы современного русского языка [13].

Таким образом, культура общения – важная составная часть общей культуры личности, формирование которой выступает как насущная потребность наших дней, когда происходит изменение старых форм взаимодействий, переоценка ценностей и идеалов, поиск новых жизненных установок и ориентиров. Культура общения студентов в вузе может рассматриваться как важнейший созидательный ресурс высшего профессионального образования в целях интеллектуального роста личности. Развитие куль-

туры общения обязывает студента высшего учебного заведения овладеть ею как универсальной характеристикой специалиста, помогающей выполнить социальные ожидания общества и выйти на высокий профессиональный и личностный уровень. Институт образования – не только сфера обучения и воспитания подрастающего поколения, но и наиболее яркий индикатор духовно-нравственного и социального здоровья общества, благополучия культуры в целом. Утверждение гуманистических ценностей в образовании выдвигает на приоритетные позиции ценность самой личности, богатство ее духовного мира [14, 36-42].

Ссылки:

1. Новикова Т.А. Формирование профессиональной культуры речи // Омский научный вестник №3 (119) 2013.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Языковое образование и языковая личность // Вестник Герценовского университета. 2008. №1. С.30-36.
3. Цит. по: Лосева Н. А. Развитие речевой культуры будущих педагогов дошкольного образования как основы их профессиональной деятельности // Концепт. – 2012. – № 6 (июнь). – ART 12074. – 0,6 п. л. – URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12074.h1>
4. Цит. по: Лосева Н. А. Развитие речевой культуры будущих педагогов дошкольного образования как основы их профессиональной деятельности // Концепт. – 2012. – № 6 (июнь). – ART 12074. – 0,6 п. л. – URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12074.h1>
5. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века) М.; Л., 1964.
6. Дрозд, Л. К проблеме лингвистической теории терминологии [Текст] / Л.Дрозд //Международный симпозиум «Теоретические и методологические вопросы терминологии». – М., 1979.
7. Рондо Г. Введение в терминологию. Монреаль, 1979.
8. Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). М.: Изд-во МГУ, 1988.
9. Кириллова Т.С. Профессиональная речь и ее место в функционально-стилистической системе языка. http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2014/Philologia/7_16114.doc.htm посещение: 16.08.2015 05.20
10. Тудосе В. О русской речи молодежи Молдовы <http://studiamsu.eu/wp-content/uploads/31.-p.175-178.pdf>
11. В. Познер о грамотности://pozneronline.ru/2015/04/11149/
12. Сиротинина, О. Б. Язык СМИ: языковой эталон и речевая реальность / О. Б. Сиротинина // Мир русского слова. – 2004. – № 2. – С. 75–78.
13. Валова Л.В. Взгляд современного студента на состояние русского языка. Известия Волгоградского государственного технического университета. - № 9, том 7. 2011 <http://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-sovremennogo-studenta-na-sostoyanie-russkogo-yazyka>
14. Смирнова, Н. М. Повышение уровня культуры общения в студенческой среде // Вестник Российской академии образования. – Вып. 1. – 2007. – С.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Смолина Людмила Валерьевна

старший преподаватель

кафедры иностранных языков,

Воронежский институт МВД России

METAPHOR AS INTERMEDIARY MEANS FOR SCIENTIFIC INFORMATION REPRESENTATION IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE (BASED ON FRENCH LANGUAGE)

Smolina L. V. senior lecturer of the foreign languages department, Voronezh Institute of the Russian Ministry of the Interior

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается метафоризация как вербальная репрезентация прагматически переработанного научного знания в научно-популярном дискурсе. Для научно-популярных текстов характерны как языковая, так и речевая метафора. Метафора как стилистический приём сознательно применяется в строго ограниченных функциях, отвечающих задачам научно-популярного повествования. Её использование носит вспомогательный характер, дополняя интеллективные средства воздействия на адресата.

ABSTRACT

The article focuses on metaphor in popular scientific discourse as a verbal representation of pragmatically processed scientific knowledge. Both linguistic and verbal metaphors are represented in popular science texts. Metaphor as a stylistic device is deliberately applied in strictly limited purposes responding to the objectives of popular science discourse. Metaphor is used as an intermediary means complementing intellectual means of effect on the recipient.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, интеллектуальная информация, прагматически переработанное научное знание, речевая метафора, языковая метафора, экспрессивно-эмоциональные элементы языка

Keywords: popular science discourse, intellectual information, pragmatically processed scientific knowledge, verbal metaphor, linguistic metaphor, expressive and emotional elements of language

В современном информационном обществе большое внимание уделяется изучению не только процедур получения и переработки, но и технологиям адекватной передачи знания. В связи с этим повышается интерес к научно-популярному дискурсу как прагматически ориентированному способу вербализации научного знания.

Научно-популярный дискурс, по сравнению с собственно научным дискурсом, отличается максимальной ориентацией субъекта на восприятие адресата. Если в собственно научном дискурсе воздействующий характер выражен преимущественно рациональными, рассудочными средствами воздействия, то в текстах, относящихся к научно-популярному дискурсу, прагматическая сторона высказывания характеризуется сильными, так сказать, "отмеченными" формами: воздействие достаточно высокой степени интенсивности, нередко оценочность (эксплицитного характера), наличие как рассудочных, логических, так и экспрессивно-эмоционально-оценочных средств. О.Д. Митрофанова отмечает, что прагматическая направленность органически присуща научно-популярному тексту [6; 26]. При этом прагматическая установка отчетливо осознается автором и реализуется таким образом, чтобы максимально обеспечить желаемый результат, то есть донести информацию, быть адекватно понятым и, по мере возможности, воздействовать на принимающего информацию с целью изменения его "смыслового поля".

Воздействующая направленность научно-популярных текстов характеризуется одновременно двумя тенденциями: с одной стороны – логичность, рассудочность, с другой стороны – эмоциональность и экспрессивность. Следует отметить, что логические средства воздействия и убежде-

ния, составляющие специфику научных работ изучены в современной лингвистической литературе достаточно полно и разносторонне, в то время как роль языковых средств, передающих различные оттенки экспрессивного и эмоционально-оценочного характера еще не до конца определена и нуждается в дальнейших исследованиях.

В реализации нового подхода к вербализации научного мышления огромное значение имело широко развернувшееся во второй половине XX века исследование тропов и прежде всего - метафоры. На современном этапе развития лингвистической науки, характеризующемся антропоцентризмом, то есть рассмотрением языковых явлений во взаимосвязи с человеком, его деятельностью и мышлением, новую интерпретацию получает понятие «метафора». В исследованиях, посвященных проблеме метафоры, подчеркивается ее важная роль в построении концептуальной и вербальной систем человека, ее активное участие в категоризации языка, процессах мышления и восприятия. Функциональная стилистика рассматривала метафору прежде всего в связи с метафорическим и метонимическим способами образования терминов; предполагалось, что с появлением метафоры в тексте структура лишается семантической четкости, однозначности, это и делает ее неприемлемой в научной речи. В настоящее время метафора рассматривается как средство научного познания. Следовательно, метафоризация и шире - тропическое мышление - является неотъемлемой составляющей научного мышления и научного дискурса.

Объектом исследования в нашей статье выступает научно-популярный дискурс, когнитивно-коммуникативной задачей которого является популяризация научного

знания в зависимости от профессиональной и коммуникативной компетенции субъектов дискурса. Предметом исследования выступает метафора, используемая для вербальной репрезентации прагматически переработанного научного знания. Цель статьи – выявить особенности функционирования метафоры в научно-популярном дискурсе. Материалом для нашего исследования послужили тексты из французских периодических изданий "Sciences et Avenir", "Science et Vie".

В "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой метафора определяется как "лингвистическое средство, одновременная реализация двух значений (номинативного и производного) одной лексической единицей или двух значений двух разных лексических структур на основе обязательного общего лексического признака" или иначе как "троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии" [2; 285].

Характеризуя этот стилистический приём, В.В.Виноградов пишет, что метафора, если она не штампована, есть акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции. В метафоре резко выступает строго определённый субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия. Поэтому словесная метафора «навязывает» читателю субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи [3; 89]. В своих наблюдениях В.В. Виноградов отмечает, таким образом, роль метафоры в отношениях автор – читатель (отправитель – адресат сообщения) и её огромный потенциал воздействия на адресата.

Для научно-популярных текстов характерны как языковая, так и речевая метафора. Языковая метафора обладает устойчивым, фиксируемым словарями характером и не вызывает у читателя каких-либо дополнительных образов или эмоционально окрашенных ассоциаций. Её традиционный характер делает подобную метафору приемлемым языковым материалом для выражения логически последовательной мысли, аргументации и т.д. Языковая метафора в научной литературе – это, прежде всего, глагольная метафора типа *fournir des clés* (вручить ключи от ...), *guetter* (*chercher*) *l'oiseau rare* (добыть редкую птицу), *dénicher* (*chercher*) *la perle rare* (отыскать редкую жемчужину), *revenir sur le devant de la scène* (выйти на авансцену) и метафора, выраженная существительным: *une nation phare* (нация-маяк), *une grappe de satellites* (гроздь спутников), *une moisson de résultats* (урожай результатов), *le fruit d'une coopération* (плод сотрудничества).

С точки зрения воздействующей силы, безусловно, наибольший интерес для исследователей представляют речевые метафоры, которые также нередки в научно-популярном повествовании. Речевая метафора отвечает тем требованиям, на которые указывает В.В. Виноградов, то есть она всегда свежа, оригинальна, носит творческий характер. В художественной речи метафора характеризуется определённой системностью, многоплановостью, а также спаянностью со всей структурой художественного произведения [4; 72]. Речевая метафора в научных работах включает в себя все признаки, присущие метафоре такого рода, то есть она субъективна, свежа, оригинальна. Как

отмечает Н.М. Разинкина, различие между метафоризмом художественной и научной речи состоит не в качестве метафоры как таковой, а в том, что в научной речи метафора "не спаяна со всей организацией научного произведения; она появляется скорее как дополнительное средство для придания аргументации большей убедительности" [10; 116].

Несмотря на такой вспомогательный характер метафор, в научном тексте они выступают более ярко и чётко, нежели в произведении художественном. В научных произведениях, характеризующихся стандартизованностью и клишированностью организации текста, появление оригинальной метафоры немедленно привлекает к себе внимание читателя. Например: *Des constellations de satellites de télécommunications ont déjà occupé la banlieue terrestre* – Созвездия телекоммуникационных спутников уже оккупировали предместья Земли (соотнесение нижних слоёв атмосферы и городских предместий по признаку "приближённость"); *Autre catastrophe galactique, autre pépinière d'étoiles: les galaxies en collision, dites NGC 6090 observées cette fois par le photomètre d'Iso. En son sein éclosent des couvées d'étoiles à une cadence de 25 astres semblables au Soleil par an.* – Ещё одна галактическая катастрофа, ещё один звёздный инкубатор: столкновение галактик NGC 6090 на этот раз зафиксировано фотометром телескопа Iso. В их недрах вылупляются выводки звезд со скоростью 25 звёзд, подобных Солнцу, в год. Центральным в данной метафоре является образ *une pépinière* (lieu où l'on cultive des jeunes végétaux destinés à être transplantés). Дополнительные образы передаются глаголом *éclore* (*naître en sortant de l'oeuf*), существительным *une couvée* (*ensemble des oeufs qu'un oiseau couve en même temps*). Данная развёрнутая метафора строится на образах, взятых из области животного мира, появления потомства. Образное описание появления новых звёзд дополняется усилением понятийного содержания: метафора подчёркивает длительность, постепенный характер процесса и многочисленность новых звёзд.

Говоря о системном, унифицированном характере языкового выражения эмоционально-оценочно-экспрессивных значений в научно-популярном тексте [9; 201], нельзя не отметить тот факт, что употребление этих средств ограничено повторяющимися, типичными для научно-популярной литературы функциями. В частности, употребление метафоры сводится к следующим случаям:

а) для описания предмета исследования (без его оценочной, положительной или отрицательной характеристики), где метафора может служить дополнением к собственно интеллективной информации. При этом часто метафорический перенос основан на соотношении неизвестного (новых научных данных, представляющих сложность для читателя) с известным (с миром обыденных вещей и понятий): *Il n'aura pas fallu moins de deux années de travail pour esquisser le portrait robot des boules de glu* (Понадобилось не более двух лет работы для создания фоторобота глюонов); *Des chercheurs américains en [des particules] présentent la fiche signalétique* (Американские исследователи представили удостоверение личности данных частиц).

б) для описания предмета исследования, которому да-

ётся эмоционально-субъективная оценка (положительная или отрицательная). Метафоры данной группы выражают субъективно-эмоциональное отношение автора к объекту исследования, которое реализуется благодаря входящим в их состав эмоционально окрашенным словам и определённым эмоциональному (положительному или отрицательному) отношению к референту, сложившемуся в данном коллективе: *Ces virus affichent à leur palmarès des centaines de milliers de morts. Ces tueurs en série invisibles ont généralement pour terrain de chasse les forêts tropicales d'Afrique.* – Эти вирусы внесли в свой послужной список тысячи смертей. Эти серийные убийцы, как правило, находят свои охотничьи угодья в тропических лесах Африки. Данная метафора приобретает отрицательную окраску вследствие отрицательной эмоционально-оценочной окрашенности словесного комплекса *tueur en série*, присутствующей в его семантической структуре (*personne qui tue, qui commet un meurtre*) и вызванной отрицательным эмоциональным отношением к референту данного слова. Эмоциональный эффект, вызванный центром данной метафоры (*tueur en série*), усиливается за счёт контекстуального окружения: *terrain de chasse, centaines de milliers de morts*.

в) для оценки (положительной или отрицательной) трудов ученого, группы ученых (а также книги, эксперимента, выдвинутой гипотезы). В этой функции метафора выступает наиболее ярко при необходимости полемики с оппонентами или критики, оценки научных работ, например: *A Caen, les physiciens du Ganil ont réussi l'impossible...* *Ces alchimistes modernes n'utilisent ni éprouvettes ni formules abracadabrantes pour fabriquer leurs noyaux...* *Des filtres grossiers enlèvent du faisceau les particules...* – В Кане физики ускорителя тяжелых ионов Ganil совершили невозможное... Эти современные алхимики не используют ни пробирок, ни мудреных формул ... (*alchimiste: personne qui s'occupe de l'alchimie et de spéculations mystiques*) Контекстуальное окружение (*ont réussi l'impossible*) и использование двойного отрицания (*n'utilisent ni éprouvettes ni formules abracadabrantes*) подчёркивают противопоставление устаревших и современных экспериментальных методов исследования и приводят к созданию одобрительной экспрессивной окраски слова *alchimiste*, которое выражает восхищение научными достижениями учёных. Употребление метафоры в подобных целях позволяет автору высказать своё субъективно-эмоциональное отношение к трудам учёных, совмещая его с логической, интеллективной характеристикой.

г) для замены сложного описания при характеристике специального объекта. В подобных случаях метафора предваряет логически-предметное описание объекта и призвана воздействовать на воображение читателя с тем, чтобы выделить наиболее существенные характеристики объекта, его важнейшие свойства или противопоставить сходным объектам, явлениям: *La molécule doit être suffisamment "musclée": les liaisons chimiques qui la composent doivent être telles que la molécule ne puisse être modifiée ou brisée lors de son déménagement* – Молекула должна быть достаточно «мускулистой»: химические связи внутри неё должны быть таковы, чтобы молекула не была

модифицирована или разрушена во время перемещения; *A première vue, Chandra et le futur télescope européen XMM sont cousins, sinon jumeaux. Mêmes observations en rayons X, même taille apparente, même allure, même orbite, même année de lancement.* – На первый взгляд космический телескоп Чандра и будущий европейский телескоп XMM – кузены, если не близнецы: одинаковые рентгеновские лучи, размеры, внешний вид, орбита, год запуска.

д) метафора может также появляться в связи с методикой научно-популярного изложения, то есть быть направленной на оптимизацию способа изложения в тех случаях, когда автор считает целесообразным использовать метафору в целях перевода научного знания на язык, доступный неспециалисту, и привлекает ассоциативные ресурсы метафоры для наиболее эффективной передачи информации.

Mais voilà que le CNRS et le Cnet se sont alliés pour traquer la faune quantique sans l'effaroucher... ils ont trouvé moyen de mesurer le photon sans le perturber. – Национальный центр научных исследований CNRS и компания Cnet объединились для того, чтобы выслеживать квантовую фауну, не спугнув её ...: они нашли способ измерить фотон, не вызывая возмущения. Для создания метафорического образа автор прибегает к соотнесению физического эксперимента с процессом наблюдения живой природы. Причём каждый предметно-логический элемент имеет своё экспрессивное соответствие: *la faune quantique – le photon; traquer – mesurer; effaroucher – perturber*. Оригинальность, свежесть метафорического образа, воздействуя на воображение читателя, незнакомого с особенностями физического эксперимента, помогает ему наглядно представить сложности, с которыми сталкиваются учёные.

Выделяя различные функции метафоры в научно-популярной статье, следует отметить, что все они находятся во взаимодействии, между ними не существует чётко выраженных границ.

Таким образом, метафора как стилистический приём сознательно применяется в строго ограниченных целях, отвечающих задачам научно-популярного повествования. Такое преднамеренное сужение возможностей функционирования метафоры указывает на специфический рациональный подход к использованию экспрессивно-эмоциональных элементов языка в научно-популярной литературе. Метафора, выступая в вышеописанных функциях, реализует функцию воздействия, вызывает у читателя определённые эмоции, оценочное отношение к сообщаемому, но её использование носит скорее вспомогательный характер, она скорее дополняет интеллективные средства, нежели противопоставляется им. Метафоры выполняют роль двоякого характера: во-первых, будучи включёнными в научно-популярный текст, они способствуют "оживлению" повествования, создают более непринуждённый характер изложения; во-вторых, они позволяют автору максимально эффективно решать поставленные коммуникативные задачи, дополняя предметно-логическое содержание и обогащая его эмоционально-оценочными коннотациями. Таким образом, метафоризация в научно-популярном дискурсе является вербальной репрезентацией прагматически переработанного научного знания,

с помощью которой начатый адресантом процессинг научной информации продолжается адресатом в ходе интерпретации текста.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. Т.37. – М., 1978.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.
3. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей: от Короленко до Гоголя: Избр. труды / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. – М., 1990. – 368 с.
4. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972. – 395 с.
5. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука. – 1988. – 176с.
6. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения / О.Д. Митрофанова. – М., 1985. – 231 с.
7. Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Концептуальная метафора в русскоязычном научно-популярном медицинском дискурсе // Вісник ЛНПУ імені Тараса Шевченка:

Філологічні науки. – Луганськ: Альма-матер, 2006. – Вып. 11 (106). – Ч.1. – С. 72-78

8. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г. Варна. Режим доступа: <http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.html>, свободный.

9. Разинкина Н.М. О некоторых специфических чертах метафорической образности в стиле современной английской научной прозы // Научно-техническая революция и функционирование языков мира: Сб. науч. ст. – М., 1977. – С. 198 – 205.

10. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. – М., 1972. – 168 с.

11. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 7–34.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ ТУРЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Таньши Синан

аспирант кафедры русского языка
Институт иностранной филологии
Национальный педагогический
университет имени М.П. Драгоманова,
Киев, Украина

MORPHOLOGICAL ASPECT OF THE ASSIMILATION OF TURKISH LOANWORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Tanish Sinan graduate student of Russian language department Institute of Foreign Languages National Pedagogical University M.P. Drahomanova Kiev, Ukraine

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены тенденции освоения турецких заимствований на морфемно-словообразовательном уровне, а также в аспекте основных грамматических категорий русского языка. Отмечены особенности адаптации языковых единиц как результат контакта языков различной морфологической типологии.

ABSTRACT

The article offers tendencies of assimilation of Turkish loanwords in morphemic-derivational level, and in the aspect of the basic grammatical categories of Russian language. The specificity of adaptation of linguistic units is characterized as a result of the contact of languages of different morphological typology.

Ключевые слова: язык-источник, язык-реципиент, агглютинативный, флективный, опрощение морфемной структуры, деривационный потенциал, иноязычный прототип.

Keywords: language the donor, the recipient language, agglutinative, inflectional, simplification of morphemic structure, derivational potential, foreign-language prototype.

Постановка проблемы Освоение иноязычного слова новой для него языковой системой – процесс постепенный и во многих случаях длительный. В то же время это процесс активного взаимодействия контактирующих языковых систем. Анализ последних исследований и публикаций в лингвистической литературе достаточно полно обосновано положение о том, что адаптация заимствованного слова происходит на различных уровнях языковой иерархии. Многие исследователи обращаются в своих работах к подробному анализу одного отдельного уровня адапта-

ции заимствований (В.Г. Демьянов, Т.А. Кассина, Н.Ф. Потемкина, А.В. Суперанская, Г.Г. Тимофеева и др.), других интересует процесс адаптации в целом (В.М. Аристова, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина, Л.П. Крысин, Р.А. Юналеева и др.). Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы Вопросам освоения турецких заимствований в русском языке до недавнего времени лингвисты не уделяли должного внимания. Необходимостью описания результатов освоения турцизмов в морфологическом аспекте с учётом различной морфологической типологии

контактирующих языков (язык-источник является агглютинативным языком, а язык-реципиент – флективным) продиктована актуальность настоящей статьи. Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлечённые из современных словарей иноязычных слов Л.П. Крысина [5] и А.Н. Булыко [1], с целью выяснения необходимых для анализа грамматических форм анализируемых единиц привлечены отдельные специальные словари русского языка [3], [7].

Агглютинативный строй турецкого языка предполагает выражение всех грамматических форм практически всегда однозначными аффиксами, как бы приклеивающимися к корню справа. При этом несколько аффиксов могут следовать подряд друг за другом, каждый со своим значением. Порядок следования типов аффиксов чётко фиксирован: сначала добавляются словообразовательные аффиксы, а за ними следуют формообразующие. В агглютинативных языках форманты не образуют неделимых структур и не изменяются под влиянием других формантов. Флективный строй русского языка выражается в доминировании словоизменения при помощи флексий – формантов, сочетающих сразу несколько значений [2].

Цель статьи В настоящей статье для нас представляет интерес то, каким образом реализуются морфологические особенности лексических единиц языка агглютинативного строя на почве флективного языка. Для этого рассмотрим изменения в морфемном составе турецких заимствований в процессе их освоения русским языком.

Изложение основного материала

Модификации морфемной структуры слова. Типичным признаком вхождения иноязычного слова в язык-реципиент является опрощение. Вследствие стирания морфологических границ между компонентами слова, ранее членимая на морфемы (производная) основа превращается в непроедную (корневую). Основной причиной такого стирания является затемнение лексического и грамматического значений иноязычного слова и, как следствие этого, – невозможность его морфемного членения.

Анализируемый нами материал полностью подтверждает тенденцию к опрощению морфемной структуры иноязычной лексики на почве принимающего языка. Проиллюстрируем данное положение на конкретных примерах. В первую очередь обращают на себя внимание турцизмы, прототипы которых в языке-источнике образованы при помощи продуктивного словообразовательного аффикса *-lik*, имеющего, согласно законам гармонии слога турецкого языка, варианты *-lik -luk -lük*. В турецком языке данный аффикс служит для образования от именных основ имён существительных и прилагательных с абстрактным значением, как, например, у прототипа слова ярлык (*yarlık*); значением целевого назначения предмета, как у прототипов слов архалык (*arkalık*), ермолка (*yağmurluk*) и темляк (*temlik*). В языке-реципиенте компонент *-lik* утратил статус аффикса и во всех приведённых выше примерах является частью корневой морфемы. Нами обнаружен единственный случай переквалификации морфемного статуса данного аффикса и превращение его в отдельную корневую морфему в слове пашалык. Прототип данной лексемы *paşalık* в языке-источнике, путём прибавления аффикса

-lik, получает собирательное значение, характеризующее место скопления предметов, названных исходной основой. В русском языке членение основы аргументировано наличием мотивирующего слова *паша*, также заимствованного из турецкого языка. Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова [7], лексемы *паша* и *пашалык* образуют словообразовательное гнездо, мы же, в свою очередь, предполагаем в данном случае заимствование словообразовательного гнезда, явления, крайне редкого для процесса заимствования в целом. Так, например, турцизмы *аскер*, *казаскер* и *сераскер* не образуют словообразовательного гнезда, несмотря на наличие общего компонента *-аскер*: для членения основы недостаточно лишь формального сходства отдельных компонентов, необходимы мотивационные отношения между мотивирующим и мотивируемым словами, подкреплённые прозрачной семантикой. Данное положение находит подтверждение и в следующем примере: турцизмы *башибузук* (*başibozuk*) и *делибаш* (*delibaş*) имеют общий компонент *-баш*, являющийся также составным элементом устойчивого сочетания *баш на баш*. В языке-источнике прототип *baş* имеет значение «голова», а в русском языке функционирует ряд тюркских заимствований, в семантике которых обнаруживается компонент «голова» (напр., *башка*, *башлык*), тем не менее, мотивационные отношения, предполагающие членение основы, не устанавливаются.

Непроизводную основу имеют в русском языке турцизмы *карагёз* и *каракуш*, в то время как у турецких прототипов данных лексем чётко прослеживается членение основы: *karagöz* (*kara* – чёрный, *göz* – глаза), *karakuş* (*kara* – чёрный, *kuş* – птица). Аналогично: в русском языке *янычар* – корневая морфема, турецкий прототип *yeniceri* – производная основа (*yeni* – новый, *çeri* – войско); в русском языке *тюльпан*, *тюрбан* – корневые морфемы, турецкий прототип *tülbent* – производная основа (*tül* – тюль, *bent* – связанный).

Выделяем также несколько турцизмов с непроедными основами в языке-реципиенте, турецкие прототипы которых образованы путём прибавления словообразовательных аффиксов. Так, у лексемы *алача*, прототипа турцизма *алача*, обнаруживается корневая морфема *ala* (разноцветный) и аффикс *-са*, служащий для образования от именных основ прилагательных, характеризующихся усилением или ослаблением признака, названного исходной основой.

У прототипов лексем *епанча* (*yapıncak*) и *санджак* (*sancak*) в языке-источнике выделяется аффикс *-сак*, используемый для образования имён со значением обладания в большей или меньшей степени признаком, названным исходной основой.

Членимой основой характеризуется прототип лексемы *ятаган* (*yatağan*): словообразовательный аффикс *-аған* служит в турецком языке для образования от глагольных основ имён прилагательных со значением свойства, названного производной основой.

Отглагольными образованиями в языке-источнике являются прототипы турцизмов *кирка* (*kürek*), *конак* (*konak*) и *кушак* (*kuşak*). Данные лексемы-прототипы образованы в турецком языке от глаголов *küremek* (сгребать), *konmak*

(оставаться на ночлег) и kuşanmak (окружать, опоясывать) при помощи аффикса -ak (или его мягкого варианта -ek), служащего для образования отглагольных имён со значением места действия или предмета, орудия действия.

Все приведённые выше примеры иллюстрируют тенденцию к опрощению морфемного состава заимствованных слов в языке-реципиенте, характерную не только для процесса заимствования из турецкого языка или для контакта языков различной морфологической типологии, но и для процесса заимствования в целом.

В анализируемом материале отмечаем только три лексемы, являющиеся сложными словами. Наряду с уже упомянутой выше лексемой пашалык сложными являются слова косхалва и рахат-лукум. Вероятно, относительно прозрачная структура указанных лексем и узнаваемость их составных элементов (халва, лукум) обусловили морфемное членение данных единиц.

Реализация деривационного потенциала. Об укоренении заимствованного слова в принимающем языке свидетельствует включение его в словообразовательную систему данного языка. В зависимости от степени реализации деривационного потенциала в языке-реципиенте среди турцизмов можно выделить две группы:

1. Слова с нулевым словообразовательным потенциалом, то есть слова-одиночки, не имеющие дериватов в русском языке, а, следовательно, и являющиеся неосвоенными его словообразовательной системой. К таким словам относятся: ага, алача, архалык (архалук), бамия, батыр, баш, бекмес, вали, визирь (везирь), вилайет, газырь, гайда, гювеч, делибаш, долма, долман, дудук, духан, кавал, казаскер, каик, калкан, карагёз, карагуш, киле, килим, кир, кобура, конак, косхалва, куруш, мудир, мушмула, нагара, нут, палаш, пара, пече, рамазан, рака, рахат-лукум, саз, сандал, санджак, сераскер, тархун, тимар, тулумба, фата, ферязь, фес, феска, фундук, хна, хурма, чадра, чикчиры, чоха, шептала, эфенди, ясырь, ятаган.

2. Слова, являющиеся исходными словами словообразовательных гнёзд. В данной группе, в зависимости от количественных показателей реализации словообразовательного потенциала, можно выделить слова с невысокой степенью деривации (менее 10 производных) и слова с высоким деривационным потенциалом (более 10 производных). Большинство проанализированных нами слов имеют невысокий деривационный потенциал (1 – 5 дериватов). Наиболее продуктивным словообразовательным типом в данной группе слов среди неодушевлённых существительных является суффиксация с участием суффиксов -н, -нн, -енн, -(е)чн, -ов, -ев, с помощью которых образуются прилагательные со значением отношения. Например: айва – айвовый, арбуз – арбузный, бязь – бязевый, бязинный, баштан – баштанный, изумруд – изумрудный, йогурт – йогуртовый, кинжал – кинжальный, кисея – кисейный, лал – лаловый, мазут – мазутный, наждак – наждачный, нефть – нефтяной, пай – паевой, табор – таборный, тюльпан – тюльпанный, ферзь – ферзевый, фисташка – фисташковый, фитиль – фитильный, шайка – шаечный, яшма – яшмовый. Для одушевлённых турцизмов характерно образование дериватов с суффиксом -ск: башибузук – башибузукский, гайдамак – гайдамацкий,

султан – султанский, улан – уланский, ханжа – ханжеский, янычар – янычарский и др.

Отмечаются также некоторые другие достаточно активные словообразовательные модели, характерные для турецких заимствований, например, образование диминутивных форм: арбуз – арбузик, диван – диванчик, казан – казанок, кафтан – кафтанчик, кафтанишко, кинжал – кинжальчик, колпак – колпачок, тюльпан – тюльпанчик, фитиль – фитилёк, харч(и) – харчишки, шайка – шаечка, ярлык – ярлычок и др. Изредка встречаем пейоративные дериваты: арбуз – арбузище, кафтан – кафтанище.

Относительно продуктивной моделью является образование глаголов от заимствованных турецких существительных (буза – бузить – забузить, набузить, побузить, буза – бузовать – отбузовать, побузовать, кайф – кайфовать, колпак – колпачить – околпачить – околпачивать – околпачиваться, табор – отабориться, ханжа – ханжить, харчи – харчевать – харчеваться, харчи – харчить – харчиться, исхарчиться, подхарчиться, прохарчиться, расхарчиться). Менее активно образуются другие части речи, например, наречия: куркуль – куркулём, тюрбан – тюрбаном.

О степени словообразовательной освоенности заимствованного слова в языке-реципиенте могут свидетельствовать такие показатели как количество дериватов и количество деривационных тактов. Турцизмы с высоким деривационным потенциалом (10 и более дериватов) представлены в русском языке в незначительном количестве. Мы обнаружили всего 3 слова. Самую высокую словообразовательную активность имеет существительное нефть – 60 производных. Такой словообразовательный потенциал возникает в основном за счёт словосложения как с исконными основами (нефтевоз, нефтезавод, нефтепромысел, нефтеперерабатывающий, нефтепровод, нефтескважина, нефтесклад, нефтехранилище и др.), так и с заимствованными (нефтеаппаратура, нефтебаза, нефтебитум, нефтегазовый, нефтетара, нефтеэкспорт и др.). При таком большом количестве дериватов словообразовательное гнездо лексемы нефть имеет только 2 деривационных такта. Высокой степенью деривации обладают также турцизмы харч(и) (24 деривата) и буза (10 дериватов). По 4 деривационных такта мы выявили у слов кирка, колпак и харч(и).

Не обнаруживается прямой зависимости между словообразовательной активностью заимствованного слова и периодом его существования в языке-реципиенте. Среди слов-одиночек турецкого происхождения и слов с невысокой словообразовательной активностью немало древних заимствований (буза, визирь, фата, ферязь, хна), а среди слов, так или иначе реализовавших свой словообразовательный потенциал, встречаем слова, заимствованные относительно недавно (йогурт, кайф, марафет). Л.П. Крысин отмечает: «Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними слова, которые, однако, не столь популярны» [4, с. 47]. Наш материал подтверждает положение о том, что значимым в процессе морфемно-словообразовательного освоения является функциониро-

вание лексемы в сфере активного употребления, а также актуальность для носителей языка-реципиента обозначаемой словом реалии. Турцизмы с нулевым деривативным потенциалом – это лексемы, находящиеся на периферии языковой системы: экзотизмы, узкоспециальная терминология, устаревшая лексика. Среди общеупотребительной лексики турецкого происхождения обнаруживается лишь несколько слов-одинок (кобура фата, хна, хурма).

Освоение турцизмов в аспекте основных грамматических категорий. Под грамматическим освоением заимствованного слова следует понимать, в первую очередь, его включение в систему грамматических категорий заимствующего языка. А.И. Смирницкий так пишет о сути грамматической адаптации иноязычной единицы: «Вместе с выходом из чужого языка и вхождением в русский язык слово изменяет состав своих форм <...> и оформляется при помощи русской парадигмы <...> Следовательно, при заимствовании слово сменило своё грамматическое (морфологическое) оформление. Иначе говоря, оно, в сущности, заимствовалось не целиком, как полное, законченное, грамматически оформленное слово, а только <...> как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствующего. Таким образом, если лексическое ядро слова сохраняется как тождественное себе, переходя из одного языка в другой, то его прежнее грамматико-морфологическое оформление сменяется другим [6, с. 167]».

Выявить характерные черты грамматической адаптации турцизмов в русском языке возможно с учётом характерных особенностей грамматических систем русского и турецкого языков, путём сопоставления наборов категориальных признаков и парадигматических отношений в каждом из контактирующих языков.

Распределение слов по частям речи в турецком языке строго не дифференцировано и обусловлено его агглютинативным строем: основы слов принадлежат к определенной части речи в зависимости от того, с аффиксами каких словоизменяемых (грамматических) категорий они могут соединяться при образовании словоформ. Так, при анализе турецких имён легко обнаруживается синтаксическое и словообразовательное сходство имён существительных и прилагательных, в силу чего разграничение данных категорий возможно только в контексте. Имя, взятое вне контекста, в большинстве случаев не может быть однозначно отнесено ни к одной категории имени [2].

В русском языке в грамматической системе имени существительного центральное место принадлежит категории рода: для каждого имени существительного обязательна родовая классификация. В турецком языке, как и в большинстве тюркских языков, категория рода отсутствует. Одно из возможных объяснений отсутствия категории рода вытекает из природы диалогических отношений. В рамках прямых отношений «я – ты» языковая дифференциация рода излишняя: это различие очевидно в диалоге (я вижу, что ты женщина, ты видишь, что я мужчина). Этот факт так же может служить доказательством большей значимости в турецком языке, а, соответственно, и в турецком сознании, непосредственных, прямых отноше-

ний. Для турецкого языка речь может идти только о способах выражения биологического пола, встречающихся в наименованиях людей и животных. Для этого используются различные средства: либо понятие пола заключено уже в самом значении слова, либо используются различные слова-уточнители.

Таким образом, при распределении турецких заимствований по родам влияние языка-источника сводится до минимума, а на первое место выдвигаются показатели, значимые в языке-реципиенте. В русском языке при родовой квалификации ведущими являются различные факторы: как внешние, формально-грамматические показатели, так и внутренние, связанные с семантикой слова. В данном отношении на первый план выступает категория одушевлённости. Принадлежность одушевлённых имён существительных к тому или иному роду в русском языке определяется их соотносённостью с естественным полом.

Одушевлённые имена существительные турецкого происхождения представлены исключительно существительными мужского рода, среди которых преобладают наименования людей: ага, аскер, визирь (везирь), гайдамак, куркуль, паша, султан, улан, эфенди, янычар и др. Отмечаем несколько наименований животных: бугай, калкан, карагуш. К одушевлённым именам существительным относится также наименование шахматной фигуры ферзь. Абсолютное преобладание мужского рода среди одушевлённых имён существительных обусловлено, предположительно, экстралингвистическим фактором: большинство приведённых выше лексем является наименованием лиц по роду деятельности (должности, чины, звания) с доминирующей отнесённостью к военно-административной сфере, которая была недоступна женщинам.

Родовая принадлежность неодушевлённых имён существительных связана в русском языке с финальным оформлением слова, следовательно, грамматический род неодушевлённых турцизмов определяется исключительно внешним, формальным фактором. Большинство неодушевлённых имён существительных турецкого происхождения, имеющих согласную финаль, получило в русском языке мужской род: аир, баштан, диван, изумруд, йогурт, киоск, плов, табор, тархун, тюльпан, фитиль, фундук и др. Все указанные существительные включились в систему склонения заимствующего языка и по аналогии с исконной лексикой относятся ко 2-му склонению.

Женский род получили турцизмы, имеющие окончания -а, -я, подключившись при этом к парадигме 1-го склонения в русском языке. К данной группе относятся слова айва, алача (аладжа), зурна (сурна), кирка, кобза, тулумба, фата, хна, хурма, чадра, чоха, шайка, яшма и др. В ряду неодушевлённых имён существительных женского рода обращают на себя внимание слова, прототипы которых в языке-источнике либо заканчиваются на согласный: епанча (yapıncak), ермолка (yağmurluk), кобза (kopuz), кобура (kubur), косхалва (koz helvası), тулумба (tulum), фисташка (fistik), чадра (çadır), яшма (yeşim); либо имеют другое финальное оформление: кисея (kasi), шептала (şeftali). Если изменение финалей лексем кисея и шептала объясняется стремлением придать словам с нетипичным для принимающего языка оформлением грамматический облик, позво-

ляющий включить данные единицы в парадигматическую систему языка реципиента, то появление гласных финалей у остальных вышеназванных лексем сложно аргументировать однозначно. Возможно, при родовой квалификации данных единиц решающую роль сыграл закон аналогии – стремлением к сходству с исконными словами женского рода, с которыми заимствованные лексемы вступили в родовидовые или синонимические связи.

К женскому роду относятся также имена существительные с мягкой согласной финалью *бязь*, *мечеть*, *мишень*, *нефть*, *ферязь*, относящиеся к 3-му склонению. Подобному оформлению, которое данные лексемы получили уже на почве языка-реципиента, сложно найти объяснение в действии определённых формальных законов грамматической системы принимающего языка, не представляется возможным и привлечение закона аналогии. Считаем родовую квалификацию указанных единиц необъяснённой.

К среднему роду относятся три лексемы: *киле*, *пече* и *райя*. Родовая квалификация существительных *киле* и *пече* обусловлена финальным оформлением данных слов – исконные существительные с окончанием *-е* также относятся в русском языке к среднему роду. Как и большинство иноязычных слов с подобным грамматическим обликом, данные имена существительные пополнили разряд несклоняемых имён. Также к несклоняемым существительным относится и лексема *райя*, получившая в языке-реципиенте средний род, несмотря на нетипичный для данной категории формальный облик. Возможно, на родовую отнесённость данного слова повлияла его связь с родовым понятием сословие.

Турецкое заимствование *ханжа* относится к общему роду, то есть, может согласовываться с другими частями речи как в форме мужского, так и женского рода. Подобная родовая квалификация обусловлена действием закона аналогии: формальным сходством и родовидовыми связями с исконной лексикой общего рода. Заимствованная лексема *ханжа*, в силу своей ярко выраженной семантики, подключилась к группе исконных слов, характеризующих лицо по склонности, пристрастию к чему-либо, по какой-либо особенности характера и свойственных преимущественно устно-разговорному стилю (*жадина*, *заснайка*, *лежебока*, *мямля*, *невежа*, *подлиза*, *растяпа*, *хитрюга* и др.).

Нами отмечен единственный случай колебания в родовой квалификации турецкого заимствования: варианты *чинар* мужского рода и *чинара* женского рода. Все современные словари фиксируют оба варианта родовой отнесённости данной лексемы, тем не менее, колебания в роде следует рассматривать лишь как этап в процессе морфологического освоения заимствованного слова, поскольку в подобных случаях зачастую побеждает какой-то один из вариантов родовой классификации и в дальнейшем принимается заимствующим языком как норма.

Относительно категории числа заимствованных существительных можно сделать следующие замечания. Нельзя однозначно утверждать, что логическая основа категории числа в русском и турецком языках совпадает. В турецком языке формальное выражение категории числа реализуется путём прибавления к именной основе суффикса *-lar* (*-ler*), но имеет значительно меньшее распространение,

чем в русском. Это обстоятельство связано с тем, что турецкое единственное число содержит наряду с выражением единичности также обозначение неделимого коллективного множества, то есть индивидуальное и родовое понятие одновременно. Часто форма множественного числа в турецком языке указывает не столько на «множественность» в обычном понимании этого слова, сколько на различие сортов, пород, выделение составляющих элементов из совокупности. Довольно часто в турецком языке встречается образование формы множественного числа от имен, которые в русском языке обычно относятся к *singularia tantum*.

Таким образом, включение турецких заимствований в числовую парадигму языка-реципиента регламентируется исключительно особенностями категории числа последнего. Все анализируемые нами турцизмы заимствованы в русский язык в форме единственного числа и на почве языка-реципиента получили форму множественного числа согласно типу склонения, предопределённого, в свою очередь, родовой принадлежностью слова. Например, 2-е склонение: *арбуз* – *арбузы*, *визирь* (*везирь*) – *визири* (*везири*), *гайдамак* – *гайдамаки*, *долман* – *долманы*, *казан* – *казаны*, *кафтан* – *кафтаны*, *куркуль* – *куркули*, *мазут* – *мазуты*, *палаш* – *палаша*, *султан* – *султаны*, *ярлык* – *ярлыки*, *ятаган* – *ятаганы* и др.; 1-е склонение: *айва* – *айвы*, *ермолка* – *ермолки*, *кобура* – *кобуры*, *фисташка* – *фисташки*, *чадра* – *чадры*, *шайка* – *шайки*, *яшма* – *яшмы* и др.; 3-е склонение: *мечеть* – *мечети*, *мишень* – *мишени*, *нефть* – *нефти*, *ферязь* – *ферязи* и др.

Отметим, что турецкие прототипы некоторых приведённых выше лексем (*аир* (*ağır*), *визирь* (*vezir*), *нефть* (*neft*), *ферзь* (*ferz*), *чадра* (*çadır*), *ясырь* (*esir*)) не образуют формы множественного числа в языке-источнике. Аналогично отмечаем лексемы, обладающие в языке-источнике полной числовой парадигмой, а в заимствующем языке относящиеся к *singularia tantum* (*буза* (*boza* – *bozalar*), *долма* (*dolma* – *dolmalar*), *косхалва* (*koz helvacı* – *koz helvacılar*), *рака* (*rakı* – *rakılar*), *шептала* (*şeftali* – *şeftaliler*)) или *pluralia tantum* (*харчи* (*harç* – *harçler*) и *чикчиры* (*çakşır* – *çakşırlar*)).

Неполная числовая парадигма данных лексем в языке-реципиенте объясняется законом аналогии. Существительные, пополнившие разряд *singularia tantum*, характеризуются семантикой вещественности, которая присуща также многим исконным словам русского языка, не образующим формы множественного числа (ср. *клубника*, *молоко*, *пиво* и др.). Семантикой вещественности характеризуется и турцизм *харчи*, отнесение которого к разряду *pluralia tantum* также объясняется аналогией с исконными словами подобного рода (ср. *дрожжи*, *дрова*, *консервы*, *макароны*, *отруби*, *сливки* и др.). Лексема *чикчиры* подключается к группе слов, обозначающих парные предметы (ср. *брюки*, *рейтузы*, *трусы*, *штаны* и др.). Вследствие исторически сложившегося влияния двойственного числа, подобные лексемы относятся в русском языке к *pluralia tantum*.

Все осваиваемые турецкие заимствования практически целиком включаются в падежную систему принимающего языка, отражая парадигматическую схему, характерную русским словам. Так как на характер словоизменения

влияет родовое оформление слов, наиболее продуктивной является парадигма 2 склонения с основой на твёрдый согласный и нулевым окончанием.

Адаптация иноязычного слова к грамматической системе принимающего языка часто может сопровождаться вариантностью в образовании тех или иных грамматических форм. Среди турецких заимствований встречаются отдельные случаи колебания падежных форм, например, предложного падежа единственного числа лексемы пай (в паю – в пае); родительного падежа множественного числа лексемы улан (улан – уланов). Обращают на себя внимание турцизмы с неполной падежной парадигмой: у существительных ага, айва, фата, хна, хурма, чадра отсутствует форма родительного падежа множественного числа; существительное ага не образует также формы винительного падежа множественного числа. Наблюдается вариантность в образовании множественного числа лексем бугай (бугаи – бугаи) и кирка (кирки – кирки). В целом же следует отметить, что процесс грамматической ассимиляции турецких заимствований не отличается высокой степенью вариантности.

Выводы и предложения Предпринятый в настоящей статье анализ результатов морфологического освоения турецких заимствований позволяет сделать следующие выводы. На уровне морфемного состава турецких заимствований наблюдается стабильная тенденция к опрощению морфемной структуры слова. В отношении словообразовательной активности турцизмов ведущая роль принадлежит функциональному фактору: социальной актуальности обозначаемой реалии в новой языковой среде. Ввиду существенных различий морфологической типологии контактирующих языков, при адаптации лек-

сики турецкого происхождения к грамматической системе русского языка турцизмы приобретают категориальные характеристики языка-реципиента и вступают в парадигматические связи, полностью теряя категориальные признаки своих турецких прототипов. Перспективой дальнейших исследований адаптации турцизмов может быть подключение других уровней системы языка, а также обращение к экстралингвистическим факторам для объяснения отдельных явлений.

Список литературы:

1. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тыс. слов / А. Н. Булыко. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мартин, 2007. – 703 с.
2. Гениш Э Грамматика турецкого языка. / Э. Гениш. – М. : ЛКИ, 2008. 231 с.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. / А. А. Зализняк, 3-е изд. – М., 1987.
4. Крысин Л.П. Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком // Л.П. Крысин Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии – М: Знак, 2008. – 284 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов : около 25000 сл. и словосоч. – 4-е изд., стереотип. / Л. П. Крысин. – М. : Рус.яз., 2002. – 856 с.
6. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 296 с.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1985.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК И КОНТЕКСТ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ

Рузан Вачеевна Татевосян

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна

THE HISTORY OF TRANSLATION OF LEO TOLSTOY'S «KREUTZER SONATA» INTO ARMENIAN AND THE CONTEXT OF ITS PERCEPTION

Ruzan Vachevadosyan Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Literature Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan

АННОТАЦИЯ

Первый перевод на армянский язык повести Л. Толстого «Крейцерова соната» был опубликован в 1893 году в Константинополе. Мы выяснили, что это перевод не окончательного текста, а восьмой редакции, которая в списках распространялась по всему миру. Еще до появления перевода в армянской периодике печатаются различные материалы о ней: от сообщений о переводе повести на немецкий язык, об «ответе» на «Крейцерову сонату» фон-Аминтора до подробных статей М. Берберяна. Армянская печать знакомит своих читателей с полемикой, развернувшейся во всем мире в связи с «Крейцеровой сонатой», и сама вступает в спор. Публикуются высказывания Л. Толстого о любви, призвании мужчин и женщин, о браке в статьях, письмах, которые обрисовывают контекст восприятия повести в армянской действительности. В 1905 году появляется два перевода повести (М. Газаряна и Е. Мурадяна), сыгравших свою роль в ознакомлении с ней, но, конечно же, устаревших. В 1986 году «Крейцерова соната» была опубликована в переводе С. Хачатряна.

ABSTRACT

The first translation of Leo Tolstoy's «Kreutzer sonata» into Armenian was published in Constantinople in 1893. We found out that it was not the translation of the final text, but of the eighth edition which had been spread over the world in manuscripts. Long before the translation appeared in Armenian periodicals various materials about it were published, i.e. the reports of the translations into German, the «response» of Fon Amintor about «Kreutzer sonata» and the detailed articles of M. Berberyan. The Armenian press acquainted its readers with the polemics expanded all over the world in connection with «Kreutzer sonata» and it itself disputed. Leo Tolstoy's opinion about love, men and women vocation, about marriage in articles and letters that outlined the context of the perception of the tale in Armenian reality was published. In 1905 two translations (of M. Gazaryan and Y. Muradyan) were published which played their role in the acquaintance with it, that are, of course, obsolete. In 1986 «Kreutzer sonata» was published in S. Khachatryan's translation.

Ключевые слова: перевод, редакция, полемика, периодика, критика, библиография, письма, устаревшие обороты.

Keywords: translation, edition, polemics, periodical, critics, bibliography, letters, obsolete phrases.

Первые переводы произведений, статей и писем Л. Толстого на армянский язык появляются еще при жизни писателя в 1880-е годы. В 1883 г. отрывок из главы «Гроза» романа «Отрочество» был опубликован в «Избранных отрывках», в хрестоматии [1, 32-36]. Еще до появления переводов армянская интеллигенция читала произведения Толстого в оригинале, а в западноармянской действительности знакомство с Толстым осуществлялось нередко через французские переводы. В 1908 г. А. Калантар писал: «Мы, армяне, читая Толстого на русском, в оригинале, и обращаясь к переводам, испытали воздействие его мыслей, мировоззрения и художественного творчества» [2].

О многогранном знакомстве с миром Л. Толстого свидетельствуют и возникающие в разном контексте обращения к нему во многих статьях 1880-х годов. Толстовские традиции, слово писателя получали своеобразное преломление и развитие в контексте армянской литературной жизни.

«Крейцерова соната» Л. Толстого во всем мире становится предметом острых споров, и не только литературных. В Англии перевод повести вызвал бурю возмущения, в Америке против нее выступили представители пуританской морали. Армянская печать знакомит своих читателей с отголосками этой полемики, развернувшейся во всем мире, и тут же рьяно вступает в спор.

Это неудивительно и по той причине, что в 90-е годы, как свидетельствует Л. Башалян, «среди общественных

задач, волнующих современных моралистов, философов, экономистов, первое место после проблемы хлеба занимает проблема семьи» [3].

Еще до появления перевода повести, в армянской периодике печатались сообщения о ней. Например, о переводе повести на немецкий язык и об «ответе на „Крейцерову сонату“» фон-Аминтора [4]. В «обзорных лекциях» М. Берберян представляет размышления о «Крейцеровой сонате» [5], пересказывает ее сюжет, ссылается на оценки Михайловского и Шелгунова. Он вновь возвращается к повести на страницах «Мшака», и, возмущаясь односторонними, «клеветническими» оценками, пишет о мастерстве психологического анализа и о «горькой правде» истории Позднышева [6]. К повести обращается Ов. Сагатяян в статье «Принципы графа Льва Толстого» [7, 777-782].

В 1893 г. «Крейцерова соната» была издана на армянском языке в Константинополе. Архимандрит Х. Степанэ переводил по горячим следам: впервые повесть, вместе с Послесловием к «Крейцеровой сонате», была опубликована в 1891 году.

В процессе работы Толстой много раз и коренным образом перерабатывал повесть. Еще до завершения восьмая редакция повести начала распространяться в списках: переписывали от руки, размножали на литографах и гектографах. Все это делалось вопреки воле Толстого, который писал: «Личное же мое желание об этой повести то, чтобы

ее не давали читать, пока она не исправлена» [8, 590]. Это незавершенная редакция вызывала и критические отзывы, и художественные произведения.

По поводу первого перевода на армянский язык надо сделать важное уточнение. Мы выяснили, что архимандрит Х. Степанэ перевел именно литографированную (восьмую), а не окончательную редакцию.

Предисловие переводчика, отрывающее книгу, датировано 1892 годом. Несколько запоздавший выход в свет этой книги связан, по всей видимости, с цензурными запретами.

В предисловии к переводу Хорен Степанэ писал, что некоторые могут счесть странным его желание перевести это произведение. «Однако я перевел, потому что в нем есть евангельское учение». Толстой является проповедником идеала, а современный деловой человек стремится всеми способами, «особенно легкими, приобрести деньги, деньги и снова деньги». Он считает, что повесть вызвала огромный шум и волнение, поскольку тема «чрезвычайно близка человеческому сердцу и жизни».

Переводчик отмечает мастерство Толстого в том, как он представляет душу и ребенка, и высшего должностного лица, мысли и чувства молодой девушки и получившего отпуск солдата.

Он говорит и о трудностях перевода, об особом стиле Толстого. В частности, сложноподчиненные конструкции писателя, его «то, что, того чего, тому чему, потому почему, тем чем и т.д.» создают замечательный стиль. «Есть строки, в которых трижды употребленное «что» в каждой строке, создавая замечательный оборот, объясняет смысл».

На перевод Х. Степанэ откликнулся Т.Арпиарян [9]. Подчеркнув, что смелость и ответственность должны отличать взявшегося за перевод такого произведения, Т.Арпиарян пишет о «Крейцеровой сонате», обращения к сюжету повести прерываются его размышлениями. Каждая страница «Крейцеровой сонаты» дает «материал для внимательного обдумывания».

Значение, «пользу» перевода Т.Арпиарян видит в том, что он знакомит армянского читателя с этим великим произведением. Однако восточноармянский язык перевода в западноармянской действительности может вызвать некоторые затруднения для неопытных читателей. Т.Арпиарян подчеркивает и небрежность издания, огромное количество опечаток.

В библиографии переводов Толстого на армянский язык [10, 5], в книге С. Базян [11, 11], в статье об Акопе Сарикяне [12, 37] отмечается, что в 1898 году «Крейцера соната» вышла в свет в переводе А. Сарикяна. А. Сарикян, бывший священник, впоследствии стал многоопытным педагогом, общественным и политическим деятелем. Этого перевода «Крейцеровой сонаты» мы не нашли. В 1898 году Сарикян перевел на армянский язык «Конец „Крейцеровой сонаты“ Льва Толстого» М. Криста [13]. По всей видимости, Сарикян перевел только эту английскую новеллу, а не повесть Толстого. С. Базян пишет, что перевод «Крейцеровой сонаты», выполненный А. Сарикяном, раскритиковал Лео в «Мшаке» [см.: 11, 11]. Лео, действительно, раскритиковал Сарикяна, но его перевод новеллы М.Криста, а не «Крейцеровой сонаты» Л.Толстого. Лео говорит о художе-

ственных откликах на повесть Толстого, и более или менее удавшимся считает произведение Фон-Аминтора, которое, конечно же, меркнет рядом с повестью Толстого. А новелла Криста – жалкая вещь и рассматривать ее не стоит. «Главный вопрос, возникающий при виде этой книги, следующий: какой смысл был в ее переводе, в то время как перевода „Крейцеровой сонаты“ нет у восточных армян» [14]. После смерти Толстого, в 1916 году было опубликовано эссе А. Сарикяна о Толстом [15, 5].

К числу первых публикаций из Толстого на армянский язык относятся его высказывания о любви, призвании мужчин и женщин, о браке в статьях, письмах, переводы отрывков из них. Так, в 1886 году в «Мшаке» печатается отрывок из частного письма [16] (в библиографии «Л.Н.Толстой в армянских переводах» он не отмечен), опубликованный в том же году в «Русском богатстве». Причем, публикация сопровождается примечанием о том, что к этому «одностороннему и консервативному» мнению Л.Толстого редакция обратится впоследствии.

Это «частное письмо» было написано Толстым 17-18 апреля 1886 года В.Г.Черткову. Отрывок из него начинается со слов: «Призвание всякого человека, и мужчины и женщины», и до конца письма речь идет о различии труда мужчин и женщин.

Выдержка, озаглавленная «Труд мужчин и женщин», была написана по поводу возражений на статью «Женщинам». Статья «Женщинам» – последняя глава статьи «Мысли, вызванные переписью», напечатанной впервые в 1886 году и во всех последующих изданиях печатавшейся под заглавием «Отрывок из статьи „Так что же нам делать?“». В «Круте чтения» она была помещена с некоторыми сокращениями и изменениями текста под заглавием «Женщины».

Перевод статьи «Женщины» был напечатан в «Нор-Даре» [17], в журнале «Артемис» [18, 222-225].

В 1904 году в журнале «Тараз» печатаются отрывки из писем Толстого о «половой жизни, браке и женщинах» [19, № 31, 284, № 33, 308.]. Все эти публикации обрисовывают контекст восприятия повести Толстого «Крейцера соната».

В 1905 году в Вагаршапате было издано «Собрание сочинений» Л. Толстого в переводе архимандрита Е. Мурадяна [20]: «Крейцера соната», «Послесловие к „Крейцеровой сонате“», «Любовь», «Женщинам» и «Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью „Женщинам“».

«Любовь» является отрывком из трактата «О жизни» (из XXII-XXV глав), в котором были сформулированы философские основы мирозерцания Л.Толстого. В «Базмавепе» он был опубликован в переводе В. Азатяна [21, 292-300]. Отрывки из трактата (из XXIII-XXIV глав) с тем же названием («Любовь») были изданы отдельной книгой в переводе Э. Назарянца в 1906 году (в библиографии ошибочно указано, что это перевод произведения «Требования любви»).

В предисловии Е.Мурадян пишет о Толстом, о людях, которые подобны светилам, дающим свет всему человечеству, «которые являются солью мира и светом человеческой души, которые излучаемым ими светом обуздывают наши страсти, делают нашу совесть бодрствующей и

сильной, очищают и делают чувствительным путь, ведущий от совести к уму, критикуют каждый наш шаг и подчиняют его требованиям совести». Толстого он называет «бодрствующей и светлой совестью». Е. Мурадян пишет, что лишь в одном не может согласиться с Толстым. В том, что Толстой, во-первых, считает, что Христос не утвердил таинства брака, и, во-вторых, что считает современный церковный брак несовершенным и не соответствующим требованиям христианского учения.

В предисловии Е. Мурадян отмечает также, что он еще в августе обещал представить отдельными книгами произведения Толстого, чтобы и армянский народ увидел тот «нравственный свет, который он (Толстой – Р.Т.) распространяет с исключительной силой и смелостью».

В том же 1905 году в Тифлисе был опубликован перевод М. Газаряна [22] («Крейцерово соната» и «Послесловие к „Крейцеровой сонате“»). Цензурное разрешение было получено 9 июня 1904 года, а на переводы Е. Мурадяна – 22 января 1905 года. Можно только предположить, что перевод М. Газаряна несколько раньше увидел свет. Переведен окончательный текст повести. Нет только последних 3-х небольших абзацев XI глав, последнего предложения VI главы, сокращенно представлен эпиграф. Оба перевода сыграли свою роль в ознакомлении с повестью Толстого. И оба они, конечно же, устарели. В них современного читателя не могут удовлетворить устаревшие грамматические обороты, слова, выражения.

Немало слов поясняются в скобках русскими вариантами. Особенно много их в переводе Газаряна. Например: րիւթնիւիւթ յըրթնիւթ (пролетка), տրիւթնիւթնի հետնիւթ (турнюр), վերտրիւթն (шинель), տրիւթնիւթնի (артельщик), կրկն (капот), տրիւթնիւթնի (кокошник), գլխիւթն (картуз). Поясняются и слова, сейчас воспринимаемые без приведения русских аналогов – շրջնի (период), եւտնիւթնիւթնի (эгоизм), դիրք (поза), գլխիւթնի (корзина), րիւթնիւթն (галия) и т.д.

В переводе Е. Мурадяна арменизированы имена: Ованес (Ванька), Катаринэ Симонян (Катерина Семеновна), Ованес Закарян (Иван Захарьич), Петросяны (Петровы) и т.д. В переводе Газаряна Лиза предстает как Лили, а Ванька – Ваню.

Появление перевода С. Хачатряна в 1986 году [23, 218-297], несомненно, было важным фактом в литературной

жизни, ведь этой повести не было и в десятичном издании произведений Л. Толстого на армянском языке (1948-1950). Его рассмотрение и оценка требуют отдельного исследования.

Ссылки:

1. «Избранные отрывки». Хрестоматия. Сост. Ов. Назарянц. Тифлис, 1883 (на армянском языке).
2. «Мшак», 1908, № 47.
3. «Айреник», 1895, № 1108.
4. «Мшак», 1892, № 125.
5. «Нор-Дар», 1891, № 113.
6. «Мшак», 1891, № 144.
7. «Мурч», 1891, № 6.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-а томах, т. 27 (Письмо к Т.А.Кузминской, ноябрь 1889 года).
9. «Аревелк», 1894, № 3084.
10. «Л.Н.Толстой в армянских переводах», Ереван, 1974.
11. Базян С.С. Лев Толстой и Армения, Ереван, 1999.
12. «Вестник общественных наук», 1993, № 3. (Статья А. Бадаляна).
13. Крист М. Конец «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого, Вагаршапат, 1898 (на армянском языке).
14. «Мшак», 1898, № 109.
15. «Армянский вестник», 1916, № 42.
16. «Мшак», 1886, № 83.
17. «Нор-Дар», 1902, № 143 (пер. Э.Назарянц). Перевод озаглавлен «Правдивое слово о женщинах». Э.Назарянц отмечает, что брошюра с таким названием была «на днях» издана в Петербурге.
18. «Артемис», 1902, № 7-8 (пер. Н.Апинян).
19. «Тараз», 1904.
20. Толстой Л. Собрание сочинений, Вагаршапат, 1905 (на армянском языке).
21. «Базмавеп», 1905, № 7-8.
22. Толстой Л. Крейцерово соната, Тифлис, 1905 (на армянском языке).
23. Толстой Л.Н. Повести и рассказы, Ереван, «Советакан грох», 1986 (на армянском языке).

ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ЧЕЛОВЕК

Федина Е.В.

аспирантка

Днепропетровский Национальный университет

имени Олеса Гончара

Украина

RESEARCH OF THE PHRASEOLOGICAL AND SEMANTIC FIELD OF CONCEPT "MAN"

Fedina E. V. graduate student Oles' Honchar Dnipropetrovsk National University Ukraine

АНОТАЦІЯ

Пословицы и поговорки, отражая реальную окружающую действительность, запечатлели в своем содержании все особенности многовекового исторического развития русского этноса, впитали его дух. Мы рассматриваем пословично-поговорочные изречения, не разграничивая их. Нами выявлены языковые единицы, объективирующие различные аспекты содержания концепта ЧЕЛОВЕК. Работа ведётся над следующими вопросами: актуализация ментальности народа в концептах русского языка; роль гендерных исследований в изучении концепта ЧЕЛОВЕК; образные составляющие концепта ЧЕЛОВЕК.

ABSTRACT

Proverbs and saying usually reflect the social surrounding. During the centuries they imprint all national peculiarities of the developing Russian ethnos and imbibe its spirit. We observe proverbs and sayings without delimitation. We picked out some units of language which objectify different aspects of the concept MAN. In this article talked about next questions: actualization mentality of the people in the Russian language concepts, the role of gender studies to highlight the concept of MAN; figurative elements of the concept MAN.

Ключевые слова: концепт, паремия, пословицы и поговорки, языковая картина, семантический ряд, культура.

Key words: concept, preemies, proverbs and sayings, ram picture, semantic row, culture.

Актуальность нашего исследования обусловлена перспективностью изучения фразеологических единиц (далее - ФЕ) как таких, которые раскрывают мировоззрение народа, отражают культурную и ментальную ценности, транслируют культурные стереотипы из поколения в поколение.

Цель статьи - проследить, каким образом и насколько широко концепт ЧЕЛОВЕК используется во фразеологии русского языка, рассмотреть варианты фразеосемантический полей концепта ЧЕЛОВЕК.

Методологической базой послужили работы С. А. Аскольдова, В. И. Карасика, А. А. Леонтьева, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.

Предметом изучения выступают фразеологические единицы русского языка.

Объектом исследования служат фразеологизмы, называющие человека.

Изложение основного материала. Структура концепта представлена ядром (базовый слой) и периферией (интерпретационный слой). Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоев составляют объём концепта и определяют его структуру.

Информационно-понятийный компонент включает наиболее существенные признаки предмета или явления - это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество - голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [3, с. 166].

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуаль-

ным сознанием» [8, с. 97].

Интерпретационное поле включает следующие зоны: оценочная (объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку); энциклопедическая (объединяет когнитивные признаки, характеризующие необязательные признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта); утилитарная (объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей); регулятивная (объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом); социально-культурная (объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определёнными художественными произведениями, прецедентными текстами); паремиологическая (совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом в национальных паремиях) [8, с. 78-80].

Образ человека формируется за счет компонентов фразеологических единиц. Наиболее частотными и универсальными являются тематические группы слов. При характеристике человека активно используются:

- термины родства;
- соматизмы;
- названия предметов бытовой утвари (одежда, обувь, предметы домашнего обихода);
- названия музыкальных инструментов (бесструнная балалайка);

- параметрические прилагательные (глупый осудит, умный — рассудит).

Мир человека — это он сам, его семья, его быт, социум, интеллектуальная и физическая деятельность, поэтому образ человека передается через фразеологизмы, закрепившие в своей семантике характеристику универсальных биологических, социальных, культурных свойств человека. Они различаются по частотности, но используются как компоненты ФЕ во всех языках.

Образ человека во фразеологическом фонде русского языка отражает особенности осмысления этого универсального ключевого концепта в истории общечеловеческой культуры: это «человек в общем» как родовое понятие (в противопоставление другим живым существам на земле), «человек как носитель определенных признаков, параметров» (характеристика личностных качеств), «человек-мужчина/женщина/ребёнок» (оппозиция по гендерному признаку). Указанные смыслы можно назвать универсальными, поскольку они базируются на логико-понятийных связях концепта ЧЕЛОВЕК в концептосфере любого языка. Идиоэтнические же признаки, получившие формальное выражение во фразеологии, формируют национально специфический фразеологический образ [2, с. 63].

В зависимости от того, какие свойства человека подвергаются оценке, могут быть выделены три фразеосемантических поля:

1) «человек в общем» как биологическая особь, как родовое понятие (в противопоставление другим живым существам на земле);

2) «человек как носитель определенных признаков, параметров» (характеристика индивидуальных качеств личности);

3) «человек-мужчина\женщина\ребёнок» (оппозиция по гендерному признаку, оценка личности на основе ее положения в обществе, определенном коллективе, среде) [1, с. 267].

В пределах первого и второго фразеосемантического полей на основе противопоставления признаков «внешний облик человека» и «внутренний облик человека», могут быть выделены соответственно два семантических разряда, в составе которых возможна и дальнейшая семантическая классификация.

Во фразеосемантическое поле «человек в общем» рассматриваются фразеологизмы, раскрывающие образ человека.

Красивый человек описывается в русском языке в образах молодости и активной жизнедеятельности: в самой поре, пышет здоровьем. Созерцаемая красивая внешность человека передается устойчивыми словосочетаниями как произведение искусства: писанный красавец, божественная красота, хорошенький как картинка, чистый шедевр, демоническая красота. Получившее отражение в сравнительных оборотах представление о неземной красоте связано с образами мифологии и религии: красив как бог, как херувим, как ангел, как черт. Эстетической оценке, содержащейся в семантике данных единиц, сопутствует оценка этическая: ангельская красота подразумевает одухотворенность, доброту, нежность; демоническая - разру-

шительной силы чувственную телесность; всем взял; всё при нём; красив, как наливное яблочко; как картинка; глаз не оторвёшь; глаз радуется; во всей красе (строен и красив, умен и добр и т.п.); лицо у него – кровь с молоком.

Некрасивая внешность в русском языке представлена следующими примерами: страшен как смертный грех; мордой, рылом не вышел; ни кожи, ни рожи; урод уродом; на черта похож; вырядится, как пугало; лошадь взглянет — на дыбы встанет; таким лицом только лошадей пугать; с такой рожей сидеть бы под рогожей; сидел бы ты дома да точил веретёна; с такой рожей удавиться можно; на его лице черти горох молотили; с его лица надо бы чешую поскрести; рожа — цвет кирпича (цвет бордо, о краснолицем); рожа — хоть портянки суши; прям, как дуга (о горбатом); плохое дерево в сук растёт; горбатого могила вылечит; прям, будто аршин проглотил (это выражение из речи портных: имеется в виду палка аршинного размера, которой измеряли материю).

Некрасивое лицо человека уподобляется морде животного, попадая в фокус зооморфного описания: рожей/рылом не вышел, морда кирпича просит, крысиная морда, паучьи глазки.

Большинство фразеологических единиц, которые не имеют гендерной дифференциации, содержат в своей семантике свойство «радовать глаз», «ласкать» и «привлекать взгляд» [4, с. 81].

Анализ фразеологических единиц, характеризующих возраст человека, показывает, что образ старого человека в русском языке передается через бороду, молодого — через молоко. Восприятие возраста человека в свете национальной психологии получило отражение, например, во фразеологизме песок сыплется, в котором закрепились ассоциации с ветхим, прохудившимся мешком (из мешка высыпается его содержимое — из старого человека так же «уходит» жизнь; еще усы не появились в значении «молодой» (усы — признак взрослого мужчины).

Во фразеосемантическом поле «человек как носитель каких-либо признаков» объединяются фразеологические единицы со значением качественной оценки человека.

Характеристика качеств человека может воплощаться как в бинарных оппозициях типа умный — глупый, хитрый — простодушный, добрый — злой, богатый — бедный, энергичный — ленивый, так и в парадигмах фразеологизмов, называющих только какое-либо отрицательное или положительное свойство (обидчивый; услужливый, подхалим; скупой; вспылчивый; гордый; благородный) [7, с. 120].

Человек — личность, наделенная различными качествами, чертами характера. Во фразеологии человек характеризуется как положительно, так и отрицательно. В составе русских фразеологизмов зачастую отсутствует сам компонент ЧЕЛОВЕК, его заменяет субстантивированное прилагательное, через которое и дается характеристика человека [6, с. 280]. Положительные качества — это доброта, мудрость, храбрость, отвага, щедрость, твердость данного слова, энергичность, а отрицательные качества — это лень, бедность, забитость, излишняя покорность. Как видим, в оценке качеств и черт человека выделяются свойства, типичные для духовно-нравственных норм общества. До-

стойно быть добрым, мудрым, щедрым, плохо быть ленивым, скупым, глупым. Например: умный в гору не пойдёт; бойкий скачет, а смиренный плачет; сытый голодному не товарищ.

Наряду с эквивалентными единицами как в плане содержания, так и в плане выражения, имеют место фразеологизмы, описывающие понятия «работать - бездельничать» с опорой на национальные реалии, которые отражают уклад жизни народа: захочешь добра — убьёшь бобра; захочет кобыла овса, вывезет и в гору; хочешь есть калачи, не сиди на печи; сидя на печке, не заработаешь и на свечки; у лентяя Федорки всегда отговорки.

Анализ фразеологических единиц, характеризующих личностные качества характера человека, показал, что нередко используются зооморфизмы. Например, в русском языке почти любое из названий представителей животного мира (домашних животных, диких зверей, птиц, насекомых и др.) может быть использовано как оценочная характеристика человека (медведь, лиса, осёл, обезьяна, паук, тюлень, петух и т.д.), и потому далеко не все фразеологизмы, включающие в качестве компонента такое название, легко и свободно редуцируются в слово, хотя препятствий со стороны мотивированности нет: белая ворона — «человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них» и ворона — «о нерасторопном, неловком и рассеянном человеке»; мокрая курица —

1. «о человеке, имеющем жалкий вид», 2. «о безвольном, бесхарактерном человеке» и курица — «о человеке недалёкого ума, неширокого кругозора, ограниченных интересов»; заблудшая овца (овечка) — «человек, сбившийся с правильного жизненного пути» и овца — «о робком человеке»; буриданов осёл — «крайне нерешительный человек, колеблющийся в выборе между двумя равноценными решениями и т.п.» и осёл — «о глупом, тупом, упрямом человеке».

Зооморфизмы, используемые для эмоционально-оценочной характеристики людей, давно уже привлекают внимание исследователей, поскольку животные с незапамятных времён играют важную роль в хозяйственно-экономической жизни и традициях носителей языка, и повадки животных легко переносятся на человека.

Фразеологические единицы фразеосемантического поля «человек-мужчина/женщина/ребёнок (социально обусловленные характеристики)» ярко отражают социальные качества человека, к которым относится его происхождение и семейное положение, социальный ранг, взаимоотношения с членами своего коллектива. Например: муж голова, а жена — шея; отец сына умнее — радость, а брат брата — зависть; в девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло; курица не птица, баба не человек; в семи бабах половина козьей души; маленький ангел, голубой ангел (о детях).

Во ФЕ находит отражение национальная психология, особенности исторического развития, своеобразия традиций, нравов, обычаев, склада ума и характера, моральные устои народа, этнографические реалии от орудий труда до одежды; пейзажи, климат, флора и фауна, отголоски древних религиозных верований, детальная картина современной социальной организации, этические и нас интересует

не человек вообще, а человек в языке. Дело в том, что язык — единственное средство, способное помочь проникнуть в скрытую от нас сферу ментального, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

В каждодневной жизни через культурные нормы общество и мы сами формируем образ и выучиваем роли "настоящей женщины", "настоящего мужчины", а также ребёнка. Наши действия и ощущения нормируются осуждением или одобрением со стороны общества. Так, например, незамужняя или замужняя, но бездетная или с детьми, но разведенная женщина подвергается осуждению и считается ущербной. А "настоящему мужчине" стыдно заниматься домашним хозяйством, т. е. "чисто женским" и абсолютно не важным делом. Он должен заниматься делами, которые оцениваются в обществе как более значимые и, соответственно, мужские. Не потерять лицо мужчина может, лишь иногда помогая женщинам в их "женских" делах — домашних.

Из ФЕ, которые объединяются во фразеосемантические поля «Человек в общем», «Человек как носитель каких-либо признаков» и «Человек — мужчина/женщина/ребёнок (социально обусловленные характеристики)», наиболее ярко и широко представлено последнее. В обобщённом портрете, полученном в ходе исследования, легко выделяются общие черты, обусловленные универсалиями существования, общечеловеческими основаниями и стереотипами оценки качеств человека. Также в анализируемых ФЕ отражаются моральные установки народа в оценке качеств и поведения, поступков человека.

Существует множество пословиц и поговорок на тему «женщин, мужчин и детей». Все пословицы, касающиеся мужского пола, обязательно затрагивают женщину, а те, которые говорят о детях, обязательно затрагивают родителей, соответственно, мужчину и женщину. Однако, несмотря на преобладание пословиц о женщине, выявлено, что мужчина отражается как предмет, а женщина выступает главным образом в качестве объекта. Например, жена не стекло (можно побить); Бог бабу отнимет, так девку даст. В некоторых пословицах выражается неполная принадлежность женщины к категории ЧЕЛОВЕК: курица не птица, баба не человек; в семи бабах половина козьей души.

Также мы обнаружили аналогичные высказывания и в адрес мужчин: не женат — не человек; холостой — полчеловека. То же касается и ребёнка: один сын — не сын, два сына — пол сына, три сына — сын. А также встречаем несколько паремий, в которых отражена не только зависимость жены от мужа, но и обратное: мужик без бабы пуще малых деток сирота. Особенно это касается пожилых супругов: рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка; бабушка не может, дед семь лет костей не гложет. Физическая слабость женщины практически не отражена в исследованных нами паремиях. Напротив, женщины проявляют свою волю и решительность вопреки попыткам мужчин им этой воли не давать: с хватом баба, хоть на медведя; я её палкой, а она меня скалкой.

Лексические единицы, касающиеся составляющей «ребёнок» фиксируют в основном «бытовые» знания о детях,

об особенностях их психофизиологического роста, фразеологизмы, пословицы и поговорки характеризуют его как социальную сущность. Например, каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын; малое дитя грудь сосет, а большое — сердце; ныне не спрашивай старого, а спрашивай малого.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Созданный по образу и подобию Божьему, он обладает свободой воли. Человек — существо социальное по своей природе, «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» [5, с. 114].

Анализ языкового материала показывает, что образ женщины в русских ФЕ раскрыт намного шире, чем мужчины, однако чаще имеет отрицательную оценку. Иногда название женщины и мужчины заменяется переносом их качеств на предметы их деятельности или характерологические признаки внешности: семеро топоров под лавкой лежат, а две прялки врозь. Топор как принадлежность мужского труда и прялка как атрибут женской работы олицетворяют мужчин и их уживчивость, и женщин с их вздорностью.

Итак, в русской культуре женщина — это хаос, которому придает порядок мужчина. Пифагор считал, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет и мужчину, и отрицательный, который создал хаос, сумерки и женщину. Следовательно, можем предположить, что ребёнок является серединой (балансом) между ними,

пока сам не становится одной из сторон (мужчиной или женщиной), достигая определённого возраста. В Евангелии Иисус ни словом не унизил женщину, а апостол Павел в своих посланиях и проповедях низвел женщину в подчиненное положение, и эти взгляды стали основой в христианстве. Ребёнка же во всех религиозных книгах обожествляют. Утренняя молитва Ветхозаветного человека гласит: «Благословен Господь, не сотворивший меня женщиной». На этом постулате были выстроены история и философия, язык и религия и т.д., которые могут служить материалом дальнейшего исследования.

Библиографический список:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: антология / под ред. В.Н. Нерозника. – М.: Academia, 1997. С. 267
2. Долгов Б.А. Быт и нравы Древней Руси. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. С. 63
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. С.81
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. С. 114
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология / под ред. В.Н. Нерозника. – М.: Academia, 1997. С. 280
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2005. С. 120
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. С. 194

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Филатова Е. В.,

кандидат педагогических наук,
доцент социально-психологического факультета,
Кемеровский государственный университет,

THE FORMATION OF MANAGEMENT CULTURE OF SOCIAL SPHERE SPECIALISTS ON THE BASIS OF PROFESSIONAL STANDARDS

Filatova E. V. candidate of pedagogical sciences, Docent of Social and Psychological Department, Kemerovo State University

АННОТАЦИЯ

В статье на примере специалистов социальной сферы аргументируется возможность формирования их управленческой культуры на основе профессиональных стандартов. Выделяются предпосылки, характеризуются уровни, компоненты и этапы формирования управленческой культуры. Аргументируется возможность использования профессиональных стандартов при формировании управленческой культуры.

ABSTRACT

In the article taking as an example the specialists of social sphere the author argues in favor of improving the formation of their management culture on the basis of professional standards. The prerequisites of management culture formation are defined, the levels, stages and components are specified. The possibility of professional standards realization is reasoned.

Ключевые слова: управленческая культура, предпосылки, профессиональные стандарты

Key words: management culture, prerequisites, professional standards

Введение. Изменение социально-экономического положения России, имевшее место на рубеже столетий, усиление ее интеграции в мировое пространство требуют значительного повышения качества кадрового потенциала страны. Новые условия хозяйствования дали мощный толчок развитию управленческой культуры, что представляет возможность использовать её как фактор повышения конкурентоспособности, эффективности производства и управления социальной сферой.

Социальная сфера охватывает различные направления социальной политики (социальной защиты населения, образования, здравоохранения и др.). Эффективность решения профессиональных задач специалистами социальной сферы во многом зависит от уровня проявления у них управленческого компонента полифункциональной и многоаспектной профессиональной деятельности. Управленческая культура специалистов социальной сферы является характеристикой их профессиональной компетентности.

Становление системы профессионального образования специалистов социальной сферы, меняющиеся представления о содержании и характере труда, о качестве жизни, необходимость оказывать влияние на формирование и развитие коллектива и каждого работника предъявляют новые требования к руководителю, повышается значение исследований, касающихся формирования управленческой культуры как основы для дальнейшего профессионального совершенствования специалиста, как обязательное условие развития социальной сферы. Целью данного исследования является теоретическое обоснование модели формирования управленческой культуры специалистов социальной сферы.

Несмотря на уже существующую сложившуюся систему подготовки специалистов социальной сферы, сегодня отмечается недостаточная готовность выпускников к выполнению сложных функций менеджеров, работающих в разных направлениях. Управленческая культура играет

особую, систематизирующую, роль в деятельности специалиста, на какой бы должности он ни работал. Поэтому достижение им высокого уровня управленческой культуры – это не только базис для дальнейшего профессионального совершенствования специалиста, но обязательное условие развития системы социальных служб в целом.

Методология исследования. Формирование управленческой культуры специалистов социальной сферы предполагает применения комплекса методологических подходов, обеспечивающих получение разноплановых характеристик исследуемого процесса. В педагогической теории и практике разработано достаточное количество подходов к организации образовательного процесса. В контексте данной статьи мы остановимся на акмеологическом и контекстном подходах. Интенсивно развивающаяся в последнее время во взаимодействии с теорией управления, педагогикой и психологией акмеология существенно меняет акценты в сфере профессиональной подготовки специалистов. При акмеологическом подходе доминирует проблематика развития творческих способностей, личностных качеств. Акмеологический подход нацелен на возможность достижения вершин профессионального мастерства уже на самых первых этапах профессионального становления студента.

Контекстный подход в системе профессионального образования способствует профессиональной и социальной подготовке специалистов, т. к. предполагает реализацию процесса обучения в контексте будущей профессиональной деятельности. Основной идеей контекстного обучения является моделирование в формах учебной деятельности студентов реальных производственных связей и отношений, что позволяет преодолеть разрыв между профессиональной подготовкой и реальной производственной деятельностью.

Авторские подходы к решению проблемы. Обращение исследователей к формированию управленческой культуры является сегодня неслучайным. В основном, под

культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Вопросы, связанные с органичным единством профессиональной культуры, профессионализма и управленческой культуры раскрыты З. К. Багировой и А. П. Поздняковым [3, 9]. На уровне кандидатских диссертаций исследовано также формирование управленческой культуры педагога и специалиста по социальной работе: М.А. Кононенко указанная характеристика изучена в процессе профессиональной подготовки будущего учителя [8], как действенное средство формирования управленческой культуры рассмотрена научно-методическая работа [1]. Л. Д. Андреева раскрывает готовность к осуществлению управления на различных уровнях (самоуправление, управление учебно-воспитательным процессом в классе, соуправление) [2]. Т. М. Горюнова предлагает содержательную трактовку: управленческую культуру она рассматривает как ценность, как процесс, как результат [6]. Управленческую культуру можно характеризовать как совокупность установок к определенному типу мышления и действия, а степень проявления управленческой культуры детерминируется средой жизнедеятельности, индивидуальными ценностями и требованиями к профессиональной деятельности [4, 10, 12].

Таковыми требованиями мы считаем стандарты профессиональной деятельности, которые являются инструментом сопряжения сферы труда и сферы образования и представляет собой обобщенное описание квалификационных уровней, признаваемых на общедоказательном уровне, и основных путей их достижения на территории России.

Если среда представляет собой комплекс политических, экономических, социальных, духовных, культурных процессов, то стандарт формулирует цели и может использоваться для решения задач по подготовке специалистов для реализации управленческих функций в различных профессиях.

Требования стандарта в своей совокупности представляют фундамент, на котором происходит формирование управленческой культуры. При этом значительную роль играют традиции, сложившиеся в ведомствах, министерствах, отраслях. Они представляют собой культурные образования, обладающие регулирующим и мотивационным воздействием.

Каковы же функции профессионального стандарта?

- Создание системы требований к знаниям, умениям и навыкам в соответствии с требованиями профессиональной деятельности.
- Обеспечение возможности определения уровня квалификации и его соответствия уровню заработной платы.
- Создание нормативной основы для финансовой поддержки профессионального обучения персонала.
- Обеспечение возможности ориентации и контроля уровня развития людских ресурсов организации.
- Создание механизма обеспечения взаимодействия с отраслевыми образовательными организациями.
- Гармонизация требований к профессиональной

компетентности.

- Создание единой информационной базы предприятия по требованиям к должностям для всех участников трудовой деятельности.

- Влияние профессиональных стандартов на качество подготовки персонала и повышения его квалификации.

- Возможность получения предприятием выпускников учебных заведений, наиболее отвечающих требованиям производства, с учетом отраслевой специфики.

Анализ профессиональных стандартов специалиста по реабилитационной работе, специалиста по социальной работе, руководителя организации социального обслуживания позволил сделать вывод, что управленческая культура включает подготовленность специалиста к реализации диагностической, информационно-аналитической, прогностической, организационной, контрольной и регулятивно-коррекционной функций. Указанные функции осуществляются на различных уровнях управления. Первый - это управление, которое осуществляют федеральные, региональные и муниципальные органы управления. Второй - деятельность руководителя учреждения, отдела. Третий уровень - управленческая деятельность конкретного специалиста, с учетом его функционала. Четвертый уровень - управление собой, то есть самоменеджмент.

Анализ зарубежной литературы свидетельствует о том, что проблема профессионального образования опирается на широкий спектр научных разработок ученых в области образования [14, 15, 16, 17]. Профессионалы, занимающиеся образовательными технологиями, видят свою первичную цель в том, чтобы сделать их инструментом в процессе обучения.

Для реализации замысла нашего исследования мы использовали метод проектного моделирования. В науке широко используется метод модельного объяснения для решения исследовательских задач (определение цели - нахождение средств решения - интерпретация результатов).

Моделирование - процесс создания модели, исследования какого-либо объекта путем построения и изучения его модели. Формальная система, эквивалентная реальному объекту, является моделью этого объекта. Познать - значит понять изучаемый объект настолько, чтобы можно было создать модель, наиболее точно сохраняющую изучаемые черты объекта. «Модель - это такой материальный или мысленно представляемый объект, который в процессе познания (изучения) замещает объект-оригинал, сохраняя некоторые важные для данного исследования типичные его черты» [5, с. 6]. В педагогических исследованиях построенная модель является теоретическим описанием воспитательно-образовательного процесса. В наиболее общем понимании, образовательная модель - это согласованный образец или группа взаимосвязанных элементов, таких как структура образовательных целей, содержание и построение учебного курса, конкретные цели управления учащимися, модели группирования учащихся, методы обучения, контроля и оценки процесса обучения [7, с. 64].

Результаты. Проектируемая модель формирования управленческой культуры служит и ориентиром для под-

готовки студентов, и эталоном, по которому оценивается качество их подготовки. Создание педагогической модели необходимо, прежде всего, для повышения эффективности управления целенаправленным педагогическим процессом, в котором личность выступает и как цель образования, и как субъект собственного профессионального и личностного развития [13].

Теоретический анализ проблемы, экспериментальные исследования и обобщение опыта показали, что формирование управленческой культуры можно рассматривать в трех аспектах:

- как одно из направлений педагогической науки, изучающей закономерности развития и формирования личности профессионала с целью разработки этапов, содержания, форм и методов сопровождения профессионального образования (научный аспект);
- как методическое обеспечение всего процесса профессионального обучения, включая составление учебных программ, разработку дидактических материалов, профессиональную подготовку педагогов и пр. (прикладной аспект);
- как непосредственную профессиональную деятельность преподавателей профессиональных образовательных учреждений (практический аспект).

Каждый из предложенных аспектов имеет свои задачи, решение которых требует от исполнителей определенной профессиональной подготовки.

Научный аспект предполагает теоретическое обоснование явления и процесса, разработку организационно-методического обеспечения. Отличие этих исследований от академических заключается в том, что они не только выявляют те или иные закономерности и тем самым обогащают научные знания, но и определяют педагогические условия и пути реализации закономерностей в контексте формирования управленческой культуры.

Прикладной аспект предполагает использование педагогических и методических знаний педагогами, которые используют и ассимилируют новейшие научные данные при составлении и реализации программ обучения, воспитания и пр.

Практический аспект обеспечивается самими педагогами, задача которых профессионально грамотно использовать все то, чем на сегодняшний день располагает педагогическая наука. Успешность их деятельности зависит от их уровня профессионализма.

Развитие прикладного и практического аспектов предполагает опору на научный аспект, являющегося теоретической базой, с помощью которой определяются цели, этапы, методы и содержание формирования управленческой культуры.

Предварительный анализ теории и практики профессионального образования специалистов социальной сферы позволил нам выделить необходимые предпосылки формирования управленческой культуры:

- управленческая культура формируется поэтапно, но недостаточно разработаны содержание, организационные формы, методы её формирования;
- недостаточная методическая обеспеченность производственных практик;

- слабая информированность первокурсников о содержании и особенностях выбранной ими профессиональной деятельности, разнородность их первоначальной подготовки в области компьютерных технологий, что требует создать профессионально-ориентированную среду для формирования познавательной мотивации студентов, для овладения навыками самообразования, в том числе и в области информационных технологий.

- в профессиональной деятельности специалиста происходят существенные изменения: увеличиваются виды деятельности социальных работников (работа с пожилыми, трудными детьми, в системе образования, здравоохранения, в системе исполнения наказания и др.); внедряются профессиональные стандарты; адаптируется и внедряется зарубежный опыт.

В нашем эксперименте мы осуществляли педагогическое моделирование процесса формирования управленческой культуры специалистов социальной сферы, учитывая и получение профессионального образования, и повышение квалификации уже практикующих специалистов. В системе повышения квалификации одно из условий эффективности обучения - его максимальное приближение к профессиональной деятельности обучающихся по методам и средствам, содержанию, постановке целей.

Анализ ФГОСов, профессиональных стандартов, квалификационных характеристик выпускников университета позволил выделить набор знаний, умений, перечень методов и технологий, которыми должен владеть специалист, что предоставило нам возможность определить уровни и этапы формирования управленческой культуры, их содержание, критерии сформированности, требования к деятельности преподавателя.

Первоначально мы выделили уровни сформированности управленческой культуры: эмпирический, теоретический, интегративно-творческий. Приобретение студентами управленческой культуры предполагает прохождение всех выделенных нами уровней. Специалисты, приехавшие на курсы повышения квалификации, практически все имели эмпирический уровень, сформированный на основе реального опыта, так что наши усилия должны были быть направлены на формирование у них теоретического и интегративно-креативного уровней на основе интеграции новых теоретических знаний, технологических средств и способов деятельности.

Концептуальное обоснование модели предполагает выстраивание целостной, непротиворечивой, структурированной системы идей, положений и представляет собой нормативное описание процесса формирования управленческой культуры специалистов социальной сферы. Мы выделили концептуальный (теоретический), технологический (нормативный), структурно-содержательный уровни модели.

На теоретическом уровне обоснованы теоретические предпосылки для

разработки инновационной модели формирования управленческой культуры на основе образовательных подходов, обеспечивающих формирование качественных характеристик специалиста, адекватных современным условиям профессиональной деятельности.

Технологический уровень состоит из описания этапов, способов и средств достижения цели и определении критериев и показателей сформированности управленческой культуры. Мы выделили обобщенные критерии ее сформированности: ценностно-мотивационный, когнитивный, операционально-деятельностный, рефлексивно-оценочный, которые, на наш взгляд, отражают целостный характер проявления культуры, выражающейся в мотивационной, когнитивно-технологической и практической готовности к осуществлению управленческой деятельности.

Логика формирования управленческой культуры включает три взаимосвязанных этапа:

1) Мотивационно-ценностный этап. Результатом этого этапа должно стать формирование ценностных профессионально-личностных установок.

2) Содержательно-технологический этап. Данный этап обеспечивает освоение знаний и способов осуществления деятельности в рамках профессиональных норм.

3) Практико-прикладной этап включает в себя овладение на практике управленческими технологиями.

Очень важным в модели формирования управленческой культуры специалиста социальной сферы является перенос практических умений в реальный контекст профессиональной деятельности и отработка полученных профессиональных умений непосредственно в работе с коллегами и клиентами. Данная задача осуществляется в процессе практики. При организации практики существенную роль играет принцип блочного построения ее содержательной структуры. При этом на различных этапах обучения в качестве базовых содержательных блоков выступают задания, направленные на формирование усложняющихся уровней управленческой культуры; эти блоки заданий последовательно расширяются и углубляются, трансформируются в зависимости от целей и задач этапа обучения, специфики базы практики. Задача подготовки специалистов социальной сферы состоит в том, чтобы научить студентов и слушателей системы повышения квалификации компетентно интегрировать знания, ценности и навыки профессии в своей практической деятельности.

Заклучение. С учетом усиления роли управленческого компонента в профессиональной деятельности, будущий специалист социальной сферы, помимо владения необходимым объемом знаний и умений, соответствующих ФГОСу, должен освоить широкий круг вопросов управления. Таким образом, его управленческая культура как комплексная личностно-профессиональная характеристика, целостно отражающая управленческие знания, умения и ценностные ориентации, будет проявлением профессиональной компетентности в области управленческой деятельности.

Управленческая культура специалиста – это интегративное новообразование личности, отражающее ее профессионально-административную направленность, практическую способность и готовность обеспечить наиболее эффективное решение проблем на микро-, мезо- и макроуровнях.

С учётом вышесказанного, управленческая культу-

ра представляет собой интегральную профессионально-личностную характеристику, выражающуюся в управленческих ценностных ориентациях, системе профессиональных качеств, знаниях работника о специфике осуществления профессиональных функций, детерминирующих управленческое мышление, мировоззрение и поведение, а также определяющих его теоретическую и практическую подготовленность к решению частных профессиональных задач; реагирование на условия и требования социума; свободу владения современными технологиями; уровень развития чувства инноваций. При этом управленческая культура на уровне личности начинается лишь с того момента, когда появляется и целенаправленно реализуется индивидуальный смысл профессиональной деятельности.

Литература:

1. Азарова Л. А. Формирование управленческой культуры педагога в процессе научно-методической работы: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 Калининград, 2003 - 211 с.
2. Андреева Л. Д. Формирование управленческой культуры молодого учителя. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. - Якутск, 2005.
3. Багирова З. К. Формирование управленческой культуры будущего руководителя образования. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. – Махачкала, 2008.
4. Бочарникова Н. А. Формирование профессиональной культуры социального работника в образовательном пространстве. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. - Чита, 2012.
5. Горстко А. Б. Познакомьтесь с математическим моделированием. – М. – Знание. – 1991.- 160 с.
6. Горюнова Т. М. Управленческая культура будущего педагога дошкольного образования Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. - Нижний Новгород, 2002.
7. Де Калуве, Л., Маркс, Э., Петри, М. Развитие школы: модели и изменения. – Калуга – 1993 – 64 с.
8. Кононенко, М. А. Формирование управленческой культуры учителя в процессе профессиональной подготовки: Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 : Калининград, 2002 196 с. РГБ ОД, 61:03-13/416-3
9. Поздняков А. П. Формирование управленческой культуры будущего специалиста социальной работы в ВУЗе. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. - Тамбов, 2007.
10. Сергеева Л. Б. Развитие управленческой культуры руководителей структурных подразделений вуза. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. - Челябинск, 2011.
11. Сластенин В.А., Исаев, И.Ф. Педагогика. - М.: Школа-Пресс, 1998.
12. Тамарская Н. В. Формирование управленческой культуры педагога в системе непрерывной профессиональной подготовки: Дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 : Калининград, 2004 367 с. РГБ ОД, 71:04-13/165.
13. Филатова Е. В. Моделирование методического обеспечения многоуровневой профессиональной под-

готовки будущих социальных работников // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (9). с. 53-60.

14. Ely, Donald. The Field of Educational Technology. – Eric, 2001. 168

15. Newby, T.J., Stepich, D.A., Lehman, J.D., Russel, J.D. Instructional technology for teaching and learning. New Jersey, 2000. 170

16. Roblyer, M. D., Edwards, J., Havriluk, M.A. Integrating Educational Technology into Teaching. – New Jersey, 1997. 167

17. Schwartz, James E. And Beichner, Robert J., Essentials of Educational Technology. – Massachusetts, 1999. 166

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ИСПАНСКИХ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ

Наталья Ивановна Филатова,

Пятигорский

Государственный Лингвистический Университет,

Кандидат Педагогических Наук,

Факультет Испанского и Английского Языков

LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE DESCRIPTION OF SPANISH CITIES BASED ON GUIDE-BOOKS

Filatova N. I. The Pyatigorsk State Linguistic University, Ph.D., assistant professor at the Department of Spanish Language and Intercultural Communication, Pyatigorsk, Russia

АННОТАЦИЯ

Туризм является одной из самых востребованных, разработанных и исследуемых тем на сегодняшний день и его изучению посвящены многочисленные научные труды. Однако работ, в которых путеводитель рассматривается как объект лингвистического анализа, очень мало. И поэтому многие аспекты данной темы малоизучены, в частности в лингвистике пока не было предпринято попыток изучения лингвистических особенностей описания испанских городов на основе путеводителей.

ABSTRACT

Nowadays tourism is one of the most popular and developed spheres, and there are numerous studies that investigate it. However, the amount of studies dedicated to the investigation of a guide-book as an object of linguistic analysis is still very small. That is why many aspects of this subject are studied insufficiently, in particular, the attempts to investigate linguistic peculiarities of the description of Spanish cities based on guide-books have not been made in linguistics yet.

Ключевые слова: путеводитель, лингвистический анализ, метафора, метонимия, перифраз, сравнение.

Key words: guide, linguistic analysis, metaphor, metonymy, paraphrase, comparison.

Наиболее часто встречаемым тропом в путеводителях на испанском языке является эпитет, и это неудивительно, ведь это один из самых простых способов украсить язык и дать характеристику тому или иному объекту. Как известно, эпитет это не просто прилагательное, которое характеризует слово, оно обязательно должно придать ему какое-либо дополнительное значение.

Также надо отметить и то, что многие ученые, такие как Квятковский А. П., Томашевский Б.В, Веселовский А.Н, Краснянский В.В и другие, занимающиеся изучением тропов, делят эпитеты на метафорические и постоянные.

«Метафорический эпитет определяется как сложное тропическое образование, объединяющее в своей структуре свойство эпитета указывать на актуальный характеристический признак определяемого понятия и свойство метафоры представлять одно понятие в форме другого» [1,111].

«Постоянными эпитетами называются те, которые при сочетании с определяемым словом образует образно-поэтическое устойчивое выражение. То есть, встречая такие словосочетания в тексте, читатель уже не чувствует, что перед ним эпитет. Например: чистая правда, бурные аплодисменты, ветры буйные, море синее и т.д.»

Основываясь на этих определениях, мы можем отме-

тить, что главное отличие этих двух видов эпитетов состоит в том, что метафорические эпитеты более поэтичны, живописны и необычны. А постоянные эпитеты полностью соответствуют своему названию: они хоть и выразительны и поэтичны в некотором роде, но, по своей сути, являются уже устоявшимися выражениями.

При анализе испанских путеводителей нам встретились как метафорические, так и постоянные эпитеты.

Например, метафорические эпитеты: «nevadas plumas», «dientes de perla», «una voz de plata», «espíritus soñadores», «el cristalino freno», «salada fragancia», «rumor oscuro», «personalísima huella visual y sonora», «agua perfumada», «delicados surtidores».

Постоянные эпитеты: «verde pino», «profundo abismo», «pura verdad», «limpia claridad», «negra sombra», «plena confianza», «carácter multicultural», «estrecha colaboración».

Как мы уже отметили выше, оба приведенных нами типа эпитетов не только характеризуют каким-то образом объект или предмет, но также обогащают язык путеводителей, делают речь автора более выразительной и красивой.

Метафора - это второй по частоте использования троп в путеводителях, и это неудивительно, ведь метафора, наряду с метонимией, которую мы рассмотрим далее, счита-

ется базовым тропом в стилистике [2, 181].

В испанской стилистике метафору часто называют «la reina de los tropos», то есть царицей тропов, или даже «tropo perfecto» отделяя ее от тропов «imperfectos».

Для более полного понимания, а также для дальнейшего анализа и поиска метафор в текстах путеводителей, мы приводим дефиницию данного тропа «метафора (греч. — перенесение) — вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии. Как и другие тропы (метонимия, синекдоха), метафора есть не только явление поэтического стиля, но и общеязыковое. Однако о метафоре, как явлении стиля, следует говорить в тех случаях, когда в слове или в сочетании слов сознается или ощущается и прямое, и переносное значение» [3, 434].

Из данного определения мы понимаем, что метафора, как вид тропа, основана на соотношении сходства, подобия одного предмета или явления другому. Также надо отметить и то, что метафора всегда несет в себе полное изменение значения слов.

Таким образом, при анализе путеводителей, мы нашли следующие примеры метафор:

«Granada es la noche, el flamenco, el tapeo, la historia y la vanguardia, es mucho más de lo que esperas»;

«...en la ciudad que consideraron la joya de su reinado»;

«El Parque de las Ciencias es un salto en el tiempo...»;

«Los muros y paredes de la Alhambra y el Generalife están cubiertos de una “piel” de poesía, inscripciones, romances, delicadas tallas...»

«Al fondo está el Mirador, una estancia decorada con un derroche de mocárabes y azulejos coloridos que brindan un ambiente lleno de encanto»;

«...y que hace ocho siglos era ya un verdadero pulmón de verdor y frescura en el bullicioso barrio...»;

«...la iglesia de Santo Domingo, por ejemplo, cuyas campanas marcan el pulso de barrio desde hace cinco siglos.»

Приведенные нами примеры еще раз подтверждают роль метафоры в путеводителях – украшение и обогащение речи. Так, мы можем видеть насколько яркими и запоминающимися стали описания городов, улиц, достопримечательностей. Использование метафор в путеводителях помогло «оживить» текст и разбавить, порой, сухие описания маршрутов.

Как мы уже отметили выше, метонимия считается базовым тропом в стилистике, и мы не можем не рассмотреть ее в нашем исследовании, к тому же метонимия также одно из самых встречаемых явлений в путеводителях.

Механизм переноса в случае метонимии объясняется изменением референции, расширением значения слова. Однако нам бы хотелось подчеркнуть, что в большинстве случаев роль метонимии в тексте состоит не в придании дополнительной выразительности и экспрессивности тексту, она используется для достижения краткости и большей динамичности описания.

Надо отметить, что метонимия довольно широко и часто используется авторами путеводителей, ведь она помогает придать языку лаконичность и емкость.

Примеры метонимии, встреченные нами в путеводителях:

«Por la niche toda Granada sale a las calles para disfrutar de

una bebida en la compañía de sus amigos»;

«Como regla, por los domingos en la ciudad es imposible encontrar ni un alma»;

«La colección del Museo del Prado cuenta con Tiziano, Rafael, Ribera, Goya, el Greco»;

«Mucha gente por todo el mundo considera Cervantes como la mejor pluma de la literatura Española»;

«A la mayoría de los españoles les gusta acompañar su cena habitual con un buen Rioja».

Еще один троп, часто используемый в испанских путеводителях это перифраз. В испанской стилистике перифраз – «es un tropo que consiste en designar una idea, objeto, fenómeno por medio de un rodeo o circunlocución» [4, 23]. То есть перифраз – это такой троп, который описательным образом выражает одно понятие с помощью других.

Частота его употребления в испанских путеводителях легко объяснима: авторы, используя перифраз, стараются избежать повторений при описании достопримечательностей, городов и туристических маршрутов. Ведь данный троп дает возможность авторам путеводителей указать читателям на тот или иной объект или явление, не называя его, таким образом, перифраз помогает разнообразить описания.

Примеры перифраза в путеводителях:

«En la ciudad de Gaudí es posible disfrutar de los paseos largos por las calles estrechas con los edificios más extraordinarios del mundo»;

«Toda Granada conserva el espíritu del gran poeta local asesinado en la Guerra Civil»;

«Es la tierra de los amantes del fútbol más apasionados, entusiasmados y ruidosos del mundo»;

«Considerado por muchos “la mejor pinacoteca del mundo”, este museo es, sino el mejor, uno de los más importantes centros artísticos de visita obligada en Madrid»;

«Conocer bien una la capital de España, con más de mil años de historia, es una tarea difícil y que lleva mucho tiempo».

Также, в испанских путеводителях нередко встречаются олицетворения. Олицетворение, это такой троп, при помощи которого авторы произведений «делали живыми» неодушевленные предметы и явления.

Во время анализа путеводителей олицетворения заинтересовали нас потому, что они довольно сильно воздействуют на эмоции покупателей, заставляя их выбрать не только путеводитель, но и место путешествия, особенно если автор «оживляет» город или целую страну.

Например, читая такие строки: «Y hoy Granada da la bienvenida a cientos de miles de visitantes cada año, con todas las puertas abiertas», турист на самом деле может почувствовать, что целый город ждет его приезда, особенно если подобные строки встречаются не один раз, а довольно часто, и на протяжении всего путеводителя.

Другие примеры олицетворения, которые мы нашли во время анализа испанских путеводителей:

«Ciudad de las Artes y las Ciencias de Valencia espera a los huéspedes de todas edades cada día»;

«El oído disfruta del continuo rumor de fuentes y acequias, una especialidad de los arquitectos...»

«Y por la noche Barcelona viva la vida completamente diferente, con numerosos bares y discotecas...»;

«Desde el Mirador de San Cristóbal se puede ver como el sol se despide con la cuidad»;

«Cuando la primavera pasa por Parque del Retiro le convierta en el lugar más popular entre los ciudadanos de Madrid»;

«... una piedra que, según la tradición, da marido en el mismo año a la mujer que la bese.»

Так же в испанских путеводителях можно встретить примеры употребления синтаксических и семантических фигур. Их используют не настолько часто как тропы, и они не всегда настолько же красочны, однако некоторые стилистические фигуры придают тексту путеводителей особый ритм и выразительность. Поэтому мы решили привести несколько примеров их употребления.

Наиболее часто встречаемой стилистической фигурой в путеводителях является сравнение, или «*símil*» в испанской стилистике. Также сравнения зачастую называют особой, упрощенной формой выражения метафоры, именно поэтому, на наш взгляд, данная фигура часто встречается в путеводителях. Она позволяет придать описанию пейзажа или города живописности, и при этом не требует той сложной техники образования, как метафоры, к тому же сравнения более просты и понятны для туристов:

«La Alhambra es como el sol para los granadinos y para los huéspedes de la cuidad»;

«Las aguas del río Turia rodeaban la ciudad de Valencia como el verdadero anillo»;

«La Gran Vía es como arteria más representativa de Madrid, no sólo desde el punto de vista urbanístico, sino por el papel social...»

«Hoy en día Barcelona es cosmopolita, emprendedora, tolerante y populosa como la segunda capital de España.»

Еще одним интересным стилистическим приемом является градация, она не сильно распространена в испанских путеводителях, но мы решили рассмотреть ее из-за выразительных свойств, которыми она обладает.

Авторы путеводителей используют градацию из-за ее способности создавать довольно эмоциональную «атмосферу» с возрастающей или нисходящей экспрессивностью. Ведь это достаточно непростой, но более действенный способ выразить, подчеркнуть и сделать акцент на ту или иную идею, который также дает авторам путеводителей уверенность, что она долго останется в умах туристов, например:

«Madrid está abierto para todo el mundo, para gente diferente, para ti», на наш взгляд данное предложение, взятое нами из одного из путеводителей по Мадриду, способно воздействовать на эмоциональную сторону читателей гораздо сильнее и запоминается на большее время, чем предложение «Madrid está abierto para ti». Также мы хотим привести еще несколько примеров градации:

«Con nuestro guía tú podrás descubrir todas las calles, todas las plazas, toda la cuidad»;

«Pasar un día en una de las playas de Barcelona significa pasatiempo divertido, descanso bueno y experiencia inolvidable»;

«Con respeto y amabilidad, en Barcelona encontrará buenos compañeros, vecinos y amigos para toda la vida».

Нам бы хотелось проанализировать еще один пример употребления синтаксических и семантических фигур в

путеводителях по городам Испании. Один из путеводителей по Гранаде начинается с очень красивых строк о городе:

«Al pasado. Al futuro.

A la fusión. A la mezcla.

Al Norte. Al Sur.

A la historia . A la vanguardia.

A la noche . Al día.

Al cuerpo. A la mente.

Abierta todo el año.

Abierta al mundo.

Granada.»

Такое поэтическое начало сразу же бросается в глаза туристам, решившим выбрать данный путеводитель. Приведенные нами строки, за исключением двух последних, построены на антитезе – стилистической фигуре, заключающейся в резком противопоставлении между собой идей, явлений, предметов. Посредством ее употребления автор достигает яркого, контрастного описания Гранады, перед читателем предстает город, который может предложить различные варианты отдыха.

Также для написания этих строк были использованы такие стилистические фигуры как параллелизм, его особенность состоит в том, что два или более фрагмента текста имеют одинаковую синтаксическую структуру, и парцелляция, которая состоит в намеренном разделении связанного текста на несколько самостоятельных отрезков. Данному фрагменту текста использование этих стилистических фигур придает особенный поэтический ритм, благодаря ему эти строки можно прочитать как стихотворение. На наш взгляд, использование подобных средств выразительности, особенно в начале путеводителей, не может не заинтересовать предполагаемых туристов.

В заключение нам бы хотелось еще раз отметить, что авторы путеводителей используют тропы и стилистические фигуры для украшения текста, для придания ему изящества, потому что выразительный, богатый и красивый язык, несомненно, привлечет больше потенциальных покупателей к данному путеводителю, ведь текст, написанный таким языком, гораздо приятней и интересней читать.

Однако нельзя не заметить и то, что чрезмерное использование художественных фигур речи может также плохо отобразиться на тексте путеводителя и усложнить его для прочтения и поиска необходимой информации.

Ссылки:

1. Кубаева Ф.Р. О когнитивно-семантических параметрах сочетаемости признаков слов с существительными в перенесённом эпитете. // Вестник Пятигорского Государственного Лингвистического Университета. - 2009. - №1. - С. 111-114.
2. Свионтковская С.В. К вопросу о когнитивных основаниях метафоры в различных типах дискурса: (на материале испанского языка) // Университетские чтения - 2010, 14-15 января 2010 г.: [материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ]. - Пятигорск: ПГЛУ, 2010. - С. 181-185.
3. Петровский М. Л. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. П—Я. — Стб. 984—986.

4. Шишкова Т.Н., Попок Х.-К. Л. Estilística de la lengua española. – Минск: «Вышэйшая школа», 1989 г. – 136 с.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»

Цынк Светлана Владимировна,
кандидат
филологических наук, доцент
Димитровградского
инженерно-технологического института –
филиала Научно-исследовательского
ядерного университета «Московский
инженерно-физический институт»,

Tsynek Svetlana Vladimirovna Candidate of Science, assistant professor of Dimitrovgrad engineering and technological Institute – branch of the National Research Nuclear University (Moscow Engineering Physics Institute)

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена изучению окказиональных наречий исторического очерка А. И. Солженицына «Двести лет вместе». В статье дано описание компонентов анализа лексических окказионализмов как элементов идиолекта и идиостиля творца. Автор приходит к выводу, что исследуемые в работе окказиональные наречия являются одним из важнейших средств передачи мировидения А. И. Солженицына.

Ключевые слова: лексические окказионализмы, окказиональные наречия, элементы идиолекта и идиостиля автора, А. И. Солженицын.

Лексические окказионализмы – это единицы, которые чаще всего возникают в результате комбинации узуальных аффиксов и основ в соответствии со словообразовательной нормой или в противоречии с ней.

Цель нашей работы – проанализировать лексические окказионализмы (наречия) как элементы идиолекта и идиостиля А. И. Солженицына.

Как мы уже отмечали, «А. И. Солженицын склонен к словотворчеству по самой природе своего писательского дара» [6, 7]. В историческом очерке «Двести лет вместе» он использует 30 окказиональных наречий.

Анализ, дающий возможность охарактеризовать окказиональные слова как элементы идиолекта и идиостиля автора, включает компоненты:

- 1) Нахождение узуальной мотивирующей основы.
- 2) Описание деривационного средства.
- 3) Выявление способа словообразования, при помощи которого создан окказионализм.
- 4) Построение деривационной модели, продуктом которой является новообразование.
- 5) Определение окказиональности или узуальности деривационной модели, по которой образован окказионализм.
- 6) Выявление причин, по которым автор создает новообразование.
- 7) Формулирование значения авторского слова.
- 8) Определение того, какую функцию выполняет окказионализм в тексте произведения.
- 9) Выявление экспрессивных возможностей индивидуально-авторского слова.

Окказиональные единицы являются производными, т.е. вторичными по отношению к тому слову, от которого они образованы. Так, наречия бессудно, встречно, готовно, глубинно, гробово, досадливо, добавочно, крайнее, изморочно, искажительно, лазурно, многожёлчно, многочис-

ленно, наивно, напроломно, неотклонимо, неохватимо, неупускаемо, обещательно, обоесторонне, отметно, охватно, переклонно, поёжисто, потребно, привременно, равномерно, роково, сквозно образованы при помощи суффикса –о(-е-) от имен прилагательных: бессудный, встречный, готовный, глубинный, гробовой, досадливый, добавочный, изморочный (гипотетическое слово), искажительно [1, 2, 48], крайний (окказионализм А.И.Солженицына), лазурный, многожёлчный [1, 2, 335], многочисленный, наивнейший, напроломный (гипотетическое слово), неотклонимый [1, 2, 526], неохватимый (гипотетическое прилагательное), неупускаемый (гипотетическое слово), обещательный, обоесторонний [1, 2, 609], отметный [1, 2, 738], охватный, переклонный [1, 3, 58], поёжистый (гипотетическое слово), потребный, привременный [1, 3, 405], равновесный, роковой, сквозной.

Тип , по которому построены анализируемые наречия, является высокопродуктивным [3, 398]. Каждый из указанных окказионализмов имеет словообразовательные аналоги среди канонических слов, структура и значение их прозрачны и даже не нуждаются в контексте. Непрофессионалы вряд ли выделят их из массы канонических слов текста.

Функции новообразований зависят от авторского замысла. Наречия бессудно и встречно выполняют характеризующую и номинативную функции. Примеры:

1. Приводит и Короленко случай, как мельники Аронов и Миркин были бессудно расстреляны за то, что нарушили несуразную коммунистическую цену на муку [5, 131-132]

2. И численностью и настроением одесских отрядников – и, встречно, ожесточением полиции – ход событий здесь отличался от киевского [4, 390].

1. Но – и встречно же: евреи имели в России предреволюционных десятилетий мощнейшую заединую поддержку прогрессивного общества [4, 460].

2. И – сочувственнее пишу, чем, встречно, многие евреи пишут о русских [5, 475].

Слово готовно абсолютно не способно «стариться», подвергаться исторически обусловленным изменениям, для него, так же как и для других окказионализмов, характерна «одномоментность» существования:

1. Оно готовно втягивалось в это политическое кипение, уже и без различия классов и партий [4, 352].

2. Такой взгляд был готовно усвоен и годами громко возглашался: « право эмиграции – первейшее из прав человека»... [5, 497].

При помощи слов глубинно, добавочно, досадливо писатель пытается избежать синтаксического усложнения текста и его громоздкости, обойтись без вставочных конструкций:

1. При описании тех лет мы естественно так много черпаем от этих людей, с верой, что их горькие, но совсем не «самоненавистные» мысли могут быть наконец поняты, осмыслены – глубинно [5, 182].

2. Да если кому осталось неясно, то революционный трибун разъясняет и добавочно: «Пути борьбы» с антисемитизмом – «ясны» [5, 230].

3. ...это бурное участие евреев в коммунистической революции стало досадливо или опасливо замалчиваться, укрываться... [5, 81].

Окказионализмы изморочно, искажительно, закрайне выполняют функцию характеристики (предикации):

1. Не посторонний заговор был, что по четыре министерства не могли рассудить, кому же из них принадлежит какое-нибудь дело, и годами изморочно прокручивали его по четырем кругам, ещё в каждом от помощника столоначальника до министра [4, 415].

2. Однако и русские ведущие большевики так же не были русскими по духу, часто именно антирусскими, и уж точно антиправославными, в них широкая русская культура искажительно преломилась через линзы политической доктрины и расчётов [5, 75].

3. Весной 1911 Пуришкевич, рьяно участвуя в травле падающего Столыпина, предлагал в Думе закрайне: «Евреям строжайше воспрещается занятие в Империи каких-либо должностей в области государственного управления...» [4, 433].

Производные слова многочисленно, наивно именно в тексте проявляют свой конструктивный характер:

1. Не менее отметно, что после Октября и другие социалистические партии – эсеры и меньшевики, как мы знаем, имевшие евреев многочисленно в своем руководстве, - не стали каменной стеной против большевизма [5, 109].

2. Сопоставляя всё представленное выше, наивно будет заключить, что среди русской интеллигенции одновременно текли... два процесса, и по отношению к еврейству отличались они темпераментом, а вовсе не степенью доброжелательства [4, 472].

Слова напроломно, неотклонимо, неохватимо служат средством выражения отношения автора к действительности:

1. Большею частью вели себя несоразмерно истинному соотношению своих сил и слабостей, действовали на-

проломно и тщетно...

[4, 432].

2. А из него неотклонимо вытекало уравнение евреев во всех правах [4, 433].

1. Он был неохватимо громоздок: вызывалось 219 свидетелей... и ещё затягивался борющимися сторонами... [4, 448].

Окказионализмы неупускаемо, обещаательно, обоесторонне, равновесно сохраняют свою новизну, ощущаются как новые независимо от времени своего создания. Это обусловлено их системной, запрограммированной неправильностью:

1. Неупускаемо призвести и всеобщую точную перепись населения под ответственность кагальных старейшин [4, 54].

2. На последнем перед тем съезде РСДРП... правда общем с меньшевиками, из 302-305 делегатов число евреев уже обещаательно перевалило за 160... [5, 76].

3. Всё это возродило для советских евреев эпоху надежд, и могло быть очень обещаательно для них укрепление Берии, - но он был вскоре свержен [5, 411].

4. Я не терял надежды, что найдется прежде меня автор, кто объемно и равновесно, обоесторонне осветит нам этот калёный клин [4, 5].

Неправильность окказионализма отметно совершенно оправдана, поскольку он является «художественным произведением в предельном минимуме своего выражения» [2, 78]:

1. Не менее отметно, что после Октября и другие социалистические партии – эсеры и меньшевики, как мы знаем, имевшие евреев многочисленно в своём руководстве, - не стали каменной стеной против большевизма... [5, 109].

2. Отметно и другое: как легко многие из тех народников расставались с Россией, которую незадолго перед тем намеревались спасти [4, 225].

3. Ещё отметно: присяга евреев перед гражданским судом произносилась без соблюдения требований иудейской религии [4, 161].

Неправильность окказионализмов охватно, переклонно, потребно, сквозно едва уловима, вызывает скорее ощущение необычности:

1. Перечислять все имена, на всех важных, часто решающих, постах – никому не охватно [5, 87].

2. Либо, с другой стороны: кто из русских перед евреями об этой взаимной проблеме писал – то большей частью запальчиво, переклонно, не желая и видеть, что бы за честь другой стороне в заслугу [4, 5].

3. Потребно было обильное техническое снабжение, передовое оборудование, сотрудничество опытных в этой технике специалистов... [5, 278].

4. А ещё по-настоящему в нём болело и сквозно пронизывало его песни – чувство еврейского сродства и еврейской боли... [5, 451].

Наречие привременно встречается в тексте исторического очерка в трех контекстах, которые ярче высвечивают его смысл:

1. Это – крупное историческое явление, не осмысленное привременно ни русским обществом, ни россий-

ской администрацией [4, 146].

2. Привременно отозвался Леонид Андреев: « наше пресловутое «варварство», в котором обвиняют нас ... все целиком и исключительно основано на нашем еврейском вопросе и его кровавых эксцессах» [4, 486].

3. По секретности советских внутрипартийных движений – привременно никто не был осведомлен, что уже с конца 1942 года в аппарате Агитпропа наметились негласные усилия потеснить евреев из таких центров искусства, как Большой театр, московская Консерватория, московская филармония... [4, 392].

Слова гробово и лазурно выполняют изобразительно-выразительную функцию:

1. И все советские перья (а среди них куда немало еврейских) гробово промолчали об этом ледяном Уничтожении российского крестьянства [5, 306].

2. Таково оказалось скорбное приобретение всех народов России, в том числе российского еврейства, после столь удачно обретенного равноправия, после Революции, лазурно начавшейся в марте Семнадцатого года [5, 159].

Лексемы многожёлчно и поёжисто сконструированы автором для выполнения идейно-эстетической функции:

1. Но когда началась еврейская эмиграция – обличения России бесстесненно и многожёлчно разлились на вольном Западе: среди выехавшей еврейской интеллигенции то была обильная струя, и столь шумно говорливая, что других голосов долго было и не слышать [5, 457].

2. Хорошо писать циркуляры в глубинных канцеляриях – а как поёжисто выходить перед разгневанным парламентом (Солженицын: 2001, 502).

Окказиональное слово роково требует так называемых формирующих, созидающих контекстов:

1. В этом ряду она роково опаздывала также и: пересмотреть реальные условия черты оседлости и как они влияют на положение в государстве [4, 305].

2. Весьма нуждалось, но, как видим, роково и неотвратимо вошло в атмосферу вражды к евреям, а затем не предотвратило и погромов [5, 154].

Своеобразный облик лексемы громковещательно об-

ращает внимание на его семантику. Это сложное наречие состоит из наречия « громко», основы имени прилагательного «вещательный», а также словообразовательного форманта –о- и совмещает в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи (РГ: 1982, 398). «Вещательный» - образование от глагола «вещать», т.е. передавать для массовой информации. Функция, которую выполняет в тексте авторский неологизм громковещательно, – речетворческая:

Однако сперва, по его обычаю: круто – а не громковещательно, коренным образом – а внешне движениями лишь малыми и побочными [5, 398].

Окказиональные наречия в тексте исторического очерка помогают автору донести до читателя свое мироистолкование. А И. Солженицын мыслит образами, имеющими материальное воплощение в новообразованиях, что помогает возникновению креативных эффектов суггестии и выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ТЕРРА, 1994. Т.2 – 780 с. Т.3. – 556 с.
2. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Наука, 1976. – 413 с.
3. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. Т.1. – 783 с.
4. Солженицын А. И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. Т.1. – 512 с.
5. Солженицын А. И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. Т.2. – 552 с.
6. Цынк С. В. Лексические окказионализмы (имена существительные) в произведении А. И. Солженицына «Двести лет вместе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. №1. С. 5-10.

МОДАЛЯЦИЯ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шигуров Виктор Васильевич

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

THE MODALATION OF VERBS IN RUSSIAN LANGUAGE

Shigurov Victor Vasilievich Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department N. P. Ogarev Mordovia State University

АННОТАЦИЯ

Исследован процесс и результат транспозиции языковых единиц из класса глаголов в межчастеречный разряд вводно-модальных слов и выражений в русском языке. На примере форм 2-го лица индикатива и императива рассмотрены причины, предпосылки, условия, ступени и предел функциональной и функционально-семантической модальности глаголов.

ABSTRACT

It explored the process and the result of the transposition of linguistic units from the class of verbs in between-class-of-words discharge input-modal words and phrases in the Russian language. By the example of forms of the 2-nd person of indicative and imperative discussed reasons, prerequisites, conditions, steps and limit of functional and functional-semantic modalization of verbs.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, глагол, модальность, синкретизм.

Key words: Russian language, grammar, transposition, verb, modalization, syncretism.

Постановка проблемы. Одной из важнейших задач современного языкознания является создание транспозиционной грамматики русского языка, где должны быть исследованы разные типы транспозиции языковых единиц в системе частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных единиц; их отношение к грамматике и лексике; лингвистические и экстралингвистические причины, семантические и морфологические предпосылки, синтаксические условия, признаки, ступени и предел категориального перерождения слов и словоформ.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема переходности и синкретизма на уровне частей речи издавна привлекает к себе внимание исследователей (см. труды российских ученых – А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Ю. Д. Апресяна, Ю. Л. Воротникова, В. Н. Мигирова, Е. С. Кубряковой, В. Г. Гака, В. В. Бабайцевой, Л. Л. Буланина, Л. Д. Чесноковой, Е. П. Калечиц, М. Ф. Лукина, В. В. Шигурова и др.). Типы взаимоперехода и взаимодействия частей речи в рамках теории транспозиции (трансляции, конверсии, деривации) были предметом рассмотрения в трудах зарубежных лингвистов (А. Сеше, Ш. Балли, Л. Теньер, Е. Курилович, Г. Маршан и др.). Не обделено вниманием ученых и явление модальности, разные аспекты которого обсуждались в исследованиях В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Г. В. Колшанского, В. З. Панфилова, В. В. Бабайцевой, А. Г. Руднева, А. И. Аникиной, А. М. Мухина, В. Н. Мигирова, О. М. Ким, А. Я. Баудера, И. В. Высоцкой, Т. И. Муковозовой, Е. Н. Ореховой, В. В. Шигурова и др.

Обращает на себя внимание то, что в большинстве работ по переходным явлениям в области частей речи объектом анализа служат лишь ясные, по выражению Л. В. Щербы, случаи; колеблющиеся же при этом либо вообще не затрагиваются, либо получают одностороннюю, а потому неточную грамматическую квалификацию. Процесс модальности в этом смысле не исключение: многие случаи ступенчатой транспозиции языковых единиц из разных частей речи в модальные слова и выражения не получи-

ли должного освещения в научной литературе или трактуются односторонне. В действительности же здесь очень большое количество переходных, синкретичных структур, совмещающих в разной пропорции признаки сразу нескольких частей речи [21–25].

Исследование модальности глаголов убеждает в том, что данный тип транспозиции также имеет ступенчатый характер. Степень отхода от системы глагола и приближения к модальным словам у финитных форм на разных этапах модальности различна. При этом вводно-модальный тип употребления русских глаголов имеет функциональный или функционально-семантический характер, сопровождаясь в последнем случае нарушением смыслового тождества исходной глагольной лексемы.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Не до конца ясны в современной теории транспозиции причины, предпосылки, условия и признаки модальности финитных форм глаголов. Почти не затронут вопрос о «включенности» русских глаголов одновременно в несколько транспозиционных процессов на уровне частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений, с градацией типов транспозиции на основные (доминирующие) и второстепенные (сопутствующие) [20].

Целью статьи является исследование типов употребления русских глаголов в форме 2-го лица индикатива и императива в контекстах «чистой» модальности, а также совмещенной с конъюнкционализацией, партикуляцией и интеръективацией; определение ступеней и предела модальности глаголов; разработка критериев дифференциации грамматических и лексико-грамматических омонимов, синкретичных структур, синтезирующих в разной степени признаки взаимодействующих классов слов и разряда вводно-модальных слов и выражений.

Изложение основного материала. Исследование транспозиционного механизма модальности глаголов свидетельствует о том, что среди вводно-модальных слов и выражений весьма специфическую группу образуют словоформы, соотносительные с глаголами 2-го лица ед. и

мн. ч. изъявительного и повелительного наклонения. Речь идет о модалаятах, возникших на базе глагольных индикативов (иногда с частицей *ли*) типа *видишь (ли) / видите (ли)*; *веришь (ли) / верите (ли)*; *поверишь (ли) / поверите (ли)*; *понимаешь (ли) / понимаете (ли)*; *представляешь / представляете*; *посмотришь / посмотрите (1)* и императивов типа *вообрази / вообразите*, *заметь / заметьте*, *извини / извините*, *изволь / извольте*, *кажись*, *прости / простите*, *поверь / поверьте*, *позволь / позвольте*, *поди, пожалуйста*, *посуди / посудите (сами)*, *судите (сами)*, *представь / представьте (себе)*, *смотри / смотрите*, *гляди / глядите*, *согласись / согласитесь*, *считай / считайте* и нек. др. (2)

Ср. контексты их вводно-модального употребления:

(1) *Видишь ли, Чита имеет сепаратный торговый договор с Японией.* (С. Довлатов. *Наши*); *Их держать надо внаги, иначе всё пухом-прахом пойдёт! Держаться надо нам, понимаешь, держаться!* (Б. Екимов. *Пиночет*); *И вот, представляете, сидят в первом ряду отец и мать, на сцене хор, впереди полукругом женщины, за ними на скамейках, чтобы быть повыше, – мужчины, все с хорошими голосами, объявляется номер и "солистка Дина Ивановская", и Дина выходит вперёд, девочка, каких нет; на юге, знаете, девочки быстро развиваются, – высокая, стройная, с чёрными волосами, заплетёнными в две толстые косы, с синими глазами, и начинает петь, и зал замирает, и даже хулиганы, которым в клубе только бы пошуметь, и те сидят как замороженные* (А. Рыбаков. *Тяжелый песок*); *Ко мне, поверишь, такие люди приходят, что раньше пуговицы не брали чужой, и говорят: «Байрам, давай пойдём украдем что-нибудь»* (М. Гиголашвили. *Чертово колесо*); *А другому, посмотришь, ничегошеньки не надо: куда-нибудь придет...* (В. Шукшин. *Хахаль*);

(2) *Такая, представьте, строчка: "Напрасно я бегу к сионским высотам..."* (Ю. Давыдов. *Синие тюльпаны*); *Народ там представлял все спектры культурной революции: древние поэты «бита» вроде Гинзберга и Фирлингети – вообрази, им было уже за сорок!* (В. Аксенов. *Новый сладостный стиль*); *Я же знаю, – продолжал он беззаботно, – раньше вы работали и лучше и чище, сознаюсь, мы вас боялись, ну а теперь, посудите, чего вас бояться?* (Ю. О. Домбровский. *Обезьяна приходит за своим черепом*); *Такое, согласись, в нашей практике мы видим впервые...* (Д. Рубина. *Белая голубка Кордовы*); *Дочь, пожалуйста, была в его жизни главной заботой, большей проблемой, чем даже жена* (В. Быков. *Бедные люди*).

При транспозиции в вводно-модальные единицы указанные глаголы могут сближаться также с эмотивными и этикетными междометиями (3) и входить в состав устойчивых оборотов; ср. также: *извольте видеть*, *черт побери*, *черт возьми* (4).

(3) (а) *Он, видите ли, не хотел никого обременять своим горем* (А. Волос. *Недвижимость*) (транспозиция в вводно-модальные слова и эмотивные междометия);

(б) *Ко мне застенчиво приблизился мужчина в тирольской шляпе: – Извините, могу я задать вопрос? – Слушаю вас* (С. Довлатов. *Заповедник*) (транспозиция глагольного императива в вводно-модальные слова и этикетные междометия);

(4) *Вот, – сказал отец, указывая на плоеный воротничок,*

– он, извольте видеть, не желает помогать мне в лавке, а намерен учиться (М. А. Булгаков. *Жизнь господина де Мольера*) (транспозиция устойчивого оборота в вводно-модальные выражения и эмотивные междометия).

Модалаяция финитных глаголов в форме 2-го лица имеет как чисто функциональный, так и функционально-семантический характер. Очевидно, что при грамматической транспозиции в вводно-модальные слова и выражения глаголы типа *представьте* не нарушают смыслового тождества слова. Исходное и конечное звенья модалаяции связаны в таких случаях с двумя типами употребления одной и той же лексемы – собственно глагольным (5) и вводно-модальным (6) (см., напр. [13, с. 371 – 372]):

(5) *Представь себе ... кого бы? Ну, хоть меня – немного помоложе; Влюбленного* (А. С. Пушкин. *Моцарт и Мольери*) (*≈* *вообрази*);

(6) *Живут в Ленинграде, представь, в той же квартире, где она когда-то жила у родных* (В. Гроссман. *Все течет*); *Эпштейн даже, представь себе, познакомил меня на той неделе со своей мамой!* (М. Шишкин. *Венерин волос*) (функция привлечения внимания слушателя к сообщаемому).

В примере (6) представлен вводно-модальный тип употребления формы 2-го лица ед. числа глагола *представь*, не связанный с образованием новой лексической единицы-омонима. Иначе обстоит дело с функционально-семантическим типом модалаяции форм 2-го лица типа *поди, пожалуйста*, в результате которого образуются не только грамматические, но и лексические омонимы. Ср. контексты модалаяции:

(7) *«Поди сюда», – поманил я её на улицу и сказал, что у Славы большое горе...* (В. Астафьев. *Обертон*) (глагольный императив со значением побуждения к действию) --> *А фельдъегерь, поди, на Большую рогатку выскочил, по Московскому тракту гремит* (Ю. Давыдов. *Синие тюльпаны*) (отглагольный модалаят с субъективно-модальным значением предположения);

(8) *Чин чина почитай, а меч свой пожалуйста нам* (Н. А. Полевой. *Клятва при гробе Господнем*); *Ну, Феоклист Сидорович, пожалуйста мне руку* (П. А. Плавильщиков. *Сговор Кутейкина*); *Только пожалуйста мне с этого портрета копию!* (Н. В. Кукольник. *Леночка*) --> *Пожалуй, в таких тихих приморских городах все семьи должны быть счастливы* (А. Дорофеев. *Эле-Фантик*).

Утрату лексической и грамматической семантики глаголов можно наблюдать и в синкретичных контекстах переходности: при одновременной включенности глагольных словоформ в два транспозиционных процесса – модалаяцию и интеръективацию. Ср.:

(9) *Знаете ли вы, юноша, что сообщает человеку энергию жизни?* (В. Левашов. *Заговор патриота*) --> *«Ну, знаете ли, господа, что же еще оставалось делать этому малому?»* (В. Аксенов. *Новый сладостный стиль*);

(10) *Все эти годы меня тревожило одно: понимаешь ли ты меня, мой город, понимают ли меня твои граждане?* (А. Вознесенский. *На виртуальном ветру*) --> *«Тело им нравится, понимаешь ли!»* – тихо добавила Нина Владимировна (А. Житков. *Супермаркет*).

Такие формы, по мнению В. В. Виноградова, представ-

ляют промежуточный тип между категорией модальности и междометиями (см. [4, с. 606]). Особенность форм изъявительного и повелительного наклонения глаголов знаешь (ли), видишь (ли), веришь (ли), извините состоит в том, что при перерождении в модальные слова они приобретают контактоустанавливающую функцию. Говорящий использует их в диалоге с целью возбудить внимание собеседника, подчеркнуть что-то важное, вызвать определенное отношение к передаваемой информации. Образования такого типа постепенно превращаются в новые слова и совсем отделяются от глагольных лексем. В этом плане примечательны, например, модальные единицы знаешь / знаете (ли), полностью порвавшие семантическую связь с исходным глаголом знать (см. [4, с. 606]).

В классических работах по русской грамматике возникновение вводно-модальных слов типа знаешь связывалось с процессом редукции целых предложений. Так, А. М. Пешковский [11, с. 371], например, отмечал, что вводные слова вроде знаешь образовались от так называемых вводных предложений (Ты знаешь...). Он предлагал объединить глагольные формы 2-го лица индикатива и императива в позиции вводности в одну из трех выделенных им семантических групп (черт возьми, знаете, понимаете, видите ли), которая показывает, как «говорящий относится к своей мысли: верит ли он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он ее осуществления или нет и т. д.» [11, с. 371]. А. А. Шахматов [14, с. 266–267 и др.] детализировал круг отглагольных вводно-модальных слов данного морфологического типа, связав их образование с редукцией односоставных определенно-личных бесподлежащих предложений. Им были выделены вводные слова, выраженные личными формами глаголов 2-го лица ед. и множ. числа двух наклонений – изъявительного [веришь (ли), помотришь, знаешь / знаете (ли), видите (ли), верите (ли) / поверите (ли) и др.] и повелительного [послушайте, простите, пожалуй, поди и нек. др.]. А. А. Шахматов отметил и случаи фонетической трансформации (усечения) ряда вводно-модальных единиц глагольного типа: ведаешь --> ведашь, слышишь --> слышь, видишь --> вишь, байшь --> бишь, не бойся --> небось (см. [14, с. 266, 269]). В. В. Виноградов [4, с. 606] также усматривал в случаях типа веришь ли, помотришь, знаешь, видите ли превращение глагольных предложений в вводные слова и синтагмы, выделяя особый смежный тип модальных слов и устойчивых словосочетаний, при помощи которых можно подчеркнуть экспрессивный, эмоциональный характер речи. Среди них выделяются идиомы типа шутка сказать, не в обиду будь сказано:

(11) Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь сней, кислая, переваренная (А. П. Чехов. Иванов)

Ясно, что глагольная форма 2-го лица императива будь сказано не имеет в такой вводной страдательной конструкции значения побуждения и может быть заменена на синонимичную форму 3-го лица индикатива будет сказано. Ср.

(12) Но в «Нью-Джерси» существовали совсем другие понятия о хоккее, тем более, не в обиду будет сказано, по классу «Дэвилс» были далеки от той команды, из

которой я ушел (В. Фетисов. Овертайм).

Среди модальных слов, соотносительных с безличными формами глаголов вроде разумеется, кажется, В. В. Виноградовым [4, с. 82] упомянуто и модальное слово кажись (с пометой «областное, народное»), которое утратило и семантическую, и грамматическую связь с исходным глаголом в формах 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Ни о какой глагольности этого вводно-модального слова говорить не приходится. Ср. лексические и грамматические омонимы:

(13) Ты не большевик – кажись им, ты не патриот – кажись им! (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые); Милый мой, в costume старом На глаза мне не кажись: Ведь построили недаром Мы зажиточную жизнь (Н. П. Колпакова. Терский берег) (глагол в форме 2-го лица повелительного наклонения).

(14) Да там мотор перегорел, и с тех пор, кажись, не чинили (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); А чего, скажи на милость, кажешь, коли ни одного клыка, кажись, не осталось? (Л. Уварова. Пора ехать); Вот так и всегда бывало: кажись, уже конец, больше не подняться, но пересилил себя, встал, двинулся, пошатываясь, а там и укрепился на земле, вернул себе стройный человеческий образ, вновь крепки кости, вновь бьется мысль и закипают в груди чувства, и рука тянется к перу (Ю. М. Нагибин. Злая Квинта) (отглагольное вводно-модальное слово со значением предположения).

В исследовании О. М. Ким предпринята попытка разграничения функциональной и функционально-семантической модальности глаголов в форме 2-го лица ед. и мн. числа [6, с. 36]. Согласно автору, модальные слова типа видишь (ли), знаешь (ли), извините являются результатом синтаксической транспозиции глаголов, т. е. их употребления в особой функции вводности. В то же время вводно-модальные слова вроде поди, пожалуй, по О. М. Ким, уже не могут быть осмыслены в аспекте транспозиционной производности, поскольку являются лексическими омонимами глаголов в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Думается, что для такого вывода достаточных оснований нет. Транспозиция глаголов имеет место в обоих случаях, хотя степень семантического отхода модалита от исходного глагола действительно неодинакова: в одних случаях она меньше, например при употреблении глагольных словоформ в контактоустанавливающей функции [15]), в других – больше, например при употреблении модалита поди в значении предположения [16]). Ср.:

(15) «Да что ты знаешь про боль?» – вскрикнул лейтенант (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) --> Так оно вроде, знаешь, все одно и то же, хоть волком вой (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней);

(16) Ухмыл, ты поди с ним, скажи, что делать... (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце) --> В лесу без спичек с ребенком делать нечего, а назад, поди, уже добрые шесть часов ходу (З. Прилепин. Лес).

Что касается утверждения О. М. Ким о чисто синтаксическом характере транспозиции императива извините в

модальные слова, то с ним трудно согласиться. Дело в том, что в функции вводности данная словоформа находится в зоне взаимодействия не только с модальным словом, но и с этикетным междометием и потому в известной мере отходит от смысловой структуры глагола:

(17) Извините, вы, случайно, не из России? (Д. Каралис. Роман с героиней) (гибрид, совмещающий свойства модального слова, используемого для привлечения внимания, и этикетного междометия, эксплицирующего формулу извинения).

Определяя вводно-модальные слова как особый класс лексем и словоформ, оторвавшихся от парадигм соответствующих частей речи, М. В. Ляпон замечает, что отглагольные формы 2-го лица индикатива и императива входят в число языковых средств, при помощи которых говорящий может акцентировать разные аспекты излагаемого с целью привлечь внимание слушающего или вызвать ту или иную его реакцию на информацию (представьте, послушайте, заметьте, согласитесь, не поверите и др.); определять степень достоверности передаваемой информации (пожалуй); выражать эмоциональные оттенки неодобрения, осуждения и т. п. (помилуйте) (см. [9, с. 39 – 40]).

В академической «Русской грамматике» [12, с. 229] у вводно-модальных слов рассматриваемого типа выделяются: а) значение акцентирования (подчеркивания, выделения) в сочетании с усилением и обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника [напр.: представь (себе) / представьте (себе), поверьте, поверишь (ли) / поверите (ли), вообразите, согласись / согласитесь, заметь / заметьте, знаешь / знаете, понимаешь / понимаете] [18]; б) значение допущения (пожалуй, если хотите) [19]; в) значение независимости от чего-либо, противопоставленности (как ты хочешь) [20]. Ср.:

(18) А мне, юноша, представьте себе, даже забавно было! (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь); Мама, поверьте, мне не нужно ничего лишнего! (А. Алексин. Раздел имущества);

(19) «А Дима, пожалуй, прав, – согласилась Клава. – Могут и не пустить» (А. И. Мусатов. Клава Назарова); Странная формулировка. Если хотите, да. Разлезлось (И. Грекова. Перелом);

(20) Ведь если душа бессмертна, то с тебя спросится на том свете: что же ты, гад такой, сделал с твоей единственной и неповторимой земной жизнью, которая, как ты хочешь, является пропуском в мир иной?! (В. Пьецух. Бог в городе).

Обращено также внимание на то, что модальные слова типа знаешь, понимаешь могут утрачивать в позиции вводности свои глагольные лексические значения и выступать в качестве пустых вставок, фиксирующих затрудненность или поиск выражения мысли:

(21) Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость (А. И. Куприн. Гранатовый браслет); Знаете, такой любовью, которая... ну, которая... словом... святой, чистой, вечной любовью... неземной... (Там же).

В «Краткой русской грамматике» [7, с. 504 – 505] круг субъективно-модальных значений у глагольных форм

2-го лица индикатива и императива (как одиночных, так и в составе идиом) значительно расширен и детализирован. Здесь представлены такие значения, как: а) согласие с чьей-либо точкой зрения (ничего не скажешь) [22]; б) опасение (не дай бог) [23]; в) оценка сообщаемого с точки зрения достоверности (пожалуй) [24]; г) указание на приблизительность выражения мысли (если хотите) [25]; д) оценка стиля, манеры речи (простите, извините, не в обиду будь сказано) [26]; е) обращение к адресату с целью привлечь его внимание к чему-либо (заметьте, обратите внимание) [27]; ж) установление коммуникативного контакта (послушай / послушайте) [28]; з) заполнение паузы, во время которой говорящий ищет подходящее выражение, отвечая на вопрос собеседника (видишь (ли) / видите (ли), понимаете, знаете) [29]; и) воздействие на мнение, волю и эмоции адресата в том или ином направлении, например выражение желания убедить, вызвать доверие (поверьте) [30]; й) призыв к сопереживанию, к согласию (вообразите, посудите сами, согласитесь, можете себе представить) [31].

Ср. типовые контексты употребления отглагольных модальностей:

(22) «Н-да-а, – задумчиво протянул Мышкин. – Славные сюжеты, ничего не скажешь. Однако же прямой связи с нашим случаем как будто не просматривается, так? (В. Белоусов. Жил на свете рыцарь бедный);

(23) Не дай Бог, со мной что-нибудь случится, и о нем ведь совершенно некому будет позаботиться, я не представляю, что с ним случится! (Д. Глуховский. Метро);

(24) Лаборатория на Урале была, пожалуй, единственным местом, защищенным от террора Лысенко, местом, где жила научная генетика (Д. Гранин. Зубр);

(25) От устья его пойдёте вверх по Аргуту левым берегом, считайте так – километров шесть, и здесь, справа по ходу, окажется небольшой ключ или речка, если хотите (И. А. Ефремов. Озеро горных духов);

(26) «С помощью грубой физической силы и мерзких оскорблений свои отношения выясняют, простите, только закоренелые преступники», – говорил пугливо начмед (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней);

(27) Но как близка, заметьте, интонация Пушкина лирике Сергея Есенина! (С. Довлатов. Заповедник);

(28) Послушайте, Зина, за что вы меня так ненавидите? (И. Грекова. Перелом);

(29) Видите ли, коллега (в первый раз меня здесь называли коллегой, и я испугалась), мне по вашему поводу звонил доктор Чагин, мой однокашник (улыбка, складки заколыхались) (И. Грекова. Перелом);

(30) Птички в ушах – это прекрасно, благородно. Но это, поверьте, не вся жизнь. Есть рестораны, кафе, столовые и просто забегаловки с прекрасными меню (А. Дорофеев. Эле-Фантик);

(31) Вы когда-нибудь задумывались над таким вопросом: почему у долгожителя, как правило, жена тоже долгожительница? Обстоятельство, согласитесь, не случайное. Не брат и сестра долгожители, а именно муж и жена, люди разных генов, разной наследственности (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

А. Я. Баудер указывает на разную степень модалации глагольных форм типа *веришь*, пожалуй, отмечая, что словоформы типа *пожалуй* – это ядерные модалаты, полностью оторвавшиеся от глагольных парадигм, в то время как словоформы типа *веришь* еще сохраняют связь с глагольными формами лица и числа (ср.: *веришь / верите*), свидетельствуя о том, что процесс превращения в модалные слова у них еще не завершён (см. [1, с. 128 – 129]).

В диссертационном исследовании М. И. Кудрявцевой отмечаются факты функционального сближения отглагольных модалатов типа *знаешь*, извините с частицами и междометиями, а модалатов типа *скажем* – с союзами (см. [8, с. 16 – 17]). Речь идет о совмещении процесса модалации глаголов в формах 2-го лица ед. и мн. ч. индикатива и императива с двумя другими транспозиционными процессами – партикуляцией и интеръективацией.

При параллельном процессе партикуляции (т. е. сближении с частицами) отглагольные модалаты типа *знаешь / знаете* актуализируют в своей смысловой структуре сему усиление, что бывает обычно при их употреблении в контексте с местоименными словами, развившими качественную семантику:

(32) Замечательная дивчина! Знаете, сколько она мне патронов насобирала! И смелая, не подведёт (А. И. Мусатов. Клава Назарова); Илью Семеновича все боялись. Знаете, какие у него были связи! От этого на рынке все шло по правилам (А. Геласимов. Год обмана); Знаете, как обидно, когда понимаешь, где он объявится, и ничего сделать не можешь (А. Маринина. Не мешайте палачу).

При включенности в параллельный процесс интеръективации отглагольные модалаты актуализируют в смысловой структуре сему эмотивного и / или этикетного междометия:

(33) «Да прежде всего потому, что вы, извините, переёрнули карты!» – спокойно воскликнул прокурор (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

В подобного рода контекстах словоформы *простите*, извините используются для выражения субъектом модуса чувства сожаления, что может смягчить реакцию собеседника на негативную информацию в его адрес.

Сближение с междометиями происходит и в тех речевых ситуациях, когда говорящий пытается установить контакт с собеседником и выразить негативную эмоцию протеста, несогласия с чем-либо:

(34) Извините, но на подобную ерунду у меня нет времени! (В. Попов. Очаровательное захоlustьё).

При актуализации семы допущения в семантике отглагольного модалата *пожалуй* оно обнаруживает сближение с уступительными союзами типа *хотя*, давая основание усматривать в таких случаях параллельный транспозиционный процесс конъюнкционализации. Ср.:

(35) А он, пожалуй, может победить, зря мы его сбрасываем со счетов.

Ср. также синкретичный контекст модалации и конъюнкционализации глагола в форме 1-го лица мн. числа индикатива *скажем*:

(36) Ну, правда, там ещё патенты есть: вот, скажем, изобрёл ты краску для волос или карандаш от пятен, сейчас выправляешь аттестат такой – патент – изобретение твоё,

и кто хочет пользоваться, тот тебе плати (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей) (≈ допустим, пускай).

Случаи взаимодействия субъективно-модалных значений в модалных словах со значениями эмотивности, союзности и др. отмечаются и в диссертационном исследовании Е. Н. Ореховой [10].

Экстралингвистическая причина модалации глагольных словоформ заключается в необходимости расширения потенциала варьирования оттенков субъективно-модалных значений, которые дифференцированно передают отношение говорящего к сообщаемому. При этом наличие переходных (диффузных) зон с глаголами, частицами, союзами, междометиями позволяют словоформам *знаете*, *простите*, *пожалуй* и нек. др. обогатить свою субъективно-модалную семантику за счет средств других частей речи.

Транспозиционный механизм модалации обеспечивает возможность перераспределения дифференциальных признаков в структуре словоформ, в той или иной степени отпочковавшихся от глаголов и приблизившихся к модалным словам и выражениям, частицам, союзам и междометиям в разных речевых ситуациях.

Разумеется, набор и пропорция признаков в структуре глагольных словоформ, подвергающихся модалации в контексте вводности, характеризуется, с одной стороны, стабильностью (в частности, лексическое значение глагола, актуализируемое чаще всего с разной степенью интенсивности), а с другой – подвижностью, динамизмом, изменением комбинаторики. Механизм ступенчатой модалации обеспечивает в таких случаях перераспределение свойств разных классов слов в структуре единиц, продвигающихся в соответствующих типовых контекстах от пункта А (финитный глагол в форме 2-го лица ед. и мн. числа индикатива или императива типа *кажись*) к пункту Б (отглагольное модалное слово типа *кажись*) и сближающихся иногда одновременно с другими классами слов – союзами, частицами, междометиями. Эта пересекаемость транспозиционных процессов внутри одной и той же языковой единицы обуславливает появление нескольких диффузных зон с синкретичными единицами, в разной комбинации и пропорции совмещающими дифференциальные признаки как знаменательных и служебных частей речи, так и межчастеречного разряда вводно-модалных слов и выражений.

Как уже отмечалось, модалация глаголов в форме 2-го лица ед. и мн. числа изъявительного и повелительного наклонения типа *знаешь*, представляешь, *веришь*, *согласись* имеет в основном чисто грамматический характер. Это означает, что глаголы сохраняют лексическую семантику на разных этапах транспозиции в модалные слова, т. е. в функции глагольного предиката двусоставного или главного члена односоставного определенно-личного предложения (ступени А, Аб, аб, аБ) и вводного компонента (ступени аб, аБ). Исключения представляют единичные случаи модалации словоформ типа *кажись*, *пожалуй*, *поди*, сопряженные с их выходом за пределы глагольных лексем и образованием лексико-грамматических омонимов. Критикуя Л. Теньера за то, что он слишком прямолинейно отождествлял функции и категории частей речи при

описании разных типов трансляции языковых единиц, В. Г. Так справедливо заметил, что «у слова может меняться функция при сохранении категории» [5, с. 18].

Исследование процесса и результата транспозиции финитных глаголов 2-го лица индикатива и императива в вводно-модальные слова и выражения показывает, что для ее осуществления необходимы определенные семантические предпосылки. Процессу модалации в русском языке подвержены лишь глаголы, входящие в определенные семантические группы предикатов (см. о них, в частности, в [3, с. 252, 308, 317, 327, 336, 341, 346, 350, 356, 371, 374, 399, 407, 410, 411, 435]). К ним относятся:

(1) Предикаты рационального мышления типа подумай (сам) / подумайте (сами); суди (сам) / посудите (сами); вдумайся / вдумайтесь; порассуждай / порассуждайте; вникни / вникните; прикинь / прикиньте: Посудите же по этому бледному очерку тысячной доли того, что достается бедной писательнице, каково бродить ей по свету, быть везде незваной гостьей, вечно ознакамливаясь (Е. А. Ган. Суд света) --> «Алеша, сами посудите, ну кому нужен ваш журнал, – горько вздыхала старший билетер Театра на Малой Бронной, – если в нашем буфете трехлитровую банку сока за две недели продать не могут?» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова);

(2) Предикаты понимания типа понимаешь / понимаете; пойми / поймите: Отсюда всяческие комплексы... Надеюсь, ты меня понимаешь?... (С. Довлатов. Чемодан) --> К нам, понимаешь, сюда в шестнадцатом австрияков пригнали (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей);

(3) Предикаты образного мышления (представление, воображение) типа представляешь / представляете; представь / представьте (себе); вообрази / вообразите: Представьте себе самолет, разбегающийся на взлетной полосе, быстрее, сильнее, и – колеса отрываются от земли – взлет!!! (Д. Рубина. Окна) --> И сидел, представьте, в общей канцелярии, и это не мешало ему разговаривать с людьми и руководить фабрикой (А. Рыбаков. Тяжелый песок);

(4) Предикаты мнения типа считай / считайте: «В таком случае, – тут же откликнулся голос, – считайте это не подарком, а находкой» (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну) --> Но вам, считайте, повезло, силовыми структурами буду заниматься лично (М. Панин. Камикадзе);

(5) Предикаты знания (фактивы) типа знаешь / знаете; знай / знайте:

Хоть вы и гость его величества, но знайте меру! (С. Осипов. Страсти по Фоме. Изгой) --> Оно и есть ОДНО из всех, ибо, знайте, мы сидим в замке Правителя Города, Уркала Второго, который он вопреки городским законам построил внутри городских стен (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе);

(6) Предикаты памяти типа помнишь / помните; запомни / запомните: Помнишь ли ты свою длинноносую кузину Адель, которая так любила тебя в детстве? (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве) --> «Папа, это же Вася, – крикнула она, – сын тёти Шуры из Боровлянки, помнишь, он меня ещё курить учил!» (С. Довлатов. Солдаты на Невском);

(7) Предикаты внимания типа заметь / заметьте; обрати внимание:

Крутится без остановки и день и ночь, заметьте это (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века) --> Не он нам, заметьте, будет называть кого-то, а мы ему (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

(8) Предикаты зрительного восприятия типа смотри / смотрите; посмотри / посмотрите; посмотришь / посмотрите; гляди / глядите; глядишь; поглядишь / поглядите; погляди / поглядите; видишь / видите; увидишь; извольте / изволите видеть: Завтра зайдешь, посмотришь товар и, если никого не будет, попросишь показать пояс, который он держит для Рогдира (Б. Васильев. Вещий Олег) --> Вот кинут тебе срок, попадешь в лагерь, посмотришь, мужики в сорок, а то и в пятьдесят лет кажутся юношами (Ю. Азаров. Подозреваемый);

(9) Предикаты слухового восприятия типа слушай / слушайте; послушай / послушайте; слышишь / слышите; слышь (редуцированная форма): «Ты вот что, Леха, послушай моего совета, – придержав меня за рукав, сказал Донатыч, – особенно много об этом не думай, тут пусть у милиции голова болит» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова) --> «Фу ты чёрт, – неожиданно воскликнул мастер, – ведь это, подумать только, – он затушил окурочек в пепельнице и сжал голову руками, – нет, послушай, ты же умный человек и сумасшедшей не была» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

(10) Предикаты осязания типа чуешь / чуе: Чуешь ты начальство, прямо как волк овечью шкуру, чего же сам не выбился? (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) --> А счета за городской телефон приходят без детализации, чуешь? (А. Маринина. Последний рассвет);

(11) Предикаты вкуса типа чувствуешь / чувствуете: Ведь бывают такие моменты, когда ты чувствуешь жизнь сполна, всю – без края... без укоров совести, без разлада... весело и юно... и мудро (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) --> Очень скоро ты, если захочешь, будешь знать, как Денис, Таня, Саша, Пал Палыч, Игорь Валерьевич... Чувствуешь, я тебя все подводила ко второй моей просьбе (М. Елизаров. Библиотекарь);

(12) Предикаты речи, характеризующие договор (согласие) типа согласишься / согласитесь: Лёва сделал такое лицо, словно готов был отдать ей всё, что она пожелает. – Согласитесь солировать в нашем эстрадном оркестре! Это будет так оригинально: музыкант-профессионал выступает со школьным джазом!.. (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете) --> Воспользоваться тем, что девушка одинокая, незащищенная, одним словом, беженка, и потом бросить на произвол судьбы, согласитесь, может только негодяй (А. Рыбаков. Тяжелый песок);

(13) Предикаты речевого этикета типа извини / извините; прости / простите: «Вы простите меня, мужики... – очень просто на всех глядя, сказал Степан, – я думал, никому все это не надо, а оно не так» (В. Ремизов. Воля вольная) --> Как вас зовут, простите? Официант при виде этой пачки тоже очень обеспокоился, но изо всех сил старался хранить достоинство (В. Шукшин. Калина красная);

(14) Предикаты речевого побуждения типа изволь / извольте: «Покажи хоть, где!» – «Нет, ты меня изволь выслушать!» – продолжала Полина на более высокой ноте (Д.

Маркиш. Конец света) --> «А взаправду, – сказала Лиза, – не попытаться ли в самом деле?» – «Изволь, милая; начнём хоть сейчас» (А. С. Пушкин. Барышня-крестянка);

(15) Предикаты движения типа поиди (поди): Ну, с добрым утром, коли так. Иван, поиди-ка сюда! Я отошёл, и они о чём-то заговорили (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет) --> Я протягивала руки: "Валюнчик, поиди к маме! [И. Грекова. Перелом] --> Зимой глянет из окна, вздохнёт и скажет: «А на Орловщине сейчас, поиди, июнь» (С. Довлатов. Иная жизнь);

(16) Предикаты перемещения (передачи объекта) типа пожалуй: Матушка, пожалуй что-нибудь из одежки (Ким О. М., Островкина И. Е. Словарь грамматических омонимов русского языка) --> Глядя на себя в зеркало, Печигин решил, что чапан идет ему, пожалуй, ничуть не меньше, чем Касымову (Е. Чижов. Перевод с подстрочника);

(17) Предикаты чувственно-эмоционального переживания (страха) типа (не) бойся (не бойсь --> небось): Не бойся гостя сидящего, а бойся стоящего – эта поговорка несколько раз приходила в голову хозяину, пока он стоял у порога, провожая позднего гостя (В. Быков. Бедные люди) --> Свеженькому всегда фартит. Не бойсь, обдирать не стану (В. Тендряков. Тройка, семерка, туз) --> Оставила, небось, записку, что-нибудь вроде: «Уехала к морю» (В. Белоусова. Второй выстрел).

Случаев модалации глагольных форм 2-го лица индикатива и императива, представляющих какие-либо другие семантические группы, нами не обнаружено. Вряд ли можно ожидать вводно-модальное употребление глаголов 2-го лица со значениями, например, звучания (шумишь и т. п.), существования (существуешь и т. п.), биологического бытия (живите, умираешь и т. п.), пространственной локализации (располагайся и т. п.), разных типов отношений между предметами окружающего мира (отличаетесь, различаетесь и т. п.), физиологического состояния (болеешь и т. п.) и др. (см. [3]).

В процессе постепенного перерождения в модальные слова рассматриваемые глаголы ослабляют в той или иной мере конкретные лексические значения, десемантизуются и превращаются в ряде случаев в пустые вставки, давая возможность говорящему выразить свое отношение к содержанию высказывания, расставить в нем смысловые акценты (понимаешь, представляешь, заметь и т. п.), а иногда и оценить степень достоверности передаваемой информации (кажись, пожалуй, небось)

Некоторые отглагольные модалиты при этом сближаются с междометиями этикетного (18) или эмотивного типа (19), а также частицами (20). Ср. контексты модалации, совмещенной с интеръективацией и партикуляцией:

(18) Сегодня, видишь ли, я никак не смогу прийти, не обижайся (≈ прошу извинить меня за отказ);

(19) Обиделся он, видите ли, а кто виноват? (выражение говорящим чувства возмущения);

(20) Знаешь, какой это был музыкант?!

Модалитам, соотносительным с глаголами в формах 2-го лица индикатива и императива, свойственно вводно-модальное употребление в одиночной позиции и в составе устойчивых оборотов (ср.: видишь / видишь ли;

знаешь / знаешь что). Отглагольные модалиты этого типа позволяют субъекту модуса акцентировать внимание слушающих на те или иные аспекты информации (понимаешь, представляешь, знаешь и т. п.) (5), оценивать степень ее достоверности (пожалуй, поиди, кажись и т. п.) (6), а при включенности и в параллельный процесс интеръективации – выражать эмоциональное отношение к сообщаемому, например чувства недовольства, возмущения; ср.: (понимаешь ли, видишь ли и т. п.) (7). Ср.:

(21) Мне воздуха нужны, а не советы! Грины, понимаешь? Повторяю: день-ги! (А. Волос. Недвижимость);

(22) Но с этим командиром, пожалуй, никакого отдыха не получится (В. Быков. Болото);

(23) Я прошлый раз с верхотуры сорвался, позвоночник повредил и то себе не позволил. А у неё, видишь ли, голова! Тебе что, ей думать? (Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном).

Транспозиция финитных форм глаголов типа видишь / видите (ли) в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений имеет ступенчатый характер. Основные этапы их модалации можно представить графически в виде следующих звеньев на шкале переходности: [А / Г(лаг) (ядро глаголов) – Аб / Г(лаг) м(од) (периферия глаголов) – аб / г(лаг) м(од) (зона гибридных глагольно-модальных структур) – аБ / г(лаг) М(од) (периферия модальных слов) – Б / М(од) (ядро модальных слов)]. Звенья шкалы эксплицируют, с одной стороны, начальный и конечный пункты в движении словоформ из глаголов в модальные слова, а с другой – зону синкретизма с периферийными и гибридными структурами, синтезирующими в разной пропорции признаки взаимодействующих классов слов. Проиллюстрируем с небольшими комментариями ступени модалации глаголов в форме 2-го лица индикатива на примере словоформы видишь (ли).

Степень А / Г(лаг) представлена контекстами с прототипической (ядерной) словоформой в позиции главного члена односоставного обобщенно-личного предложения, манифестирующей комплекс основных дифференциальных признаков глагола как части речи; ср. типовой контекст:

(24) На фронте какие-то секунды видишь освещённый край немецкой обороны, но, когда ракета сникает и полоса погружается во враждебную темноту, память в мельчайших подробностях восстанавливает только что увиденное, расширяет высвеченный на секунды круг – и человек ночью видит то, чего не узрел ясным днём (А. Азольский. Облдрамтеатр).

Следует заметить, что ступень ядра глаголов на шкале модалации могут представлять и словоформы, употребляющиеся в качестве предиката двусоставного предложения. Ср.:

(25) (а) Видишь вон то дерево? (главный член односоставного определенно-личного предложения)

(б) Ты видишь вон то дерево? (глагольный предикат двусоставного предложения).

Для сравнения можно привести и другие глаголы в форме 2-го лица индикатива, а также императива, представляющие, условно говоря, исходный пункт модалации, т. е.

зону ядра глаголов:

(26) Ты историк. Ты чуешь материал. Ты можешь родить вдохновенную мысль (Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин); Да слышишь ли ты меня, Федор? Скоро на охоту пойдешь? (А. Иличевский. Штурм); Слушай только меня и больше никого! – приказал Кямал и вылез из-за стола (В. Токарева. Своя правда); Ты увидишь бесконечное повторение одного и того же сценария (В. Пелевин. S.N.U.F.F.); Кора эта возвращает силу старикам, веселит угнетенных, бодрит ослабевших. Заметь это дерево – будешь благодарен! (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены); Надеюсь, запомните эту прогулку навсегда, – заключил Додонов (В. Конецкий. Начало конца комедии); Помнишь Виолу Тараканову, мою одноклассницу? – Вилку? (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Представьте старый, запущенный дом вдовца, к тому же лодыря, который за свою жизнь повышибал много чужих зубов, но не вбил в стену ни одного гвоздя, представьте покосившееся крыльцо, сломанные перила, танцующие половицы, дырявую крышу, побитую штукатурку, темные сени, заваленные рухлядью (А. Рыбаков. Тяжелый песок); Считай дело решенным, – сказал, незаметно усмехнувшись, Бруно (В. Скворцов. Сингапурский квартет); Но д'Артаньяном был ты. Помнишь погоню за каретой возле Звенигорода? (В. Аксенов. Звездный билет); Считай по ударам пульса, от девяти до пятнадцати (И. Адамацкий. Утешитель); «Вы меня поймите правильно, мужики, – заговорил Москвич, стараясь попасть «в тон». – Я человек, конечно, нездешний, приезжий (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); Согласись дать туда нашу информацию – и на твоём счету появится очень большая сумма! (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!); Да согласишься ты с ребенком один раз, он и отстанет (Б. Минаев. Детство Левы); Но посудите о Пелагее Андреевне, о ней посудите! (Г. П. Данилевский. Воля); Ты знаешь Парфентьева и не знаешь Виноградова (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы); И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись!» (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!); Ты, вероятно, неясно понимаешь эту терминологию – космополитизм, буржуазный национализм, значение пятого пункта в анкете (В. Гроссман. Все течет); А как? Как ты это себе представляешь? – Думаю заняться сельским хозяйством, гражданин начальник (В. Шукшин. Калина красная); Ты представляешь меня во главе концерна, занимающегося шоу-бизнесом для русских, устраивающихся в Германии, ведущего их наследственные дела, хоронящего их, составляющего брачные контракты и перепродающего недвижимость? (С. Есин. Марбург).

Степень Аб / Г(лаг) м(од) эксплицируют контексты с периферийной глагольной словоформой, делающей, условно говоря, шаг в сторону вводно-модальных слов и выражений. Такая словоформа выступает в функции предиката или главного члена неполной главной части сложноподчиненного предложения, при которой есть придаточная изъяснительная часть. Ср. типовой контекст:

(27) Видишь, что старшего товарища заносит, и сидишь, как воды в рот набрал (А. Маринина. Последний рассвет).

У словоформ типа видишь (видите) легко обнаруживаются основные лексико-грамматические характеристики

глагола: категориальная семантика действия; предикативная форма репрезентации глагольной леммы; грамматические категории и формы вида (НСВ и – реже – СВ; ср.: увидишь), залога (действ. залог), наклонения (индикатив, императив; ср.: представляешь и представь), времени (наст. или буд. вр.), лица (2-е лицо), числа (ед. или мн. ч.; ср.: знаешь и знаете); синтаксическая функция сказуемого и др. При помощи словоформы видишь, употребленной в позиции предиката главной части сложноподчиненного предложения, говорящий (субъект модуса) акцентирует внимание слушающего на информации, содержащейся в придаточном изъяснительном. Однако функции вводности у самой словоформы видишь, делающей в таких контекстах как бы первый шаг в сторону модальных слов и выражений пока нет.

Аналогично обстоит дело в следующих контекстах употребления глаголов 2-го лица индикатива и императива, манифестирующих ступень Аб / Г(лаг) м(од) на шкале модалитации:

(28) Это я не со зла. Кстати, чуешь, что ветер немного горчит? Это, наверняка, дымом печным несет (А. Логинов. Мираж); Чуешь, какая эквилибристика? (Д. Симонова. Шанкр); Слушай, что я буду говорить тебе... Охотник уходит в тайгу и обещает своим, что вернется через семь ночей (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы); Слышишь, что старик говорит? Он хочет с семьей в Гори приехать, где Сталин родился (М. Гиголашвили. Чертово колесо); Слушай, что я тебе говорю (В. П. Катаев. Алмазный мой венец); И увидишь, что начнешь отвыкать от него (Е. Маркова. Мяч); Заметь, что у умных женщин редко бывают чёрные глаза (А. П. Чехов. Руководство для желающих жениться); Запомните, что рабство уже тем плохо, что создает у труса, связанного цепью, чувство равенства с героем, связанным цепью (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); Запомните, что какую бы ерунду вы ни написали, всегда найдется человек, которому она понравится (Д. Каралис. Автопортрет); А помнишь, как твой отец учил нас пить воду? (А. Иличевский. Перс); Представьте себе, что Ленин в семнадцатом году поехал после очередной демонстрации в Италию или покататься на лыжах в Альпах... (С. Алексеевич. Время second-hand); Считай, что этот паршивый рубль у тебя в кармане... (С. Довлатов. Чемодан); ... Вы поймите, что любовь приходит без нашего ведома, не по закону... (М. П. Арцыбашев. Жена); Согласись, что в сравнении с временем, истекшим от мироздания, это не так уж много (Е. Водолазкин. Лавр); Ты знаешь, чем это может для него кончиться? (В. Гроссман. Жизнь и судьба); Ты знаешь, что они оба любят покушать – и дедушка и профессор (А. И. Куприн. Гранатовый браслет); Ты понимаешь, о чём я хочу с тобой поговорить? – закончила она свой рассказ (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); Ты понимаешь, что в материальном мире ничто не исчезает (В. П. Катаев. Алмазный мой венец); Алекс, ты понимаешь, что тебе причитаются с меня приличные комиссионные? (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); Ты представляешь себе, какой поднимется шум, когда кто-нибудь из них для начала преподнесёт читающей публике «Ревизора» или, на самый худой конец «Евгения Онегина»! (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); Представляешь, сколько жизней в одном блокадном

Ленинграде спасли слепые! (А. Иличевский. Перс).

Ступень аб / г(лаг) м(од) манифестируют контексты с промежуточной (гибридной) словоформой. Данная ступень распадается на две подступени: аб / г(лаг) м(од) 1 и аб / г(лаг) м(од).

Подступени аб / г(лаг) м(од) 1 соответствуют контексты препозитивного употребления гибрида видишь в бессоюзных сложных предложениях с пояснительными отношениями между предикативными частями, оформляемыми знаком «двоеточие».

(29) Видишь: я её люблю до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Словоформа видишь в контекстах такого типа выступает в качестве главного члена односоставной предикативной структуры, входящей в состав бессоюзного сложного предложения. Утраты семантико-грамматических свойств глагола у данной словоформы не наблюдается; функция вводности отсутствует. Модусную рамку представляет часть бессоюзного предложения с словоформой видишь, диктальный компонент, т. е. акцентируемую субъектом модуса информацию, последующая предикативная единица, отделяемая двоеточием.

Приведем контексты употребления других глаголов, манифестирующих подступень аб / г(лаг) м(од) 1 на шкале переходности:

(30) Слышишь: ты мой (А. Лазарчук. Тепло и свет); Слушай: давно уже, так как я хорошо знаю реку, зовут меня лоцманом на два парохода, и ты будешь жить со мной спокойно, как твоя рука, когда лежит она ночью под головой (А. С. Грин. Ива); Вот увидишь: все девки будут его (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана); Заметь: опять задаешь вопрос в утвердительно отрицательной форме (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); Запомните: риск – благородное дело, а всякое обещание – это риск (С. Залыгин. Экологический роман); Ты ж помнишь: для ГНК на настоящем этапе наипервейшая задача – приобрести собственные крупные месторождения (С. Данилюк. Бизнес-класс); Представьте: монастырский комплекс начала двадцатого века (В. Дергачёва. Монологи); Считай: русско-японская – Цусима, оборона Порт-Артура, слышал? (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени); Поймите: сегодня они, но завтра мы! (Д. Быков. Орфография); Сами посудите: разве обязаны артисты пол на сцене мыть? (А. В. Драпкина. Волшебные яблоки); Посудите сами: не я начал рассказывать о себе сегодня утром, а вы, и вы же потом притащили меня к себе, а теперь тащите к Мальчику (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе); Согласись: чтобы добиться чего-то от Тамары, проще угрожать ее Зайке, чем мне (П. Акимов. Плата за страх); Знаешь: зимой возят, а весной изпод снега вытаивает, на дорогах, на плетнях остаётся... (В. Шукшин. Калина красная); Представляешь: ты, суровый, мужественный, на улицах Петропавловска – впереди бескрайний океан, а за спиной активно действующий вулкан? (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); Представляешь, Таня: полковник Кянукук в пробковом шлеме в собственном кабриолете (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); Представляешь: пронес ты его в класс на контрольную, шепнул вопрос, а он подскажет так громко, что мертвяки и те сбегут-

ся... (Д. Емец, Т. Гроттер и магический контрабас).

Подступень аб / г(лаг) м(од) 2 представляют контексты препозитивного употребления гибрида видишь в переходных конструкциях, синтезирующих признаки бессоюзного сложного предложения и простого предложения с осложняющим вводным компонентом. Части такого предложения отделяются друг от друга запятой:

(31) Видишь, ни то ни сё, тридцать семь и две (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

В таких контекстах препозитивно употребленный гибриды совмещает примерно в равной пропорции признаки глагола [значение действия, выражаемое в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица; категория числа; синтаксическая роль главного члена предложения (предиката) и т. д.] и модального слова [употребление в функции вводного компонента предложения с субъективно-модальным значением логической оценки (акцентирования) передаваемой информации; особое интонационное оформление: более ускоренный темп речи, понижение тона голоса и проч.]. Синкретизм проявляется в этом случае на уровне не только самой гибридной, глагольно-модального образования видишь, но и той синтаксической структуры, в которой оно употреблено. Переходный характер конструкции обуславливается синтезом свойств бессоюзного сложного предложения и простого осложненного предложения с обособленной вводной конструкцией.

Обращает на себя внимание и то, что в ситуации вводности грамматическим формам категорий глагола у гибрида видишь присущи два типа употребления: а) противопоставленный тип употребления (лицо, число; ср.: видишь / видите; видишь / вижу; при отсутствии форм 3-го лица в вводно-модальном употреблении: *видит, *видят; ср. также отынфинитивный модалит видать в значении предположений: Его, видать, не будет сегодня) и б) фиксированный тип употребления, детерминированный контекстом вводности (вид, залог, наклонение, время). В последнем случае происходит обособление форм действительного залога, индикатива, настоящего времени от парадигм соответствующих категорий, их синтаксическая изоляция.

Модальная рамка и пропозиция вербализуются в разных частях предложения переходного типа: субъективно-модальное значение оценки говорящим сообщаемого – в первой части предложения (Видишь, – модус), а сообщаемое – во второй части (...ни то ни сё, тридцать семь и две – диктум, пропозиция).

См. контексты употребления других гибридных глагольно-модальных структур:

(32) Слышишь, говорю: пойдём со мной в круг! – у самых Мареевых глаз зелёный венчик на рыжем, уж, должно быть, давно она дергает за рукав (Е. И. Замятин. Север); Слушай, ты что, дурак, что ли, совсем? (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); Увидишь, ничего с ней не случится. И готовить себе будет, и в магазин бегать (М. Трауб. Плохая мать); Слушай, мне не хватает на операцию. Мне больше не к кому позвонить (В. Токарева. Своя правда); Заметь, киты не болтают никогда, у них нет мусорных сообщений, они всегда поют (А. Иличевский. Перс); Запомните, дорогой Ермолюк: не тот герой, кто не

боится и идёт, а тот герой, кто боится, но идёт (А. А. Бек. В последний час); Помнишь, мы читали вслух мой любимый рассказ «Les vieux» и переглянулись с тобой, рассмеялись, и у обоих слёзы были на глазах (В. Гроссман. Жизнь и судьба); Каждый день к нам в дом заходят молодые женщины с просьбой написать текст телеграммы. Представьте, я, иностранка, заполняю им бланк! (А. Браво. Комендантский час для ласточек); Считаю, тебе повезло, вчера буквально говорили, рыдал у меня на плече (М. Кучерская. Тетя Мотя); Поймите, публика поддалась Левитану! (А. Солженицын. В круге первом); Сами посудите, они же автограф не оставили (М. Баконина. Школа двойников); Согласись, обидно, если его возьмут и послезавтра в расход пустят (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); Ты знаешь, я как-то чувствую... ей-богу, чувствую, что начинаю как будто... любить этого Мигунова (А. И. Пантелеев. Анечка); Ты знаешь, у писателя Лиона Фейхтвангера написан роман-трилогия об истории Иосифа Флавия (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов); Знаешь, когда я рулила газетой и Газпромом, я такой кайф получала! (А. Кириллин. С собой не возьму); Ты понимаешь, Рая, когда немец по ним в Арденнах долбанул, они ведь нас упростили помочь, начать зимнее наступление, чтоб немца отвлечь... (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха); Ты понимаешь, я должен сегодня к Лоре в Павлиново (Ю. Трифонов. Обмен); Представляешь, в вагоне только три купе, и в каждом отдельная ванна (В. Пелевин. Желтая стрела); Ты представляешь, Антон Александрович решил выразить мне свои чувства (А. Алексин. Раздел имущества).

Степень аБ / г(лаг) М(од) представляют контексты употребления периферийного модалята, не нарушающего смыслового тождества исходной глагольной лексемы. Он всегда находится в интер- и –реже – постпозиции, выступая в качестве вводного компонента простого осложненного предложения:

(33) Эту задачу, видишь, нам сейчас не решить, давай отложим ее на завтра.

Синкретизм свойств глагола и модального слова у модалята видишь на ступени аБ / г(лаг) М(од) сохраняется. В зоне периферии модальных слов, как и на предыдущих этапах модаляти, словоформа видишь обнаруживает такие признаки исходного глагола, как: общеграмматическое значение действия, предикативная форма репрезентации лексемы, грамматические категории и формы – вида (НСВ), залога (действ. залог), наклонения (индикатив), времени (наст. время), лица (2-е лицо), числа (ед. ч.). Периферийный модалят видишь используется в роли главного члена (предиката) односоставной вводной конструкции, входящей в состав простого осложненного предложения в качестве осложняющего обособленного компонента. В функционально-семантическом плане он схож с другими модальными словами и выражениями, передающими логическую оценку сообщаемого, и выступает в качестве вводного компонента высказывания, который имеет особое интонационное оформление (усиление, понижение тона голоса, убыстренный темп речи) и синтаксически не связан с членами предложения (за пределами вводного

оборота).

Однако, в отличие от ядерных отглагольных модалят типа кажись, пожалуй, у периферийных модальных слов вроде видишь сохраняется лексическое значение исходного глагола и его грамматические свойства. Отсутствует и такой важнейший признак типичных модальных слов, как неизменяемость (ср., например, оппозицию форм числа: видишь / видите), полная обособленность от парадигмы глагола (ср. «застывшие» модаляти: поди, пожалуй). При транспозиции форм 2-го лица индикатива типа видишь в разряд периферийных вводно-модальных слов и выражений образуются грамматические омонимы, функционирующие в пределах одной и той же глагольной лексемы. Ср. собственно глагольный (33а) и вводно-модальный типы употребления (33б) финитного глагола видишь:

(33) (а) Нам туда. Видишь прудик? Прудик посреди парка очень странный: у него бетонные берега, а глубиной он примерно по колено (А. Тайц. Настоящее лето);

(б) Вон она, деревня, видишь? (В. В. Вересаев. В степи).

См. также типовые контексты употребления других периферийных отглагольных модалят:

(34) А счета за городской телефон приходят без детализации, чуешь? (А. Маринина. Последний рассвет); Не смей никогда говорить об этом, не смей, слышишь? (Б. Васильев. Ольга, королева руссов); «Я требую, ты слышишь, требую, чтобы в государстве не было долгов», – сказал он, глядя в упор на министра (Ю. Н. Тынянов. Малолетний Витушишников); «Всё: люблю». – «Липы пахнут, слышишь?» – спросила она. – Да. (И. Грекова. Летом в городе); И тогда, когда он поведал о содеянном, слова ее покойного мужа, отца ее сына, который сказал, будучи в добром здравии, – вот увидишь, наш сын еще удивит мир, увидишь! (Д. Бакин. Стражник лжи); И от этого, заметь, как ни пьются, никуда не уйдёшь (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей); Готовя нас к худшему, он рассказал об уязвимых точках главных тюрем Европы, и однажды, повествуя о Панкраце, пражской тюрьме, водя пальцем по схематическому разрезу этого заведения, заметил: «Вот этот коридорчик, запомните, очень любопытный, в конце его – звуковая яма, и что случится за поворотом – здесь не слышно, чем я и воспользовался...» (А. Азольский. Диверсант); Песня, помнишь, была в те годы популярна: «Куба далека – Куба рядом...» (А. Браво. Комендантский час для ласточек); У нас один актёр тоже запутался, поехал на бега и, представьте, выиграл полторы тысячи (М. А. Булгаков. Записки покойника); Хочу удержаться и, представьте, не могу – тело само собой ходит (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); Они сидели на перроне, ошеломлённые вдруг наступившей разлукой со спутниками, сделавшимися, считай, друзьями, и, глядя вслед очень скоро отбывшему эшелону, помахали ему дружно (В. Астафьев. Пролетный гусь); Да тёща ко мне с сестрой приехала сегодня, поймите, милый человек, а тут китаец ещё... (М. А. Булгаков. Записки покойника); Ну кто это, посудите сами, бросает пистолет с отпечатками на месте преступления? (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный); Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку (М. А. Булгаков. Мастер и

Маргарита); Да он и вообще атипичен, этот тип, согласишься (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); Я замерз уже, знаешь, по-страшному (А. Крамер. О скитальцах и странниках); В испанском, ты знаешь, на «а» заканчиваются только женские имена (А. Браво. Комендантский час для ласточек); «Держаться надо нам, понимаешь, держаться! – Корытин уже кричал, но вдруг опомнился, подошёл к сестре ближе: – Все меня точат, и все меня ругают» (Б. Екимов. Пиночет); «Сердце больное, – сочиняла Даша. – Ему ни грамма нельзя, понимаешь?» (С. Шаргунов. Фоторобот Евы); И ему, представляешь, разрешили прямо в Малом Эрмитаже жить, деду этому (О. Копытов. Скворец прилетает редко).

Ступени Б соответствуют контексты употребления десеантимизованного ядерного модалята видишь, утратившего смысловую связь с глаголом видеть, что наблюдается чаще всего при его употреблении с частицей ли:

(35) Это, видишь ли, не так просто, как может показаться на первый взгляд...; Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в тюрьме, другую – отдал тебе, а третью прожил бы сам – как хочу (В. Шукшин. Калина красная); Видишь ли, у Льва есть большой недостаток – он упрям (Ю. Трифонов. Дом на набережной); Есть, видишь ли, люди, которым очень не нравится город... (В. Шукшин. Печки-лавочки); Видишь ли, папа... – промямлил я, и вдруг меня осенило: Понимаешь, есть у меня дружок, он служит на научной шхуне (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); Демидов, видишь, и то знал через своих доглядчиков, что Юрко Шмель испытывает какой-то новый камень (П. П. Бажов. Шелковая горка).

В академической «Грамматике русского языка» [2, с. 142] отмечается, что в функции вводности глагольные словоформы типа знаете в той или иной мере ослабляют свои лексические значения. Напр.: Раз приезжает к нам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы с ним были кунаки, так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин (М. Ю. Лермонтов. Бэла).

На всех этапах модаляции (кроме зоны ядра модальных слов и выражений) глагол видеть (видишь, видите) сохраняет лексическую семантику восприятия, при этом сам объект восприятия находится в поле зрения участников диалога. Ср., например, изображение реки, делающей крутой поворот, в высказываниях с финитным глаголом, представляющим разные ступени шкалы переходности:

Ступень А / Г(лаг): Видишь впереди резкий поворот реки? (ядерный глагол-предикат с модално осложненной семантикой) --> Ступень Аб / Г(лаг) м(од): Видишь ведь, что река резко поворачивает вправо? (периферийный глагол-предикат, представляющий модусную рамку в главной части сложноподчиненного предложения) --> Ступень аб / г(лаг) м(од) 1: Видишь: река резко поворачивает вправо? (гибридное глагольно-модалное образование в функции предиката, представляющее модусную рамку в первой предикативной части бессоюзного сложного предложения с пояснительными отношениями) --> Ступень аб / г(лаг) м(од) 2: Видишь, река резко поворачивает вправо? (гибридное глагольно-модалное образование в синкретичной функции предиката и вводного слова, представляющее модусную рамку в переходной конструкции, где совмещаются свойства бессоюзного сложного предло-

жения и простого предложения с осложняющим вводным компонентом) --> Ступень аБ / г(лаг) М(од): Река резко поворачивает вправо, видишь? (периферийный отглагольный модалят в функции предиката и вводного слова, представляющего модусную рамку в простом предложении с осложняющим вводным компонентом) --> Ступень Б / М(од): Видишь ли, река когда-то делала там резкий поворот. Когда мы приедем туда, ты сам сможешь убедиться в этом (ядерный отглагольный модалят в функции вводного компонента высказывания).

На ступени ядра вводно-модальных слов происходит полная утрата глаголом значения восприятия предмета, а сам объект восприятия отсутствует в момент речи: Вводный оборот Видишь ли выступает здесь в качестве пустой вставки, которая используется говорящий для привлечения внимания слушающего к приведенному факту. Следует добавить, что наибольшую степень семантического отхода от глаголов при модаляции демонстрируют, конечно, единичные образования со значением предположения типа кажись (я его знаю); пожалуй (он прав); поди (придет, раз обещал); небось (рад).

Приведем типовые контексты функционально-семантической модаляции глаголов в форме 2-го лица императива:

(36) «Кажись, я чего-то слышал о тебе, – вспомнил юный удав, – это ты Задумавшийся?» (Ф. Искандер. Кролики и удавы); А внизу никто, кажись, не спит, лежат в комнатах... (Ю. Бондарев. Берег); Окончательно разнервничавшись, Эдгар нес полную чушь (о которой потом, пожалуй, ему придется долго жалеть) (А. Житков. Кафедра); Он оставался в госпитале еще три дня. Пожалуй, ему даже нравилось беззаботное валяние (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); Врачи-то, поди, ещё с постелей не подымались (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); Что сейчас там, поди, уже расцветают в кристальных садах миндаль, апельсин, олеандр... (А. Иличевский. Курбан-Байрам); Не то что отбой, по-моему, уже гимн слышно откуда-то. – Спать захочешь – уснёшь, небось (А. Солженицын. В круге первом).

В результате функционально-семантической модаляции указанных глагольных императивов образуются лексико-грамматические омонимы типа поди, кажись, пожалуй (глаголы)(36а) – поди, кажись, пожалуй (отглагольные модальные слова) (36б); ср.:

36 (а) «Поди сюда», – поманил я её на улицу и сказал, что у Славы большое горе и только по этой причине – только по этой! – подчеркнул я, мы не пошли на празднества в цензуру (В. Астафьев. Обертон);

(б) Но здесь на это никто внимания не обратил – поди, и не такое видали (И. Грекова. Перелом).

Прототипические модаляты типа кажись, пожалуй, поди лишены сесемантических и грамматических свойств глагола как части речи, т.е. семантики действия и средств его выражения – грамматических категорий и форм (НСВ, действительного залога, императива, 2-го лица), а также функции предиката. Данные словоформы полностью обособились от соответствующих парадигм категорий исходного глагола, утратив способность изменяться и устанавливать синтагматические связи с членами предложения.

С другой стороны, им свойственны типичные признаки модальных слов: функция вводности, сопровождаемая обособлением и особым интонационным оформлением вводного компонента; субъективно-модальное значение предположения.

Важно отметить, что на ступени Б / М(од) десемантизованные модальности типа видишь / видите (ли) могут оказаться в зоне влияния и других классов слов – междометий, союзов и частиц.

Так, при параллельной интеръективации отглагольные модальности функционально сближаются с этикетными (6) и эмотивными междометиями (7), оказываясь в зоне взаимодействия двух частей речи (глагол, междометие) и межчлестеречного разряда вводно-модальных единиц. Ср.:

(36) К сожалению, я не приду. Сегодня, видишь ли, я обещал быть на дне рождения моего друга (этикетное выражение, используемое в качестве просьбы извинить, простить за вынужденный отказ);

(7) Устал он, видите ли, а остальные не устали? (эмотивное выражение, употребляемое при возмущении, негодования по поводу чего-либо).

Интеръективация словоформ типа простите, извините имеет место и в тех случаях, когда говорящий выражает чувство сожаления, стремясь смягчить реакцию слушающего на негативную информацию в его адрес:

(8) Да что вы, Захар Миронович, вы еще, простите, паца-ан! (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы);

Функциональное сближение с эмотивными междометиями происходит и там, где говорящий пытается установить контакт с собеседником и при этом выразить эмоциональное отношение протеста, несогласия с чем-либо:

(9) Извините, но на подобную ерунду у меня нет времени! (В. Попов. Очаровательное захоlustье).

При параллельной конъюнкционализации отглагольные модальности, выражают значение допущения, сближаясь по функции с уступительными союзами типа хотя:

(8) А пожалуй, все еще может измениться – рано делать выводы (≈ хотя).

При параллельной партикуляции отглагольные модальности употребляются с местоимениями, развившими качественную семантику, и функционально сближаются с усилительными частицами:

(9) Знаешь, какое там было напряжение...

Выводы и предложения. Из вышесказанного следует, что степень модальности финитных форм глаголов типа видишь в разных контекстах неодинакова, что графически отражено в градации звеньев на шкале переходности. Смысловой отход от глагола усиливается при функционально-семантической модальности императивов типа кажись, а также при включенности глаголов сразу в несколько транспозиционных процессов на уровне частей речи и межчлестеречного разряда вводно-модальных единиц, т.е. при совмещении модальности с интеръективацией, конъюнкционализацией и партикуляцией.

Повышение эффективности исследования механизма транспозиции языковых единиц и степени объективации его результатов могут быть связаны с системным применением методики оппозиционного анализа (с графической экспликацией пересекающихся шкал переходности) и ма-

тематических приемов обработки эмпирического материала – индексацией разных степеней соответствия синкреты тем или иным звеньям на разных шкалах модальности, предикативации, конъюнкционализации, интеръективации и т. п. [15–20].

* Работа выполнена в рамках проекта «Комплексное исследование модальности как типа ступенчатой транспозиции языковых единиц в семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов», выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-04-00039а).

Список литературы:

1. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин: Валгус, 1982. – 184 с.
2. Грамматика русского языка: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. – 719 с.
3. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. – Уфа: Гилем, 2005. – 466 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
5. Гак В. Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис // Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – С. 18. (656 с.)
6. Ким О. М. Функциональная морфология русского языка (семасиологический аспект) / Ташк. ун-т. – Ташкент, 1988. – 64 с.
7. Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н.; под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – М.: Рус. яз., 1989. – 639 с.
8. Кудрявцева М. И. Семантика модальных слов глагольного происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 18 с.
9. Ляпон М. В. Вводные слова // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Сов. Энциклопедия, 1979. – 432 с.) С. 39 – 40.
10. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, 2011. – 33 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.
12. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. Т. 2. – 709 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. П–Р. 1984. – 752 с.
14. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. – Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1941. – 620 с.
15. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). – Москва: Akademia, 2009. – 464 с.
16. Шигуров В. В. Функционально-семантический тип транспозиции причастий в предикативы: ступени, признаки, предел // Известия РАН. Сер. литер. и яз. – М.: Наука, 2011. Том. 70. – № 5. – С. 38 – 48.

17. Шигуров В. В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и / или адъективации: семантика и грамматика // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 152–157.

18. Шигуров В. В. Индексы предикативации отадъективных гибридов на -о в контекстах типа Это весело – кататься с горки // Вестник гуманитарного научного образования. – М., 2012. – № 9 (23). – С. 4–6.

19. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Гибридные, деепричастно-модальные структуры в русском языке // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. – С. 159–164.

20. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. О некоторых принципах описания явлений транспозиции и синкретизма в теории частей речи // Фундаментальные исследования. – М., 2014. – № 9 (часть 2). – С. 463 – 468.

21. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Модальность деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. – М., 2015. – № 2 (часть 26). – С. 5972 – 5976.

22. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Вводно-модальное употребление глаголов в форме 3-го лица множественного числа как средство экспликации субъективной модальности высказывания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 11 – С. 306 – 309.

23. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Parenthetical-modal type of using finite verbs in the russian language // 8S-ASS04. Asian Social Science, 91-CCSE / Canadian Center of Science and Education. Vol. 11, No. 8; 2015. – P. 292–298. [Retrieved from www.scopus.com в SCOPUS'e].

24. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // European journal of natural history. Фундаментальные исследования. Fundamental research, Израиль (Тель Авив) 16 – 23 октября 2015 г. – 2015. – № 4 – С. 57 – 59.

25. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Types of use of russian infinitives in syncretical contexts of modalation, predicativation and conjunctonalisation // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). – 6. – 2016. – P. 181–185.

MODALITY AND EXPRESSION MEANS IN SPANISH

Padalka Iuliia,

Graduate student of the Institute of Philology Taras Shevchenko National University of Kiev, (Kyiv, Ukraine)

ABSTRACT

This article analyzes the basic means and ways of expressing the modality category in Spanish. A particular attention is paid to the means of expressing the utterance and message modality. The opinions of renowned linguists, such as G. Gallice, A. Bonnard, F. Bruno, and C. Bally on the modality category are presented.

Keywords: utterance modality, message modality, mood, dictum, modus, modal verb.

The utterance modality can act in two ways; firstly, it relates to the speaker, whose aim is self-presentation and establishment of the addressee's social status; secondly, it relates to the interlocutor in order to get a certain response (positive or negative) to the message, when it is required to encourage the communication partner to perform or not perform a certain action. Thus, there is a process of subjective coding (by the addresser) and decoding (by the addressee) of the proposed expression content [1, 263 c.].

That is to say, utterance is an act of message composing, a complex process of its creation or, in other words, an individual act of language use, compared to the statement and utterance outcome. Thus, in general, the expression analysis implies the study of the actor's reflection in the message. The studies of expression have been quite ambiguous, although they originate from classical antiquity (Aristotle). Still, such linguistic studies have been presented for long periods of time.

For many modern linguists, it is obvious that the message actor cannot be beyond the linguistic field, as opposed to what Saussure advocated. Thus, we are witnessing a new period of interest in the message, another discovery of the actor's place in linguistics.

It should be remembered that the term of expression is

perceived in different meanings and, of course, that is why the concept of message is varied, depending on theoretical schools. The most common message meaning implies the actor's manifestation in the message, in what is the actor's position in relation to the message, and in how the text supports communication between the author and its interlocutor.

According to E. Benveniste, who believes that "The message is entered in the speech by the individual act of utterance. Given this individual approach, the utterance can be defined as a process of appropriation in terms of language, where the author expresses its speaker's position with special indicators" [2, 98–116]. Thus, this school attempts to define and describe the reflection of means in the expression. The linguistic means are studied, by which the speaker reflects its position in a message, a written message (explicitly or implicitly), and its attitude to the message. The speaker is concerned, in particular, about the collocation, modality and speech.

As to modality, it can be interpreted in different ways, because it originates from logic, semantics, psychology, syntax, pragmatics, and theory of utterance. Thus, the term of modality applies to very different realities, namely a logical modality, an estimating modality, a sentence modality, a deontic modality (obligation), an epistemic modality (likelihood) etc.

Three main subjects dealing with modality are logic, linguistics and semiotics.

The concept of modality first appears in Aristotle's work; it was introduced in the grammar vocabulary as derived from the logic. This concept is conventionally used when approaching the language in terms of logic and semantics or psychology.

The modality was mostly considered by the Geneva School linguists, such as G. Gallice, A. Bonnard, F. Bruno, and C. Bally. All of them show a shift of emphasis towards psychology and logic.

For example, G. Gallice wrote a Psychological Grammar, in which he identifies the means and modality. He considers modality to be a verbal category attached to the form, time and state. According to him, the modality expresses the position of the actor, speaker by implementation.

For Bonnard, "each phrase is pronounced to inform or learn, to report any feeling or will." Thus, the modality of a phrase (affirmation, interrogation, exclamation, intention) defines the speaker's attitude.

According to F. Bruno, modality expresses the speaker's position as to what is reported. The notions containing the modality can be classified in three groups, "as those belonging to expression of thought, feeling and will." In terms of linguistics, modality can be implemented in different ways. These ideas were developed by Bruno and formalized by Bally, who studied the modality in greater detail.

Bally treats modality as "a linguistic form of intellectual and emotional judgment or expression of the will and desire, which a thinking actor says for the purpose of perception or expression of its will." Bally refers to the established distinction between dictum (represented content) and modus, "a psychological activity aimed at dictum", also called *animus loquentis* or speaker's position [3, 3–13].

Modality (or modus), the phrase foundation, according to Bally, can be:

- explicit: when a modal verb is different from the dictum verb;
- implicit: expressed through the dictum syntax in different forms, using an auxiliary means of state, a modal adverb, can be expressed in a grammatical mood, through an opinion or evaluative adjective.

Generative grammar deals with modality as well, but with its first types only, mainly by the detection of modality through its structure, giving almost no attention to the term of modality and its logical or semantic concepts. Eventually, thanks to the theory of Katz and Postal, modality appears as a mandatory component of the phrase with all replacement rules.

Modality is related to different linguistic realities, namely the grammatical status, tenses, modal verbs, modal adverbs, types of sentences (affirmative, interrogative, imperative) etc. We can note that the combination of factors consolidated under a modern concept of modality, is subdivided into two major classes, according to the phenomenon of communication, i.e. utterance modality and message modality.

Considering the modality along with speech functions, we need to distinguish between four basic speech functions, to which the other modalities correspond, i.e. evocative, expressional, logical, and aesthetic. We are concerned about the first three ones, since these modalities determine the linguistic

form of the message (affirmative, interrogative, imperative).

As we see, the modality of expression expresses a different attitude of the speaker to the audience, as opposed to the modality of the message, which expresses the attitude of the speaker to the message. It explains the relationship between the speaker and the message.

The message modality is consistent with the concept of modality, proposed by Bally, providing for linguistic expression of the actor's position on the sentence content.

There are authors who confine themselves to modality of the first person singular (I – actor), while the others consider the modality in a broader sense, as an identification of subjectivity of a person, the actor of the message, who does not have to be a speaker. In the first instance, that is when modality is reduced to the subjectivity of I (Bally's school), the modal actor is an actor of utterance. It may be explicit and coincide with the message actor, or it can be implicit.

According to Bally, the utterance actor or the modal actor must coincide with the message actor. This is true for explicit modality, which may have one or two participants, but one modal actor.

Example:

- 1) Quiero llegar pronto. (One participant).
- 2) Quiero que Carlos llegue pronto. (Two participants).

In the second instance, when the modality is perceived in a broad sense, as an expression of subjectivity by the message actor, it may or may not coincide with the speaker.

Example:

- 3) Estoy seguro de que Anna vendrá. (Coincides).
- 4) Carlos está seguro de que Anna vendrá. (El sujeto modal es Pedro). (Does not coincide. The modal actor is Pedro).

Finally, the speaker may leave its trace in the message, the actor of which may not be I. This occurs, for example, when this mood is used in additional sentences.

The message modality includes both a logical modality and an estimating or subjective one.

Logical modality describes the mood in which the subject represents a sentence predicate as a real, conditional (or required) or probable (possible), that is, within the real, accidental, or unreal mood.

The modality in which the estimate matches the required part is of particular interest. The concept of modality convergence, introduced by E.A. Belik, which provides a set of various means of modalities, transmitting the same motive, mood, sense, forming a modal context, is relevant here.

Estimating modality describes the mood in which the actor positions the message in terms of estimation (helpful, sad, pleasant, etc.), as well as in terms of subjectivity (desire, fear, etc.). It is not opposed to the other modalities, but combined with them; still, there are certain restrictions on co-occurrence and modification of estimating structures.

Determination of the mood of modality was inherent in study of the mood both in classical grammars and in the speaker's attitude. Still, as we said earlier, there is an utterance modality and a message modality; the difference is in attitude towards the listener or the message.

We argued that not all ways are referred to the same type of modality, e.g. an imperative mood, recognized by some authors as an independent mood of conjunctive mood, is related to the

utterance modality only, while the real and conjunctive mood are related to the message modality.

To better understand the differences between the mood and modality, we proceed from the mood concept. It is known that this concept does not have a single and universal definition; there is a variety of opinions and criteria. They range from definition of the verb inflexion as characteristic basis and, accordingly, the conjunctive mood is considered to be a means subordination to the criterion of the speaker's conscious attitude to the message and the listener. The proponents of the latter criterion are Gili Gaya, Alarcos Llorach, Pottiyer, S. Hernandez et al. Still. Within our declarative approach, we rather highlight the concept of a mood in order to differentiate it from modality.

For this, we refer to the authors such as Agustin Garcia Calvo, Sebastian Mariner, Lisardo Rubio, and Cesar Hernandez, who try to highlight the only criterion of a common understanding of mood. Thus, A. Garcia Calvo supports a triple general definition of the modal category and defines the following three characteristic criteria of the mood:

- mood as a linguistic form, capable of conveying the modality;
- mood as expression of the speaker's position on the message;
- mood as an indicator of subordination.

Let us consider the first two criteria for two reasons, since they directly indicate the modality and that the latter criterion, as shown by S. Mariner and S. Hernandez, is not the characteristic and the main criterion of the verb modality in Spanish.

Mood as a linguistic form is capable of conveying the modality.

It corresponds to the previously explained modality of a phrase or utterance. In this case, the mood conveys the type of communication, a speech method between the speaker and the listener (the speaker-listener relationship). This is due to three main functions of speech, i.e. evocative, expressional, and logical. Each of these functions has its modality. Thus, the expressional modality provides for an imperative, promise or desire, and the logical one is related to the narrative, interrogative and other sentences. An evocative function is present in exclamation sentences; this is an expressive exaggeration of three main modalities, i.e. affirmation, interrogation and imperative.

As regards the Spanish verb mood, the key modalities complement three main functions of the speech, i.e. representation, expression and appeal or, as we said earlier, logical, evocative and expressional.

Let's consider the verb forms to determine the modality. Imperative appeal is the only form of the verb with a strong expressional modality performing the function of the order or appeal. While the other forms of verbs do not have a single modality, still, note that some forms are more suitable to have a certain modality than others. Thus, the affirmation or negation and interrogation are expressed in real mood.

Thus, the real mood is the main mood, the key function of which is to represent. This is a mood of actual expression (the concept was proposed by P. Kiparski and S. Kiparski in 1971, which points to the authenticity of expression) and direct affirmation. Thus, the typical modality of this method is declarative (or logical), although no form of the verb represents

just one modality, and a true mood appears in modality of negative and interrogative phrases. An example of the fact that verb forms do not express a single modality is the fact that the actual mood may take an imperative modality. It is important to emphasize that this modality of utterance or modality of a phrase reflect the speaker's position on the listener.

Some authors, without distinction between the utterance modality (the speaker's position relative to the listener) and the message modality (speaker's attitude to the message), prefer "the speaker's position" over other modalities. They also distinguish between dictum and modus, since dictum corresponds to the verb forms in real, subjunctive mood, expressing the concept of "real", "possible" and "unreal", while modus (a conscious attitude of the speaker) is expressed through the affirmative, interrogative and expressional modality of a phrase affecting the verb.

Thus, according to L. Rubio, the speaker's attitude is expressed through the phrase modality only. The attitude of the speaker is not perceived at the level of the verb form.

Vice versa, according to S. Hernandez, the attitude of the speaker is manifested at the form level, i.e. it is the second of the above criteria, a mood of expressing the speaker's position on the message. Thus, although it is believed that the mood determines the modality, i.e. modality of the phrase, however, as a characteristic factor of moods, this criterion is a secondary component and is inferior to the "speaker's position" (or the message modality, as we determined).

The mood helps to establish the speaker-message link. Therefore, the mood expresses the subjectivity or a "mental representation" and even "unrealistic nature." It covers the logical and estimating modality.

Conjunctive mood is a mood projecting the speaker's presence in the message, since this mood expresses the subjectivity of the speaker or a communication actor towards the message. Doubt, possibility and probability are expressed with conjunctive or real mood, depending on the situation, as an affirmation, absolute negation, or absolute doubt. Hence, conjunctive mood expresses an absolute doubt, while the possibility and probability can be expressed in real mood, depending on the degree.

We share Hernandez's opinion that the mood and modality "are the two main criteria of the mood category in Spanish", i.e. 1) modality (of a phrase); 2) speaker's attitude [5, 291–296]. The speaker's position is present in both cases, on the listener, showing what we called, the phrase modality or the utterance modality, or on the message (message modality), as Hernandez determines the speaker's position.

Bibliography:

1. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. / Бондаренко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А. и др. / Под ред. Бондаренко А.В. и др. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
2. Benveniste E. Problemas de lingüística general II, México, Siglo XXI, 1987, 8.a ed. P. 98–116.
3. Bally C. «Syntaxe de la modalité explicite». En Cahiers de Ferdinand de Saussure, 1942. P. 3–13.
4. Bolinger D., "Modes of Modality in Spanish and English". Op. cit. Ftdelman D.M., "Some Structural Characteristics of the

Spanish modal verb phrase". *Boletín de Filología*. Tomo XVI–1964, págs. 241–255.

5. Hernández Alonso, C.: *Gramática funcional del español*, Madrid, Gredos. – 1984. P. 291–296.

GEOLOGIA | ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МНОГОВАРИАНТНОЕ 3D МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРОЕНИЯ ЗАЛЕЖЕЙ УВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ОЦЕНКИ ИХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПАСОВ НЕФТИ И СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ

Алымова Мария Владимировна
ведущий специалист
отдела геологического
моделирования месторождений
углеводородов
ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг»

MULTIVARIATE MODELING 3D STRUCTURE DEPOSITS OF HYDROCARBONS DEPOSITS TO IMPROVE THE RELIABILITY ASSESSMENT OF THEIR GEOLOGICAL OIL RESERVES AND REDUCING RISKS ASSOCIATED WITH EXPLORATION WORK

Alymova M. V. leading specialist the Department of geological modeling hydrocarbons ООО «LUKOIL-Engineering»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме повышения надежности подсчета запасов нефти и снижению геологических рисков открытых и подготавливаемых к разработке месторождений. Методологический подход многовариантно-го моделирования и вероятностной оценки геологических запасов нефти позволяет дать полноценный анализ имеющейся геологической информации и определить значимые элементы геологического строения залежей, их удельный вес при оценке запасов и масштаб относительной ошибки.

ABSTRACT

The article is devoted the problem of increase of reliability of calculation of reserves of oil and reduction of geological risks of open and prepared to the production oil reservoir. The methodological approach of multivariate modeling and probabilistic assessment of geological oil reserves allows to provide a full analysis of available geological information and identify significant elements of the geological structure of the deposits, their share in reserves and the magnitude of the relative error.

Ключевые слова: геологическое моделирование, геологические риски, вероятностная оценка запасов нефти.

Key words: geological modeling, geological risks, the probabilistic assessment of oil reserves.

Модели строения нефтяных месторождений и подсчет запасов реализуются программными средствами, позволяющими оценить неопределенности строения и масштаб запасов нефти при помощи многовариантного моделирования. Рациональное использование затрат на разработку месторождений УВ ставит задачу надежного изучения объекта в период разведки. Особую важность решение данной задачи приобретает на месторождениях сложного строения и месторождениях, расположенных на шельфе. Обобщение геолого-геофизической информации обеспечивает часто, неоднозначные, но равно обоснованные результаты интерпретации полученных материалов. Это приводит к многообразию интерпретационных моделей и к неопределенности основополагающей геологической модели залежи нефти, которая используется в качестве базовой при подсчете запасов и выработке стратегии геологоразведочных работ (ГРП).

Разработка методики количественной оценки неопределенности геологической модели, обусловленной многообразием результатов интерпретации параметров, представляющих геологическую основу трехмерной (3D) модели залежи нефти состоит из решения нескольких задач:

- систематизация вариантов альтернативных, но равно

обоснованных интерпретационных моделей элементов геологического строения залежи, обеспечивающая многовариантное моделирование;

- оценка геологических запасов нефти комбинированных реализаций вариантов геологических моделей залежи на основе созданной матрицы эксперимента;

- представление вариантов моделей числовым показателем геологических запасов, отражающим интегральное свойство варианта геологической модели залежи;

- выбор в качестве критерия для характеристики геологической модели залежи нефти, величины относительной ошибки оценки запасов, названной геологическим риском;

- обоснование выбора базовой геологической модели залежи и ее запасов на основе вероятностной оценки запасов нефти и геологического риска;

- оптимизация процесса принятия решений относительно базовой геологической модели месторождений в условиях многообразия интерпретационных результатов на основе проведения факторного анализа степени влияния неопределенности интерпретации каждого из элементов строения залежи на геологический риск оценки запасов;

- выработка мероприятий по рационализации прове-

дения геологоразведочных работ на основе факторного анализа неопределенностей в интерпретации элементов геологического строения.

Анализ результатов геолого-геофизических исследований и их интерпретация по группе нефтяных месторождений различных регионов позволил автору статьи оценить неопределенности геологического моделирования и оценки запасов залежей нефти, обусловленных многовариантностью интерпретационных моделей месторождений. Формулировка основного принципа формализации геологического моделирования, заключена в обязанности использования интегрального количественного показателя геологической модели залежи-оценки ее геологических запасов нефти. Разработанные методологические приемы вероятностных оценок запасов на основе комбинированного многовариантного 3D моделирования позволяют определить вероятность выполненных оценок и построить для них функцию риска. Предлагаемый подход основан на факторном анализе неопределенности интерпретации элементов строения залежи УВ при помощи введения целевых показателей вероятности подсчета объема запасов и относительной ошибки с целью обоснования оценки геологических запасов нефти, принятия решений по уточнению геологической модели и выработки стратегии проведения ГРП. Поэтому основными этапами алгоритма моделирования неопределенности геологического строения залежей нефти являются:

- создание комбинированных геологических моделей и введение интегрального количественного показателя геологической модели залежи в виде оценки геологических запасов нефти;

- переход к вероятностной оценке запасов, который позволяет определить основополагающую (базовую) геологическую модель залежи УВ.

В научных трудах (Гладкова Е. А., Закревского К. Е., Черницкого А. В. и др.) показано, что 3D геологическая модель математически формализована для решения геолого-технологических задач [2, 4]. Неопределенности строения нефтегазоносных регионов и их локальных перспективных объектов подразделяются на региональные и детальные. Сейсмические исследования определяют вероятное наличие ловушки УВ, уточняемое бурением скважин. Основные геологические характеристики делятся на: структурные, петрофизические, положение флюидораздела. Геометризация резервуара зависит от результатов

интерпретации 2D, 3D сейсмических исследований и их погрешностей. Неоднозначное определение емкостного пространства вызвано различиями между интерпретацией геофизических исследований скважин (ГИС), керновыми исследованиями. Каждая характеристика строения интерпретируется по-разному в связи с неоднозначностью и вариативностью интерпретационных моделей элементов геологического строения залежей УВ (рис. 1).

Проблема количественных оценок геологических рисков состоит в расчете доли влияния неопределенности интерпретационной модели каждого элемента строения на запасы базовой модели залежи. Детерминированные методы предполагают точечную оценку геологических запасов, по вариантам их распределения P10, P50, P90, значения изменяются от меньшего (P10) к большему (P90), значение P50 соответствует базовому варианту технико-экономических расчетов. Экономическая эффективность проектов нефтедобывающей отрасли определяется подсчитанными геологическими запасами залежей УВ. Геологический признак промышленной оценки залежей это объем запасов на разных стадиях ГРП, поэтому необходимо учитывать вероятности подтверждения оценки и связанные с ней геологические риски. Принятие решения в условиях неопределенности означает присутствие риска. Вероятностные оценки запасов позволяют производить экономические расчеты с использованием методов анализа рисков и принятия решений [1].

Моделирование основывается на системном исследовании и изучении сходства залежей УВ с целью получения дополнительной информации об объекте исследования. Количественная характеристика неопределенностей интерпретации элементов геологического строения и ее влияние на масштаб запасов нефти залежей это методологическая основа снижения геологических рисков в ходе принятия решений при планировании разведочных работ, в том числе размещения скважин, а также, выполнения в них дополнительных исследований. Комбинирование вариантов интерпретации геолого-промысловой информации в соответствии с характеристиками строения залежи нефти и основополагающих концепций геологического строения позволяет создать матрицу эксперимента геологического моделирования, а компьютерные программы дают возможность построить совокупность реализаций 3D моделей с оценкой запасов каждого варианта.

Рис. 1. Блок-схема соответствия этапов геологического моделирования и неопределенности интерпретационных моделей

Очевидно, что не существует единого мнения и одного способа изучения глубинного строения нашей планеты. Чамберлин Т. говорит о том, что присутствуют три основных метода или теории научного познания геологических процессов: метод правящей теории, метод рабочей гипотезы и метод множества рабочих гипотез (Chamberlin Т. С., 1897). Поскольку результаты дистанционного (глубинного) изучения залежей УВ прямыми и косвенными методами неоднозначны, сохраняется актуальность вопроса множественных рабочих гипотез или существования вариантов интерпретационных моделей элементов геологического строения. Геологи располагают фактической информацией и на основе ее интерпретации строят модель залежи и месторождения. Систематизация неопределенностей геологического строения залежей УВ по отдельным элементам основана на оценке состояния изученности месторождения и доведения этой изученности до оптимальной. Обоснованный вариант интерпретационной модели каждого элемента строения залежи равновероятен. Путь снижения геологического риска-это вычисление относительной ошибки оценки запасов по каждой неопределенной и вместе с тем равновероятной интерпретационной модели геологической характеристики [3]. Повышение надежности подсчета запасов достигается путем анализа неопределенностей строения залежей и

на этой основе принятия решения по проведению ГРП с целью снижения геологических рисков в оценках запасов УВ. Главный способ количественной оценки неопределенности геологического строения основан на вычислении случайных погрешностей, методы расчета которых различаются в зависимости от исследуемого параметра. При вероятностном подходе каждый параметр рассматривается как случайная величина, а величина запасов-как функция этих случайных параметров: $Q_n = F \cdot h_{эф.н} \cdot K_{по} \cdot K_n \cdot \theta \cdot \rho$, где Q_n -начальные (геологические) запасы нефти; F -площадь нефтеносности; $h_{эф.н}$ -эффективная нефтенасыщенная толщина пласта; $K_{по}$ - коэффициент открытой пористости; K_n -коэффициент нефтенасыщенности; θ -пересчетный коэффициент; ρ -плотность нефти при стандартных условиях. Случайные погрешности всегда присутствуют при определении подсчетного параметра. Итоговая оценка погрешности определения запасов объемным методом представляет собой среднегеометрическую сумму погрешностей подсчетных параметров. Реализацию концептуальных положений количественной оценки и снижения геологических рисков, необходимо выполнять при помощи современных компьютерных технологий. Создание матрицы эксперимента на основе вариантов интерпретационных моделей характеристик геологического строения позволяет создать совокупность реализаций 3D

геологической модели залежи нефти, оценка запасов моделей дает возможность провести вероятностную оценку запасов залежи и геологического риска их подтверждения (рис. 2). Неопределенности геологического строения залежей это следствие многообразия интерпретационных моделей в определении: структурного каркаса, петрофизической модели и подсчетных параметров, положения флюидораздела. Систематизация интерпретационных

моделей строения залежей является основой многовариантного геологического моделирования. Геологический риск вызван опасностью не достижения оценки запасов, а количественный эквивалент геологического риска равен относительной ошибке вероятностного подсчета запасов. Интерпретационные варианты геологического строения залежи более значимы, чем случайные ошибки подсчетных параметров для выбора стратегии ГРП.

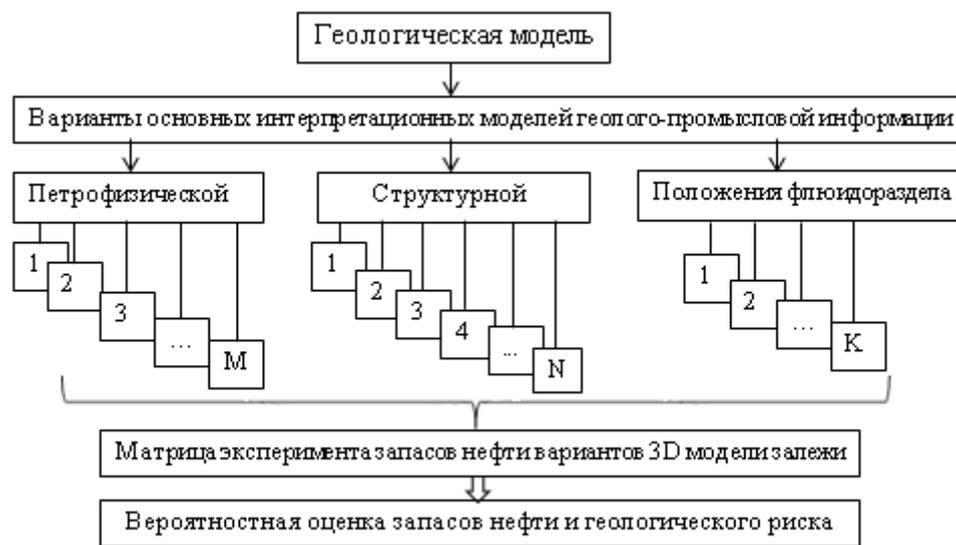

Рис. 2. Общая схема вероятностной оценки запасов нефти и геологического риска при помощи многовариантного моделирования строения залежи УВ

Общие принципы систематизации равновероятных интерпретационных моделей и созданный на этой основе алгоритм многовариантного моделирования позволил установить геологические риски подсчета запасов нефти залежи шельфового месторождения УВ. Алгоритм многовариантного геологического моделирования послужил инструментом вероятностной оценки запасов нефти на базе создания статистической совокупности детерминированных вариантов интерпретационных 3D моделей природного резервуара залежи УВ, которая позволила определить стандартные варианты 3D моделей P10, P50, P90 распределения запасов нефти и геологический риск (относительную ошибку) подсчета запасов. Установлено, что минимальный геологический риск (20%) подсчета запасов нефти соответствует вариантом 3D моделей от P50 до P22 и изменению их запасов от 160 до 190 млн. т (рис. 3). С целью повышения надежности подсчета запасов нефти, геологические риски их оценок должны быть снижены, поэтому наилучшим средством является бурение оценочной скважины. Для выбора оптимального варианта разработки, высокой степенью неопределенности характеризуется параметр активности водоносного горизонта. Поэтому целесообразно провести опробование водонасыщенных интервалов разреза пласта, вскрытого оценочной скважиной. Таким образом, в процессе создания модели залежи шельфового месторождения установлены три группы неопределенностей геологического строения: структурный фактор, петрофизические свойства и положение водонефтяного контакта (ВНК). Вклад каждой группы в общую

относительную ошибку (геологический риск) подсчета запасов нефти (30%) распределен следующим образом: структурный фактор-20%; петрофизические свойства-2%; надежность положения ВНК-8%. С учетом перечисленных групп, обосновано положение новой оценочной скважины на месторождении. Проведенные исследования позволили предложить механизм повышения надежности оценки запасов нефти и снижения геологических рисков на базе вероятностной оценки запасов нефти и структурирования значимых неопределенностей геологического строения залежи. Структурирование неопределенностей по интерпретационным моделям элементов геологического строения показало высокий риск интерпретации структурной модели залежи. Поэтому было принято решение о заложении оценочной скважины на шельфовом месторождении. Целью бурения новой скважины было не только уточнение структурной модели, но и оценка напора законтурной области с целью рационализации проектирования технико-экономических показателей месторождения.

Результаты бурения оценочной скважины и комбинирование уточненных интерпретационных моделей элементов геологического строения позволило создать 60 вариантов возможных 3D моделей залежи и выполнить оценку их геологических запасов нефти. По результатам многовариантного моделирования построено распределение запасов нефти и функция геологического риска (относительной ошибки) подсчета запасов. Результаты исследований ядра, ГИС, опробований в поисково-оценочной скважине, подтвердили концепции геологического строе-

ния залежи, обоснованные в оптимальном варианте (P38) геологической модели залежи. Запасы актуализированной модели варианта P-38 (2011)-178 млн. т (рис.4). Функция геологического риска подсчета запасов нефти показала, что риск оценки базового варианта геологической модели снижен до 10%, а его минимальным значениям (8%) соответствуют запасы нефти от 170 до 180 млн. т. Из под- контактной части пласта получен высокопродуктивный приток воды из пласта гравелитистого песчаника с проницаемостью >3000мД. Таким образом, результатом бурения одной скважины является не только уточнение геологиче-

ского строения залежи и повышение надежности подсчета запасов нефти, но и сокращение числа горизонтальных нагнетательных скважин в южной части при разработке месторождения. Геологический риск подсчета запасов базового варианта геологической модели залежи снижен в два раза (с 21% до 10%). Выработанные рекомендации по бурению скважины позволили повысить надежность оценки запасов (178 млн. т.) и минимизировать геологический риск (относительную ошибку) оценки запасов геологической модели базового варианта (10%).

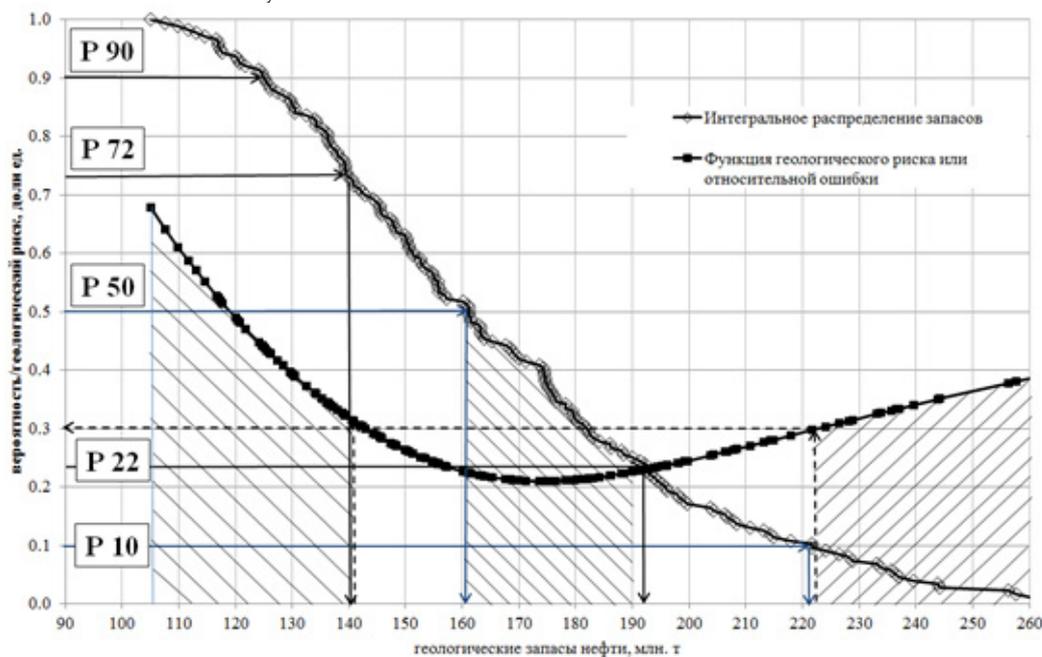

Рис. 3. Вероятностная оценка запасов нефти залежи шельфового месторождения (2010)

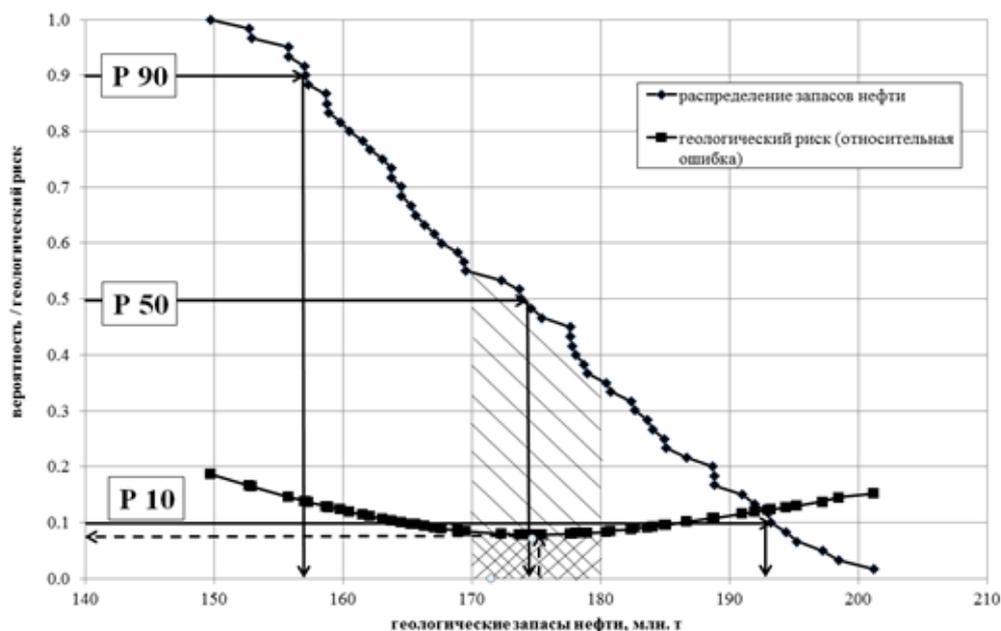

Рис. 4. Вероятностная оценка запасов нефти залежи шельфового месторождения (2011)

Выводы и предложения

Применение вероятностного подхода и методологии структурирования неопределенностей интерпретации геологического строения позволило на практике повысить

надежность оценки запасов нефти и снизить геологические риски в оценке запасов нефти шельфового месторождения.

Концептуальные 3D геологические модели залежей и

месторождений это научная система эмпирических исследований, которая служит средством получения информации (знаний) о природном резервуаре УВ. На практике принятие решений по проведению ГРП происходит в условиях ограниченной информации, по причине того, что знания о месторождениях УВ не могут быть получены со 100% уверенностью, поэтому и начальные геологические запасы не могут быть определены точно. В связи с этим особую ценность приобретает создание многовариантных 3D геологических моделей, которые восполняют потребности выбора, сравнения и дают возможность поиска альтернативных наилучших решений и их технологических реализаций.

В научной литературе изложено применение методов вероятностной оценки запасов при помощи заданных законов распределений исходных параметров геологического моделирования, которое повсеместно выполняется стохастическими алгоритмами, в частности, Монте-Карло. Недостаток стохастических методов состоит в том, что случайное вероятностное распределение запасов моделей не сопровождается адресной 3D геологической моделью ввиду задания случайных распределений подсчетных параметров и их случайного комбинирования в процессе подсчета возможных значений запасов. Поэтому актуальность приобретает задача детерминированных оценок запасов УВ при помощи инструментов трехмерного моделирования и создания равновероятных геологических мо-

делей, на основе комбинирования вариантов интерпретационных моделей геологического строения.

Практическая значимость состоит в том, что появляется возможность проводить технико-экономические расчеты с использованием метода количественной оценки геологического риска и принятия решений по его снижению при помощи структурирования геологических неопределенностей и вычисления относительной ошибки каждой группы неопределенностей, выделяя значимые факторы неопределенностей геологического строения и их вклад в геологический риск промышленных оценок запасов нефти.

Список литературы:

1. Емельянова Н. М., Пороскун В. И. Агрегирование оценок запасов нефти и газа при детерминированном и вероятностном методах подсчета // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. – 2005.- № 8.
2. Закревский К. Е. Геологическое 3D моделирование. – М.: ООО ИПЦ «Маска», 2009.
3. Фролов Е. Ф. Оптимизация разведки нефтяных месторождений / Фролов Е. Ф., Быков Н. Е., Егоров Р. А., Фурсов А. Я. - М.: «Недра», 1976.
4. Черницкий А. В. Методические особенности геолого-математического моделирования залежей в карбонатных коллекторах // Геология нефти и газа. – 1998.-№3.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЗА СЧЕТ ПОДЗЕМНЫХ ВОД В ГОРНЫХ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Глотов В.Е.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А.Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (СВКНИИ ДВО РАН), доктор геолминер. наук, главный научный сотрудник лаборатории региональной геологии и геофизики

PROSPECTS OF THE GROUNDWATER SUPPLY IN MOUNTAIN AREAS OF THE ARCTIC ON THE NORTH-EAST RUSSIA
Glotov V.E., The North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (NEISRI FEB RAS), Doctor of Geology-Mineralogy, Chief Researcher of the Laboratory of Regional Geology and Geophysics

АННОТАЦИЯ

Охарактеризованы особенности формирования водных ресурсов в двух районах арктической зоны Северо-Востока России - Заполярном и Приполярном, граница между которыми проходит по Главному водоразделу Земли. Более благоприятны эти условия в Приполярном районе. В Заполярном районе основную роль в питании рек играют воды сезонно-талого слоя; в Приполярном участвуют также и подземные воды таликов (надмерзлотных и сквозных) и подмерзлотные. Прогнозные эксплуатационные ресурсы подземных вод приняты равными 10% общего водного стока. Установлено, что в Заполярном регионе эти ресурсы в естественных условиях можно реализовать за счет подземных только до конца сентября. В Приполярном регионе негативная ситуация с их реализацией складывается во второй половине зимней межени в долинах горных водотоков с водосборными площадями 0,5-5 тыс. км², а в долинах водотоков с водосборными площадями менее 0,5 тыс. км² с начала октября. Показано, что для устойчивого водоснабжения необходимо применять методы искусственного регулирования естественных ресурсов подземных вод.

ABSTRACT

The features of water resources formation conditions of the two areas of the Arctic zone of the North-East of Russia - Overpolar and Underpolar, the boundary between which passes along the Main Watershed of the Earth. More favorable conditions there are in the Underpolar region. In the Overpolar region a major role in feeding the rivers play underground water of seasonally thawed layer; in the Underpolar also involved and groundwater taliks (supra-permafrost and through) and sub-permafrost. The forecasted operational resources of groundwater has been to take equal to 10% of the total runoff. It was established that in the Overpolar region, those resources in natural conditions can be realized by underground water to the end of September. In Underpolar region the negative situation with their realization develops in the second half of the winter low level water in the valleys of mountain streams from the catchment area of 0.5-5 thousand. km², and in the valleys of the streams from the catchment area of less than 0.5 thousand. km² since the beginning of October. It is shown that for a sustainable water supply is necessary to apply the methods of artificially-regulation of natural groundwater resources.

The water resources formation features in the two North-East Russia arctic zones – the Overpolar and Underpolar, which are delimited with the Main Watershed of the Earth. These conditions are more comfortable in the Underpolar region. As for the Overpolar region, the main roles in the rivers' feeding are played by the underground waters of the seasonally thawed layers, meanwhile in the Underpolar one this process also includes both the groundwater's "taliks" (supra-permafrost and through) and sub-permafrost waters. The prognostic work-out resources of the groundwater are to be taken up to 10% of the total water run-off. It was found that in the natural conditions the Overpolar water resources are to be worked-out by means of the ground waters till the end of September only. In the Underpolar region the negative situation with the water resource realization develops from the second half of the winter low water period due to the valleys of the mountains stream with the catchment area less then 0.5 - 5 thousand square km and from the end of October due to the valleys of water stream less then 0.5 thousand sq. km. The study shows that for sustainable water supply it is necessary to apply the methods of the artificial regulation of the natural groundwater resources.

Ключевые слова: Северо-Восток России, арктическая зона, Главный водораздел Земли, ресурсы пресных подземных вод, зимняя межень, искусственное восполнение запасов подземных вод

Keywords: North-East of Russia, the Arctic Zone, the Main Watershed of the Earth, Fresh Groundwater Resources, Winter Low Water, the Artificial Replenishment of Groundwater Resources

Введение. Северо-Восток России (СВ РФ) – регион, наиболее отдаленный от центральных субъектов страны. Главный водораздел Земли (ГВЗ) делит его на примерно равные по площади области – Циркумарктическую (ЦАО) и Циркумтихоокеанскую (ЦТО). Значительные площади этих областей расположены на одних широтах, т.е. получают равные величины прямой солнечной радиации, имеют сходные черты рельефа – сглаженное низкоегорье и плоскогорья с отдельными резко расчлененными массивами и хребтами. Отличия их состоят в том, что в ЦАО климат

определяется поступлением холодных и сухих воздушных масс, формирующихся в акватории Северного Ледовитого океана, практически полностью закрытого льдами. В ЦТО климат связан с внедрением субмеридиональных циклонов из акватории теплых и умеренно теплых широт Тихого океана. Поступающие на сушу массы воздуха несут тепло и влагу. Соответственно, в ЦАО условия формирования подземного и поверхностного водного стока менее благоприятны, чем в ЦТО. Эти отличия рассматривались нами ранее при изучении общих закономерностей питания рек

подземными водами на различных склонах ГВЗ [2]. Однако связь выявленных закономерностей с перспективами использования подземных вод для организации устойчивого водоснабжения не была установлена. При этом мы разграничиваем условия, сложившиеся на прибрежно-морских низменностях и в горных районах. На морском побережье подземные воды формируются в особой обстановке, которая связана с сезонными изменениями режима речного стока, глобальными и суточными колебаниями уровня северных морей. Она была подробно рассмотрена нами ранее [3]. В предлагаемой работе основное

внимание уделено особенностям формирования ресурсов пресных подземных вод для обоснования возможности их хозяйственного использования в горных арктических районах, где расположены все рудные месторождения золота, олова, редких металлов.

Объект исследования – горные районы арктической зоны территории СВ РФ в зоне сочленения двух океанов.

Предмет исследования – водотоки бассейнов стока Анадырского залива Берингова моря (ЦТО), Чукотского и Восточно-Сибирского морей восточнее устья р. Колыма (ЦАО) (рис. 1).

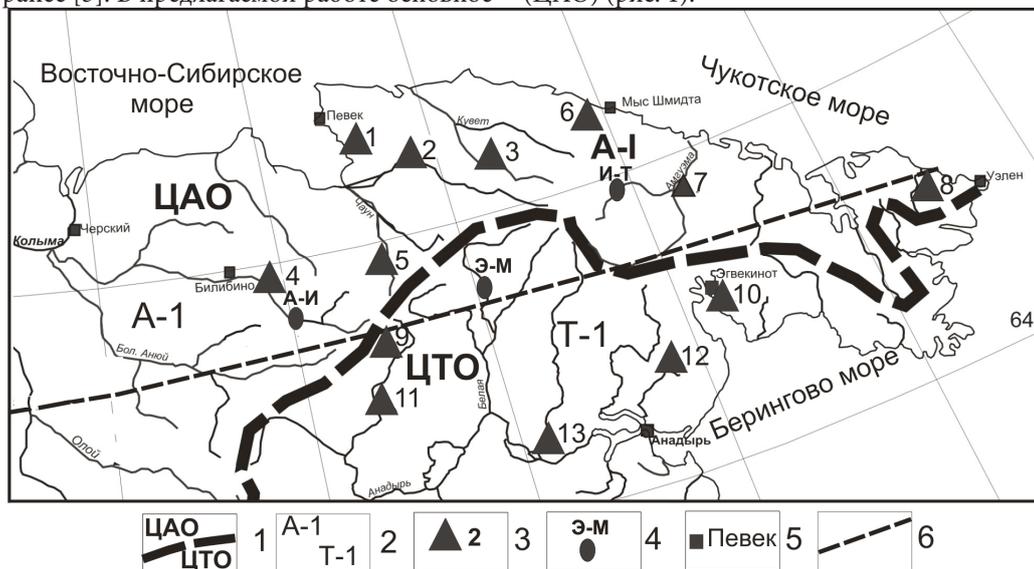

Рис. 1. Схематическая карта арктической зоны Северо-Востока РФ: 1 – линия Главного водораздела Земли; 2 – речные районы, в том числе: А-1 – Заполярный район ЦАО, Т-1 – Приполярный район ЦТО; 3 – гидрологические посты, их номера по таблице 1; 4 – гидрологические посты по тексту: И-Т – р. Иульгин, устье руч. Теплый, А-И – р. Малый Анюй (п. Илирней), Э-М – р. Эмываам, с. Мухоморное; 5 – населенные пункты; 6 – Северный Полярный круг

Актуальность и научно-практическая значимость исследования определяется тем, что изучаемые районы России решением Президента РФ отнесены к Арктической зоне. Интенсивное освоение их связано с перспективами недр на рудные и топливно-энергетические ресурсы и ожидаемой активизацией международных сообщений по Северному морскому пути. Любая трудовая деятельность невозможна без устойчивого круглогодичного водоснабжения. Вопросы организации такого водоснабжения в арктических районах СВ РФ исключительно сложны и затратны. До сих пор наиболее крупные потребители пресной воды – гг. Анадырь, Певек, Билибино, а также Эгвекинотская ТЭЦ удовлетворяют свои потребности за счет эксплуатации искусственных водохранилищ. Решение актуальной задачи экономически и экологически рационального и устойчивого водоснабжения населенных пунктов и промышленных предприятий арктической зоны Северо-Востока России и определяет актуальность нашего исследования.

Методы исследования включают в себя сбор и анализ опубликованных материалов, данные гидрометеопостов Колымского управления гидрометеослужбы (КУГМС) с длительностью наблюдений от 11-12 до 70 лет, а также результаты авторских наблюдений и расчетов в первом десятилетии 21 в. Для достижения поставленной цели мы часто использовали метод генетического расчленения

гидрографов стока, модифицированный нами [2]. Особенности нашего подхода заключаются в том, что объем воды, расходуемой на образование наледей, мы относим к невосполнимым потерям подземного стока в соответствующем гидрологическом году, поскольку они будут пополнять общий речной сток только в летнее время следующего года. Такой же расходной статьей мы считаем и воду, законсервированную в сезонном ледовом покрове. Кроме того, мы придаем большое значение подземному стоку, формирующемуся в сезонно-талом слое (СТС).

Впервые на ведущую роль подземных вод СТС в общем речном стоке обратил внимание А.И. Калабин, который назвал период речного стока в зимнюю межень после промерзания СТС критическим [4]. Позднее А.С. Кузнецов и Ш.С. Насыбулин на основе материалов Колымской водно-балансовой станции показали, что при достижении глубины протаивания на склонах около 20 см поверхностных склоновых сток трансформируется в грунтовый даже во время обильных и продолжительных дождей [6]. Ручейковый или поверхностный сток возможен только при полном насыщении водой СТС.

Для иллюстрации способа выделения генетических составляющих общего речного стока с конца летне-осенней межени и до конца ноября приведен гидрограф стока р. Малый Анюй по замыкающему створу «пос. Илирней» (пост А-И на рис. 1). По ниспадающей ветви видно, что

после паводка в августе презентативного 1997 года сток от 138 до 103 м³/с определяется склоновым стоком; в объеме от 103 до 31,3 м³/с – питанием подземных вод сезонно-талого слоя; в объеме от 31,3 до 6,8 м³/с – за вод подрусовых

таликов в долинах малых водотоков и наиболее водопроницаемых приповерхностных аллювиальных отложений; сток от 6,8 до 0,4 м³/с и менее – питанием вод глубоких (7 м и глубже) надмерзлотных и сквозных таликов.

Рис. 2. Гидрограф стока р. Малый Анюй, пос. Илирней, площадь водосбора 8180 км² (с конца летнего – до конца осеннего периода 1997 г.)

По результатам построения и расчленения годовых гидрографов стока установлено, что средний расход воды в реках в сентябре повсеместно обеспечивается в основном водами СТС, а в октябре – водами надмерзлотных таликов и частично СТС. В декабре реки питаются за счет водоносных устойчивых глубоких таликов – надмерзлотных и водовыводящих сквозных, а в апреле – только водовыводящих сквозных с участием подмерзлотных вод.

Следует отметить и такой методологический подход, как отказ от выделения объема воды, поступающей в реки из горных или пойменных озер. Это объясняется тем, что из-за малой заозеренности территории (менее 0,1% площади водосборов) объем стока воды из них ничтожно мал. Кроме того, сами озера в конце летне-осенней межени аккумулируют подземные воды СТС. Зимой непромерзающие озера участвуют в питании подземных вод надмерзлотных и сквозных таликов. По этой причине сток воды из озер в осенне-зимний период мы относим к подземному. Исключение составляют единичные озера с глубиной более 10 м и площадью в несколько квадратных километров, о которых кратко будет сказано ниже.

Особенности климатических факторов формирования подземных вод обусловлены расположением предмета нашего исследования на склонах бассейнов стока разных океанов.

В холодный период года область повышенного давления (азиатский барический максимум) охватывает всю территорию ЦАО. В теплое время года над прогретой внутриконтинентальной сушей возникают области пониженного давления, в то время как над акваторией Северного Ледовитого океана – повышенного. Охлажденный, но с малой абсолютной влажностью арктический воздух проникает по субмеридиональным долинам крупных рек – Колыма, Омолон, Олой до умеренных широт, вызывая охлаждение суши при малых количествах осадков.

Указанные особенности климата на площади ЦАО не благоприятны для формирования ресурсов подземных вод. Среднегодовая температура воздуха в бассейне стока Восточно-Сибирского моря повсеместно ниже -10,5°С, количество осадков за год менее 300 мм, на побережье Чукотской губы – до 140 мм. Это приводит к возникновению климата арктической тундры и арктической пустыни на водосборной площади рек Восточно-Сибирского моря, за исключением долины р. Малый Анюй, где господствует климат лесотундры [6]. На водосборных площадях рек бассейна стока Чукотского моря климат формируется как за счет воздушных масс, поступающих из акватории Северного Ледовитого океана так и Тихого. По этой причине относительно более теплые и богаты осадками водосборные площади наиболее приближенные к Берингову проливу. Так, в пос. Уэлен среднегодовая температура воздуха -7,2°С, осадки 354 мм. На западе в пос. Мыс Шмидта эти показатели, соответственно, составляют -10,8°С и 262 мм. Это определяет по всему водосбору Чукотского моря ниже пояса гольцов развитие зоны тундры за пределами леса с крайне суровыми природными условиями.

В бассейне стока рек Анадырского залива Берингова моря воздушные массы независимо от сезонов года поступают из теплых умеренных широт Тихого океана вдоль ГВЗ и проникают до Чукотского моря, делая климат более мягким. Среднегодовые температуры воздуха на морском побережье не опускаются ниже -6,9°С, а среднегодовое количество осадков повсеместно больше 382 мм (г. Анадырь). В континентальных районах (пос. Новый Еропол в верховьях р. Анадырь) эти показатели, соответственно, -9,2°С и 342 мм (сайт: <http://www.meteo.ru/>) /

Климатические отличия отражаются и на показателях общего речного и подземного стока. В соответствии с этими отличиями в Заполярном районе ЦАО нами выделены подрайоны – бассейны стока Восточно-Сибирско-

го и Чукотского морей. В Приполярном районе ЦТО все водотоки относятся к бассейну стока Анадырского залива Берингова моря.

Особенности водного стока в арктических районах достаточно наглядно видны из таблицы 1.

Таблица 1.

Данные о стоке (общем и подземных вод) в арктических районах Северо-Востока России (по материалам КУГМС).

№ п/п	Река, гидрологический пост; площадь бассейна (км ²)	Среднегодовой расход, м ³ /с	Среднегодовой модуль стока, л/с-км ²		Доля подземных вод в речном стоке, %
			общий	подземный	
1	2	3	4	5	6
Заполярный район (ЦАО)					
Бассейн стока Восточно-Сибирского моря					
1	Скрытный, 4 км от истока; 10,5	0,1	8,1	0,25	3,1
2	Паляваам, устье руч. Глубокий; 6810	433	6,4	0,74	11
3	Пыркакайваам, п. Красноармейский; 103	0,9	8,7	0,3	3,4
4	Мал. Анюй, п. Островное; 30000	176	5,87	1,1	18,7
5	Люпвеем, устье руч. Прохладный; 725	13	5,73	0,25	5,1
Бассейн стока Чукотского моря					
6	Рывеем, устье руч. Куль; 1010	6,8	6,4	0,45	6,1
7	Амгуэма; устье руч. Шумный; 26700	2,71	1,03	1,6	15,5
8	Пильхинкууль, устье руч. Астория; 202	2,5	12,5	0,1	1
Приполярный район (ЦТО). Бассейн стока Анадырского залива Берингова моря					
9	Куйвиеем, п. Чуванское; 523	6,45	11,6	1,6	13,8
10	Нырвакинтвеем, устье; 207	3,1	15,2	1,1	7,7
11	Анадырь, п. Еропол; 47300	467	10,1	1,8	17,8
12	Изыскательский, устье; 13,2	0,34	27,3	0,44	1,6
13	Анадырь, п. Снежное; 106000	987	9,4	2,3	24,5

В таблице 1 приведены данные по постам с длительностью наблюдений более 10 лет по репрезентативным хорошо изученным водотокам. Есть единичные водотоки с аномальными показателями, обусловленными питанием водотоков подземными водами подозерных сквозных таликов. В бассейне стока Чукотского моря такой является р. Иультиканья с притоком – ручьем Теплый. В ручье (пост И-Т на рис. 1) с площадью водосбора 36,4 км² сток продолжается и в зимнюю межень. Минимальный сток в апреле – 2 л/с. Общий средний годовой модуль стока за 15-летний период наблюдений равен 16 л/с-км², т.е. более чем в 1,5 раза превышает модуль стока р. Амгуэма; модуль подземного стока в среднем составляет 1,5 л/с-км², что соответствует показателю крупной реки. Эти признаки однозначно свидетельствуют о наличии локализованных сквозных водовыводящих таликов под руслами р. Иульти-

канья и руч. Теплый.

На площади ЦТО таким исключением является р. Энмываам, в зимнюю межень питаемая подземными водами зоны тектонического разлома, пересекающего оз. Эльгыгыткин. С сентября по май озеро бессточное, глубина его до 160 км. В течение всего холодного периода уровень воды в нем падает за счет инфильтрации ее в зону тектонического разлома. Река Энмываам в створе у пос. Мухоморное (пост Э-М на рис. 1) при площади водосбора 11 400 км² [8] имела с 1958 по 1980 гг. общий средний модуль стока 8,43 л/с-км², средний модуль подземного стока 1,55 л/с-км², что сопоставимо с аналогичным показателем р. Амгуэма, имеющей вдвое большую водосборную площадь. К тому же р. Амгуэма после января чаще всего пересыхает. В р. Энмываам сток продолжается круглогодично. В апреле он в среднем равен 1,44 м³/с, модуль стока 0,13 л/с-км².

Хорошо заметные различия в особенностях питания рек подземными водами подчеркивают гидрографы стока р. Паляваам в створе «устье руч. Глубокий» (рис. 3), характе-

ризующие водотоки Заполярного района и реки Анадырь в створе «пост Новый Еропол» (рис. 4), представительный для водотоков Приполярного района.

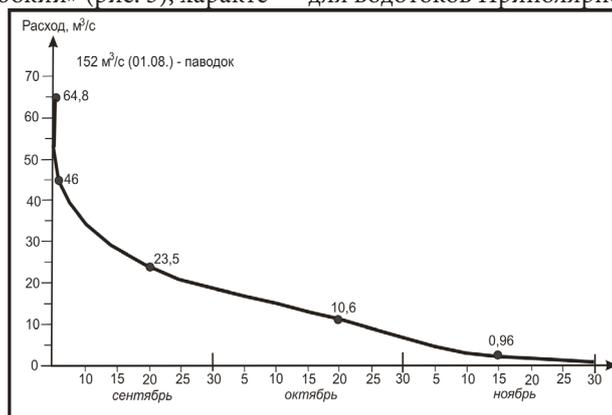

Рис. 3. Гидрограф стока р. Паляваам (устье руч. Глубокий) в осенне-зимнюю межень (с 30.08. по 03.11.1981 г.)

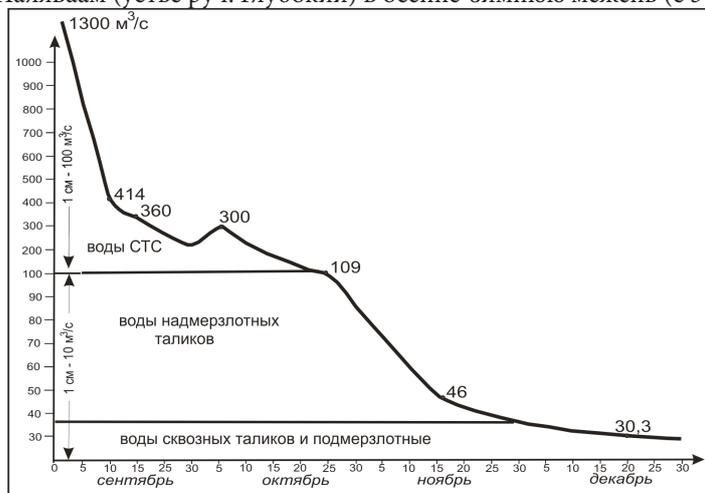

Рис. 4. Гидрограф стока р. Анадырь (пос. Новый Еропол) в осенне-зимнюю межень (с 01.09. по 30.12.1981 г.)

Отчетливо видна малая значимость подземных вод таликов и преобладающая роль обводненного СТС в питании рек бассейна стока арктических морей.

Для прогноза условий водоснабжения за счет подземных вод важно знать изменения стока в зимнюю межень. По нашим расчетам, основанным на генетическом расчленении гидрографов стока за многолетний период, струк-

тура подземного стока включает в себя подземные воды: СТС, полностью срабатываемые к концу октября; подрусовых таликов до глубины 5-6 м, срабатываемые к концу ноября; глубоких и сквозных таликов, определяющих сток до начала мая. Расчетные значения по водотокам, приведенным в таблице 1, по месяцам, характеризующие указанные периоды, показаны в таблице 2.

Таблица 2.

Показатели подземного стока в реки арктических районов

1	Водоток, гидрологический пост; площадь водосбора, км2; годы наблюдений	Среднемесячный модуль подземного стока по характерным месяцам, л/с-км2			Примечание
		X	XII	IV	
1	2	3	4	5	6
Заполярный район (ЦАО)					
Бассейн стока Восточно-Сибирского моря					
1	Мал. Анюй, п. Островное; 30000; 1960-1980	6,7	0,05	0,004	сток круглогодичный

2	Паляваам, устье руч. Глубокий; 6810; 1971-1980	8,3	0,006	нет стока	сток отсутствует с конца декабря до середины мая
3	Люпвеем, устье руч. Прохладный; 725; 1960-1980	0,97	нет стока	нет стока	сток отсутствует с III-ей декады октября по III-ю декаду мая
4	Пыркакайваам, п. Красноармейский; 103; 1942-1964	3,49	нет стока	нет стока	сток отсутствует с I-ей декады октября по III-ю декаду мая
5	Скрытный, 4 км от истока; 0,0105	4,02	нет стока	нет стока	сток отсутствует с конца сентября до середины мая
Бассейн стока Чукотского моря					
6	Амгуэма; устье руч. Шумный; 26700; 1944-1980	10,6	0,12	0,0004	сток круглогодичный
7	Рывеем, устье руч. Куль; 1010; 1967-1985	3,5	нет стока	нет стока	сток отсутствует с начала ноября до конца мая
8	Пильхинкууль, устье руч. Астория; 202; 1962-1980	5,64	нет стока	нет стока	сток отсутствует с начала ноября до конца мая
Приполярный район (ЦТО). Бассейн стока Анадырского залива Берингова моря					
9	Анадырь, Снежное; 106000; 1958-1980	11,9	4,05	0,22	сток круглогодичный
10	Анадырь, Еропол; 47300; 1958-1980	6,8	2,9	0,26	сток круглогодичный
11	Куйвиеем, пос. Чуванское; 523; 1957-1980	5,53	4	0,27	сток круглогодичный
12	Нырвакинотвеем, устье; 207; 1950-1980	4,3	1,42	нет стока	сток отсутствует с начала ноября до конца мая
13	Изыскательский, устье; 13,2; 1947-1980	6,2	нет стока	нет стока	сток отсутствует с начала ноября до конца мая

На основе выявленных закономерностей можно заметить, что условия для организации водоснабжения за счет подземных вод в Заполярном и Приполярном районах Арктики различны. Эти различия обусловлены климатическими факторами. Общая величина речного стока в этих районах значительна, но сток осуществляется в основном в короткий летний период. В зимнюю межень, длительность которой от 7 до 8 месяцев, в бассейнах стока рек с водосборной площадью менее 25 тыс. км² в арктическом Заполярном районе вода становится дефицитным ресурсом. В Приполярном районе водный дефицит возникает в бассейнах рек с водосборной площадью менее 1 тыс. км². Во всех случаях общая среднеголетняя величина стока позволяет организовать бездефицитное водоснабжение,

но только применяя методы искусственного регулирования процессов сработки естественных водных ресурсов. Для суждения о перспективности данных методов прием за величину прогнозного эксплуатационного ресурса (ПЭР) пресных вод 10% общего среднеголетнего стока. Данная величина общепринята для оценки масштаба экологически безопасного изъятия воды для хозяйственно-питьевого и промышленного водоснабжения. Соответственно, модуль ПЭР равен 0,1 модуля общего стока. Принятые показатели ПЭР с использованием количественных оценок, выведенных для репрезентативных водотоков (таблицы 1 и 2), позволяют заметить, что в Заполярном районе ЦАО только наиболее крупные реки, как Малый Аной и Амгуэма, в створах с водосборной площадью 25-30 тыс.

км² обладают среднегодовым объемом подземного стока большим, чем ПЭР. В Приполярном районе ЦТО это возможно практически повсеместно.

Вместе с тем, данные в таблице 2 показывают, что в Заполярном районе ЦАО, в том числе в бассейнах рек с водосборной площадью 25-30 тыс. км², ситуация к декабрю резко меняется и для реализации ПЭР становится неблагоприятной. В пределах ЦТО критическая ситуация с организацией водоснабжения возникает к окончанию зимней межени. Вместе с тем, повышенная водность СТС ко времени окончания летней межени и началу зимней позволяет использовать способы искусственного регулирования процессов расхода подземных водных ресурсов. Среди этих способов наиболее разработаны: искусственное торможение стока путем сооружения временных фильтрующих перемычек в русле и подземных барражей в подруловых отложениях; аккумуляция воды в искусственно создаваемых таликах и т.д. Способы разработаны в основном для рек бассейна стока р. Колыма, но могут применяться и в Арктике [2].

Заклучение. Арктическая зона Северо-Востока России разделена Главным водоразделом Земли на два района – Заполярный Циркумарктической области и Приполярный Циркумтихоокеанской. Они различаются климатическими факторами формирования водных ресурсов. Более благоприятны эти факторы в Приполярном районе, в то время как в Заполярном средний многолетний модуль общего стока и средний годовой модуль подземного в два и более раз меньше. Различна и структура подземного стока. В Заполярном районе основную роль в питании рек играют воды сезонно-талого слоя; в Приполярном – дополнительно участвуют подземные воды таликов надмерзлотных и сквозных.

Считая прогнозные эксплуатационные водные ресурсы равными 10% общего речного стока, установлено, что в Заполярном регионе ПЭР в естественных условиях можно реализовать за счет подземных вод только до конца сентября. Для устойчивого водоснабжения необходимо приме-

нять методы искусственного регулирования естественных водных ресурсов. В Приполярном регионе негативная ситуация с реализацией ПЭР складывается во второй половине зимней межени в долинах малых горных водотоков с водосборными площадями менее 0,5 тыс. км² и с начала октября в водотоках с водосборными площадями менее 0,1 тыс. км².

В целом следует подчеркнуть, что организация устойчивого экологически безопасного водоснабжения при водопотребности 1000 л/с и более возможна повсеместно только с использованием способов искусственного регулирования стока.

Список литературы

1. Глотов В.Е., Глотова Л.П. Особенности применения метода магазинирования пресных подземных вод в бассейне р. Колыма // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 1 (9). С. 2331-2335.
2. Глотов В.Е., Глотова Л.П. Общие закономерности подземного питания рек на Северо-Востоке России // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 17. № 6. С. 63-69.
3. Глотов В.Е., Глотова Л.П. Гидрогеология зоны активного водообмена на арктическом побережье Севера Дальнего Востока // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2015. № 1. С. 28-36.
4. Калабин А.И. Вечная мерзлота и гидрогеология Северо-Востока СССР. Магадан: ВНИИ-1, 1960. 470 с.
5. Клюкин Н.К. Климат // Север Дальнего Востока. М.: Наука, 1970. - С.101-132.
6. Кузнецов А.С., Насыбулин Ш.С. Особенности формирования стока на реках Верхней Колымы // Сб. работ Магаданской Гидрометеорологической обсерватории. Магадан: КУГМС, 1970. С. 52-65.
7. Многолетние данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши. Т.1. РСФСР. Вып. 17. Ч. 1 и Ч.2. Л.: Гидрометеоиздат, 1985. - 430с.

HYDROCARBONS GENESIS AND FORMATION OF THEIR DEPOSITS AS A BASIS OF PREDICTING OIL-AND-GAS PRESENCE IN DEEP-SUNK HORIZONS OF SEDIMENTARY BASINS

Mayevskiy B.Y.

Doctor of geological sciences, Professor

Kurovets S.S.

PhD, Associate Professor

Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas

ABSTRACT

The article surveyed the origin of hydrocarbons and its impact on the possibility of forecasting oil and gas potential of deep horizons.

Keywords: formations, petroleum, genesis, forecast, reservoir.

The problem of hydrocarbons genesis and formation of their deposits, defining in turn their location in oil-and-gas bearing basins, is not only of theoretical, but first and foremost of practical significance. This problem solution often reflects researchers' personal view at oil and natural gas origin, either following sedimentary-migration hypothesis or hypothesis of their mineral-mantle genesis.

The main proof that sedimentary rocks generate oil-and-gas hydrocarbons is the fact that their fields are mostly confined to these rocks and that composition of hydrocarbons of scattered organic substance is to some extent similar to that one of oil.

In the opinion of oil organic genesis followers, deposits of any lithological composition, containing organic substance, may generate oil, no matter under what paleogeographic or geochemical conditions they were formed. However, up to now, considerable number of research works, meant for revealing indicators which would enable to surely prognosticate places of oil-and-gas generation, has not made it possible to establish distinguished boundaries by majority of features (lithological characteristics of rocks, conditions of sediments deposition, character of geochemical facies, quantity of organic substances and their type, thermodynamic conditions of Earth interior, stages of organic substances metamorphism etc.) between petroleogenetic and non-petroleogenetic rocks.

Many researchers (M.B. Vassoyevych, I.V. Vysotskiy, O.M. Snarskiy, O.K. Bazhenova, Yu.I. Korchahina, R.M. Novosyelskiy etc.) bind formation of the found oil-and-gas deposits with specific petroleogenetic layers present in oil-and-gas bearing basins, such as bituminous deposits of the Carpathians Menilite Suite, Volga-Ural Domanic level, domaniks of the Prypyat-Dnipro region, Bazhenov Formation of Western Siberia, bituminous Maikop Formation of the Crimea, Ciscaucasia etc. Oil-and-gas deposits in these sediments, pyrolytic explorations by Rock-Eval methods and other geochemical data led them to the opinion that these layers are an autonomous oil-and-gas accumulating system. At that, it was underlined that the deposits were formed only due to processes within sedimentary magnitude, while complete complex of geological-and-geochemical, hydrogeological, mineralogical, palynological and other materials was not taken into consideration. [1].

Still, the indicated explorations did not facilitate working out of effective criteria of oil-and-gas presence prognostication which would be followed by their direct revealing by means of drilling prospects wells. At present, direct relation between

primary migration catagenesis and hydrocarbon deposits formation does not seem convincing enough. Today's bitumoids content in rocks also cannot be an unambiguous indicator of generation, emigration of hydrocarbon components from them all the more. Just referring to catagenesis role in oil-and-gas accumulation, it is difficult to explain, why under close forming, structural-tectonic, geothermal conditions, the types of cavities similar by morphogenetic peculiarities and screening character, contain hydrocarbon deposits, while others are non-productive, or why under the above-mentioned conditions cavities contain hydrocarbon/non-hydrocarbon (oxygen dioxide, nitrogen etc.) gases of various phases in a homogeneous forming layer.

The materials obtained in recent years [2] also prove need in re-considering traditional views at bituminous layers formation and their role in oil-and-gas appearance in sedimentary basins. It became apparent that reproduction of peculiarities of siliceous bituminous layers generation and appearance of oil-and-gas bearing areas of their expansion cannot do without taking into account tectonic-geodynamic processes connected with Earth upper mantle. Under thermobaric bedding conditions these layers may be regarded only as reservoirs for accumulating allochthonous hydrocarbons, shifted from high-temperature zones of Earth crust or upper mantle.

A characteristic property of oil-and-gas bearing basins is presence of geodynamically grounded, completely forming fluid-conducting systems, which permeate through bituminous layers as well. They are confined (O.Yu. Lukin, 1990) to intersection points of abyssal fractures, thus controlling paragenetic space-time associations of different naphtides accumulation and hydrothermal mineralization. T.T. Klubova's electron-microscopic research of porous space structure of bituminous layers (1988) showed that hydrocarbon deposits were formed in them due to vertical migration to pre-softened rocks [1].

The main indices indicating oil deposits formation due to vertical migration according to [1, 9], are the following:

- 1) oil content homogeneity in multilayer fields irrespective of stratigraphic confinement and bedding depth (V.L. Pluzhnikova, 1984; V.V. Kolodiy, V.K. Solodkov, 1988; B.Y. Mayevskiy, 1988; H.P. Kurbskiy, 1987 and others);
- 2) absence of influence of organic substance catagenesis degree upon phase and composition of hydrocarbon deposits (B.Y. Mayevskiy, 1994; L.M. Kuchma, 2000);
- 3) presence of plant microresidues of older sediments in oil

(H.P. Shkrebta, 1966; K.R. Chepykov, A.N. Medvyedeva, 1963 and others);

4) presence of condensation low-mineralized waters in many productive areas, greatly differing by salt composition from hydrochemical background. Condensation water formation is connected (V.V. Kolodyy, 1975) with hydrocarbon vertical migration along ruptures and vaporous water followed by its condensation under favorable thermobaric conditions;

5) hydrochemical inversion and variety of chemical composition of formation waters of productive section. As a rule, waters of systems devoid of hydrocarbons industrial accumulation or lacking in their reserves, are characterized with similar chemical composition. Spatial interconnection between deep alkaline waters and hydrocarbons is caused by similar conditions of these fluids forming and vertical (subvertical) migration from Earth interior to upper levels of sedimentary cover during the most active geotectonic periods. Hydrochemical abnormalities are related not only to hydrocarbons deposits but also to ways of migration from deep-sunk zones of the Earth;

6) availability of water-saturated soils layered with productive sediments in section of oil-and-gas fields;

7) high saturation with hydrocarbon gases and oil components of formation waters in edge parts of hydrocarbon deposits, while in places far from edges, water saturation with hydrocarbon components sharply reduces, and formation waters contain a lot of nitrogen;

8) presence of haloes of higher content of less-common and scattered chemical elements (Ni, Cu, Mo, Co, Zn, Mn, Ag, Sz, Rb, Cs etc.) in edge underground waters of oil-and-gas fields, and the farther from oil/gas bearing edge they are located, the less elements they contain, sometimes till their complete absence;

9) presence of higher concentration of helium, hydrogen and hydrargyrum in productive strata, as well as multimetallic mineralization in complex with hydrocarbon-mineral fissured formations;

10) presence of liquid-gas hydrocarbon inclusions in epigenetic minerals of tectonic cracks, homogenization temperature of which is over 200-300°C;

11) presence of productive areas of oil-and-gas fields of coal-like kerotenes in tectonic stringers (kerites, anthraxolites), generation temperature of which is over 200-300°C;

12) presence of both hydrocarbon and non-hydrocarbon (nitrogen, carbonaceous) deposits on the same stratigraphic horizon under single-type lithologic-and-facial conditions (for example, in Pannon, Carpathian, Volga-Ural and other regions). Great concentration of acid gases in hydrocarbon deposits at a depth of over 1,5-2,0 km, where oxidation processes are practically excluded, may be explained by their common migration from deep Earth spheres;

13) improvement of rock reservoir properties as a result of inflow of high-temperature hydrocarbon-containing fluids into them, it facilitated dissolving of cement material of productive strata. As a rule, beyond water-oil contact, capacity-filtration properties of reservoir rocks worsen because of porous space clogging with mineral substances.

Research of spatial location of hydrocarbon deposits showed that their maximal concentration is confined to the

areas adjacent to places of abyssal fractures intersection. In multilayer fields to which basic oil reserves are confined, areas of improved reservoir properties mostly coincide in plan with various stratigraphic horizons due to uniform system of open-ended fractured zones [3, 4]. Fractured and crushed zones are also characterized with higher bituminosity of rocks including bottom sediments. At that, bitumoids composition of bottom rocks is to some extent similar to oil-hydrocarbon composition [5].

As a rule, oil-and-gas deposits are characterized with much higher formation temperatures (by 20-30°C) in comparison with closely located non-productive structures. One can often observe direct relation between hydrocarbon reserves and heat currents. Thanks to geothermal mapping, isotherms "tightening" were revealed in zones of main tectonic deformations [9].

In oil-and-gas geology it became traditional to consider oil-and-gas deposits formation as a process of concentrating hydrocarbons scattered in rocks and formation waters. However, up to now no satisfactory mechanism of hydrocarbons primary migration and their concentration in deposits has been revealed. Moreover, owing to experimental analyses of bituminous samples of menilite rocks taken from the Precarpathians and their lithologic analogy – rocks of Bazhenov Formation of Western Siberia – it was found out that capacity of water-soluble organic substance in them is very small (0.007-0.017 g/l) at the temperature of approximately 80°C. The results of thin-layer chromatography show that bitumoids, consisting of water extracts, are represented mostly by aromatics (by 36%) and asphaltenes (about 20%). Methane-naphthenic hydrocarbons which are a fundamental component of oils, are only an insignificant part (by 10-16%). Apart from that, water-soluble organic substance is enriched with sulphur-containing compounds (mercaptans, benz- and dibenzothiophenes), total volume of which sometimes exceeds 12% -- an untypical feature for oils of the indicated regions. As opposed to water-soluble organic substance, methane (54-58%) and naphthene (31-35%) carbohydrates dominate [1, 6] in petrol fraction of Carpathian oils.

Total content of water-soluble organic substance slightly changes within the range of temperatures from 20 to 150°C, and only in case of temperature rise from 150 to 200°C its considerable increase is observed. The mentioned experimental data correspond to relative explorations (I.H. Kohan, E.A. Bars, S.S. Kohan and others, 1968) [7] of bituminous Maikop and Aptsk sediments of Central Ciscaucasia, which are a part of geological structure of the Azov-Black Sea region. Thus, experimental results show that hydrocarbon water-dissolved components can migrate from bituminous deposits exclusively at high (over 200-250°C) temperatures. However, it is impossible to determine volume of hydrocarbons, connected with organic substances of bituminous layers, for every concrete case [1].

On basis of change along porosity crack, volume of water displaced during its compression and maximally possible water-soluble organic substance, removed into 1 m³ of water, approximate volume of water-soluble organic substance which could be absorbed by porous waters from clay bituminous rocks of the Menilite Formation, was calculated. This figure is so much less than reserves of oil prospected in Precarpathian

depression, that well-known oil fields forming at the expense of water-soluble organic substance and lateral migration is out of question [1].

In the course of intrusion of deep high-temperature pressurized gas-vapor fluids, they can react with organic substances of Earth crust in physical and chemical sense more intensively. It is known that under certain pressure, gases can turn into solvents of liquid hydrocarbon compounds (S.L. Zaks, M.I. Gerber, S.M. Biletska etc.) and stimulate their removal from organic substances of sediment layers. Research of bituminous unmilled rocks and further additional sampling from grinded rocks showed that considerable part of bitumoids is located in closed pores. Large scale of these processes is not defined too, as even here controversial questions having no unique solution arise. Thus, on the one hand, indicated gas-vapor fluids mostly migrate along lightly migratory channels (fractures, cracks, zones of decompression, reservoir rocks) and react with organic substances of sediment layers on a small area, thus greatly limiting volume of hydrocarbon compounds dissolved in them. It is proved by electronic-microscopic research of porous space structure of bituminous layers, and it showed [7], that the deposits were formed due to migration to pre-decompressed rocks in them.

Size of numerous oil molecules is similar to that one of porous space channels (P.A. Viterspun, I.L. Markhasin, E.A. Halyamova and others), it prevents molecules from passing through channels. Oil molecules, especially complex ones, are very absorbing. In porous space, supramolecular films are formed, sometimes completely closing channels. Experimental works (V.M. Berezin, V.S. Yaryhina, N.A. Dubrovina, T.P. Sapronova, S.G. Shvedova and others) show that considerable quantity of hydrocarbons are absorbed in real reservoir rocks. B. Tisso and D. Velte give an example that alkanes number reduced by 97 % in the course of filtration of supermolecular alkanes through 50-nm micropores. This fact led V.F. Nikiforov to the thought that oil gets scattered in reservoir rock after it passes a few porous objects, equal to volume of oil. [8].

At that, in the process of primary migration of oil microparticles from source beds to reservoir rocks, they are greatly influenced by bacteria. Bacteria species (biocoenosis), revealed in oil and formation waters of oil-and-gas fields, prove possibility of their existence in wide range of temperatures and pressures. Nowadays there exist proofs of hydrocarbon oxidation with anaerobic bacteria. Geochemical results of these processes are change of fluids composition of oil-and-gas deposits and formation waters within the direct interaction zone. Experimental research (O.A. Arefyeva and others, 1978) showed that up to 4-20 g. of oil was oxidized in 1 m² of water-oil contact area. In different experiments, depending on oils chemical composition and time of experiments (3-12 months), microorganisms consumed from 8 to 50 % of oil. This material definitely proves that so-called "micro-oil", removed in water-dissolved condition, is destroyed to great extent [9].

Traditional view at organic oil and gas origin leads to the conclusion that processes of hydrocarbon generation last for tens and hundreds of millions of years during various diagenesis and catagenesis stages of matrix complexes. But the data, obtained for recent years, changed the situation cardinally and many published works (B.A. Sokolov, A.N. Huseva, 1993)

develop ideas about geologically momentary forming of deposits or even about their restoration during development [8].

Apart from that, hypothesis of distant lateral migration of scattered oil in the form of gas or water solutions and its accumulation in oil traps, often contradicts the data of geological structure of oil-and-gas basins. Referring to hypothesis of lateral migration of oil components in porous waters, today it is difficult to interpret forming of gigantic milliard oil and bitumen accumulation of Canadian type (Athabasca group), Near Eastern type, Venezuela type and others. In every oil/gas basin, oil reserves density is much more than potential of source beds, where hydrocarbon deposits were formed [12].

In S.H. Neruchev's opinion (1978), present location of oil-and-gas deposits in oil/gas basin does not reflect actual dependence of hydrocarbons composition on thermobaric conditions, because, in general, considerable discrepancy between oil/gas location and deep-sunk zones of their forming can be observed in sedimentary cover [10].

Most oil-and-gas accumulation zones are not characterized with distinct change in depth of gas-condensate and gas-oil deposits. Nonuniformity of oil-gas reserves allocation in section is first and foremost controlled by allocation of regional seals-impermeable seams in section. At that, location of the lowest of them in section is of great importance. Therefore, different depth of basic oil-gas column location is connected not with stages of organic substance transformation, but with position of lower regional cover in section.

Active tectonic-fluid-dynamic mode is the main condition for oil-and-gas concentration on industrial scale, irrespective of geostructural confinement of sedimentary basin. The most intensity of penetration of deep (subcortical and cortical) fluids and heat which facilitated active catagenesis of organic substances and carry-over of some hydrocarbons part, occurred at the places of Earth crust cracking and neotectonic activity, revealed in higher fracturing of sedimentary cover. On the one hand, such a mode ensures transportation of hydrocarbon fluids, on the other hand, it frees porous and fractured spaces of geological bodies from underground waters, they were filled with before, thus creating reservoirs for hydrocarbon deposits formation in them [11]. While migrating to upper parts of sedimentary basin, gas-liquid system differentiates on its way of migration, causing corresponding vertical zonality of oil-and-gas presence. In case of absence of reliable impermeable seams in section, gaseous elements are lost in the first place, meanwhile oil and bitumens can be formed in near-surface conditions (bituminous sand deposits) or even create accumulations on day surface (pitch lakes).

It should be also mentioned that exactly in the zones of activation of tectonic-fluid-dynamic mode, due to carry-over of deep-sunk hydrogen and carbon compounds, inorganic synthesis of hydrocarbons can occur, as well as their migration to overlying traps. Possibility of abiogenous synthesis of hydrocarbons from certain elements (C, H) or simple chemical compounds (CO₂, CO, H₂O), present in magma of deep planet spheres and its gashydrothermal derivatives, is grounded in well-known works of H.Yu. Boyko, B.M. Valyayev, Y.V. Greenberg, G.N. Dolenko, V.O. Krayushkin, P.M. Kropotkin, M.O. Kudryavtsev, V.B. Porfiryev, Ye.B. Chekalyuk and others.

Growing number of findings, bitumens, dispersely scattered in magmatic and hydrothermal formations, interrelation of which can be hardly grounded by biogenic organic substance of sedimentary rocks, confirms possibility of hydrocarbon inorganic synthesis in nature [12]. Possibility of abiogenous synthesis of hydrocarbon compounds can be confirmed both by experimental research and theoretical calculations.

Abiogenous sources of oil-and-gas content (I.I. Kulakova, A.P. Rudenko, 2003) can be proven by synthesis of all oil group components (normal alkanes, isoalkanes, naphthenes, aromatic hydrocarbons) containing CO, CO₂ and H₂ at the temperature 200–500 °C and pressure 60–80 atm in bifunctional catalysts on basis of metal oxides and clays, silica gel, aluminum oxide and zeolites [8].

As the world goes, all organic substances scattered in sedimentary layers are a product of biosphere, which are organic residues of animal and plant world. Besides, greater part of organic substance rocks is different bitumoids – another way of origin (allochthonous). At present, endogenous and biogenous origins of carbon substance in the so-called source beds are apparently combined [2].

Oil-and-gas basins exploration showed that bitumens and hydrocarbon substances in hydrothermal mineralization are present not only in sedimentary rocks but equally in basement complex. At that, hydrocarbon compounds content cannot be connected with certain mineral associations or type of container rocks. This leads to the thought that hydrocarbon substances presence among hydrothermal minerals is not just a random fact, caused by local conditions but one of peculiarities of hydrothermal process.

For today, a lot of material has been collected describing underwater hydrocarbon-containing and metalliferous hydrothermal systems. Temperature of such hydrotherms reaches 350–636°C, as concerns ocean depth above them, it is 2000–5300 m.

Sediments, covering ocean floor at places of hydrotherms underwater outlets, contain much more oil and carry out a big amount of hydrocarbons, if compared with volume of hydrocarbons, that could be formed at the expense of biogenous residues of these sediments; according to V.O. Krayushkin's calculations (1992), bigger volume of oil in sediments proves inorganic origin of this oil [13].

Factual material indicates that hydrothermal systems carry out a lot of oil hydrocarbons participating in sedimentogenesis, early diagenesis and formation of bottom sediments enriched with bituminous components in the process of their activity [1, 2].

Existing geological material proves that in many sea and ocean basins, hydrocarbons percolate to a considerable

extent under submarine conditions as a result of tectonic-seismic shifts. Classic regions of underwater percolation of hydrocarbons are coasts of the Gulf of Mexico and Persia, the Caribbean Sea and the Arctic. Due to explorations of their floor, various bituminous bodies and oil inclusions were found in bottom sediments [14].

Yet D.I. Mendelejev mentioned the Domanic Formation of Volga-Ural and Timan-Pechorsk oil-and-gas bearing provinces as an example of synchronous oil accumulation in sediments leading to formation of slate coals. M.O. Kudryavtsev (1973) supported this thought. This idea is worth of further research not only owing to great number of types of slate coals in nature but also owing to the fact that today some basins are naturally contaminated with oil, causing oil burial in bottom sludge together with biogenous organic substance [15].

Naphtide inclusions in such early-diagenetic fine-grained minerals as calcium, chalcedony, calcium phosphorite and kaolin phosphorite may be a convincing proof for the first bitumens inflow in hydrothermal solutions during forming of bituminous Domanic sediments of Volga-Ural region. The earliest new silica formations are in the shape of globule, they are very pigmented with bitumens. Because of great quantity of bitumens, sediments are no more capable to transform on crystal level. Bitumens are of different size and shapes in most limestones of micro- and fine-grained structure: starting from fine (0,01–0,5 mm) tear-shaped formations to quite big (from a few millimeters to 1,0–1,5 cm) inclusions and strings (K.R. Chepykov and others, 1982). At the same time, calcareous sediments lacking in bitumens or containing none of them, underwent considerable and multiple re-crystallization, it is proved by colourless, almost transparent authentic minerals of generations II and III [2].

Macroscopic organic substance of bituminous sediments of the Menilite Formation is represented by scattered and concentrated forms [2]. Concentrated form of organic substance is represented by bunches, lentils and microlayers bedded along rocks, sometimes numerous rounded lamellar and brittle bitumen-pyrobitumen inclusions can be found on the leaf-like surface of highly bituminous strata (Figure 1).

Along with them, lenticular coal-like substances are found; they are pyrobitumens of kerite-anthraxolite type (Figure 2). Content of bitumens in some tuffaceous sandstones and siltstones reaches 40–50 %. These data prove that hydrothermal fluids, silica and ore elements carried out different metamorphosed bituminous substances into the Menilite basin, while sinking to sea-bed, they formed sediments with syngenetic inclusions of organic substances of deeper coalification, but biogenous material remained less transformed [2].

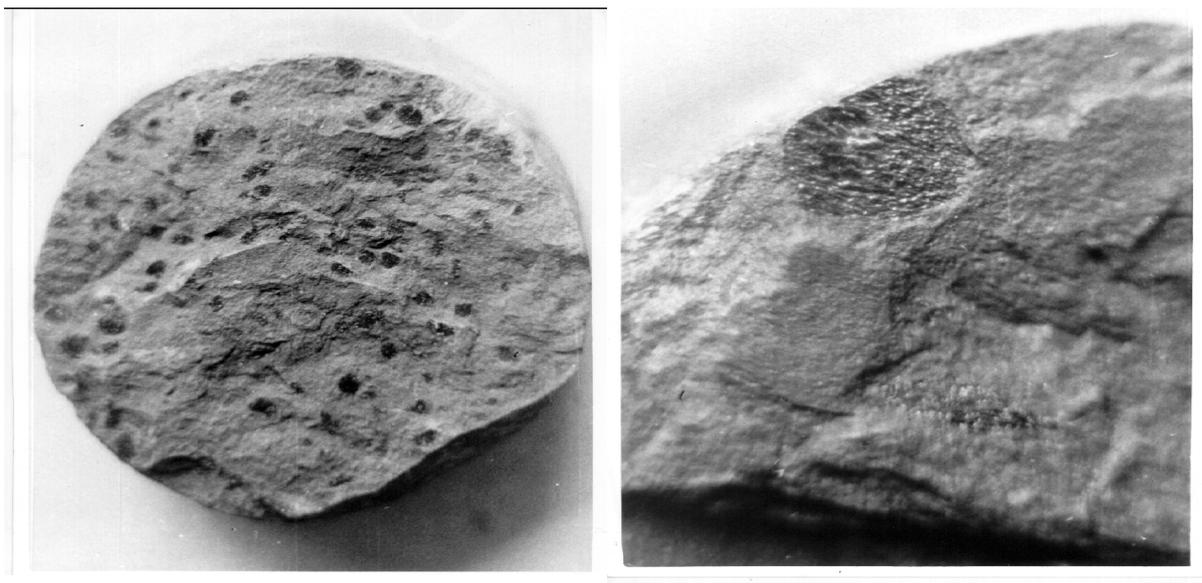

Figure 1 – Accumulation of lamellar and brittle rounded bitumens on leaf-like surface of bituminous argillites of the Lower Menillite Subformation (a) and a brittle bitumen inclusion (b) (well 4 – Pivdenny Gvzd, interval 3270-3276 m)

Figure 2 – Lens-like inclusions of upper kerite with pale grey edging in Lower Menillite bituminous rocks (well 1 – Dovbushanka, interval 2655-2658 m)

In the sediments of Bazhenov Formation of Western Siberia, organic substances can be found in the form of inclusions of solid bitumens and fine-dispersed inclusions piercing through mineral matrix. For instance, the macerates of samples taken from highly bituminous rocks of Bazhenov Formation of Salim region and Krasnoleninsk Arch were characterized with a lot of black splintered and amorphous inclusions, related to sediments bituminosity. Apart from that, brownish-black layers of asphalt-like bitumens, being, most probably, oil residue oxydized, were revealed along the stratum of highly bituminous rocks of Bazhenov Formation on Salim area.

Slate-containing highly bituminous stratum of Lower Cambrian age is common at the very big territory of northern east of Siberia Platform. This stratum is separated out into Kuonam Formation with clearly marked microheaps of bitumens. For example, such bitumens are bitumens/pyrobitumens films, padding and crusts in slate coals and siliceous-carbonate rocks in section of Kuonamka, Rostorguy rivers etc. Macro-demonstration of bitumen/pyrobitumen in the form of dark-brown film and leather coat was found on the surface of leaf-like slate coal sediments of Kuonam Formation. Bitumens consistence varies from viscid to hard. Such bitumens

are also connected with limestone pores and cracks, adjoined to highly bituminous slate layers. Thickness of bituminous film-like deposits-crusts is 1,5-5,2 mm, they are classified as asphaltites [17].

These data, together with other materials, enable us [2] to come up to the problem of highly bituminous strata forming and their participation in oil-and-gas making processes in a principally new way, because presence of bitumoids higher concentration in them leads in no way to the thought, that the indicated layers are oil-and-gas generating under conductive heat transmission conditions. On the contrary, as it is indicated above, highly bituminous strata can be formed involving hydrocarbon substances, carried out in hydrothermal systems in submarine conditions.

Apart from hydrocarbon substances, important bioelements (C, P etc.) stimulating rapid biological development in photosynthetic zone, like upwelling areas, come out with deep-sunk gashydrothermal fluids. After photosynthesis bioproducts enter near-bottom conditions, they get saturated with products of gashydrothermal systems including bituminous components, and form a common organic-mineral rock complex enriched with bituminous and ore components [1, 3] together with

mineral substances of water basin.

Nowadays, more and more often, there arise views among modern oil-and-gas generation hypotheses, worked out in the aspect of biogenic-sedimentary hypotheses, which ground necessity of taking into account great role of energy and substance of Earth deep zones, namely B.O. Sokolov's geofluiddynamic concept (1997), O.Yu. Lukin's geosynergistic concept of natural hydrocarbon-generating systems (1999), I.I. Chebanenko's sedimentary-inorganic hypothesis (2000) and others. In these scientists' opinion, deep fluids streams activate oil-and-gas formation process, hydrocarbons removal from organic substances of sedimentary strata, and stimulate their accumulation [18, 19, 20].

In such a way, the above-mentioned material proves that today genesis of hydrocarbons and formation of their deposits should be regarded taking into consideration the following views. In the first place it is the view that some uncertain part of hydrocarbons could come from high-temperature (over 200-250°C) zones of organic substance transformation during periods of Earth crust destruction and intensification of through-crust shift of deep fluidal systems.

In the second place, hydrocarbon inorganic synthesis can occur in the zones of Earth crust destruction and deep hydrogen-carbon carry-over under certain thermobaric conditions.

Referring to these positions, one may think that oil-and-gas accumulation in sedimentary basins, as a rule, is confined to abyssal fractures zones, especially their intersection. Regions of riftogenic structures, often overlapped with syncline formations or great overthrusts, are the most promising in oil-and-gas respect. Most fields-giants are confined to riftogenesis zones and lithospheric plates collision. Both riftogenesis and subduction (abduction) are determined by deep mantle activity revealed in asthenospheric diapirism and movement of mantle plums interacting with lithospheric plates.

For today, problem of scaling of hydrocarbon compounds formation in organic or inorganic way remains pending. However, it is impossible to explain gigantic accumulation of oil and bitumens referring only to organic theory, as well as to the fact why basic oil reserves (over 80%) are related to big tectonic zones (Persian-Mediterranean, Mexican-Caribbean and Sunda) of supercontinents drift during Mesozoic-Cainozoic Era. It proves that maximally favorable conditions for rising migration of deep fluids along the "channels", connecting Earth crust with upper mantle – main supplier of deep-sunk substance – appear exactly within the most tectonically active areas of lithosphere. Availability of some "biogenic" oils indicators can be explained [12, 21] with the fact that "mother" oil, being basically a product of mineral synthesis, "washed" some components out of organic substance in the course of migration along weakened zones of crust, cracks and pores of sedimentary stratum, and is getting transformed at the bacterial or another level owing to reactions with non-native organic-mineral environment, thus acquiring its natural composition.

Change of periodic tensions facilitates periodic opening and closing of destruction zones on the basement, being the main mechanism of pulsating-successive migration of fluid hydrocarbon systems of deep genesis. It is abyssal fractures that stimulated development of numerous structural forms (traps)

of super-, inter- and fault-line type in sedimentary cover, the system of fissures, along which subvertical (vertical) migration of deep hydrocarbon-containing fluids occurred. Activation of deep steam-gas-fluid streams caused rocks softening, diapirism and abnormally high formation pressures, so often fixed in dead zones in time sections.

It was established by M.K. Bulin and Yu.M. Yerinchek (2003) for the main oil-and-gas bearing provinces of Russia, that there exists territorial relation between limits of oil-and-gas bearing accumulation and abnormal zones with velocity characteristic as per seismic data in upper mantle at the Mokhorovychych surface level. In depth profiles, during seismic materials interpretation, geophysical heterogeneousness of different character both in upper mantle and crystal crust is observed under oil and gas deposits. To the mentioned explorers' mind, it is "signs" of deep tectonic-magmatic plums that can be interpreted by subvertical migration of rising products of oil genesis [8].

Methanic "torches" at a height of 600-1000 m at the bottom of Mariana and Congo Trenches, Caribbean and Red Seas, the Gulf of California, in other places along the whole global underwater system of rifts and transform faults, confirm a great role of abyssal fractures in hydrocarbons rising migration. It was counted up for certain, that over 1,3 billion m³ of methane and considerable volume of cosmogenic helium (³He) [22] are degassed from Earth upper mantle because of this system of fractures.

According to B.M. Valyayev's calculations [23], approximately 2,5 10²² g of light hydrocarbons (methane and others) were carried out to Earth surface for 500 million years. It let him state that oil-and gas accumulation is just an insignificant by-process against the background of more scaled (many thousands times more scaled) process of deep hydrocarbon degassing of the Earth, during which gigantic volume of hydrocarbons pass through stratosphere on their way to hydrosphere and atmosphere.

The above-mentioned data make it possible to come to the conclusion that oil-and-gas bearing depth profiles (deeper than 5 km) of Earth crust, crystalline basement and possibility of discovering of less-common hydrocarbons deposits in them are very promising. In most oil-and-gas bearing basins, upper structural-tectonic columns are generally prospected already, and oil/gas search in deep-sunk parts of sedimentary cover is a new independent trend. It is necessary to agree too many scientists' opinion (V.B. Porfiriyev, V.O. Krayushkin, I.I. Chebanenko, P.F. Gozhik, V.P. Klochko, M.I. Pavlyuk, O.Ye. Lukin, M.I. Yevdoshchuk and others), that every structure having oil and gas in sedimentary complex, is kindly for oil-and-gas search in deep-sunk horizons, including crystalline rocks of basement under concrete conditions. Creative process of re-consideration, re-interpretation of geologic evidence concerning deep structure of oil-and-gas bearing regions and hydrocarbons genesis, as well as forming of their deposits as a basis of oil-and-gas presence prediction for deep-sunk horizons of sedimentary basins, is now required.

Literature.

1. Mayevskiy B.Y. Theoretical aspects of petroleum geology (state and problems) / Theoretical and applied problems of

Petroleum Geology. – Kyiv, 2000. – Vol.1. – P. 22-29.

2. Some aspects of the role bituminous strata in oil and gas sedimentary basins / Mayevskiy B.Y., Lozinskiy O.E., Manyuk M.I., Khomyn V.R. // Hydrocarbon potential of deep horizons of sedimentary basins of Ukraine. Coll. Science. works. – Ivano-Frankivsk. 2005. – P. 27-33.

3. Impact of tectonic fractures on the nature and performance of oil-bearing wells in fields Precarpathians / Mayevskiy B.Y., Manyuk M.I., Hrabatynko I.V., Khomyn V.R. // Theoretical and applied problems of petroleum geology. Coll. Science. works.– Kyiv, 2000. – Vol.2. – P.184-189.

4. Mayevskiy B.Y., Manyuk M.I., Boyko G.U. Tectonic fractures and productivity of oil fields horizons in Dolinsky district / Geology and Geochemistry of Combustible Minerals, 2000. – № 2. – P.41-48.

5. Burova E.G., Safronova T.P., Atanasyan S.V. Bituminous foundation of various oil and gas regions // Oil and gas formation at great depths. Ivano-Frankivsk, September, 1987. – M., 1986. – P. 501-502.

6. Mayevskiy B.Y. Experimental data on bitumoyid water extracting from the Oligocene formation rocks in Ukrainian Carpathians / Geology and Geochemistry of Combustible Minerals, – 1991. – № 4 (81). – P.79-83.

7. Features capacity-filtration properties of reservoir rocks Oligocene Carpathian foredeep and their impact on nature naftonasychenosti and distribution of hydrocarbon / B.Y. Mayevskiy, T.V. Zderka, I.T. Shturmak, N.V. Lyahu // Oil and gas industry. – 2008. – №2. – P.11-13.

8. Genesis of oil and gas. – M.: GEOS, 2003. – 432 P.

9. Prediction, prospecting and exploration of oil and gas exploration / Mayevskiy B., Lozinskiy O., Gladun B., Chepil P. – Kyiv: Naukova Dumka, 2004. – 446 p.

10. Neruchev S.G. The relationship between the staging of oil and gas generation and distribution of oil and gas basins // sedimentary-migration theory of the formation of oil and gas – M.: Nauka, 1978. – P. 65-75.

11. Kerimov V.Y., Raczynski M.Z. Geoflyuid dynamic aspects of the formation and the forecast of oil and gas potential // Soviet geology – 1990. – №11. – P. 19-26.

12. Vladimir Borisovich Porphyryev. Scientist, geologist,

teacher, man. – Kiev scientific research. Geological Institute National Academy of Sciences of Ukraine – 2000. – P. 62-69.

13. Krayushkin V.A. Hydrothermal petroleum potential of oceanic rift zones // Geological Journal. – 1992. – № 3. – P. 37-46.

14. Mayevskiy B.Y., Antonyshyn O.I. Underwater seeps of hydrocarbons and their participation in the formation of fuel and oil shale // Exploration and development of oil and gas fields. – 1986. – Vol. 23. – P. 9-13.

15. Beskrovny N.S. Oil shale as a raw material for the production of synthetic crude oil (according to foreign sources). – M., 1982. – 52 p.

16. Purtova S.I., Semochkina T.G. Features spore-pollen complexes from bituminous deposits of Bazhenov horizon // Proceedings west-Siberia scientific-investigation Geology-prospecting oil Instute – Tyumen, 1984. – Vol. 188. – P. 72-75.

17. Klubov B.A. Natural bitumen of North. – M.: Nauka, 1983. – 208 p.

18. Sokolov B.A., Khain V.E. Geoflyuiddynamic model of oil and gas in sedimentary pools // Geodynamic evolution and petroleum potential of sedimentary pools. M.: Nauka, 1997. – P. 5-9.

19. Lukin A.E. On the origin of oil and gas (geosinenergetic conception of natural hydrocarbon-generating systems) // Geological Journal. – 1999. – №1. – P. 30-42.

20. The sedimentary-inorganic theory of formation of oil and gas exploration / I.I. Chebanenko, V.P. Klochko, V.S. Tokovenko, N.I. Evdoschuk // Geology of oil and gas. – 2000. – № 5. – P. 50-52.

21. Pavlyuk M.I., Varichev S.A., Rizun B.P. Oil and gas formation and geodynamic regimes of oil and gas provinces // Geol. and heoh. fuels. – 2000. – №2. – P. 3-21.

22. Krayushkin V.A. Inorganic direction of Petroleum Geology in Ukraine // Geological Journal. –1986. – №6. – P. 105-113.

23. Valyaev B.M. The hydrocarbon degassing of the Earth and the origin of oil and gas fields // Gas industry –1997. – №7. – P.6-10

ТИПОМОРФНІ ОСОБЛИВОСТІ ПІРИТУ ЯК КРИТЕРІЙ ЗОЛОТОНОСНОСТІ ЧИВЧИНСЬКОГО РУДНОГО РАЙОНУ МАРМАРОСЬКОГО МАСИВУ

Марусяк Валентина Петрівна

Інженер кафедри екологічної та інженерної геології і гідрогеології
Львівський національний університет імені Івана Франка

TYPOMORPHIC FEATURES OF THE PYRITE AS CRITERIA OF GOLD BEARING OF THE CHYVCHYNY ORE REGION (MARMAROSH MASSIF)

Valentina Marusyak, Engineer, Department of the Environmental and Engineering Geology and Hydrogeology, Ivan Franko National University of Lviv.

АНОТАЦІЯ

Досліджено типоморфні особливості піриту різних генерацій із рудопроявів Чивчинського рудного району. Зокрема на рудопроявах: Добрин, Альбін, Лостун, Мокрин, Попадинець. На підставі виявлення термо-електричних властивостей, елементів-домішок та кристаломорфології піриту різновікових генерацій з'ясовано їхні типоморфні особливості, які можна використати у прогностно-розушувальній практиці. Встановлено найбільш перспективні рудопрояви Чивчинського рудного району.

ABSTRACT

Typomorphic features of pyrite different generations from ore manifestation in Chyvchyny ore region were carry out. Dobryn, Albin, Lostun, Mokryn, Popadynets ore manifestation has been researched in detail. Typomorphic features such as thermoelectric properties, impurity elements content, crystal morphology of different generations could be used as indicators for gold exploration. The most perspective ore occurrences at the Chyvchyny ore district were specified.

Ключові слова: Чивчини, типоморфізм мінералів, пірит, габітус кристалів, термо-е.р.с., елементи-домішки, золото, розшукові критерії.

Keywords: Chyvchyny, typomorphic minerals, pyrite, crystal habit, thermopower, impurity elements, gold, indicators for gold exploration.

Вступ

Мармароський гірський масив кристалічних порід знаходиться у Східних Карпатах на прикордонних територіях України та Румунії. Румунська частина розділяє українську частину масиву на Рахівську (північно-західну) та Чивчинську (південно-східну) (рис.1). Це єдина зона, де виходять на денну поверхню древні породи Карпатської гірської споруди. У межах української території ці поро-

ди відслонюються у верхів'ї р. Тиси (Рахівські гори) та р.р. Білого і Чорного Черемоша (Чивчинські гори). В літературі їх виділяють під назвою Рахівський і Чивчинський масиви. У південно-східній частині породи поширені на території Румунії (Марамуреські і Бистрицькі гори, гори Родно, Джумалеу, Рареу, Хегимаш і Чук). У Румунії це масив іноді називають зоною кристалічних і мезозойських порід [1,3].

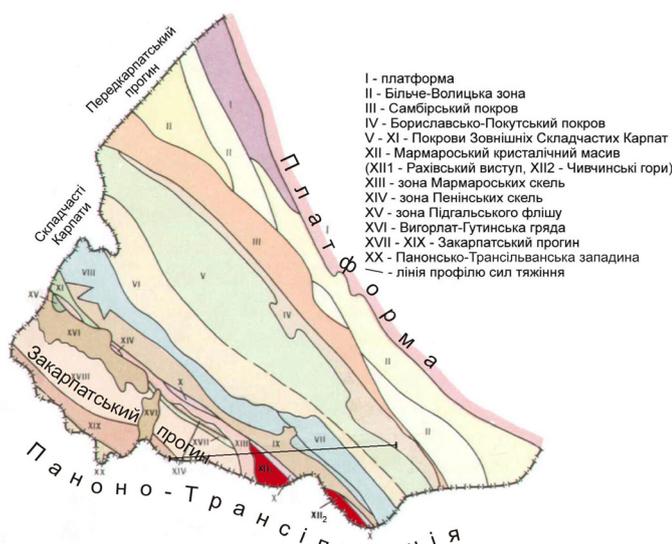

Рис.1. Схема тектонічного районування Українських Карпат.

Постановка проблеми. В зв'язку з відкриттям Сауляцького золоторудного родовища в Рахівському рудному районі, виникла необхідність дослідити на золотоносність Чивчинський рудний район.

Аналіз досліджень і публікацій. Геологічний розвиток Мармароської зони є дуже складний. Складаючі породи чітко розділяються на два стратиграфічні комплекси. Нижній комплекс складений древніми (доверхньопа-

леозойськими) метаморфічними утвореннями, верхній комплекс породами осадового чохла, головним чином мезо-кайнозойськими віку. У досліджуваному Чивчинському районі у глибоко врізаних долинах річок і струмків виходять на денну поверхню корінні доверхньопалеозойські породи Мармароського кристалічного масиву, регіонально метаморфізовані в умовах зеленосланцевої фації. Вони представлені переважно слюдиисто-хлоритовими, слюдистими, хлорит-слюдистими, серицит-хлорит-кварцовими, серицит-кварцовими та кварцитовими сланцями. Є також і графітові ділянки. Де-інде трапляються лінзи та прошарки слюдиисто-карбонатних сланців, кварцитів і карбонатних порід. Товщі кристалічних сланців переважно зім'яті в лінійно видовжені складки північно-західного орієнтування [2].

За С.Г. Рудаковим [8] кристалічні сланці належать до боєрівської світи, а за О.І. Матковським [2] - до нижньої сланцевої. М.П.Габінет зі співав. [9] вважають, що ці породи відповідають сланцево-кварцито-карбонатній діловецько-боєрівській світі і зіставлені з нижньою теригеною світою Мармароського (Марамурського) масиву Румунських Карпат.

У сланцевій товщі трапляються кварцові, кварц-польовошпатові, баритові, карбонатні й інші жильні утворення, однак переважають кварцові жили і прожилки, представлені, зазвичай молочно-білим чи сірим зернистим кварцом. Товщина жильних утворень становить перші сантиметри, зрідка 0,5 - 1 м і більше. Кварцові жили поширені з сульфідною мінералізацією - зернистими агрегатами й окремими кристалами сульфідів (пірит, галеніт, халькопірит, сфалерит та інші сульфідні).

Можливості застосування типоморфних ознак сульфідів для оцінки перспективності об'єктів відомі для цілої низки родовищ свинцю, цинку, міді, срібла, золота, нікелю, кобальту, та інших металів [7]. Як один із доступних і неструктурних способів виявлення типоморфних ознак сульфідів для пошукових цілей протягом кількох десятиріч розроблявся метод вивчення їх електропровідності з визначенням коефіцієнту термоелекторорушійної сили (термо-ЕРС) на прикладі багатьох рудних об'єктів [4,7,10]. Цим методом можна проводити масові заміри термо-ЕРС на мінеральних виділеннях різного розміру (від 0,5мм). Розробкою методичних рекомендацій з використання електричних властивостей сульфідів для оцінки ендегенних родовищ займалися учені Сибірського науко-

во-дослідного інституту геології, геофізики і мінеральної сировини К.Р. Рабінович, В.А. Булинніков, В.Н. Акчуріна, Забайкальського комплексного науково-дослідного інституту В.І. Красніков, В.А. Фаворов, В.А. Суматохін, А.С. Гуревич, В.М. Лапушков, В.Г. Романов, Є.Д. Зелюліна та ін у 90-і р. XX ст. Їх дослідження були спрямовані на вивчення властивостей реальних кристалів мінеральних видів і їх різновидностей [5,6], вивчення електричних властивостей типоморфних мінералів і фізико-хімічних параметрів руд з метою прогнозування оцінки рудних родовищ, методів вивчення електричних властивостей мінералів, вивчення взаємозв'язку електричних властивостей мінералів тощо [7]. Відомі сучасні публікації В.І. Павлишина, А.Г. Жабіна, А.Є. Кітєнко та ін., в яких висвітлені дослідження електричних властивостей для УЩ (Українського щита).

Пірит - постійний супутник зон гідротермально змінених порід і сульфідних родовищ, несе в собі широкую інформацію про процеси мінералоутворення. Зміна температурного режиму, накладення різних стадій гідротермального процесу, в тому числі рудоутворення, проявляється в просторово-часових змінах типоморфних особливостей піриту. Пірит є одним із найпоширеніших мінералів у рудних тілах та їх вмісних породах різнотипових золоторудних родовищ. Його генетична та прикладна інформативність зумовлена передусім тим, що цей мінерал трапляється у складі допродуктивних, продуктивних та післяпродуктивних мінеральних комплексів. З огляду на це його вважають одним із добре вивчених мінералів золоторудних родовищ України та світу [3,7].

Невирішені проблеми і цілі статті. Невирішеною проблемою було вивчення типоморфних властивостей піриту Чивчинського рудного району. Порівняння їх з подібними властивостями піриту золоторудного родовища Сауляк в Рахівському рудному районі для визначення найбільш сприятливих ділянок в відношенні золотоносності у досліджуваному районі.

Основні матеріали досліджень. У Чивчинському рудному районі пірит досліджено з сульфідизованих кварцових жил рудопроявів Добрин, Альбін, Лостун, Мокрин, Попадинець. Пірит поширений не тільки у кварцових жилах та прожилках, а й у вмісних породах і має досить різноманітні форми виділення. Найбільш поширені габітусні форми виділення це куб, пентагондодекадр, та рідше октаедр (рис.2).

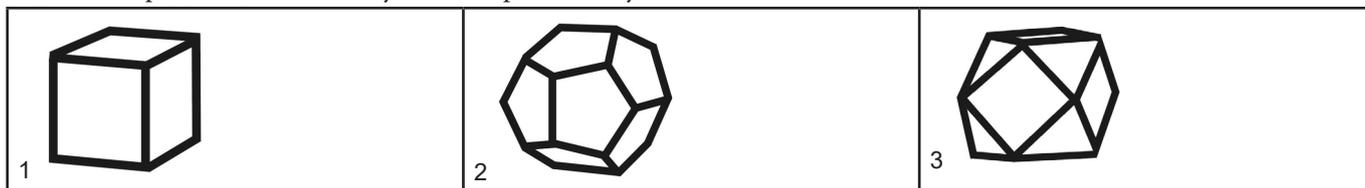

Рис. 2. Найбільш поширені габітусні форми виділення піриту в Чивчинському рудному районі. (1-куб, 2- пентагон-додекадр, 3- октаедр).

Рудопрояв Добрин розміщений у басейні річки Чорний Черемош і є його лівою притокою, що бере початок на південно-східному схилі гори Чивчин. Рудопрояв приурочений до порід метаморфічного комплексу (кристалічні сланці і кварцити та ін.) палеозойського віку.

Найбільш поширені мінерали в рудопрояві Добрин є пірит, халькопірит, галеніт та ін. (табл.1). У межах рудопрояву Добрин пірит найчастіше трапляється у вигляді кристалів, габітусна форма яких визначена гранями куба (часто дещо спотвореною). Його кристали інколи мають

блокову поверхню граней, однак частіше на їх гранях є «штрихування».

Таблиця 1

Найбільш поширені мінерали в рудопрояві Добрин

Рудні мінерали	Нерудні мінерали
Пірит I, II	Кварц I, II
Халькопірит	Хлорит
Галеніт (мало)	Слюда
Сфалерит (мало)	Польовий шпат
	Кальцит
	Алуніт

Менш поширені кристали, що мають форму пентагон-додекаедра та комбіновані, визначені комбінацією куба і пентагондодекаедра. Трапляються мономінеральні прожилки піриту товщина до 0,5 см, та протяжністю понад 5 см. Ранні виділення піриту (піриту-I) крихкі і інтенсивно катаклізовані та подрібнені. Їх часто перетинають пізніші прожилки кварцу, який тісно асоціює з пізнішими виділеннями піриту (піриту-II). Загалом габітус піриту-II визначений гранями пентагондодекаедра. Однак зазначимо, що їхня морфологія інколи буває спотворена асиметрією мінералотворного середовища.

Загальні значення термо-ЕРС піриту із рудопрояву До-

брин коливається в межах +50 до +950 мкВ/град. (рис.3). Дослідження піриту-I кубічного габітусу у внутрішніх ділянках кристалу та на його поверхні коливається в межах від +780 мкВ/град до +100 мкВ/град. Для піриту-I (куба) числові термо-ЕРС вектори від внутрішніх ділянок та до його поверхні спрямовані від високих значень термо-ЕРС діркової провідності в бік низьких значень діркової провідності (рис.4). Дослідження піриту-II пентагон-додекаедричного габітусу коливається в межах від +80 до +580 мкВ/град. Для піриту-II (пентагондодекаедра) числові термо-ЕРС вектори спрямовані в бік вищих значень діркової провідності. (рис. 5).

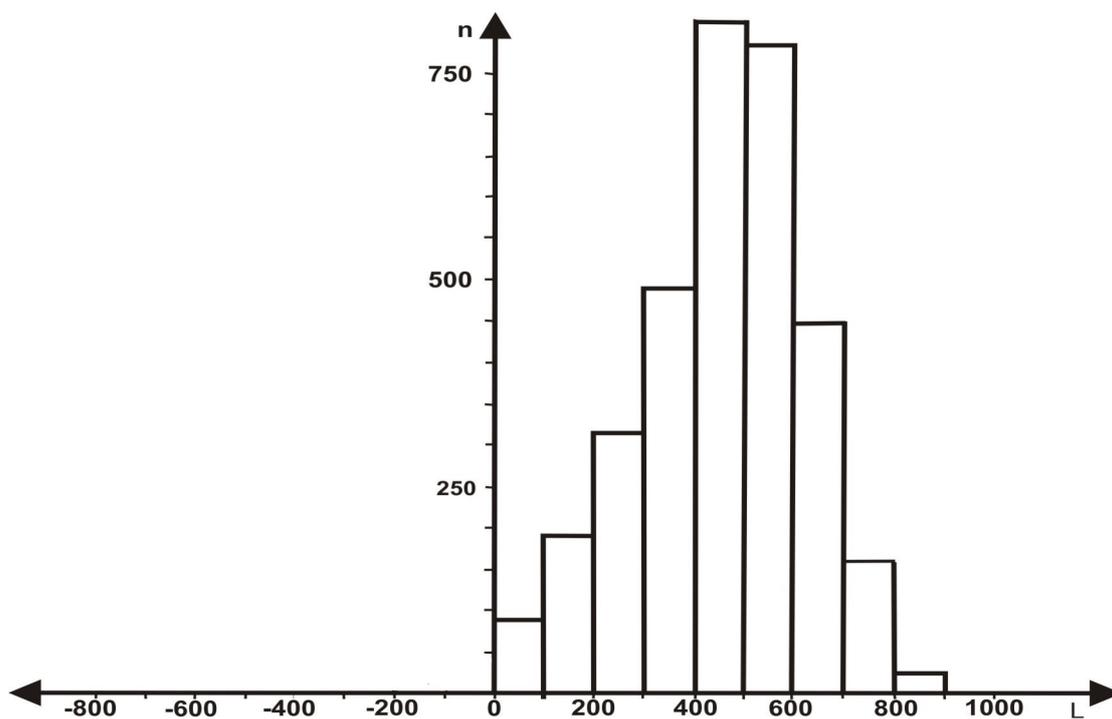

Рис.3. Гістограма розподілу значень термо-ЕРС піриту (n-кількість замірів, L-значення коефіцієнта термоелектричного потенціалу) рудопрояву Добрин (4650 замірів).

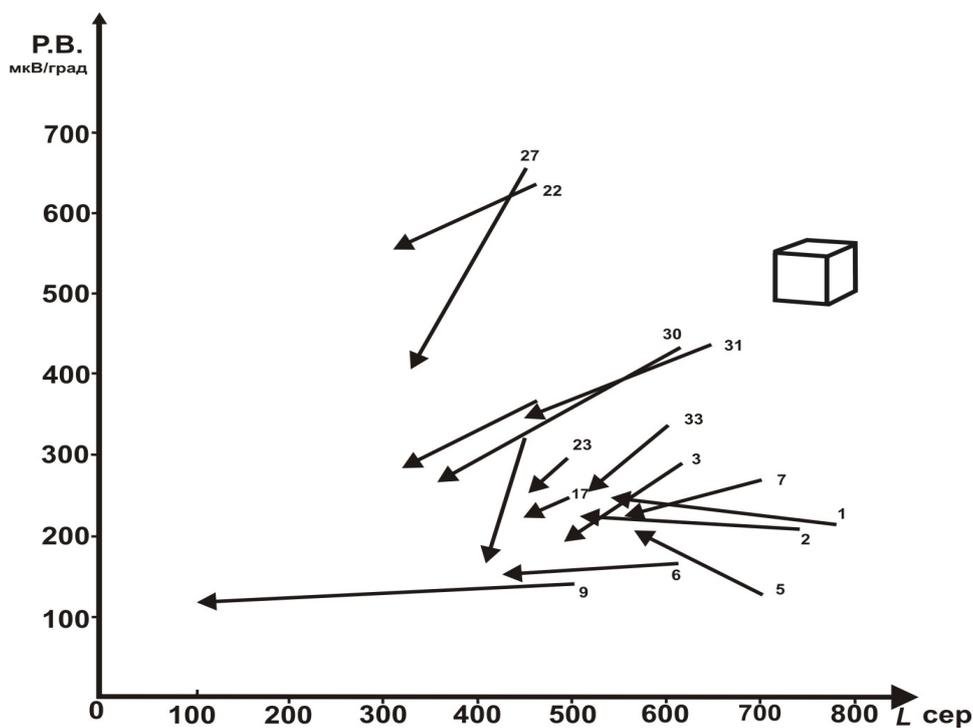

Рис. 4. Зміна розмахів вибірок (PB) та середніх значень (Lсер) термо-ЕРС піриту (куба) від внутрішніх ділянок кристалу до зовнішніх рудопрояву Добрин.

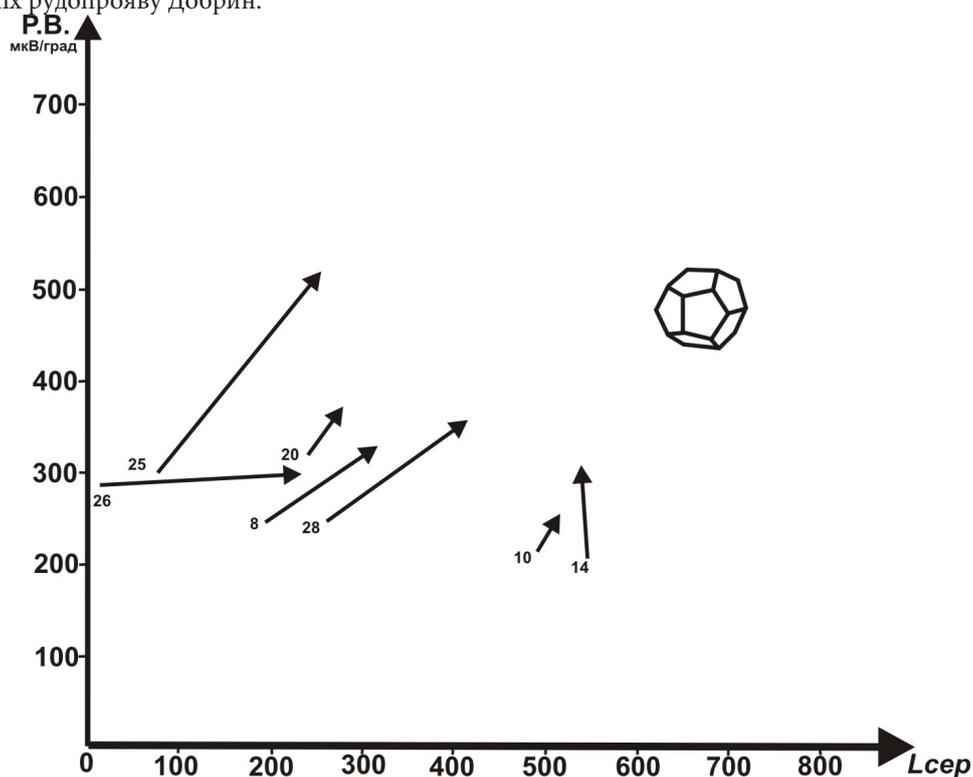

Рис.5. Зміна розмахів вибірок (PB) та середніх значень (Lсер) термо-ЕРС піриту(пентагондодекаедра) від внутрішніх ділянок кристалу до зовнішніх рудопрояву Добрин.

Рудопрояв Альбін розміщений у басейні річки Чорний Черемош і є його лівою притокою, що бере початок на південно-східному схилі гори Чивчин. Рудопрояв приурочений до порід метаморфічного комплексу (кристалічні

сланці і кварцити) палеозойського віку. Найбільш поширені рудні мінерали у рудопрояві Альбін пірит, халькопірит, галеніт та ін.(табл.2).

Найбільш поширені мінерали в рудопрояві Альбін

Рудні мінерали	Нерудні мінерали
Пірит I, II	Кварц
Халькопірит	Слюда
Галеніт	Хлорит
Сфалерит	Кальцит
	Польовий шпат
	Монтморилоніт
	Цеоліт
	Гіпс

У межах рудопрояву Альбін виявлені кристали піриту, габітус яких визначений гранями куба. Розміри їхні не перевищують 1,5 мм. Такі кристали мають добре виражене грубе штрихування на гранях. Частіше трапляються кристали піриту, габітусні форми яких визначені гранями пентагондодекаедра. Розміри їхні в коливаються межах від 0,5 до 2,0 мм.

Загальні значення термо-ЕРС піриту коливається в межах від -430 до +610 мкВ/град. (рис.6). Значення термо-ЕРС піриту пентагондодекаедричного габітусу від внутрішніх

до зовнішніх частин кристалу коливається в межах від -80 до -420 мкВ/град. Для піриту пентагондодекаедричного габітусу числові термо-ЕРС вектори спрямовані в бік зменшення електронної провідності (рис.7). Значення термо-ЕРС піриту кубічного габітусу від внутрішніх до зовнішніх частинах кристалу коливається в межах від +190 до +520 мкВ/ град. Для піриту кубічного габітусу числові термо-ЕРС вектори спрямовані в бік зменшення діркової провідності (рис.8).

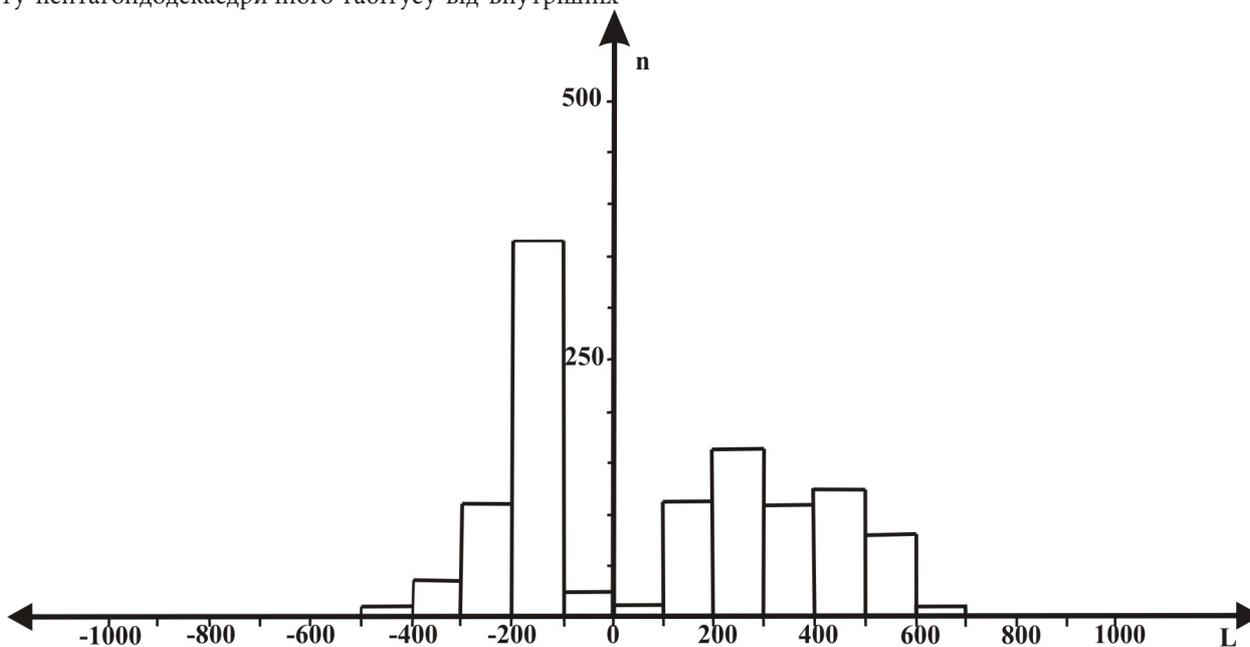

Рис.6. Гістограма розподілу значень термо-ЕРС піриту рудопрояву Альбін (1350 замірів).

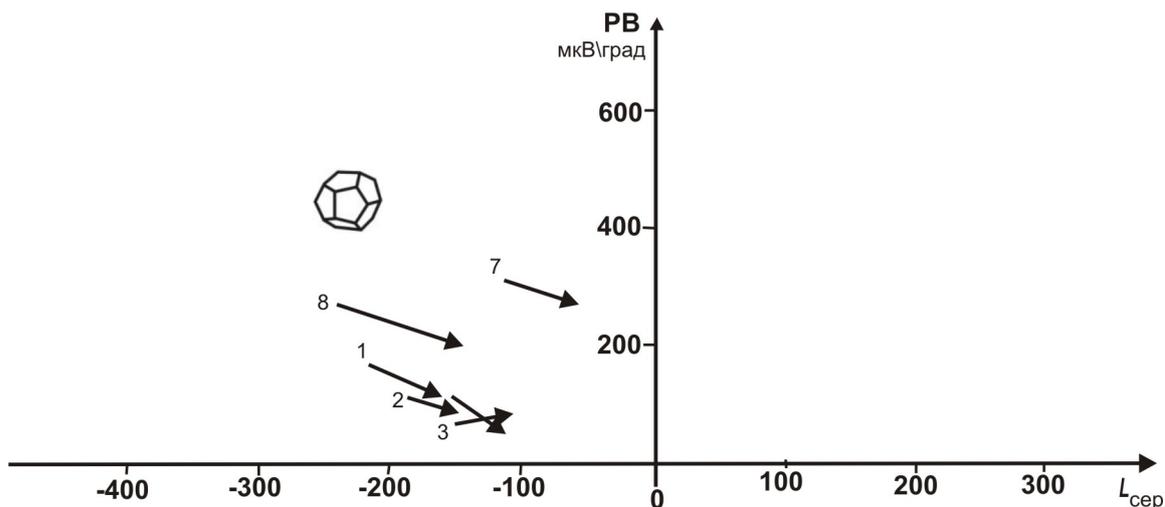

Рис.7. Зміна розмахів вибірок (PB) та середніх значень (Lсep) термо-ЕРС піриту (пентагондододедра) від внутрішніх ділянок кристалу до зовнішніх рудопрояву Альбин.

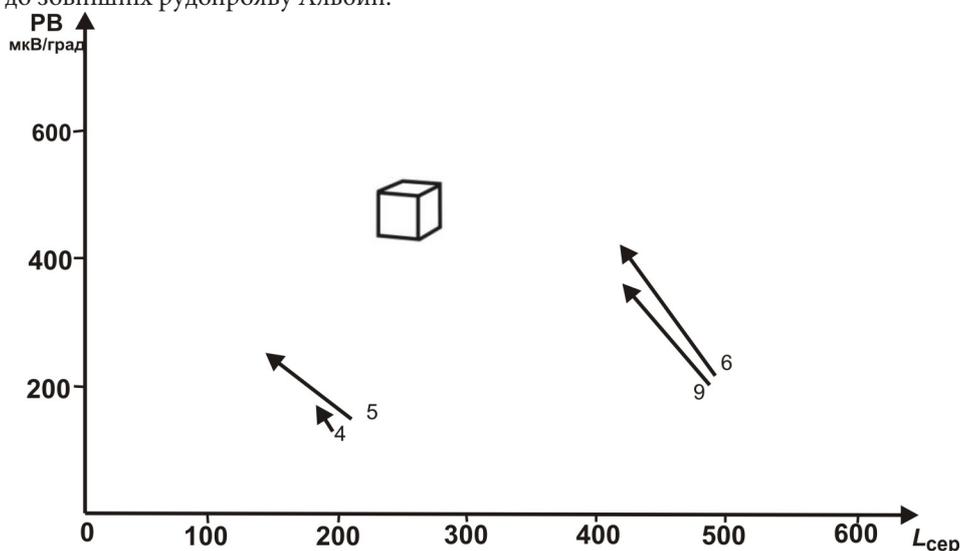

Рис.8. Зміна розмахів вибірок (PB) та середніх значень (Lсep) термо-ЕРС піриту(куба) від внутрішніх ділянок кристалу до зовнішніх рудопрояву Альбин.

Рудопрояв Лостун розміщений в 600 м південний схід від вершини гори Лостун, залягає у хлорит-кварцових і серицит-хлорит-кварцових сланцях, що утворюють ядро великої антиклінальної складки північно-західного простягання. Породи сильно зім'яті в складки, які теж ускладнені формами вищих порядків.

За даними (Матковського О.І.,[2]) найбільш представленим є саме рудопрояв Лостун. Він приурочений до хлорит-кварцових і серицит-хлорит-кварцових сланців нижньої світи діловецького комплексу і пов'язаний з брекчійованими породами та баритовими, барит-квар-

цовими і кварц-барит-карбонатними жильними утвореннями. Свинцево-цинкові мінерали тут звичайно парагенетично пов'язані з процесами баритизації, тому їх зачислено до барит-поліметалевого рудного комплексу. Головні рудні мінерали це галеніт, пірит, сфалерит, халькопірит, та ін. (табл.3). Зазвичай ці мінерали утворюють дрібні вкраплення, (невеликі до 0,5 мм) гнізда та тонкі прожилки різного розміру (у межах від 0,1 до 2,5-3,5 мм). У відвалах рудопрояву знайдено уламки рудних тіл у яких окремі виділення галеніту сягають до 5 см, халькопіриту до 3-4 см, піриту до 2-3 см. [10].

Таблиця 3

Найбільш поширені мінерали в рудопрояві Лостун

Рудні мінерали	Нерудні мінерали
Пірит I, II	Кварц I, II
Галеніт	Хлорит
Сфалерит	Серицит

Халькопірит	Карбонати (кальцит, доломіт)
Піротин	Польові шпати

Детально досліджено пірит, що поширений не тільки у рудних тілах а й у вмiсних породах. Зокрема, у вмiсних породах цей мiнерал утворює вкраплення у виглядi окремих кристалiчних iндивiдiв (розмiром до 7 мм) та видiлень неправильної форми (розмiром до 10-15 мм). У кварцових жилах пірит тяжіє до їхніх зальбандів, однак трапляється також у виглядi вкраплень, тонких прожилків та неправильних за формою видiлень [10].

Пірит- I – поширений у складі рудних тiл та у вмiсних породах і є одним із найраніших сульфiдiв. Порiвняно з піритом-II ця генерація піриту поширена обмеженiше, однак трапляється частiше, ніж iнші сульфiди (зокрема, галенiт та халькопірит). Цей мiнерал трапляється переважно

у виглядi монокристалiчних утворень, які часто подрiбненi й кородованi пізнiми видiленнями піриту-II.

Загалом загальнi значення термо-ЕРС піриту коливаються в межах вiд -500 до +980 мкВ/град. (рис.9). Значення піриту-I засвiдчує, що у напрямi вiд центральних дiлянок кристалiв пентагондодокаедричного габiтусу до їхньої поверхнi термоелектричнi властивостi суттєво змiнюються. Зокрема центральнi дiлянки кристалiв піриту- I мають електронну провiднiсть, тодi як їхнi гранi мають вiнятково дiркову провiднiсть. Такi суттєвi змiни термоелектричних властивостей вiд центральних дiлянок кристалiв до периферiї найiмовiрнiше зумовленi змiною елементiв –домiшок у кристалiчнiй градцi. (рис.10).

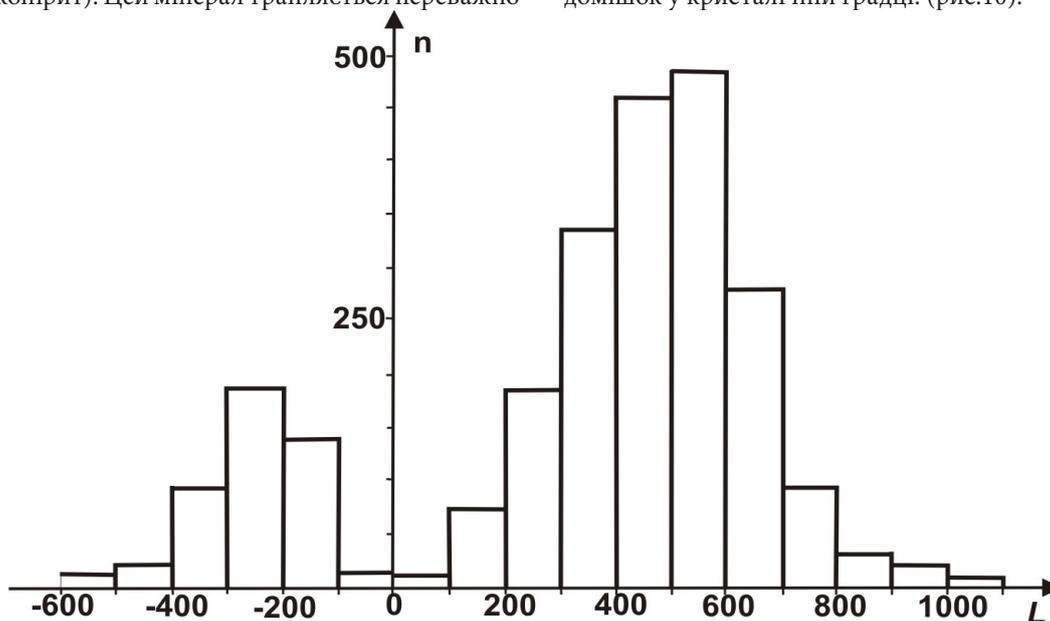

Рис.9. Гiстограма розподiлу значень термо-ЕРС піриту рудопрояву Лостун (5000 замiрiв).

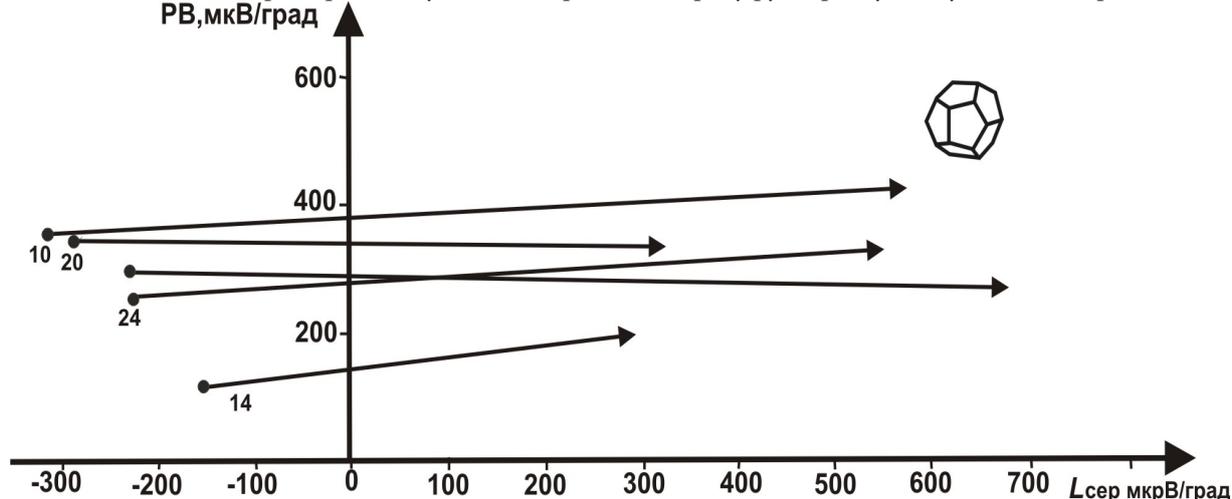

Рис.10. Змiна розмахiв вибiрок (PB) та середнiх значень ($L_{сер}$) термо-ЕРС піриту(пентагондодокаедра) вiд внутрiшнiх дiлянок кристалу до граней рудопрояву Лостун.

Пірит-II має класичний жовтий, iнодi свiтло-жовтий колiр. Його кристали бувають озалiзненними. Серед видiлень піриту-II переважують монокристали, а також тра-

пляються зростки, агрегати та прожилки рiзної форми та розмiру (вiд 0,2 до 1,5 мм). Зазначимо, що переважно у кварц-карбонатних прожилках кубiчнi кристали піриту-II

мають добре виражене штрихування на гранях. Його зародження в асоціації з галенітом чи халькопіритом у розрізі мають вигляд тонких прожилків чи виділень неправильної форми.

Результати дослідження термоелектричних властивостей піриту-II свідчать, що цей мінерал має тільки діркову провідність. Усі значення термо-е.р.с. коливаються в межах

від +200 до 650 мкВ/град. Значення піриту-II засвідчує, що у напрямі від центральних ділянок кристалів кубічного габітусу до їхньої поверхні термоелектричні властивості змінюються від низьких значень діркової провідності до вищих, тобто у цьому випадку простежують тільки кількісні зміни значень термо-ЕРС (рис.11).

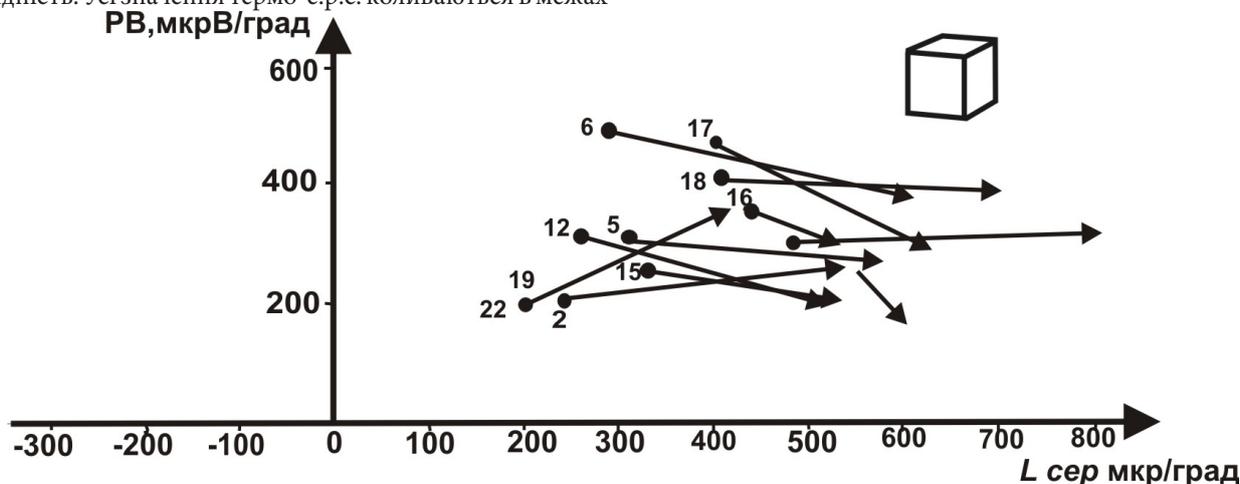

Рис.11. Термо-ЕРС вектори зміни середніх значень піриту-II (вектори росту кристалів) у напрямі від внутрішніх ділянок кристалів кубічного габітусу до зовнішніх рудопроїв Лостун.

Рудопроїв Попадинець розташований у басейні ріки Чорний Черемош, що бере початок на північно-західному схилі Чивчинських гір. Рудопроїв приурочений до порід

метаморфічного комплексу (кристалічні сланці і кварцити) палеозойського віку. Рудні мінерали представлені в породах піритом, галенітом, сфалеритом та ін. (табл.4).

Таблиця 4

Найбільш поширені мінерали в рудопроєві Попадинець

Рудні мінерали	Нерудні мінерали
Пірит I, II	Кварц
Халькопірит	Кальцит
Галеніт	Хлорит
	Слюда

Пірит поширений у кварцових жилах і прожилках, а також у вмисних породах. Його форми виділення достатньо різноманітні, найчастіше це кристали, габітусна форма яких визначена кубом, пентагондодекаедром та рідше октаедром. Досить поширені комбінації куба і пентагондодекаедра. Розмір таких кристалів від 1 до 5 мм іноді досягає 1 см (дуже рідко). Трапляються мономінеральні прожилки

піриту потужністю до 0,5 см і завдовжки понад 3-5 см.

Загалом загальні значення термо-ЕРС піриту коливається в межах від -750 до +730 мкВ/град. Значення термо-ЕРС пентагондодекаедричного габітусу коливається в межах від -750 до -100 мкВ/град. Значення кубічного габітусу коливається в межах від +100 до +730 мкВ/град. Це ми можемо чітко бачити на (рис.12).

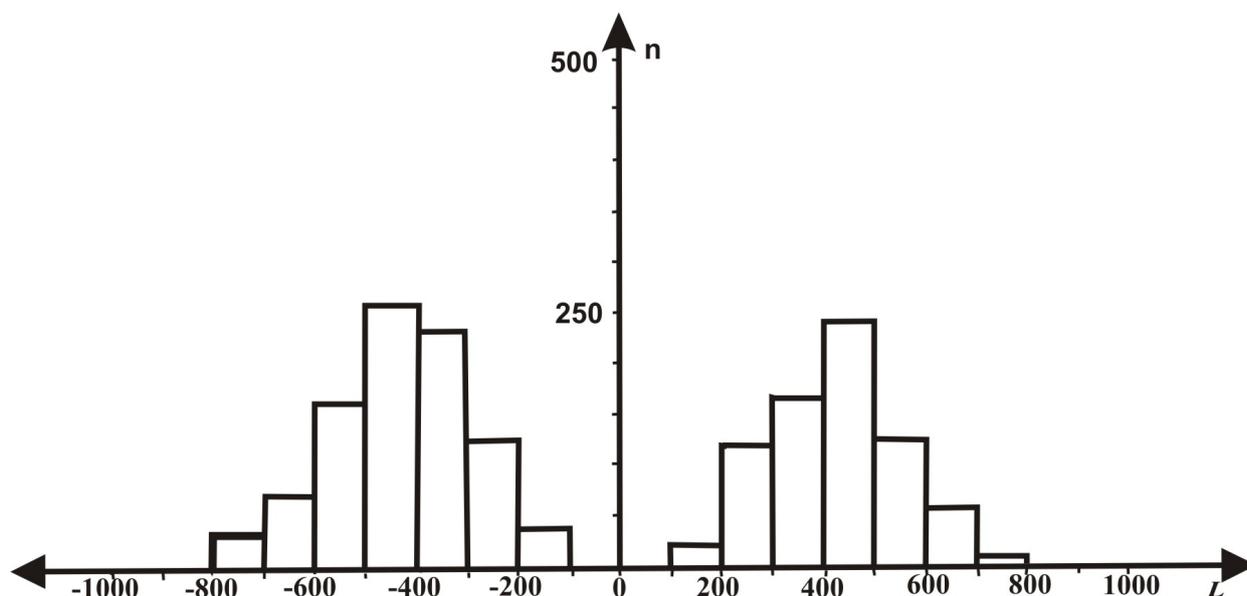

Рис.12 Гістограма розподілу значень термо-ЕРС піриту рудопрояву Попадинець (1650 замірів).

Рудопрояв Мокрин розміщений у басейні лівої притоки Чорного Черемоша, що бере початок на південно-західному схилі гори Чивчин. Схили долин стрімкі, іноді урвисті, місцями покриті невеликими осипами зруйнованих корінних порід, складені нижньокрейдовими утвореннями Рахівської зони на яку насунутий Мармароський кристалічний масив. Палеозойські відклади відслонюються по глибоко врізаних схилах у потоці Мокрин, вони пред-

ставлені слюдистими сланцями, кварцитами та вапняками серед яких відслонюються жильні утворення сульфідизовані.

Серед рудних мінералів відомі пірит, халькопірит, галеніт, але найбільш поширеним є пірит, як у рудних тілах та і у вмисних породах, та має різні форми виділення. Найбільш поширені рудні мінерали в рудопрояві Мокрин пірит, халькопірит, галеніт. (табл.5).

Таблиця 5

Найбільш поширені мінерали в рудопрояві Мокрин

Рудні мінерали	Нерудні мінерали
Пірит I II	Кварц
Халькопірит (мало)	Кальцит
Галеніт (мало)	Хлорит
	Слюда
	Польові шпати

Габітусна форма їх куб та пентагондодекаедр, однак зазначимо, що їхня морфологія іноді спотворена асиметрією мінералотворного середовища. Також трапляються мономінеральні прожилки піриту протяжністю 3-5 см. Їх часто перетинають пізніші прожилки продуктивного кварцу, який тісно асоціює з пізніми виділеннями кварцу. Розміри кристалів піриту не перевищують 3-4мм.

Загалом загальні значення термо-ЕРС піриту коли-

вається в межах від -450 до +580 мкВ/град (рис.11). Значення термо-ЕРС кристалів кубічного габітусу коливаються в межах від +100 до +580 мкВ/град. Часто трапляються кристали піриту габітусні форми яких визначені гранями пентагондодекаедра. Їхні розміри коливаються в межах від 0,5 до 3,5мм. Термо-ЕРС кристалів пентагондодекаедричного габітусу коливаються від -450 до -100 мкВ/град. (рис.13).

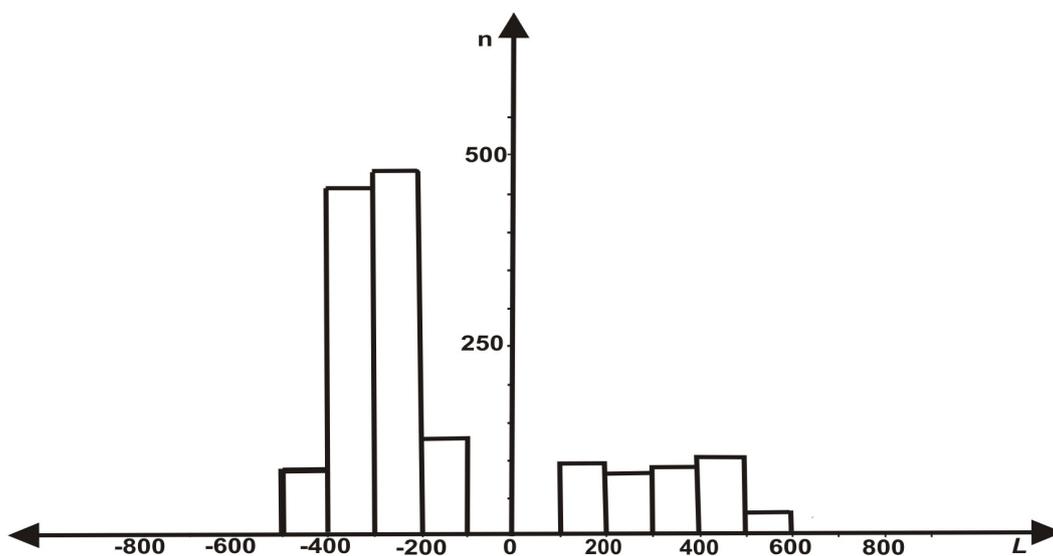

Рис. 13. Гістограма розподілу значень термо-ЕРС піриту рудопрояву Мокрин (1700 замірів).

Слід згадати дослідження Л.Фігури [11], які вивчали в Чивчинському рудному районі золотоносність четвертинних алювіальних басейну Чорного і Білого Черемоша, і виявили золото у шліхах усіх досліджуваних нами рудопроявах.

Слід відмітити, що серед сульфідів пірит маючи великий електронний потенціал, є переважним осаджувачем золота із розчинів. Позитивно заряджена поверхня кристала (р-типу) сорбує комплексні іони золота. Як зазначено, наявність миш'яку (As) в піриті (як елемента-домішки) підсилює сорбційно-колекторську ємність піриту відносно золота. У нашому випадку миш'як присутній у всіх пробах з кварцових жил Чивчинського рудного району як і Рахівського рудного району.

Висновки. Пірит із Чивчинського рудного району характеризується електронною, дірковою та змішаною провідністю, а форми виділення піриту це куб, пентагондодекаедр та рідше октаедр. У Рахівському рудному районі, зокрема на золоторудному родовищі Сауляк та ряді рудопроявах найбільш поширені форми виділення піриту це куб, пентагондодекаедр, октаедр, і характеризуються електронною, дірковою та змішаною провідністю. На родовищі Сауляк пірит пентагондодекаєдричного габітусу (пірит II) має діркову провідність і кристалізувався із продуктивних мінералотворних флюїдів. На термоелектричні властивості піриту, значно впливає кількість елементів-домішок у його складі. У Чивчинському рудному районі в складі кристалів піриту спостерігаємо невелику різновидність елементів –домішок це Ni, Co, Cu, рідше As. Але у складі кварцових сульфідизованих жилах спостерігаємо набагато більший спектр елементів-домішок це Ni, Co, Cu, As, Ag, Au, Mn, Sb, Pb, Zn, Ti, Sn, Sr, Nb, та ін. елементи. У Рахівському рудному районі та зокрема на золоторудному родовищі Сауляк у складі кристалів піриту найбільш поширені такі елементи-домішки як Ni, Co, Cu, Ag. А на родовищі Сауляк у кристалах піриту поширені Cu, Co, Ni, Ti.

Таким чином, можна стверджувати, про перспективність Чивчинського рудного району на золото, зокрема рудопроявів Добрин та Лостун, де можливе відкриття но-

вого родовища.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мінерали Українських Карпат. Процеси мінералоутворення. / [О. І. Матковський, П. М. Білоніжка, Д. К. Возняк та ін.]. – Львів: Львівського університету, 2014. – 583 с.
2. Матковский О. И. Минералогия и петрография Чивчинских гор (Украинские Карпаты). Эндогенные минеральные комплексы. / О. И. Матковский. – Львов, 1971. – 224 с.
3. Матковський О. І. Основи мінералогії України / О. І. Матковський, В. І. Павлишин, Є. М. Сливко. – Львів: Львівського університету, 2009. – 851 с.
4. Волькенштейн Ф. Ф. Электроны и кристаллы / Ф. Ф. Волькенштейн. – Москва: Наука, 1983. – 127 с.
5. Латиш І. К. Рудні мінерали та їх діагностика / І. К. Латиш. – Київ: Видавництво "Артек", 2003. – 111 с.
6. Шафрановский И. И. Лекции по кристалломорфологии / И. И. Шафрановский. – М., Выща школа, 1968. – 174с.
7. Павлишин В.И., Жабин А.Г., Китаенко А.Э. Типоморфизм и поисково-оценочное значение пирита. / В.И. Павлишин, А. Г. Жабин, А.Э. Китаенко. – Киев, УкрГГРИ, 2004. – 152 с.
8. Рудаков С. Г. О метаморфическом комплексе Чивчинских гор и его взаимоотношениях с древними породами Раховского массива. Очерки по геологии Советских Карпат. / С. Г. Рудаков – Москва, 1966. – С. 6–15.
9. Габинет М. П. Геология и полезные ископаемые Украинских Карпат. Часть 1. Стратиграфический и литолого-геохимический очерк. / М. П. Габинет, Я. О. Кульчицкий, О. И. Матковский – Львов, 1976.
10. Попівняк І.В. Термоелектричні властивості піриту рудопроявів Лостун (Чивчини) і Тукало (Рахвщина). / І. В.Попівняк, С. І. Ціхонь, В. П. Марусяк, Т. П. Олійник. // Вісник. -2002.-№16.- С.116-126.
11. Фігура Л. Морфологічна класифікація золота з осадкових товщ Чивчинського району Українських Карпат. / Л. Фігура. // Мінералогічний збірник. – 2002. – №52. – С. 93–95.

ЭПИТАКСИЯ В МИНЕРАЛАХ, РАСТЕНИЯХ И ЖИВОТНОМ МИРЕ

Сальников Владимир Николаевич

доктор геолого-минералогических наук, профессор
кафедры общей геологии и землеустройства
Томский политехнический университет,

Киреева Александра Евгеньевна

студент кафедры общей геологии и землеустройства,
Томский политехнический университет

EPITAXY IN MINERALS, PLANTS AND ANIMALS

Salnikov V.N. doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor Department of General Geology and Land Management, Tomsk Polytechnic University

Kireeva A.E. student Department of General Geology and Land Management, Tomsk Polytechnic University

АНОТАЦІЯ

В статье изложены результаты исследований, которые позволяют полагать, что различные изменения морфологии растений, это эпитаксические процессы, подобные минеральным образованиям. Они являются заложенными природой закономерностями и зависят от окружающей среды, то есть состава почв, наличия геоактивных зон, геофизических полей, эманаций и техногенных загрязнений. Эпитаксию можно рекомендовать как один из способов биоиндикации окружающей среды при производстве работ по межеванию земельных участков.

ABSTRACT

This paper presents the results of studies that suggest that various changes in plant morphology, it epitaksicheskie processes like mineral formations. They are laid down by laws and depend on the nature of the environment, ie soil composition, presence of geo-active zones, geophysical fields, emanations and man-made pollution. Epitaxy can be recommended as a way of environmental bioindication environment by manufacture of works on surveying the land.

Ключові слова: Эпитакия, гетероэпитакия, двойникование, геоактивные зоны, радиационное загрязнение окружающей среды, эманации, дихотомия, расщепление.

Keywords: Epitaxy, heteroepitaxy, twinning, geo- active zone, radiation pollution, emanations dichotomy splitting.

Из всех проблем геологии в настоящее время самыми актуальными и нерешенными до конца являются проблемы: возникновения жизни на Земле, происхождение человека и разума, геоактивных зон, геологии антропогенеза и техногенеза, проблема прогноза природных и техногенных катастроф, биоминеральных образований в животном и растительном мире [1,353-374]. Только геология дает понять человеку бренность его существования. До сих пор актуальными являются вопросы взаимодействия костной материи с растительным и животным миром. Выявлению черт сходства и различия для форм кристаллов, растений и живых существ посвящена монография И.И. Шафрановского [2, 130-184]. На многочисленных примерах им показано, что наряду с существующими различиями находятся и много сходных черт у разнообразных представителей природных тел - "мертвых" кристаллов, "прозябающих" растений и живых существ. Живой природе не нужно было изобретать механизм питания для строительства внутреннего скелета, он был взят в готовом виде как процесс метасоматического замещения в геологических телах и гидротермального роста минералов. По-видимому она (мембранная форма метасоматоза) является первичным источником жизни на земле [3, 68-70]. Боковиков А.А. на фактическом материале, собранном на геологических объектах Кузбасса, доказывает, что агаты (полосчатая разновидность халцедона) не мертвые камни а живые организмы со многими признаками, свойственными белковой форме жизни. Он считает, что на планете Земля одновременно с белковой формой жизни живет и процветает кремниевая форма жизни, которую он предложил назвать "Крей" [4,134-136]. Использование про-

стейшими (радиоляриями) одноклеточными животными скелетных кристаллов кварца на макроуровне и тетраэдра на микроуровне (как вместилище своих жизненных функций и органов жизнедеятельности) можно рассматривать как псевдоморфизм живой материи и костной, если учитывать работы С.В. Точилиной [5, 40-45]. Лима-де-Фария собрал воедино данные по эволюции минералов и живых организмов и рассмотрел их с единой точки зрения. Биологическая эволюция, по мнению Лима-де-Фария, есть канализированное продолжение эволюции физического мира, суть которой состоит в комбинировании и наложении друг на друга (суперпозиции) возможных форм и признаков. Появление новых форм объясняется внутренней нестабильностью, повышающей частоту перебора возможных вариантов, которые возникают по законам внутренней симметрии и под давлением окружающей среды. Эволюция же направлена на стабилизацию получающихся вариантов [6, 400-450]. Проблема появления человека и разума изложена в работе [7, 20-25]. Интересен вопрос о закономерностях объединения видов и индивидов минералов, плодов растений, человека и животных, то есть развитие эпитакии. В данной работе представлены результаты исследований по развитию явления эпитакии в минералах, растениях и животном мире, как индикатора изменения окружающей среды. Эпитакия - (происходит от греческих "эпи" - над и "такси" - упорядоченный) - это закономерное, ориентированное нарастание одного вещества на подложке другого [8, 125-140]. В геологическом словаре(1978 г) читаем: эпитакия - закономерное срастание кристаллов веществ различного состава, связанное с близостью строения их кристаллических структур или

отдельных плоских сеток и рядов решеток срастающихся минералов.

Фото 1. Рутил на гематите Денвер-шоу-2006. Фото Г.Ю. Абрамова.

Фото 2. Рутил на гематите, эпитакическое нарастание. Образец 3 см. Бразилия (Novo Horizonte, Bahia). Фото: Русские минералы (rusmineral.ru) [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>.

Впервые термин «эпитаксия» был введен в 1928 году Руайе, изучавшим явление ориентированного нарастания одного вещества на кристаллической поверхности другого [9, 339-415]. В природе нарастание минералов друг на друга встречается очень часто, поэтому рост всех кристаллов можно назвать эпитакиальным (фото1,2). Многие аномальные форм кристаллов возникают за счет различных нарастаний кристаллов друг на друга или наоборот вращая одного кристалла в другой, это происходит под воздействием различных природных и механических факторов. Существует множество способов срастания минералов. Но для всех видов срастания характерно то, что индивиды минералов срастаются геометрически закономерно. Процесс эпитакии протекает в природных условиях. В самом начале роста происходит ориентировка зародыша кристаллика на поверхности взрослого минерала, эта ориентировка происходит на поверхности. Зародившийся кристаллик разрастается преимущественно вдоль матрицы. Подложка задает параметры роста пленки, поэтому кристаллическая структура и ориентация эпитакиальной пленки совпадает со структурой и ориентацией подложки. Зародыш попадает на поверхность минерала, и подгоняет свою структуру под структуру подложки, после этого без препятствий начинает разрастаться. При эпитакиальном срастании возникает самая низкоэнергетическая поверхность раздела кристаллов. На поверхность матрицы (у любого кристалла) образуется структурный дефект (нарушение однородности структуры, локализация свободной энергии), а эпитакиа исправляет этот дефект, забирая свободную энергию с поверхности старого минерала [10, 20-25]. Известно несколько способов нарастания нового слоя кристаллов на подложку. Разливают несколько типов эпитакии: 1-автоэпитакиа, 2-гетероэпитакиа, 3-эндоэпитакиа. Автоэпитакиа (гомозэпитакиа) - ориентированное срастание индивидов одного минерала. Автоэпитакиа является частным случаем параллельного срастания. При автоэпитакиальном срастании на взрослом кристал-

ле зарождаются и растут кристаллы нового поколения, но того же самого минерала, что и подложка. При автоэпитакии кристаллическая структура младшего индивида продолжает структуру старшего, и оба составляют в сущности один кристалл. Все элементы структур индивидов расположены соответственно параллельно, вследствие чего одинаково ориентированы и элементы огранения - грани, ребра, вершины. Ярким и распространенным примером автоэпитакиального нарастания может служить скипетровидный кварц. В данном примере молодые минералы нарастают в основном на вершинах головки кварца, что приводит к образованию скипетра (Фото 3,4). Гетероэпитакиа (от греческого "гетерос" иной) - вид эпитакии, когда растущий слой отличается по химическому составу от вещества подложки (Фото 5,6). Так как подложка и нарастающий минерал являются различными веществами, то вероятнее всего их кристаллические решетки различны, но эти несовершенства исправляются молодым кристаллом. Структура нового минерала сохраняет периодичность подложки в плоскости границы раздела, но в перпендикулярном направлении приобретает иную периодичность, сохраняя при этом объем элементарной ячейки. Гетероэпитакиальный рост минералов может быть соразмерным, когда структуры молодого и старого минералов совпадают. Псевдоморфный рост, когда структура нового минерала сохраняет периодичность подложки в плоскости границы раздела, но в перпендикулярном направлении приобретает иную периодичность, сохраняя при этом объем элементарной ячейки. Если же несоответствие кристаллических решеток слишком велико, то рост происходит с дефектами, тогда будет присутствовать дислокационный рост (рис. 1).

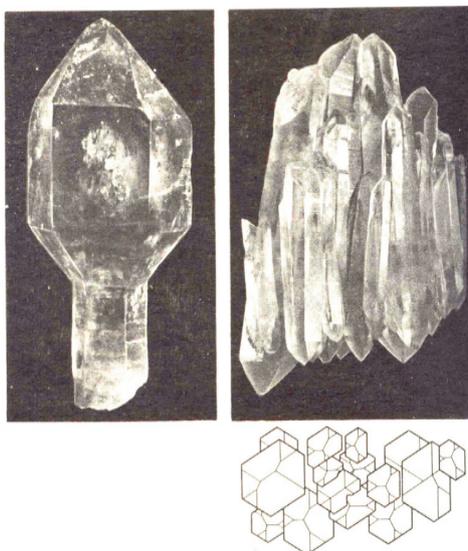

Фото 3. Скипетровидный кристалл кварца. Березовское месторождение, Урал (Из работ Б. З. Кантор, 1985).

Фото 4. Светлый аметист двух генераций. Автоэпитаксия со скипетровидным нарастанием второй генерации на вершинах (ромбоэдрах) и блочно-мозаичным - на гранях призмы [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>.

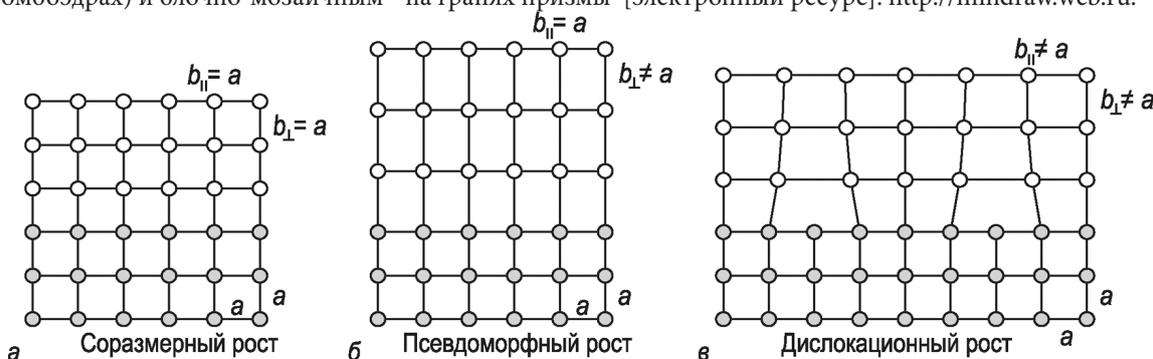

Рис 1. Виды дефектов структурной решетки при росте минералов.

Ориентированный рост кристалла внутри объёма другого называется эндотаксией (Фото 7,8). Помимо автоэпитаксии и гетероэпитаксии минералы могут создавать

параллельные сростки и двойники, они являются разновидностями эпитаксиального срастания.

Фото 5. Эпитаксически ориентированное нарастание кристаллов рутила на гематите. Из альпийских жил Сен-Готард, Швейцария. Образец: Минералогический музей им. А.Е.Ферсмана (К-1212. И. Балашев, 1919) [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>.

Фото 6. Эпитаксическое нарастание халькопирита на скелетных кристаллах галенита и на тетраэдрите. Образец 6 см. Рудник 2-й Советский, Дальнегорск, Приморье. Фото: Русские минералы (www.rusmineral.ru) [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>.

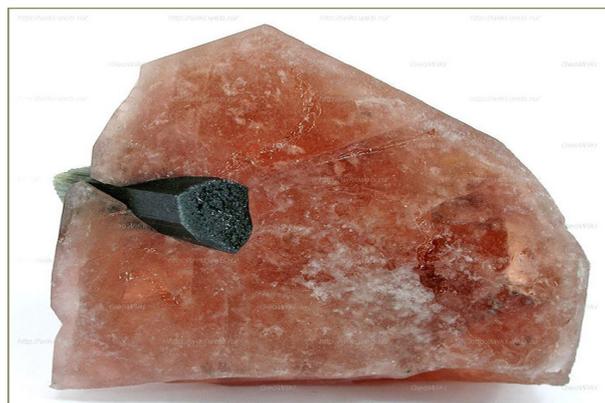
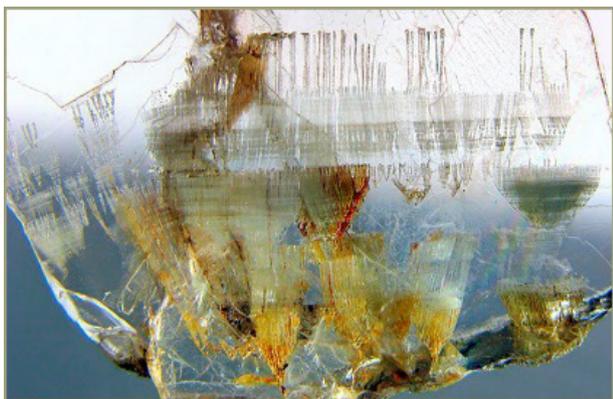

Фото 7. Включения флюорита в топазе. Зарождение центров роста флюорита происходило на поверхности растущих граней кристалла топаза. Видны формы совместного одновременного роста кристаллов-включений и "кристалла-хозяина". Вольнь, Украина. Фото: Михаил Лейкум. [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>

Фото 8. Призматический кристалл тёмно-зелёного турмалина, обрастаемый и захватываемый розовым апатитом. Наглядный пример обрастания и захвата кристаллов одного минерала растущим кристаллом другого минерала; именно таким путём происходит образование большинства видов включений. Захват гранями растущего кристалла препятствий происходит избирательно - одни частицы захватываются, а другие отталкиваются [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>

Параллельные сростки относятся к закономерным сростаниям одного минерального вида, в которых поверхность сростания принадлежит одновременно одинаковым

плоским сеткам обоих индивидов. В подобных сростках кристаллы имеют закономерную взаимную ориентировку (фото 9,10).

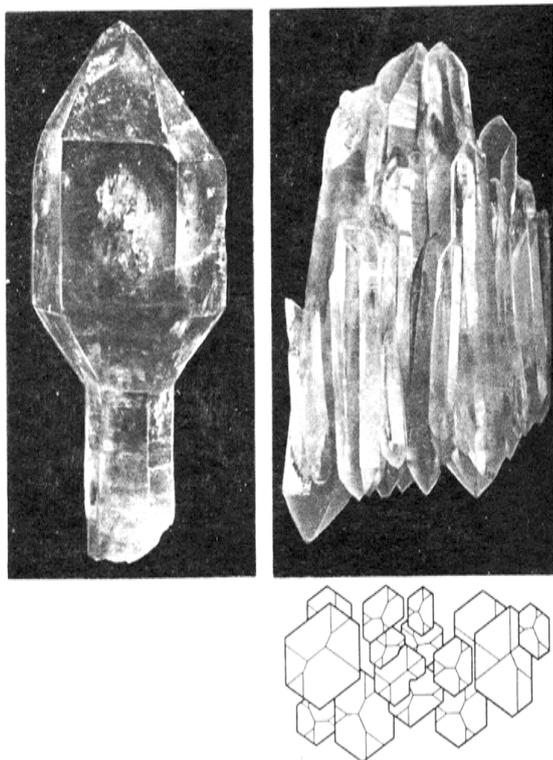

Фото 9. Параллельный сросток кварца. Якутия. Из работ Б. З. Кантор, 1985.

Фото 10. Сростшиеся кристаллы турмалина. Здорик Т. Удивительное в камне, 1985, фото М. Мезенцева [11].

Параллельные сростки образуются в природе, когда один или несколько многогранников, находящихся еще в кристаллизационной среде, соприкоснувшись друг с другом, начинают расти вместе, но при этом облики отдельных кристаллов искажены, так как при данном сростании развиваются не все грани минералов. Между сростающимися кристаллами, на их поверхностях, образуется

переходный слой. Сростающиеся минералы стремятся к совпадению ориентировок обоих кристаллов, но на их поверхностях неминуемо рождаются дефекты, главным образом дислокации несоответствия (дислокация — линейный дефект или нарушение кристаллической решётки твердого тела). Наличие дислокаций существенно влияет на механические и другие физические свойства твердого

тела [8]. Автоэпитаксия является частным случаем параллельного срастания, но это не совсем то же самое, так как автоэпитаксиальный рост начинается с ориентировки нового зародыша, а параллельное срастание - термин сугубо морфологический: он обозначает просто сросток параллельно ориентированных кристаллов независимо от причины ориентировки [10]. Двойники – это закономерные сростки двух кристаллов одного и того же минерала,

в котором индивиды могут быть совмещены друг с другом либо поворотом вокруг некоторой оси, не принадлежащей к числу осей симметрии данного кристалла, либо отражением в плоскости симметрии [12, 400-450]. Отличительной чертой двойников от обычных минералов или сростков является наличие того, что одни ограничения индивидов параллельны друг другу, а другие перевернуты (фото 11,12).

Фото 11. Двойник кальцита. Crevoladossola quarry, Crevoladossola, Ossola Valley, Verbanus Cusio Ossola Province, Piedmont, Italy. Фото: Enrico Bonacino.

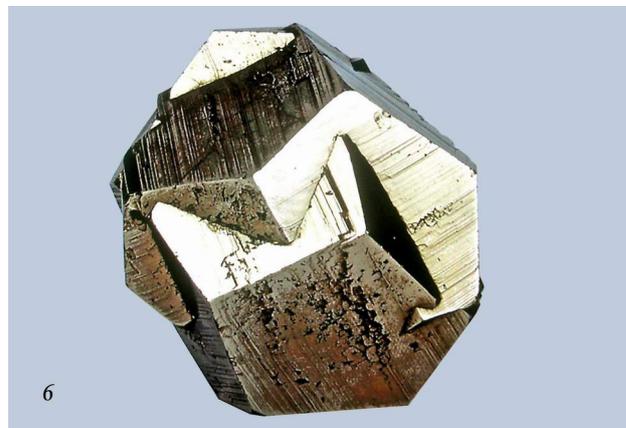

Фото 12. Двойник пирита (7,5x7,5x5 см). Рио-Марина (Rio Marina, о. Эльба, Италия). Фото: Жан-Пьер Буассо.

В двойниках соединены, по меньшей мере, индивиды одного минерального вида. В поверхности их сопряжения лежат частицы, общие для одинаковых плоских сеток того и другого индивида.

Индивиды связаны элементами симметрии (двойниковой плоскостью). При этом их закономерная ориен-

тировка относительно главных кристаллографических направлений (плоскостей решетки) обычно сохраняется. Два индивида, составляющие двойник, могут быть получены один из другого путем отражения в плоскости (двойниковая плоскость) или при повороте на 180 градусов вокруг оси (двойниковая ось).

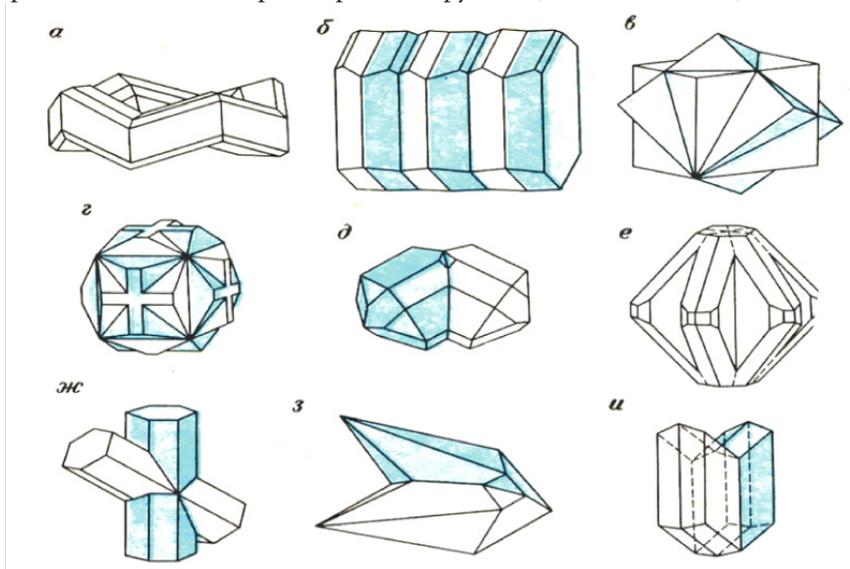

Рис. 2. Примеры кристаллических двойников: а - циклический восьмерник рутила; б - полисинтетический альбитовый двойник плагиоклаза; в - двойник прорастания флюорита; г - "железный крест" - двойник прорастания пирита; д - двойник срастания касситерита; е - «арагонитовый» тройник церуссита; ж - двойник прорастания ставролита; з - двойник срастания кальцита; и - «ласточкин хвост» - двойник срастания гипса. (Из работы Б.З. Кантор, 1985).

Двойниковой плоскостью может служить любая возможная грань кристалла, кроме грани параллельной плоскости симметрии одиночного кристалла. Могут срастаться не только два кристалла, но и три, четыре и более. Для некоторых минералов двойники более распространены,

чем несдвойникованные кристаллы или зерна (рис. 2).

По происхождению двойники можно разделить на два вида, это двойники роста и механические двойники [13]. Двойники роста образуются путем срастания или взаимного прорастания одиночных кристаллов в процессе ро-

ста. Они обычно образуются на ранних этапах кристаллизации, при срастании двух и более кристаллических индивидов на стадии их зарождения. Среди двойников роста можно выделить два типа двойников:

Фото 13. Горный хрусталь, японский двойник. Коллекция Иоффе Леонида, фото: Минаевой. В. [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>

Фото 14. Кварц, двойник по японскому закону в друзе одиночных кристаллов. Болгария. Фото: А.А. Евсева [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru>

Двойники японского типа состоят из двух индивидов, оси симметрии которых пересекаются под углом 84 градуса 33 минуты, а одна пара граней является общей для обеих частей двойника. Данный закон двойникования

получил свое название благодаря широкому распространению двойников данного типа в Японии, на известном месторождении в провинции Каи.

Фото 15. Сдвойникованный агат. Колл. и фото Сальникова В.Н. (р. Томь, правый берег, г. Томск).

Фото 16. Прорастание опала в халцедоне (опаловидный "Крей"). Колл. и фото Сальникова В.Н. (р. Томь, правый берег, г. Томск).

2) Двойники прорастания. Такие кристаллы образуют вокруг друг друга или одни прорастает насквозь в другой минерал. Двойники прорастания характерны для ставролита, киновари, флюорита, пирита (фото 17, рис. 3).

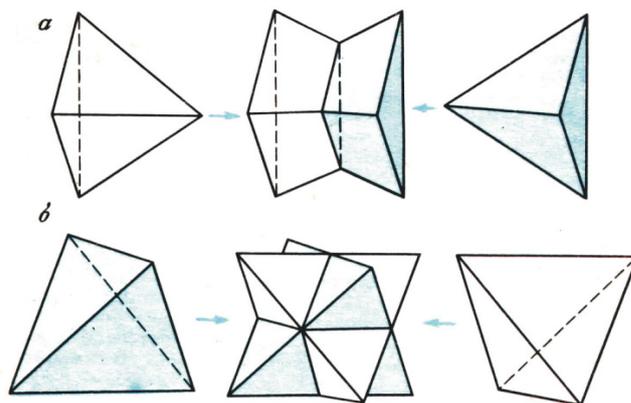

Фото 17. Пирит, двойники прорастания 4-5 см. Навахун, пров. Ла-Риоха, Испания. Музей им. А.Е.Ферсмана. Фото А.А. Евсева.

Рис. 3. Двойники срастания (а) и прорастания (б) тетраэдров. (Из работ Б. З. Кантор, 1985).

Механические двойники (фото 18) появляются под действием механического воздействия при одностороннем внешнем давлении (деформационные двойники скольжения характерны для антимонита, самородной серы, сподумена и др.). Также двойники могут образовываться при

нарушении следования слоев в плотноупакованной структуре (ростовые ошибки). В процессе роста может возникнуть "ошибка упаковки": группа частиц случайно заняла не свое, а симметричное, двойниковое положение.

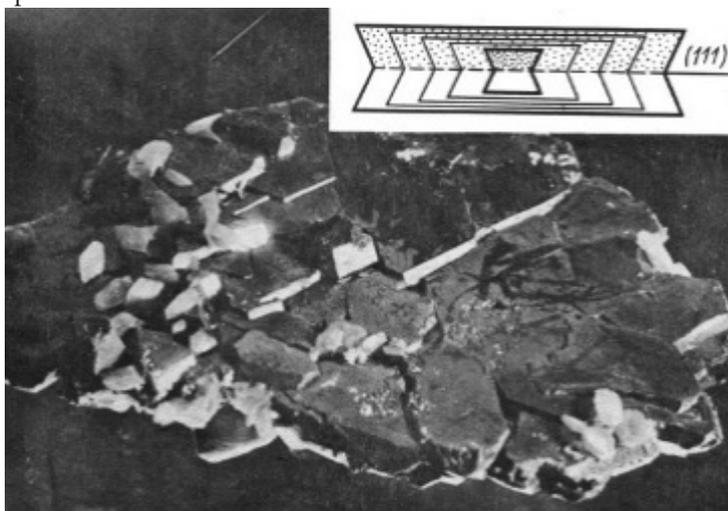

Фото 18. Механическое двойникование. Марказит, двойник 2,5см. Тульская обл. [электронный ресурс]: <http://mindraw.web.ru/cristall4.htm>

Фото 19. Таблитчатый двойник галенита по шпинелевому закону. Сихотэ-Алинь (Кантор Б.З. 1985).

Благодаря появлению входящего угла такая ошибка энергетически выгодна, надобности в ее исправлении нет. Рост продолжается с двойниковой упаковкой частиц, и отложение вещества идет преимущественно во входящих углах. Такой двойник растет быстрее одиночных кристаллов и выделяется среди них величиной и уплощенной формой, которой он обязан опережающему нарастанию внутри углов (фото 19).

Двойники являются важным диагностическим признаком некоторых минералов. Процесс двойникования достаточно часто встречается в природе. Большинство минералов имеют дефекты в своей структуре. Аномальные формы кристаллов возникают под воздействием окружающей среды, которая очень сильно влияет на рост минералов [13].

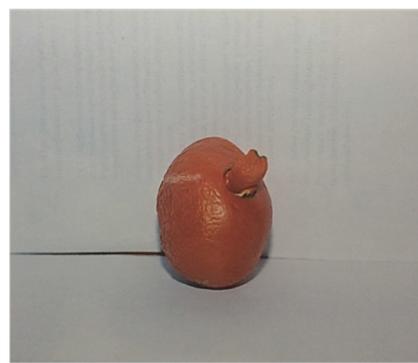
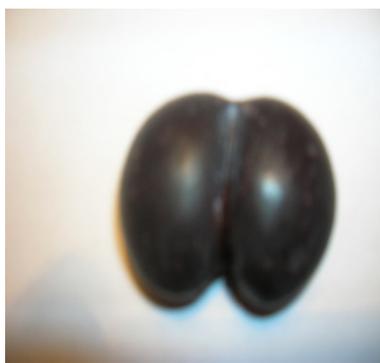

Фото 20. Двойникование помидора.

Фото 20 (а). Двойникование сливы фото.

Фото 21. Автоэпитаксия помидора. Двойник прорастания.

Подобные аномальные искажения, встречаются не только в минералах, но и в растительном и животном мире: двойникование, параллельное срастание, различные прорастания и включения. Например, помидоры и сливы срастаются и прорастают, (фото 20, 20(а), 21) на моркови образуется эпитаксиальные наросты под углом 90 градусов от основного плода или эпитаксиальный нарост начинает формироваться по спирали вокруг более старой матри-

цы моркови (фото 22, 23, 23(а)). Встречаются двойники картофеля, сросшиеся различным способом. Иногда картофель образует из своих плодов пятерную симметрию, свойственную живым и растительным организмам (фото 24, 25, 26). Строжайшие запрещенные в кристаллографии оси симметрии (L5, L7, L8 и т.д.) в мире растений и простейших животных встречаются чрезвычайно часто, особенно у некоторых вирусов [14, 507-510].

Фото 22. Эпитаксиальный нарост на моркови по углом 90 градусов.

Фото 23. Эпитаксиальный нарост по спирали вокруг моркови.

Фото 23 (а). Новообразованный скипетр и эпитаксиальное образование на моркови во время хранения с сентября по июнь 2013 года.

Белов Н.В. считает, что пятерная ось является у мелких организмов своеобразным инструментом борьбы за существования и “страховкой” против окаменения, против кристаллизации [15, 43-49]. Часто в разрезанном картофеле встречается отрицательный кристалл с пятилучевой симметрией в центре, которого он образуется при быстром росте или усыхании при хранении картофеля. Ископаемые и современные морские звезды и ежи имеют 5 щупальцев или рисунок на панцире в виде пятилучевых лепестков. Можно полагать, что процессы эпитакии, происходящие в растениях, животных и минералах, имеют

одинаковую природу. Нами проведены эксперименты по изменению условий хранения корнеплодов (картофель, морковь, чеснок). В погребе отсутствовал свет и земляная подложка. На бетонный пол были уложены картофель, морковь и чеснок. В таких экстремальных условиях у них наблюдалась эпитакия (фото 27).

Например, на моркови образуются новообразования виде скипетра, а у некоторых возникают, вместо корешков, наросты новой моркови. Все экспериментальные корнеплоды не высаживались до конца июля. По-видимому, генетическая программа, заложенная в корнеплодах, была

установлена на определенное время размножения (примерно на 8-9 месяцев), а затем корнеплоды должны про-

растать, так как питательных веществ к этому времени к ним не поступало.

Фото 24. Рост картофеля по пятилучевой симметрии.

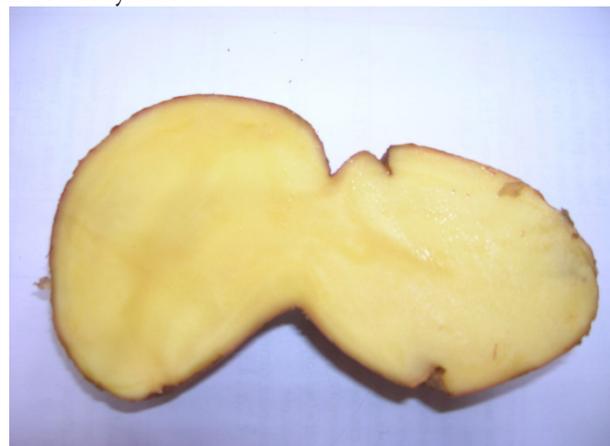

Фото 25. Двойникование картофеля.

Фото 26. Образование отрицательного пятилучевого кристалла в картофеле.

Фото 27. Рост новообразования (молодого картофеля) в матрице старого клубня, во время хранения с сентября по июнь 2013 года.

Так как они не высаживались, то новообразования развивались за счет старой моркови (фото 23 (а)). Эти новообразования, по-видимому, "рассчитывали" сохраниться еще год и возможно прорасти при благоприятных условиях среды. Новообразования в минералах агатов, то есть "Крэй" по Боковикову А.А., (новое поколение) возникают за счет матрицы конкреции или секреции первичного ага-

та [4]. Старая матрица агата становится пористой, а вещество диффундирует в новообразованный агат в результате мембранного метасоматоза. Но каким образом иногда соблюдается внутренний рисунок старого агата в объеме новообразованного, остается загадкой. Подобные структуры нами получены при экстремальном хранении картофеля, чеснока (фото 28).

Фото 28. Слева – прорастание молодого картофеля во время хранения (картофельный «Крей»). Справа – прорастание чеснока во время хранения (чесночный «крей») на мраморной подставке на фоне «Кизякового метасоматита». Коллекция и фото В.Н. Сальникова

Физический механизм диффузии атомов и пустоты (вакансий) в кристаллах хорошо представлен в работах Я. Е. Гегузина [16, 248-254]. Мембранный метасоматоз, описанный Г.Л. Поспеловым [17, 320-350], в данном процессе эпитаксии минералов и растений, применим для жизненных циклов в растительном и животном мире. При рождении у животных нового поколения и младенцев у человека могут возникать различные аномалии тела от двойнивания (сиамские близнецы) до параллельного срастания и различных прорастаний (рис. 4).

Ярким примером аномалий человеческого тела являются

сиамские близнецы (фото 29), которые с самого рождения живут с различными искажениями тела (уродствами). Например, две головы у одного тела или два туловища, сросшиеся головами. Эти процессы являются подобными процессам эпитаксии в минералах, то есть двойниванию и срастанию. Сиамские близнецы — это однайцовые близнецы, которые не полностью разделились в эмбриональном периоде развития и имеют общие части тела или внутренние органы. В зависимости от того, на какой стадии яйцеклетка "раздумала" делиться пополам, получаются различные виды соединений.

Рис. 4. Двойниковые уродства у человека (Б.М. Паттен).

Чаще всего встречаются близнецы, сросшиеся в области туловища, в четыре раза реже сросшиеся ягодичами, еще реже с иным видом сращения в области таза (фото 30). И только одна пара соединенных близнецов из 50 имеет сращение в области головы. Вероятность рождения си-

амских близнецов достаточно небольшая на 200000 родов приходится 1 случай срастания [18]. Возможны несколько вариантов срастания. Некоторые близнецы срастаются очень сильно и могут иметь общие внутренние органы, например, печень. Другие же соединяются небольшим

участком кожи (фото 31,32).

Фото 29. Сиамские близнецы.

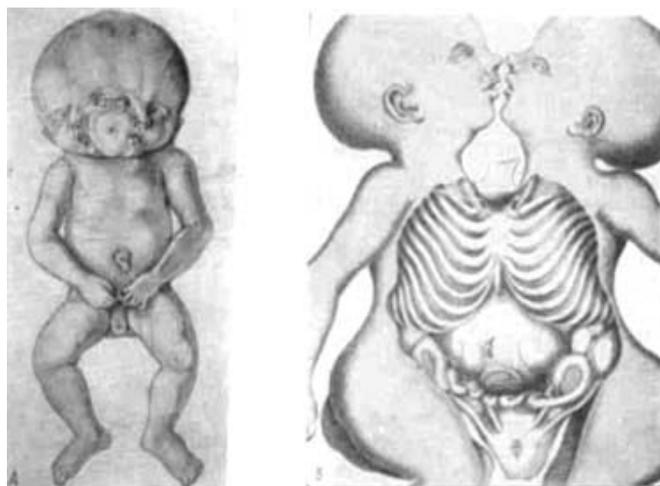

Фото 30. Частичное раздвоение головы, надпупочное соединение. [Электронный ресурс]: psyteh.rumutabty-chemobylya; freel.netru/forum/showth-read.

Ученые классифицируют сиамских близнецов в соответствии с теми участками тела, которыми они срослись. Более редкий тип – это «близнец-паразит», маленький близнец, который присоединен к более здоровому со-близнецу и зависит от него. Зависимый близнец может представлять собой, к примеру, голову и руки, присоединенные к животу нормального близнеца. Сросшиеся (сиамские) близнецы рождаются не только у людей, но и у животных (рис. 33, 34). Процесс аналогичный рождению

близнецов у человека.

В природе наблюдается обратный процесс, когда кристаллы минералов начинают расщепляться во время роста или дальнейшего развития на серию отдельных индивидуумов.

Расщепляются кристаллы кварца, гематита, кальцита, льда (фото 35, рис. 5). Из овощей расщепляется цветная капуста, морковь (фото 38).

Фото 35. Расщеплённые кристаллы кварца: пучок (слева) и сноповидный сросток (справа). Дашкесан, Азербайджанская ССР. (Из работы Б.З. Кантор, 1985).

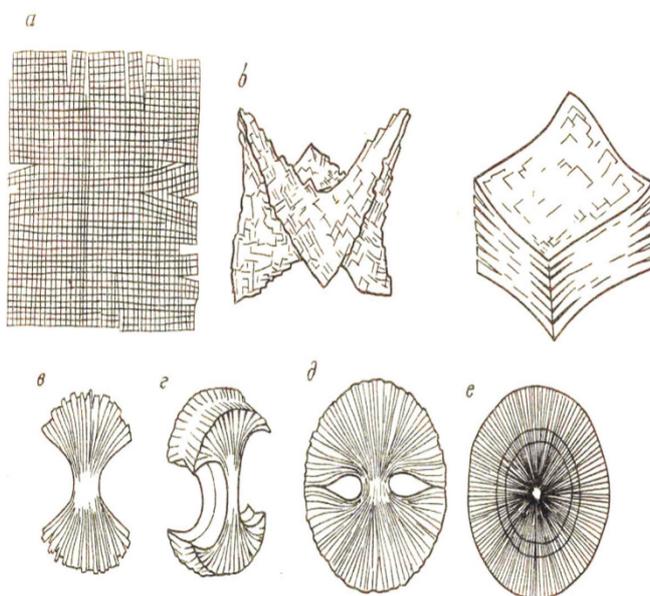

Рис. 5. Блочное строение (а) и формы расщепления кристаллов: седло (б), сноповидный сросток (в), двулистник (г), сферокристалл (д), сферолит (е). (Из работы Б.З. Кантор, 1985).

Фото 31. Скелет сямских близнецов соединённых головами (экспонаты музея медицинской истории в Филадельфии). [Электронный ресурс]: http://anomalshina.ru/view_post.php?id=25.

Фото 32. Трехногие сямские близнецы (экспонаты музея медицинской истории в Филадельфии). [Электронный ресурс]: http://anomalshina.ru/view_post.php?id=25.

Фото 33. Эпитаксиальное срастание у рыб. [Электронный ресурс]: <http://www.priroda.su/item/558>

Фото 34. Явление эпитакии у животных. [Электронный ресурс]: <http://prikol.i.ua/view/726853/>

Довольно редко встречается расщепленные клубни картофеля, образуя отрицательные кристаллы пятелучевой симметрии (фото 26) или трехлепестковый цветок

(фото 37), который можно отнести к тригональной сингонии. Какие условия среды способствуют расщеплению кристаллов до сих пор неясно.

Фото 37. Расщепление клубней картофеля, с образованием трехлепесткового цветка. Фото Сальникова В. Н.

Фото 38. Расщепление моркови. Фото Сальникова В. Н.

Сделана попытка рассмотреть механизмы расщепления кальцита при возникновении травертин в Томском районе с позиций самоорганизации системы вода – порода – газ – растение (сфагновый мох), то есть образование скелетных кристаллов кальцита (травертин).

Травертины – туф известковый, это легкая пористая (ячеистая) порода, образовавшаяся в результате осаждения карбоната кальция из горячих или холодных углекис-

лых источников. Растворение карбонатных пород водой сопровождается повышением хаоса (энтропия растет), но из этого беспорядка в процессе самоорганизации возникают упорядоченные структуры – травертиновые чаши – скелетные кристаллы кальцита, заполненные водой [19, 173-175]. Вместо 4 компонентов системы (вода - исходная порода – газ - сфагновый мох) возникает 5 подсистема (травертина).

Фото 39. Травертиновый каскад, ключ «Дызвездный», долина реки Тугояковки. Фото В.Н. Сальникова. Расщепление кальцитовых чаш.

Развитие этой системы является явным признаком её усложнения в процессе самоорганизации. Мы предполагаем, что кристалл в момент образования сразу захватывает определенное пространство электромагнитным полем и затем заполняет его в зависимости от наличия привноса (питания) кристалла во время роста. Такие же идеи об определяющей электромагнитной матрице зарождающего кристалла высказывает А.В. Маликов [20, 78-82]. При сте-

кании воды с уклона образуется каскад из травертиновых чаш, где кальцит чаш расщепляется на первичные и вторичные (псевдоморфозы) формы кристаллизации (фото 39). Сложные формы травертин, в данном случае, объясняются степенью неравновесности форм кристаллизации. Маликов А.В. выделяет 14 основных типов кристаллических индивидов и псевдоиндивидов (рис. 6,7).

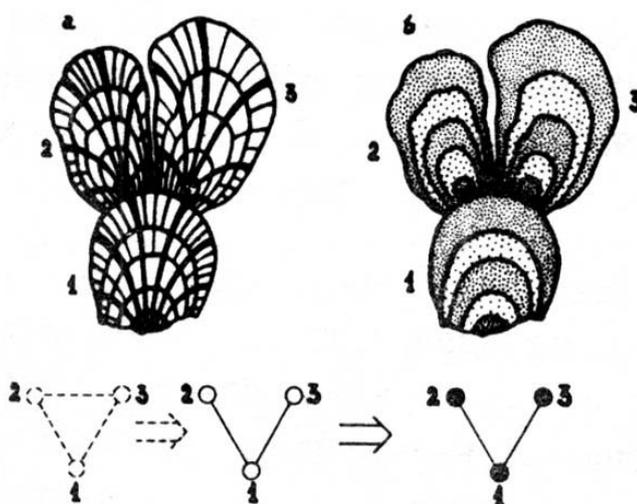

Рис. 6. Характерный фрагмент сфероидолитового дендрита (а), его псевдоморфоза (псевдодендрит) (б) и их комбинационно-топологические модели (графы). Из работы А.В. Маликова (1989)

На рисунке 6 в левой полуплоскости изображены нерасщепленные формы, а в правой соответствующие им, - непрерывно расщепленные формы. Широко распространены такие два промежуточных типа индивидов: двухлистник – форма, необходимая и возникающая при превращении зародыша кристалла в сфера-кристалл, а также кристаллитовый дендрит, при формировании ветвей которого происходит ритмическое чередование

монокристалльного и расщепленного роста (рис 7). Эта модель удовлетворительно объясняет образование каскада травертиновых чаш и псевдоморфное замещение их внутреннего пространства водой, как результат комплексного воздействия глобальной и локальной геолого-геофизической среды, которую призвана изучать геоэкология и экологическая геофизика.

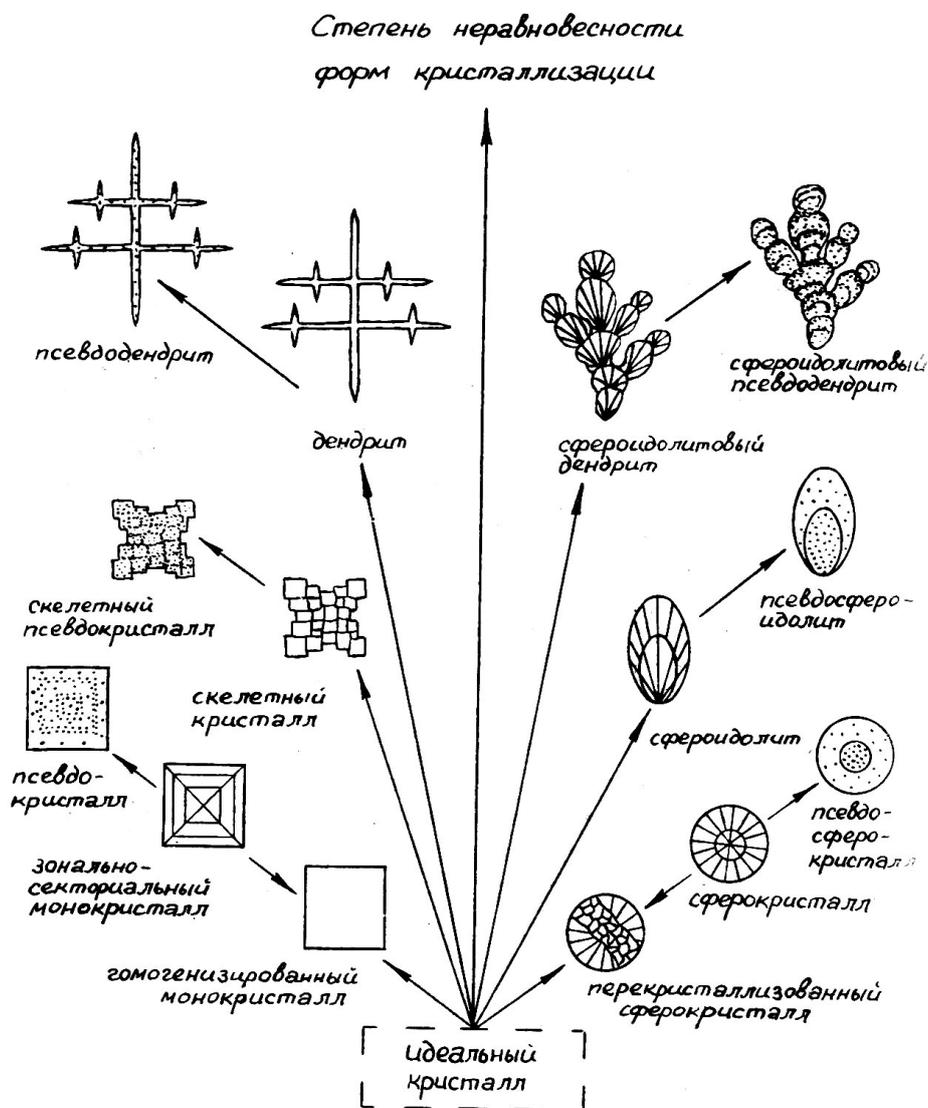

Рис. 7. Система основных типов кристаллических индивидов. (Из работы А.В. Маликова, 1993). Степень неравновесности форм кристаллизации является моделью заполнения чаш водой, как псевдоморфозы по кристаллу кальцита (В.Н. Сальников и др., 2004)

Следует обратиться к понятию геопатогенные зоны – это зоны геологических, геофизических, геохимических и антропогенных неоднородностей в литосфере, приводящие к заболеванию или к ухудшению здоровья человека или животных при длительном нахождении в их пределах [21,100-130]. По определению А.П. Дуброва геопатогенные зоны представляют собой локальные геофизические аномалии [22, 40-98]. К ним относятся: магнитные, электрические, гравитационные, радиационные и эманационные. Все они могут быть и не геопатогенными [23, 157-178, 24, 37-42].

Геопатогенными зонами можно считать:

1. Подземные водные потоки и их пересечение;
2. Геологические разломы, дизъюнктивы и линии растяжения и сжатия горных пород, т.е. геоактивные зоны;
3. Электромагнитные волноводы, акустические и сейсмические волноводы;
4. Места развития биоповреждений (или места жизнедеятельности микроорганизмов) [25, 110-240];
5. Геохимические аномалии: а) содержание радиоактивных элементов б) тяжелых элементов и др.;
6. Места антропогенных осадков: а) свалки; б) тех-

ногенные отвалы; в) кладбища; г) захороненные ценности.

В тоже время утверждается, что геопатогенные поля представляют собой высокочастотное излучение с длиной волны, лежащей в дециметровом диапазоне. Геопатогенные поля имеют свою характерную структуру, являются циркулярно-поляризованными [26, 3-200]. Многочисленными исследованиями [26, 3-200, 27, 93-100, 28, 10-47] установлено, что геопатогенные зоны, при воздействии на растения, вызывают массовую дихотомию (раздвоение) различных пород деревьев, которые достигают от 25% - 50% при норме 0,5% - 0,1% (фото 40).

Фото 40. Дихотомия ели (расщепление). Кемеровская область, Тайгинский район.

Фото 40(а). Удар линейной молнии в пихту. Кемеровская область, Яшкинский район. Фото. Сальникова

В этих зонах наблюдается уродливый рост некоторых цветковых растений (льнянка обыкновенная, кипрей, мак), а в зонах связанных с месторождениями радоновых вод и цветных металлов, наблюдается повышенный уровень мутагенеза. Дома построенные на геопатогенных зонах, особенно в водных жилах, дают осадку, разрушаются, что ведет к большим материальным затратам. Параметры аппаратуры, сигнализации, видеоустройств нарушаются. Процент выхода из строя аппаратуры на много выше чем на нормальных участках местности.

По данным литовских исследователей на животноводческих фермах (обследовано около 3800 голов скота) в геопатогенных зонах на 20%-30% снижается привесы у коров, падают удои, развивается мастит. Исследования геопатогенных зон, проведенных в городе Санкт-Петербурге, вывели статистическую значимую связь онкозаболеваемости, рассеянного склероза и ишемии сердца с зонами повышенной проницаемости и напряжений земной коры. Они представлены тектоническими нарушениями или трассирующими ими подземными водотоками, и выделяемыми в качестве геопатогенных зон [28, 10-47]. Установлено, что на территории района ЦИЭР (Воронежская область) имеются очаги онкологических заболеваний, не имеющих прямых связей с техногенными факторами. Оча-

ги пространственно совпадают с неотектоническими и активными новейшими тектоническими структурами [29, 71-76] В геоактивных зонах наблюдается повышенная грозопоражаемость деревьев или появления кругов на полях (фото 40 (а), 41, 41(а)). Комплексное эколого-геологическое излучение Шитовым А.В. активизированных участков земной коры с использованием геолого-геоморфологических, геофизических методов в сочетании с биофизическими методами, полевыми измерениями RR-интервалов синусова ритма позволило показать степень активности данного участка земной коры. Это дает возможность использовать измерения RR-интервалов у человека, как биоиндикационный метода изучения геоактивных участков земной коры [30, 5-30].

Фото 41. Круг образовавшийся в результате смерча на картофельном поле. Томский район, станция Каштак. Фото В.Н. Сальникова.

Фото 41 (а). Круги на пшеничном поле. Измерение магнитного поля ведет Г.М. Шаповалов. Мариинский район, окрестности села Антибес. Фото Сальникова В.Н.

Все перечисленные геолого-геофизические факторы могут комплексно воздействовать на рост и развитие растительности, приводить к появлению эпитаксиальных аномалий у плодов, животных и человека.

Для исследования эпитаксии в корнеплодах нами был выбран участок в Томском районе в 43 км от города Томска по Шегарскому тракту. Зона (поле) ранее, заросшее мелким кустарником, была рекультивирована мелиораторами для посева злаковых культур в 70-е годы прошлого столетия. Этот участок был отдан под огороды в 1994 г. В течение 10 лет здесь выращивали овощи, сажали картофель, пытались разводить малину, смородину, землянику. Малина через 3 года перестала расти, смородина не плодоно-

сила и засохла, земляника была уродливая и мелкая. Картофель рос с эпитаксиальными наростами, сдвойникован, попадались расщепленные клубни. На аномальные плоды приходилось 5% - 10% от всего урожая, при норме в других районах 0,1% - 0,5%.

По геоморфологическим характеристикам поле располагалось на бывшем заболоченном участке, где росли небольшие березы и чахлые осины. После раскорчевки весь верхний слой был сдвинут на периферию в виде валов. Само место характеризуется повышенной концентрацией мошкар, комаров, паутов. Летом при температуре 20-30 градусов обработка картофеля производили в комбинезо-нах и накомарниках (фото 42, рис. 8).

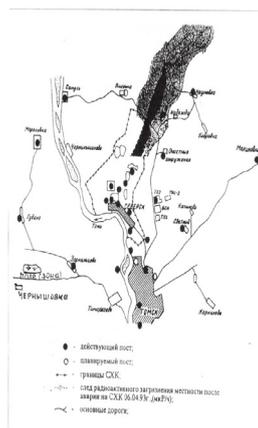

Фото 42. Обработка картофеля проводит профессор ТПУ С.Д. Заверткин в районе деревни Чернышовка, Томского района. Фото А.В. Новаковского.

Рис. 8. Схема Томского района с элементами действующих постов радиационного наблюдения и расположения гео-патогенной зоны [35].

Сама почва насыщена вредителями самых различных видов, но в основном, проволочником, который гроздами

весел на картофеле при его копке. Дождей на этом участке иногда не было по 3-4 недели. В 1998-2000 год через этот

участок прошел ряд ураганов, которые завалили все подъезды Шегарского тракта. У нас нет данных по влиянию этих зон на эпитаксию животных и человека. Частота возникновения эпитахии у человека также может быть повышена, если здание и частный дом построены на геопатогенной зоне или эти зоны локализованы в помещениях [31, 119-194]. Если эпитахию минералов можно объяснить законами физики твердого тела [32, 99-150] и ростом кристаллов в эллиптическом пространстве Римана [33, 597-616], то причина развития эпитахии растительного и животного мира, с таким подходом, как мы полагаем, остается до конца не исследованной. Например, сведения об изменениях морфологии тела человека и животных в радиационных зонах вокруг Чернобыльской АС, Семипалатинского полигона, Горного Алтая, Томской области и других аномальных зон отрывочны и противоречивы [34].

Традиционно обстановка на территории области и города Томска в значительной степени сформирована в результате прохождения облаков от взрывов, проведенных в атмосфере на Семипалатинском полигоне. Семь ядерных испытаний оказали прямое радиационное воздействие на Томскую область [35, 53-70]. Повышенное содержание цезия – 137 в почвах и растительности, свидетельствует о радиоактивных осадках, выпавших во многих районах области. Сюда же нужно отнести ядерные испытания на Новой Земле. С 1955-1992 год было проведено 132 взрыва и один сверхмощный взрыв (58 млн. тонн ТЭ) 30 сентября 1961 года. Испытания ядерных зарядов на Новой Земле является источником дополнительного глобального фона радиоактивного загрязнения поверхности территории России, которое произошло при опускании антициклонов по оси Карское море-юг Сибири. Подтверждено воздействие 4-х взрывов на состояние радиационной обстановки в Томской области.

С 1964 года Китай приступил к проведению ядерных испытаний на полигоне озера Лобнор. Вероятность прямого переноса радиоактивных веществ из районов озера Лобнор в Томскую область значительно меньше, чем от загрязнения Новоземельного и Семипалатинского полиго-

нов. Сюда можно добавить выделение радионуклидов после атомного взрыва во время Тоцкого учения 14 сентября 1954 года между Самарой и Оренбургом (40 т.т. ТЭ). Бомба была взорвана на высоте 350 метров. След радиоактивного загрязнения сформировался на территории Томской области и Красноярского края, обусловив накопленную дозу внешнего облучения 0,1 бэр. Максимальное загрязнение территории пришлось на южную (наиболее густонаселенную) часть области: Шигарский, Томский, Асиновский, Первомайский, Зырянский и Тегульдетский районы.

Одним из основных источников радиоактивного загрязнения окружающей среды является (уже около 60 лет) предприятие Минатома, включающие в себя разнообразные производства в Томской области – особо радиационно-опасный объект – Сибирский химический комбинат (СХК). Средняя мощность экспозиционной дозы гамма-излучения на всей территории Томской области составило 10-11 мкР/ч. По данным работающих постов АС КРО, 1998 году средняя мощность экспозиционной дозы гамма-излучения составляла от 7 до 14 мкР/ч. Средняя загрязненность почв сельскохозяйственной области цезия 137-142 мКи/км², стронцием 90-10 мКи/км². В рассматриваемой нами зоне в районе деревни Чернышовка (Томский район) плотность загрязнения цезием 137 равна от 110 до 160 мКи/км². Это в 2-3раа выше, чем средняя величина по области. Исполнилось 30 лет со дня Чернобыльской катастрофы. Взрыв на четвертом энергоблоке произошёл 26 апреля 1986 года.

На международной конференции генетики обнародовали данные о том, что мутации из-за взрыва на атомных станциях будут продолжаться 800 лет [36, 37]. Например, самая опасная зона в Чернобыле, так называемый, «Красный лес», на который пришлось наибольшее количество радиоактивных осадков (фото 43, 44).

Именно там возможны наиболее сильные мутации среди животного и растительного мира. За 25 лет после Чернобыльской катастрофы генетические мутации вдвое увеличили число врожденных аномалий у потомков людей на территории, пострадавших от радиации.

Фото 43. Теленок с 2 головами, в районе Чернобыльской АС (расщепление) [36,37].

Фото 44. Домашняя птица с 4 конечностями, в районе Чернобыльской АС (расщепление).

В работе В.И. Булатова рассмотрен классификацион-но-генетический подход, пространственно-географиче-

ский анализ и предварительные экспертно-экологические оценки с учетом масштабов загрязнений территории ра-

дионуклидами. Показана опасность функционирования ядерного комплекса как мощного фактора антропогенной трансформации природы, экологической и социально-политической дестабилизации региона [38, 7-83]. Впервые проблемы эпитакии растительного и животного мира была озвучена Киреевой А. Е. на VIII Всероссийской научной студенческой конференции в городе Томске [39, 180-182].

Наше исследование позволяет предполагать, что различные мутации и изменения человеческого тела и растений, это эпитаксиальные процессы, подобные минеральным образованиям, которые являются заложенными природой закономерностями и зависят от наличия в окружающей среде геопатогенных зон. Эпитакию животных и растений можно рекомендовать как один из способов биоиндикации окружающей среды.

Список литературы:

1. Геология и самоорганизация жизни на Земле: монография / В.Н. Сальников, Е.С. Потылицына; Томский политехнический университет. – 2-е изд., пересм. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 430 с.
2. Шафрановский И.И. Симметрия в природе. - Л.: Наука, 1968.-184 с.
3. Сальников В.Н., Ведерникова А.С. Электрические и электромагнитные явления в метасоматических процессах костной и живой материи // Эволюция жизни на земле: Материалы 3 Межд. Симп. – Томск: ТГУ, 2005. - С.68-70.
4. Боковиков А.А. Открытие кремниевой жизни на Земле//Минералогия и жизнь: минеральные гомологии. - Сыктывкар: Ин-т геол. - Коми Нц УРО, 2000. - с.134-136.
5. Точилина С.В. Проблема систематики Nassellaris. Биохимические особенности. Эволюция.-Владивосток, 1977.-60 с.
6. Лима-де-Фария А. Эволюция без отбора. Эволюция формы и функции.-М.: Мир, 1991. - 456 с.
7. Горохова М.С., Сальников В.Н. Проблема появления человека и разума /Студенческий научный форум. [Электронный ресурс]: [http://www.scieuceforum.ru/2013/5/639]
8. Шаскольская М.П. Кристаллы. - 2-е изд. ИСИР.-М.:Наука, 1985.- 208 с.
9. Ю.П. Кардона М. Основы физики полупроводников / Пер. с англ. И.И. Решиной. Под ред. Б.П. Захарчени. - 3-е изд.-М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002.-560 с.
10. Кантор Б.З. Минерал рассказывает о себе – М.: Недра, 1985.-33с.
11. Удивительное в камне.- М.: Планета, 1985 (комплект из 18 открыток).
12. Бетехтин А.Г. Курс минералогии.-М.: Гос. Изд-во геол. литературы, 1951. - 542 с.
13. Морфология и онтогенез кристаллов и агрегатов. Закономерные срастания кристаллов, двойники и тройники. Проект Рисуя Минералы, Copyright 2006-2015. [Электронный ресурс]: http://geo.web.ru/mindraw/cristall4.htm
14. Бернал Дж.Д. О роли геометрических факторов в структуре материи// Кристаллография, 1962. - Т.7. - Вып.7. - с.507-519.
15. Белов Н.В. Очерки по структурной кристаллографии// Минерал. сб. Львовского геол. об-ва. - 1962. - №16. - с.41-52.
16. Гегузин Я.Е., Сулунский В.И., Кагановский Ю.С. О механизме и кинетике роста отрицательных кристаллов (пор) при взаимной диффузии в щелочно-галоидных монокристаллах (система KCL-KBr)//Кристаллография, 1964. - Т.9.вып.2. - с.248-254.
17. Пospelов Г.Л. Парадоксы, геолого-геофизическая сущность и механизмы метасоматоза.- Новосибирск: Наука, 1973. - 355 с.
18. Сибурин А. По материалам книги Д. Джассима "Double Take. The Story Of Twins" [http://twins.popular.ru/famous/items/st36.html].
19. Сальников В.Н. Кристаллографическая модель образования родниковых травертиновых чаш// Сб. Геологическая эволюция взаимодействия воды с горными породами: Материалы Всеросс. конф.с участием иностранных ученых. Томск: изд-во НТЛ, 2012. - с.172-178.
20. Маликов А.В. Кристаллы как порождения поля (конформная симметрия поля отображается в морфологии реальных кристаллов) // Сб. научн. Статей: Творение. Эволюция. Минералы. (симметричный аспект) – М.:Ротапринт. ИМГРЭ, 1993. - с. 74-88.
21. Сальников В.Н. Электромагнитные системы литосферы и техногенеза (аномальные явления) / Томск, ТПУ, 1991. 384 с. Деп. В ВИНТИ 18.03.91,№1156-В91.
22. Дубров А.П. Экология жилища и здоровья человека. - Уфа: Изд-во «Слово»,1995.-98 с.
23. Сальников В.Н. Проблема геопатогенных зон в природе и техногенезе// Сб. Самоорганизация в природе. Томск, 1998.-Т.1.-Вып.2.-С.157-178.
24. Прохоров В.Г., Мирошников А.Е., Григорьев А.А., Прохорова Я. В. Сущность, классификация и иерархия геопатогенных зон// Геоэкология, 1998-. №1. - С.37-42.
25. Актуальные вопросы биоповреждений. - М.: Наука, 1983. -240 с.
26. Линда Л. Грин. Ментальная биолокация. - Воронеж: НПО "МОДЭК", 1994. - 240 с.
27. Кюнцель В.В. Энергостокковые зоны и их геологическое воздействие на биосферу // Геоэкология, 1996-.№3. - С. 93-100.
28. Геопатогенные зоны - миф или реальность? Санкт-Петербург: "Невскгеология", 1993. - 47с.
29. Ильяш В.В., Жабин А.В. К вопросу о связи очагов онкологических заболеваний и неотектонических структур на территории ЦИЭР // Вестник Воронежского гос. техн. университета, 2005. - Том 1. - №7.- С.71-76.
30. Шитов А.В. Влияние сейсмичности и сопровождающих геологических процессов на абиотические и биотические комплексы экосистем (на примере Чуйского землетрясения и афтершоков). Автореф. Дис. ... докт геол.-мин.наук. - М., 2015. - 31 с.
31. Сальников В.Н. Закономерности проявления аномальных явлений в помещениях // Непериодические быстропотекающие явления в окружающей среде. Томск, 1990. - с.119-194. Деп. в ВИНТИ 27.07.90, №1151-В90.
32. Гегузин Я.Е. Почему и как исчезает пустота. - М: Наука, 1983. - 191 с.

33. Rudnev S/V/ Application of Riemannian geometri to crystallography // Printed in Britain. Allrights reserved, 1998.-vol.16.-№4-8.-pp. 597-616.

34. Экологические последствия Чернобыля. - icg Форум [электронный ресурс]: freel.netru/forum/showthread.

35. Зубков Ю.Г. Радиационная обстановка на территории Томской области в 1998 г./ Экологический мониторинг. Состояние окружающей природной среды Томской области в 1998 году. Томск, 1999. - С.53-70.

36. Шокирующие свидетельства Чернобыльской тра-

гедии [электронный ресурс]:psyteh.ru/mutabyt-chemobylya. 37. Архив материалов Чернобыль. [Электронный ресурс]: pripyt-chaes.ucoz.ru/news?page10.

38. Булатов В.И. Россия радиоактивная. - Новосибирск: ЦЭРИС, 1996.-272 с.

39. Киреева А.Е. Развитие эпитахии в минералах, растениях и животном мире, как индикатора геопатогенности/ Материалы VIII Всеросс. науч. студ. конф. – Томск: Дельтаплан, 2015. – С 180-182.

К ПРОБЛЕМЕ «ВЕЛИКОГО ОЛЕДЕНЕНИЯ» НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

Скуфьин Петр Константинович

доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры полезных ископаемых Мурманского Государственного Технического Университета,

ведущий научный сотрудник Кольского Научного центра РАН

Чувардинский Василий Григорьевич

кандидат географических наук, сотрудник кафедры североведения

Петрозаводский университет

THE PROBLEM OF "GREAT GLACIATION" ON RUSSIAN PLAIN

Skuf'in P.K. doctor of geology, professor, head researcher of the Kola branch of the RAS

Chuvarbinsky V.G. Ph.D, assistant of the department Nord-problems Petrozavodsk University

АННОТАЦИЯ

Предлагаются новые решения ряда фундаментальных проблем четвертичного периода. Обсуждается классическая концепция материковых оледенений, которая приписывает наступающим на Европу мощным ледникам роль активного рельефообразующего фактора. На основании многолетних исследований на Балтийском щите, доказывається разломно-тектоническое происхождение «ледниково-экзарационного» рельефа – от «бараньих лбов» до скандинавских фиордов. Формирование этих образований авторы объясняют неотектоническими процессами, вертикальными и горизонтальными подвижками горных пород, мелко- и крупномасштабными чешуйчатými надвигами. Раскрывается разломно-складчатый механизм формирования «аккумулятивно-ледниковых форм рельефа» на Балтийском щите и на Русской равнине. На основании анализа литературных данных по гляциологическим исследованиям современных горно-долинных ледников, а также по результатам бурения ледниковых покровов Гренландии и Антарктиды, сделан вывод, что ледники как таковые, в том числе и материкового типа, не способны активно преобразовывать материковое ложе.

ABSTRACT

New solutions of a number of fundamental problems of the Quaternary Period are proposed. The classical concept of a continental freezing which attributes to the powerful glaciers attacking Europe a role of an active relief-forming factor is discussed. On the basis of long-term researches on Baltic Shield, the fault-tectonic origin of "glacial exaracion" relief – from "mutton foreheads" to the Scandinavian fiords is proved. Authors explain these educations with neotectonic processes, vertical and horizontal motions of rocks, small- and large-scale scaly thrusts. The fault-folded mechanism of formation of "accumulative-glacial forms of a relief" on Baltic Shield and on Russian Plain. On the basis of the analysis of literary data on glaciological researches of modern mountain-valley glaciers, and also by results of drilling of glacial covers of Greenland and Antarctica, the conclusion is drawn that glaciers per se including continental type, aren't capable to transform a continental bed actively.

Ключевые слова: четвертичный период, Балтийский щит, материковое оледенение, ледники, разломно-складчатые процессы, «ледниково-экзарационный рельеф».

Keywords: Quaternary Period, Baltic Shield, continental freezing, glaciers, fault-tectonic processes, glacial exaracion relief.

Процесс научного познания – это почти всегда противостояние меньшинства, а то и одиночек большинству.

Академик Г.И. Марчук.

Постановка проблемы. В середине позапрошлого века группа ученых-натуралистов (Ж. Шарпантье, Л. Агассиц и др.) в попытке обоснования причин скопления валунов кристаллических пород на равнинах Европы, выдвинула гипотезу о мощном материковом оледенении в четвертичном периоде на севере Европы, Азии и Америки. Считающиеся классическими работы немецких геологов А. Пенка и Э. Брюкнера по альпийским покровным ледникам – легли в основу европейской периодизации ледниковых

периодов: гюнц, миндель, рисс, вюрм. В дальнейшем сторонники этой гипотезы (О. Торрель, А. Гейки, Дж. Гейки и др.) доказывали, что ледники в кристаллических породах Скандинавии активно формировали т.н. экзарационный рельеф, выпихивая озерные котловины, глубокие фиорды, покрывали бороздами и отполировывали «бараньи лбы», «курчавые скалы» и другие «ледниковые» формы рельефа. С тех пор количество публикаций, основанных на методических разработках ледниковой гипотезы, исчисляется многими тысячами.

Однако примерно в тот же период крупнейшие натуралисты Ч. Дарвин, Ч. Ляйель, Р. Мурчисон, А. Кайзерлинг

выдвинули дрейфовую теорию формирования валунных накоплений в Северном полушарии за счет разноса валунов плавающими льдами при трансгрессиях морских бассейнов. В дальнейшем, в 50-60-х годах многие отечественные геологи (И.Г. Пидопличко, А.И. Попов, И.Д. Данилов, Р.Б. Крапивнер, П.П. Генералов и др.) пришли к выводу, что северные территории Европы и Сибири материковым оледенением не подвергались, а мощные толщи валунных суглинков накапливались в результате транспортировки валунного материала айсбергами и припайными льдинами. И по сей день в научном мире по вопросам материкового оледенения Сибири и Европейского Севера относительно мирно сосуществуют две точки зрения – ледниковая и «маринистская».

Анализ последних исследований и публикаций. Зимой 2014 г. в г. Лунд (Швеция) состоялось Зимнее геологическое совещание, специально посвященное проблеме оледенения Скандинавии. В итоговом коммюнике совещания [1] сказано: «...Новейшие географические, геологические и ботанические исследования говорят об отсутствии сплошного ледникового покрова на Скандинавском полуострове во время последнего ледникового максимума. Собранные материалы указывают на отсутствие крупных ледниковых щитов на пространствах севера Евразии. Вместо ледниковых щитов на этих территориях развивались ограниченные по мощности и площади ледниковые купола, которые, вследствие своего термодинамического состояния (холодное, примерзшее к ложу основание), не могли активно механически воздействовать на ледниковое ложе».

Новейшие материалы, собранные молодыми, не обремененными научными предрассудками гляциологами, на материковых ледниках Антарктиды и Гренландии, привели к совершенно неожиданным открытиям – придонные слои льда практически неподвижны, и никакого «выпахивания» ложа материковых ледников не производят – все подвижки в ледниках происходят выше ледникового ложа, в результате вязко-текучего скольжения пакетов ледяных пластинок по внутриледниковым сколам. Ложе горно-долинных ледников сохраняется под движущимися

массами льда первичную скальную поверхность (рис. 1), почвенные слои и даже травяной покров в полной неприкосновенности. А ложе гренландских и антарктических громадных ледников вообще законсервировано на сотни тысяч лет, и миллионы тонн льда спокойно скользят над этим ложем, не затрагивая его. Специалисты, изучавшие экзарационные процессы на реальных ледниках планеты, давно установили, что донные морены при этом совершенно нехарактерны.

М.И. Иверонова [3], изучавшая ледники Тянь-Шаня, пишет: «Роль донной морены ничтожна, и говорить о леднике как о факторе, интенсивно эродирующем, нет основания». В.Г. Чувардинский [8] приводит материалы сквозного, вплоть до ложа ледников, разбуривания ледниковых щитов Антарктиды и Гренландии – валунно-галечного моренного материала просто нет во всей толще ледников, а также в основании этих гигантов, лишь ничтожные накопления песчинок, пылевидных частиц и мельчайших обломков космического или вулканического происхождения. Современный исследователь ледников Антарктиды Д.Ю. Большаков с горечью пишет, что теория материковых ледников полностью игнорирует установленные такой наукой, как физика ледников, закономерности их движения. Он делает вывод [1]: «...Ледники покровного типа не способны активно преобразовать материковое ложе». В.Г. Чувардинский [8], геолог-съемщик с пятидесятилетним стажем, – убежденный противник общепризнанного учения о громадных по масштабам ледниковых периодах, покровные ледники которых, сметая все на своем пути, двигались в южном направлении, перекрывая Европу и Северную Америку ледниковыми щитами мощностью до 3 км. Выводы автора, основанные на многолетних детальном исследовании проблемы, доказательны [8, с. 21]: «Из оплота ледниковой теории современные покровные ледники стали убедительным фактором ее развенчания. Современные данные говорят в пользу того, что наличие значительных валунно-галечных образований в толще ледников возможно лишь в горно-долинных ледниках, где эти накопления формируются при оползневых процессах на склонах гор».

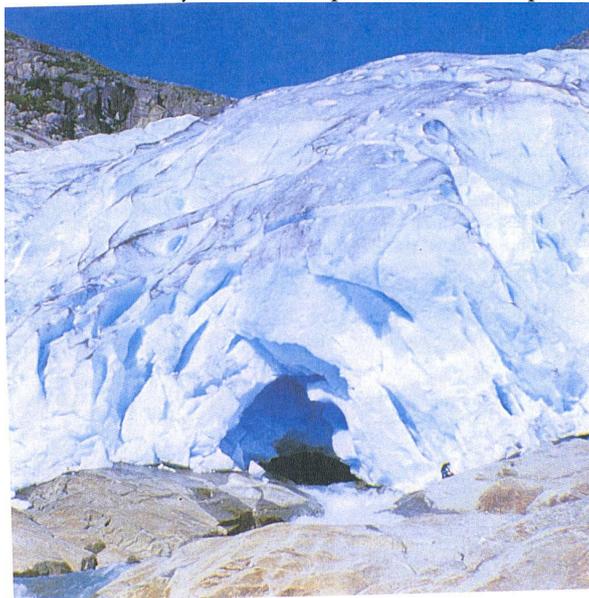

Рис. 1. Горно-долинный ледник Нигардсбре (Норвегия). Двигается по тектоническому зеркалу скольжения. Признаки придонной морены отсутствуют [9].

В своей монографии [8] В.Г. Чувардинский анализирует все доводы сторонников классической концепции материковых оледенений, которая приписывает стремительно наступающим на Европу мощным ледникам роль активного рельефообразующего фактора, приводящего к сглаживанию положительных форм рельефа и к выпахиванию коренных пород ложа ледников, с перемещением продуктов этого выпахивания – громадных глыб и валунов, а также колоссальных блоков-отторженцев горных пород – на тысячекilометровые расстояния. Эта монография – не обобщение его предыдущих публикаций [6,7], а совершенно новое исследование, базирующееся на анализе современной научной литературы (один список литературных источников насчитывает почти 200 наименований, в т.ч. на иностранных языках) и фактических данных, полученных лично автором в последние годы.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Невзирая на возрастающую критику в адрес сторонников активного рельефоформирующего фактора покровных ледников, «экзарационный рельеф» Скандинавии до недавних пор считался бесспорным доказательством незыблемости главных постулатов ледниковой теории. Авторам статьи, и прежде всего, В.Г. Чувардинскому, на протяжении многих лет, в течение десятков полевых сезонов, приходилось наблюдать и описывать все разновидности «экзарационного рельефа» на побережьях Кольского полуострова, изучать фиорды Норвегии. Авторам в этих наблюдениях помогала стопроцентная обнаженность скалистых морских побережий Скандинавии, где они с каждым годом все увереннее приходили к заключению, что все эти классические формы экзарационного рельефа – курчавые скалы, бараньи лбы, озерные котловины, фиорды, конечно-моренные гряды и др. связаны отнюдь не с деятельностью Скандинавского покровного ледника, а с неотектоническими процессами – вертикальными и горизонтальными подвижками горных пород, мелко- и крупномасштабными чешуйчатыми надвигами. С результатами этих наблюдений авторы и хотели бы познакомить читателя.

Цель статьи. Наша статья написана с целью привлечь внимание специалистов к некоторым спорным фундаментальным проблемам четвертичного периода. В частности, всё больше возражений вызывает классическая концеп-

ция материковых оледенений, которая приписывает наступающим на Европу мощным ледникам роль активного рельефообразующего фактора. Материалы, собранные авторами на основании многолетних исследований хорошо обнаженных побережий Балтийского щита, убедительно доказывают разломно-тектоническое происхождение «ледниково-экзарационного» рельефа – от «бараньих лбов» до скандинавских фиордов. Личные наблюдения позволили В.Г. Чувардинскому [8] раскрыть разломно-сдвигатый механизм формирования «аккумулятивно-ледниковых форм рельефа» на Балтийском щите и на Русской равнине.

Изложение основного материала. На Балтийском кристаллическом щите широко развит так называемый экзарационный рельеф – фиорды, шхеры, озерные котловины, бараньи лбы, курчавые скалы и т.д. Сторонники ледникового происхождения экзарационного рельефа считают, что в четвертичный период именно покровные ледники выпахали в докембрийских породах глубочайшие фиорды и озерные котловины, придающие такую живописность ландшафтам Скандинавии. Утверждается также, что ледниковые покровы, одновременно с выпахиванием кристаллических гнейсо-гранитов фундамента, полировали их, наносили штрихи и борозды, превращали блоки гнейсо-гранитов в типичные бараньи лбы и курчавые скалы. Однако еще в 90-х годах прошлого века, картируя скалистые берега Кандалакшского залива, В.Г. Чувардинский обратил внимание, что отполированные и исштрихованные якобы ледником скальные поверхности погружаются под блоки и горизонты кристаллических докембрийских гранитоидных пород [8, с. 40-55]. Налицо было тектоническое происхождение всех этих форм рельефа.

В течение последующих лет авторы расширили районы исследований – ими был охвачен район Приладожья с его многочисленными скалистыми шхерами, скалистые обрывы побережья Баренцева моря, Кандалакшский грабен и центральные части Кольского полуострова. Стояла задача изучить все типы экзарационного рельефа, раскрыть механизм его формирования, выяснить соотношение экзарационного рельефа с неотектоническими разломами, изучить зоны погружения отполированных и изборожденных скальных поверхностей под коренные породы.

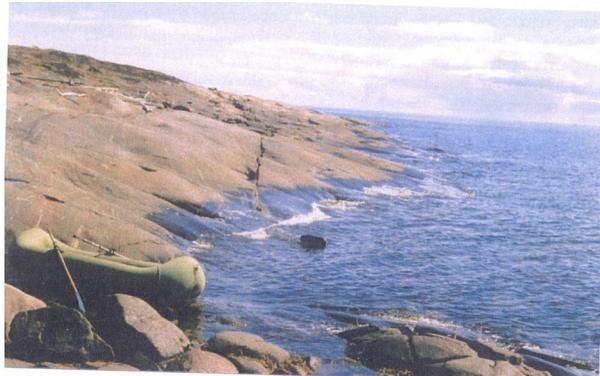

Рис. 2. Рельеф так называемых «бараньих лбов». Восточное крыло сдвиговой зоны Кандалакшского грабена на участке, сложенном породами гранулитовой формации. Хорошо выражены структурные волны пологих надвигов в полосе динамического влияния глубинного Кандалакшского сдвига. Мыс Кочинный Кандалакшского залива.

Крупные разломные зоны, тектонически активные в четвертичный период, являются весьма благоприятными для познания механизма образования указанных форм рельефа. К таким зонам относятся Кандалакшский и Ладожский грабены, фиордовое побережье Мурманского блока, другие тектонически активные зоны Балтийского щита.

В крупных обнажениях, представляющих собой группы бараньих лбов, устанавливается непосредственное погружение полированных и исштрихованных плоскостей бараньих лбов и курчавых скал под горизонты кристаллических пород фундамента. Это погружение наблюдается в скальных бортах береговых обрывов, в полосе развития шхерного рельефа – везде, где имеются крупная площад-

ные уступы кристаллических пород фундамента (Рис. 2-4). Аналогичные формы «ледникового рельефа» отмечались П.К. Скуфьиным [4] и на Мурманском блоке Кольского полуострова, и в блоках вулканогенных пород Печенгской структуры.

Парагенетическая сопряженность всех типов экзарационного рельефа с разрывными дислокациями устанавливается во всех исследованных районах. Но особенно ярко эта связь проявляется в крупных зонах неотектонической активизации, для которых характерно развитие систем кулисообразных сдвигов – глубинных и региональных (Кандалакшский и Ладожский грабены, Мурманский блок).

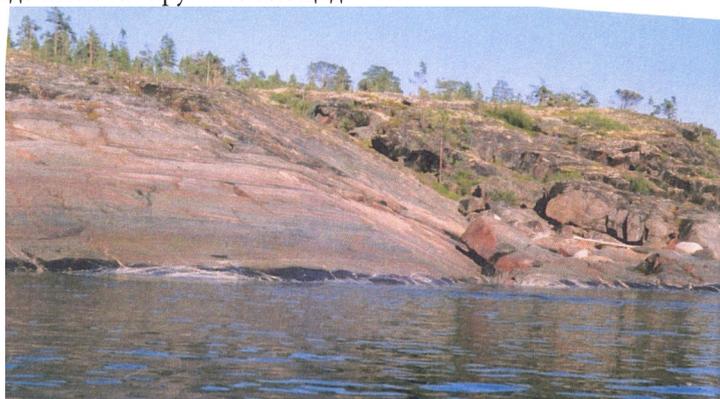

Рис. 3. Поверхность сместителя крупного надвига «бараньего лба» в породах гранулитовой формации. Видно погружение отполированной и изборожденной тектонической поверхности под аллохтонные блоки коренных пород. Восточный борт Кандалакшского грабена.

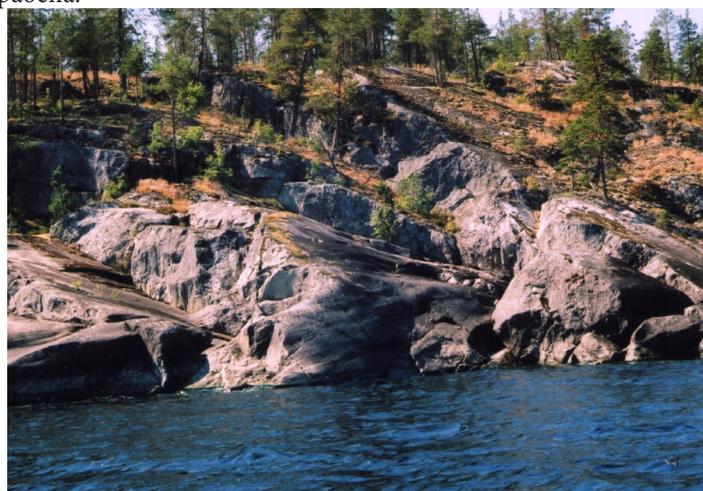

Рис. 4. Неотектонические чешуйчатые надвиги («курчавые скалы») в мигматитах протерозоя. Видно погружение отполированных и исштрихованных зеркал скольжения под смежные блоки пород (о. Путсаари, Ладожский грабен).

В таких структурах формируются многочисленные взбросы, надвиги, вторичные сдвиги и сколы. В первую очередь, надвиги и взбросы и формируют типичный рельеф бараньих лбов и курчавых скал (Рис. 3). При этом

отполированные и изборожденные уплощенные скальные поверхности представляют собой тектонические сместители и зеркала скольжения разрывных дислокаций (Рис. 5).

Рис. 5. Надвиговое происхождение полировки и исштрихованных поверхностей экзарационного рельефа. Полированная и изборозженная плоскость надвига бараньего лба прослеживается под аллохтонный блок. Остров Великий, Белое море.

В кристаллических породах фундамента морфология, а также сам способ формирования бараньих лбов и курчавых скал обусловлены блочным строением этих пород. Система параллелепипедальной отдельности образует в таких породах матрацевидные, пластовые, клиновидные и овоидальные формы отдельности. Нередко отдельность подчеркивает чешуйчатое или черепитчатое залегание частично перекрывающихся друг друга смежных блоков пород. Освобождаясь при выветривании или при тектонических подвижках от перекрывающихся смежных блоков,

породы предстают в облике типичных бараньих лбов (Рис. 6).

Фиорды – это длинные, узкие и глубокие морские заливы и проливы, с крутыми берегами, сложенными кристаллическими докембрийскими породами. Высота надводных и подводных бортов фиордов достигает сотен метров, иногда 2-2,5 км. Эти формы рельефа теснейшим образом связаны с системами неотектонических разломов земной коры.

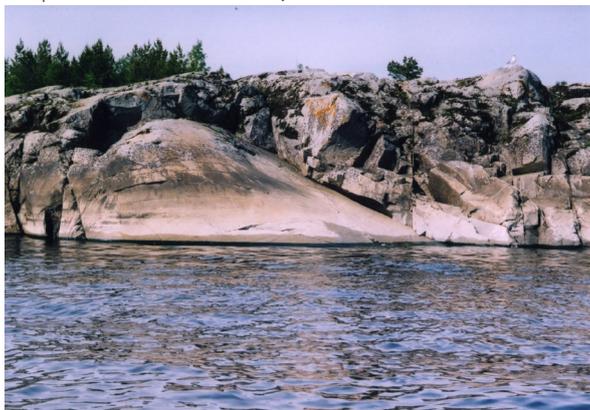

Рис. 6. Тектоническое формирование бараньих лбов в диоритах, в процессе неотектонического роста диоритовых куполов. При гравитационном оползании блоков диоритов освобождаются отполированные сферические поверхности внутриблочного происхождения. Остров у мыса Импиниemi, Ладожские шхеры.

Вместе с ответвлениями-проливами фиорды пересекаются между собой, чаще под прямыми углами, формируя решетчатую в плане структуру (Рис. 7). Направление фиордов может резко, коленообразно меняться на 90 градусов; на отдельных участках отвесные борта фиордов могут резко сужаться – с 10-15 км до сотни метров. В отношении фиордов сторонники теории ледникового выпихивания считают эти образования результатом глубочайшего (до 2 км) выпихивания ледником крепчайших монолитных горных пород. В свете указанных особенностей морфологии подобная трактовка происхождения фиордов представляется невероятной. Анализ геологических данных и материалы дистанционных исследований показывают, что фиорды Мурманского берега, а также красивейшие нор-

вежские фиорды заложены по системам разломов – сдвигов и раздвигов. Активизация на неотектоническом этапе этих разломов, представляющих собой систему субпараллельных и ортогональных дизъюнктивных структур, и привела к образованию крупных отрицательных форм рельефа – фиордов. В отличие от шхерного рельефа, дизъюнктивные структуры фиордов имеют глубокое заложение, и их следует относить к категории глубинных разломов. Полировка бортов фиордов, штрихи и борозды на поверхности скал объясняются взаимным трением смещающихся блоков кристаллических пород. Наблюдения за современными ледниками [1] показывают, что никакого выпихивания покровные ледники не производят. Они даже не могут «выпахать» воду подледниковых реликтовых озер и, есте-

ственно, им не по силам выпихивать в монолитных породах глубочайшие фиорды. Покровные льды могут лишь пассивно занимать доледниковые тектонические формы –

грабены, тектонические ущелья, древние долины – таким образом ледники надежно предохраняют доледниковую поверхность от физического выветривания, от денудации.

Рис. 7. Фиорды в архейских кристаллических породах фундамента на побережье Норвегии и Мурманской области. Видна приуроченность фиордов к глубинным разломам нескольких генераций. Космический снимок.

В.Г. Чувардинский специально изучил различные варианты возникновения валунно-глыбовых отложений и громадных отторженцев в ряде регионов России [8, с. 107-117], которые обычно приводились в качестве примера мощных экзарационных процессов, связанных с выпихивающей деятельностью материковых ледников четвертичного периода (Балтийский щит, Талнах, Гдовские и Воротиловско-Тонковские дислокации). Однако автор указывает, опираясь на новейшие исследования тектонических напряжений в толщах кристаллических пород Балтийского, Канадского и Украинского щитов, что величина тектонического сжатия в гранитоидных породах континентов, достигающая 200 МПа, реализуется в приповерхностном слое в виде интенсивных субгоризонтальных тектонических подвижек, сила которых на полтора порядка превышает вертикальное (геостатическое) напряжение. При этом формируется сложно сочетающиеся системы

приповерхностных взбросо-надвигов, сбросов и сдвигов, характерных именно для приповерхностной зоны, где проявляется способность свободных восходящих движений надвиговых блоков и чешуй, выводящих на поверхность крупные блоки и обвальцованные «окатанные» валуны фундамента. Принимая во внимание, что фундамент и чехол Русской платформы имеют блоковое, а местами и мелкоблоковое строение и учитывая факт интенсивной активизации блоковых подвижек в неоген-четвертичный период, можно согласиться с автором, объясняющим именно такими вертикальными и горизонтальными подвижками выведение на поверхность валунно-галечного материала и даже крупных отторженцев фундамента. Автор справедливо указывает на то, что состав поверхностных валунов кристаллических пород в конкретных пунктах Русской равнины соответствует составу пород фундамента в этих местах.

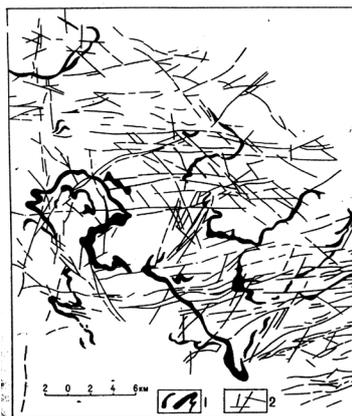

Рис. 8. Система даек и силлов габбро-диабазов протерозойского возраста в Кейвском регионе, описанных М.С. Гросвальдом [2] в качестве «конечной морены» и «грандиозного пояса гляциодислокаций». 1,2 – соответственно, силлы (1) и дайки (2) габбро-диабазов. Схематическая карта составлена В.Г. Чувардинским.

Желание некоторых сторонников материкового оледенения Скандинавии открыть «конечно-моренные пояса» в различных регионах Балтийского щита нередко приводит к анекдотическим построениям. Так, в вышедшей в 1999 году монографии М.Г. Гросвальда «Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики» [2] приведена

карта-схема, из которой следует, что на востоке Кольского полуострова, в пределах Кейвской структуры, развиты протяженные пояса «конечных морен и мощные зоны гляциодислокаций». Следует отметить, что в этом хорошо изученном и прекрасно обнаженном участке развития кристаллических пород раннего докембрия никто из гео-

логов-съемщиков и сотрудников Геологического института КНЦ РАН, проводивших на Кейвской гряде детальные петрологические исследования, не отмечал каких-либо морен и гляциодислокаций. Полевые геологические исследования проводили здесь и авторы данной статьи. Картировочные работы авторов и материалы геологосъемочных работ определенно показывают, что за «гряды конечных морен и мощные зоны гляциодислокаций» ученые Института географии РАН приняли денудационно-тектонический рельеф древних кристаллических пород. «Первый и второй пояса конечных морен и гляциодислокаций» представляют собой отпрепарированные денудацией многочисленные дайки и силлы среднепротерозойских габбро-диабазов (рис. 8). Силлы выступают в рельефе в виде различной формы гряд, нередко имеющих форму «конечных морен» и «напорных гляциодислокационных сооружений», к тому же, по большей части, вогнутой стороной обращенных на северо-восток, что позволяет сторонникам ледниковой теории сослаться на движение ледника с северо-востока – со стороны Баренцева и Карского морей. По мнению ученых-гляциологов, все эти «грандиозные» сооружения – творение Баренцево-Карского ледникового покрова, якобы надвинувшегося на Балтийский щит с шельфа этих морей совсем недавно – в голоцене!

Одним из примеров отложения валунно-галечниковых пород за счет приповерхностных взбросо-надвиговых перемещений В.Г. Чувардинский считает формирование т.н. «зырянской морены» в Талнахском рудном поле Но-

рильского региона [8, с. 88-93]. Здесь один из первооткрывателей Cu-Ni месторождений Талнаха В.С. Старосельцев составил схему перемещения ледников зырянского и сартанского «оледенений», в результате чего и сформировался мощный валунный шлейф зырянской морены [5]. Однако схема разломной тектоники этого участка, приведенная В.Г. Чувардинским для сопоставления с ледниковыми построениями В.С. Старосельцева, убеждают нас в том, что шлейф рудных валунов формировался за счет выведения на поверхность тектонических блоков пород и рудных брекчий по глубинному Норильско-Хараелахскому разлому и системам более мелких оперяющих разломов. Даже состав этих обломков, среди которых – масса рудных разновидностей с глубинных горизонтов месторождений, недоступных мифическим ледникам, говорит в пользу этих выводов В.Г. Чувардинского, который остроумно обыграл ситуацию в монографии, возражая сторонникам ледникового выпаживания «моренных» обломков: для объяснения этого необычного состава морены необходимо в ледниковую теорию внести понятие «подземное глубинное ледниковое выпаживание».

Опираясь на лично собранные фактические материалы и на основании новых литературных данных, в том числе по палеонтологии, палеоботанике и четвертичной климатологии, В.Г. Чувардинский убеждает нас в правомочности новой геологической концепции четвертичного периода, которую он защищает в своей монографии [8, с. 132-152].

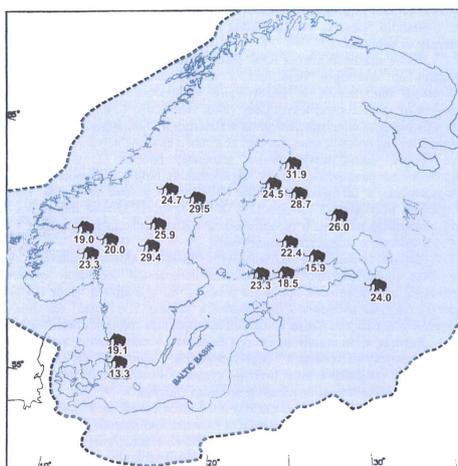

Рис. 9. Местонахождения ископаемых останков мамонтов в Фенноскандии времени последнего (вюрмского) покровного оледенения (возраст 26000-10000 лет). Абсолютный возраст (в тыс. лет) определен радиоуглеродным методом. Пунктиром показана предполагаемая площадь оледенения Фенноскандинавского ледникового покрова. (По материалам P. Ukkonen et al. (1999, 2007), A. Heintz (1965, 1974), А.А. Никонова и Л.Д. Флейфель (2011)).

В этом контексте особенно интересен материал, посвященный многочисленным останкам мамонтов в Фенноскандии, там, где, по утверждениям сторонников ледниковой теории, толщина льда в вюрмское время достигала 4 км. Именно многочисленные вюрмские радиоуглеродные датировки останков мамонтов (26-13 тыс. лет) указывают на комфортные условия жизни этих прожорливых животных в заросших пышной растительностью долинах рек Финляндии и Норвегии (Рис. 9). Попытка сторонников оледенения этих территорий в вюрме объяснить этот парадокс наличием «нунатаков» – горных вершин, возвы-

шающихся над ледниковыми толщами, малоубедительна – таких высоких гор в Скандинавии просто нет, да и мамонтам на таких скалах ежедневной полутонной порции растительной пищи на едока – не обеспечить. Современные исследования показывают [1], что климат Скандинавии в вюрме был более холодным и континентальным, чем современный, но в целом близок современному климату Сибири, и лесотундровые степи с вечной мерзлотой в фундаменте и с пышной растительностью в долинах рек занимали обширные территории в Европе, в т.ч. в Скандинавии.

Интересные материалы новейших геологических исследований приводятся в монографии по пермско-карбонному времени [8, с. 154-160]. Издавна считалось, что в эту эпоху оледенение охватывало практически весь земной шар, оставив после себя на всех континентах мощные толщи тиллитов, ледниковый экзарационный рельеф и другие типичные признаки колоссального оледенения. Но в то же время именно в карбоне на Земле царил жаркий, влажный климат, царствовала пышная наземная растительность, формировались многометровые по мощности залежи каменного угля. А в перми климат на планете был вообще самый жаркий и сухой из ранее господствовавших в палеозое. В высыхающих морях и лагунах формировались толщи эвапоритов, солей, гипсов, ангидритов. Парадокс!

Автор отмечает, что в последние годы многими исследователями получены данные, показывающие, что тиллиты имеют скорее всего тектоническое происхождение. Часть этих образований является олистостромой – несортированными отложениями валунно-галечного материала, достигающими сотен метров мощности и возникающими при оползневом или тектоническом разрушении осадочных пород. Некоторые псевдотиллиты относятся к тектоническому меланжу. Материал олистостромы и меланжа носит следы тектоно-динамической обработки: глыбы и валуны сглажены, покрыты штрихами и бороздами, сопровождаются зеркалами скольжения. Конвергентные текстурные признаки этих пород при большом желании позволяют считать тиллиты ледниковыми образованиями.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Опубликованная нами работа отражает определенный этап научного развития и является частью самоотверженной дискуссии ученых-противников концепции материкового оледенения со сторонниками этой классической концепцией, пришедшей к нам с трудами ученых западных стран. Эта весьма спорная концепция в значительной степени устарела, поскольку декларирует явно ошибочное представление об активном рельефообразующем факторе материковых ледников, которые могут осуществлять масштабное выпахивание ледникового ложа и приводить к транспортировке продуктов этого выпахивания – огромных отторженцев и валунного материала на большие расстояния. Дискуссия эта исторически необходима, но трудна, поскольку предполагает борьбу немногочисленных пока энтузиастов с «правоверным» большинством. Мы считаем, что в классическом виде ледниковая теория является реальным препятствием для дальнейшего развития ряда важных научных и научно-прикладных направлений палеогеографии, палеоклиматологии, палеобиологии, геологии антропогена, методологии валунных поисков полезных ископаемых. Дискуссия эта тем более важна, что в настоящее время в ряде публикаций в России, и особенно за рубежом, звучат идеи принижения российской науки и возвышения даже спорных западных исследований. Это мнение авторов – геологов с многолетним опытом научной и педагогической деятельности.

В целом, оценивая научную значимость трудов основного автора нашей статьи – В.Г. Чувардинского, можно сказать, что она по уровню проработки геологического материала и специальной литературы сделала бы честь крупной исследовательской группе любого научно-исследовательского института геологической направленности и в принципе представляет собой готовый материал для нескольких докторских диссертаций. Настойчивая пропаганда этих трудов остро необходима геологам всех профилей для оценки степени и самой возможности формирования мощных материковых оледенений, реальность существования которых находится в настоящее время под большим вопросом.

К сожалению, у В.Г. Чувардинского не хватает времени на педагогическую деятельность. Второй автор статьи еще недавно, читая студентам лекции по общей геологии и цитируя труды основателей классической ледниковой теории А. Пенка и Э. Брюкнера, с особым удовольствием декламировал звучные, чеканные немецкие названия ледниковых периодов: миндель, рисс, вюрм... Познакомившись с трудами профессора И.Г. Пидопличко, я с интересом узнал, что еще во время Второй мировой войны в составе действующей армии он осмотрел все известные «ледниковые» отложения в Альпах, и выработал твердое убеждение, что все построения А. Пенка и Э. Брюкнера и их последователей по альпийским покровным ледникам глубоко ошибочны и основаны на самовнушении и своеобразном массовом гипнозе. Теперь приходит ясное понимание того, что с подобного рода декламациями пора заканчивать.

Литература

1. Большианов Д.Ю. Пассивное оледенение Арктики и Антарктиды. СПб., Изд-во ААНИИ, 2006. 296 с.
2. Гросвальд М.Г. Евразийские гидросферные катастрофы и оледенения Арктики (редактор В.М. Котляков). М., Научный мир, 1999. 117 с.
3. Иверонова М.И. Процессы формирования современных морен в Тянь-Шане // Тр. Ин-та географии АН СССР. М., 1952. С. 33-54.
4. Скуфьин П.К. О глубинном долгоживущем разломе на северо-западе Кольского полуострова // Геофизика и тектоника Кольского полуострова. М-Л: Наука, 1966. С. 83-85.
5. Старосельцев В.С. Основы прогноза полезных ископаемых // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. № 1 (5), 2011. С. 3-7.
6. Чувардинский В.Г. Неотектоника восточной части Балтийского щита). Изд. КНЦ РАН. Апатиты. 2000. 287 с.
7. Чувардинский В.Г. О ледниковой теории. Происхождение образований ледниковой формации. Изд. КНЦ РАН. Апатиты. 1998. 302 с.
8. Чувардинский В.Г. Четвертичный период (новая геологическая концепция). Изд. КНЦ РАН. Апатиты. 2012. 179 с.
9. Ehlers S. The glaciers of Norway. Oslo, 1983. 120 p.

АНАЛІЗ РЕЗУЛЬТАТІВ ГАЗОГЕОХІМІЧНОГО ПРОГНОЗУ ПЕРСПЕКТИВ НАФТОГАЗОНОСНОСТІ ДЛЯ ВИБОРУ ПЕРШОЧЕРГОВИХ НАФТОГАЗОПОШУКОВИХ ОБ'ЄКТІВ У МЕЖАХ БОРИСЛАВСЬКОГО НАФТОГАЗОПРОМИСЛОВОГО РАЙОНУ

Ярема А.В.

*Кандидат геологічних наук, доцент кафедри геології
та розвідки нафтових і газових родовищ*

Івано-Франківський національний технічний університет нафти і газу

*ANALYSIS OF THE RESULTS OF GAS GEOCHEMICAL HYDROCARBON POTENTIAL PROGNOSIS FOR THE PRIORITY
OBJECTS CHOICE WITHIN BORISLAV OIL AND GAS DISTRICT*

Yarema A.V. PhD, associate professor Ivano-Frankivsk National Technical University of oil and gas

АНОТАЦІЯ

Наведено, основні задачі які вирішує газогеохімічний прогноз на системному інформаційно-аналітичному рівні та встановлено його геологічну ефективність застосування. Отримано структурування системуютьовуючих взаємодій формалізованих категорій покладу з критерійними газогеохімічними параметрами співвідносно до базової еталонної території. Виділено нафтогазоперспективні об'єкти та розраховано їх сумарні перспективні ресурси.

ABSTRACT

The article contains, the main tasks which solves geochemical forecast for systemic information analytical level and determined its geological efficacy. A structuring of system interactions with formalized categories reservoir criteria of geochemical parameters due to the base reference areas are done. Highlight of oil-gas assets is done and their total prospective resources are estimated.

Ключові слова: газогеохімічний, нафтогазоносність, прогноз, перспективні об'єкти, ресурси.

Keywords: gas geochemical, oil and gas, prognosis, perspective objects, resources.

Вступ

Вперше видобуток нафти на території України розпочато в Передкарпатті. В кінці XIX – на початку XX століття з початком глибокого буріння свердловин нафтова промисловість, як галузь промислового виробництва, розвивалась на базі Бориславського нафтового родовища. Сьогодні Бориславський нафтогазопромисловий район (НГПР) є найдавнішим нафтогазодобувним районом. Для багатьох родовищ даного регіону які знаходяться на завершальній стадії розробки, актуальними постають питання подальших напрямків геолого-розвідувальних робі.

Одним із головних напрямків підвищення ефективності і пов'язаного з цим науково-технічного прогресу в геологорозвідувальному процесі на нафту і газ є розроблення та впровадження в практику новітніх технологій пошуку нових родовищ. Метою таких новітніх технологій є прогнозування нафтогазоносності надр окремих територій і видача рекомендацій щодо доцільності та черговості введення в пошукове буріння конкретних нафтогазоперспективних об'єктів в межах сприятливих геоструктурних елементів.

Серед не багатьох системно придатних способів прогнозування перспектив нафтогазоносності і пошуків нафти і газу, є вуглеводнево-газогеохімічний метод. Даний метод вважається найбільш ефективним в послідовно-узгодженій структурі нафтогазопошукового процесу через свою природну системомісткість і системонасиченість.

Сучасна методологія вуглеводнево-газогеохімічного прогнозування і оцінки перспектив нафтогазоносності територій, окремих локальних площ чи структур на системному інформаційно-аналітичному рівні дозволяє [1]:

- формувати змістовну теоретичну концепцію прогнозування;
- визначити раціональні напрямки реалізації власної

технології;

- встановити структуру системоутворюючих взаємозв'язків між критерійними газогеохімічними ознаками підповерхневих відкладів, глибинними геологічними параметрами покладів і надпродуктивного середовища та газогеохімічним складом покладу;

- оптимізувати процес інтегрованої локалізації нафтогазоперспективних об'єктів за вуглеводнево-газогеохімічними ознаками;

- мінімізувати пошуковий ризик на подальших етапах геологорозвідувального процесу;

- передбачати інформаційно-аналітичні характеристики геологічного змісту, що ідентифіковані у формалізовані параметри покладу, які неможливо отримати в інший позасистемний інформаційно-вимірювальний спосіб.

Консеквентно узгоджена взаємодія прогнозованих покладів і газогеохімічних полів в оптимально корисних характеристиках - головна емерджентна вимога до якісного і надійного газогеохімічного прогнозу і оцінки перспектив нафтогазоносності.

Під час виділення локальних нафтогазоперспективних об'єктів з найсприятливішими умовами наявності в них промислових покладів нафти і газу, а також об'єктів, в яких промислові поклади відсутні, принциповим і особливо важливим моментом при цьому є геологічна ефективність застосування технології досліджень. Ефективність газогеохімічного прогнозування визначається геологічною результативністю такого прогнозування та його надійністю.

Під геологічною результативністю газогеохімічного прогнозування розуміють кінцевий підсумок, наслідок впровадження в практику розробленої технології. Таким наслідком може бути:

- відкриття промислових покладів нафти або газу на площі досліджень;

– встановлення безперспективності площі досліджень щодо можливої наявності покладів нафти і газу.

– часткове вирішення поставлених завдань через неоднозначність одержаного результату.

Основним показником, що характеризує ефективність газогеохімічного прогнозування, визначається коефіцієнтом підтвердження прогнозу, який являє собою відношення числа відкритих родовищ до загального числа площ, на яких проведено пошукове буріння за результатами позитивного газогеохімічного прогнозування.

Для встановлення ефективності газогеохімічного прогнозування, його якості та надійності нами проведений аналіз результатів робіт [2-6] його застосування в межах

Бориславського НГПР.

Газогеохімічні дослідження на об'єктах проводились в різні роки з метою оцінки надійності таких робіт і вироблення принципів і аналітичних методів їхнього проведення.

Загальна же геологічна результативність по регіону досліджень характеризується високим коефіцієнтом підтвердження прогнозу та становить 88 % (таблиця 1), що дозволяє обгрунтовано приймати рішення про доцільність і першочерговість введення в пошукове буріння конкретних нафтогазоперспективних об'єктів, а це в свою чергу сприятиме збільшенню їхньої інвестиційної привабливості.

Таблиця 1

Геологічна результативність газогеохімічного прогнозування на родовищах Бориславського НГПР

Родовище	Прогноз підтвердився	Прогноз не підтвердився	Результати неоднозначні
Бориславський нафтогазоносний район			
Бориславське	+	-	-
Заводівське	-	+	-
Іваниківське	+	-	-
Новосхідницьке	+	-	-
Орив-Уличнянське	+	-	-
Семигінівське	+	-	-
Стинавське	+	-	-
Старосамбірське	+	-	-
Східницьке	+	-	-
Коефіцієнт підтвердження прогнозу по Бориславському НГПР – 88 %			

За результатами робіт [2-6] Аронським Д.І. було встановлено структурування системоутворюючих взаємодій формалізованих категорій покладу і критерійних газогеохімічних параметрів співвідносно до базової геоінформаційної парадигми еталонної території. Вона свідчить про такі головні інформаційні змісти:

– проникність пласта взаємодіє в інформаційному просторі із відношенням суми етану, пропану і бутанів до суми етилену, пропілену і бутиліну вуглеводневих газів вільного стану;

– площа нафтогазоносності взаємодіє із відношенням метану до суми етилену, пропілену і бутиліну вуглеводневих газів вільного стану;

– формалізований об'єм покладу, що вимірюється асоціацією коефіцієнту нафтогазонасиченості і висоти покладу, взаємодіє із сукупністю ренормованих параметрів допустимого вмісту, нижньої і верхньої меж вибуховості вуглеводневих газів вільного стану;

– дебіт свердловин структурується із відношенням суми пентанів до суми пропану і бутанів вуглеводневих газів сорбованого стану;

– товщина покритишки співвідноситься із коефіцієнтом безпеки вуглеводневих газів вільного стану;

– глибина покладу взаємодіє із сукупністю критерійних параметрів суми ненасичених вуглеводневих газів сорбованого стану, суми етану, етилену і пропілену вуглеводневих газів сорбованого стану, а також критерію вибуховості вуглеводневих газів вільного стану;

– формалізований об'єм покладу, що узагальнюється в асоціації ефективної товщини пласта і пористості колектора взаємодіє із бутилінами вуглеводневих газів сорбованого стану і спільного ресурсу сорбованого і вільного стану.

Газогеохімічне прогнозування покладів нафти і газу показує, що значне підвищення результативності нафтогазопошукового процесу можливе за рахунок системної раціоналізації методологічної та методичної бази.

Назагал, напрямки подальших нафтогазопошуковим робіт у Бориславському НГПР пов'язані з двома зонами поширення палеогенових порід-колекторів.

Для визначення характеру поширення порід-колекторів та уточнення умов формування палеогенових відкладів Бориславського НГПР нами побудовано схеми поширення ефективних товщин по I та II ярусах структур (рис. 1-3) із розташуванням ерозійних палеодолин [7]. При побудові схем використано результати як раніше відомих, так і нових геолого-геофізичних досліджень, результати буріння свердловин та лабораторні аналізи керну.

На схемах спостерігається певна закономірність розподілу палеогенових порід-колекторів I та II структурних ярусів. Піщано-алевролітові породи по кожному з виділених горизонтів групуються переважно в лінійно-витягнуті тіла поперечно до карпатського простягання. На основі цих даних можна зробити висновок, що зони розповсюдження головних піщаних тіл Бориславського НГПР пов'язані з двома конусами виносу великих тек-

тонічно-ерозійних долин. До цих тіл приурочена основна нафтогазоносність. Також прослідковується чіткий зв'язок між локальними максимумами ефективних товщин менілітової, ямненської, манявської і вигодської світ та їхньою нафтогазоносністю.

Під час виділення нафтогазоперспективних об'єктів використано побудовані нами схеми поширення ефективних товщин стратиграфічних підрозділів палеогенових

відкладів (рис. 1-3), результати досліджень з тріщинуватості палеогенових порід-колекторів [8] та результати газогеохімічних досліджень, виконаних на цих ділянках Д.І. Аронським, Л.С. Мончаком та ін. протягом останніх років.

У межах Бориславського нафтогазопромислового району у I та II структурних ярусах складок нами виділено 9 нафтогазоперспективних об'єктів (таблиця 2).

Таблиця 2

Нафтогазоперспективні об'єкти Бориславського НГПР.

Назва складки,індекс	Назва блоку,індекс	Проектні горизонти
1	2	3
I ярус структур		
Старосамбірська, 2	Старосамбірський, 25	P2vg
Нагуєвицько-Ясеницька, 6	Опаківський, 65	P3ml1 – P2vg
Очаківська, 7	Опаківський, 75	P3ml1 – P1jm
II ярус структур		
Південно-Попельська, 27	Попельський, 27	P3ml1 – P2vg
Станільська, 34	Іванківський, 342	P3ml1
Семигінівська, 42	Довголуцький, 421	P3ml1

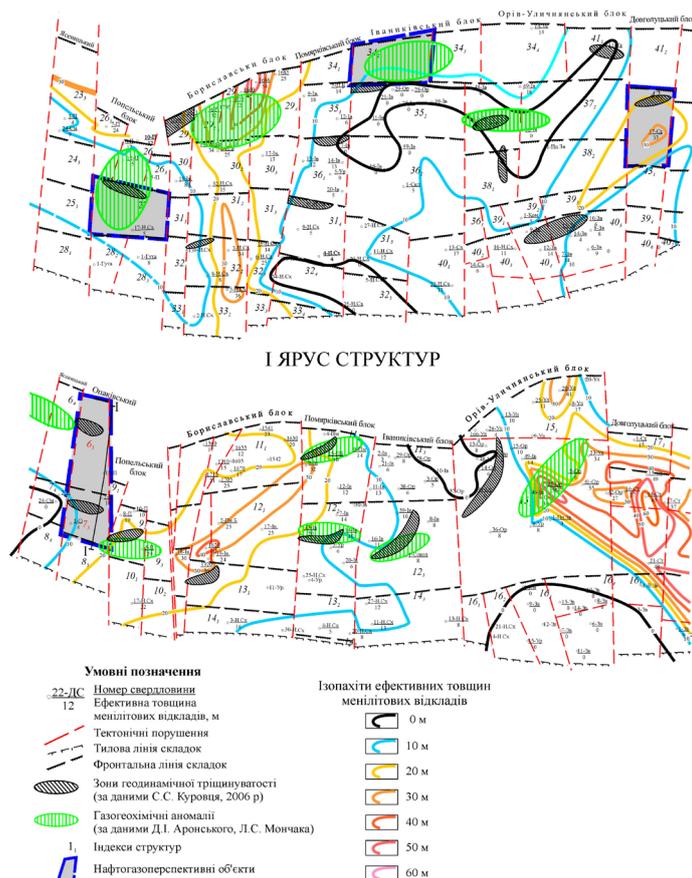

Рис. 1. Схематичні фрагменти нафтогазоперспективних об'єктів, пов'язаних із менілітовими відкладами I та II ярусу структур (склав Ярема А.В., Маєвський Б.Й. 2013)

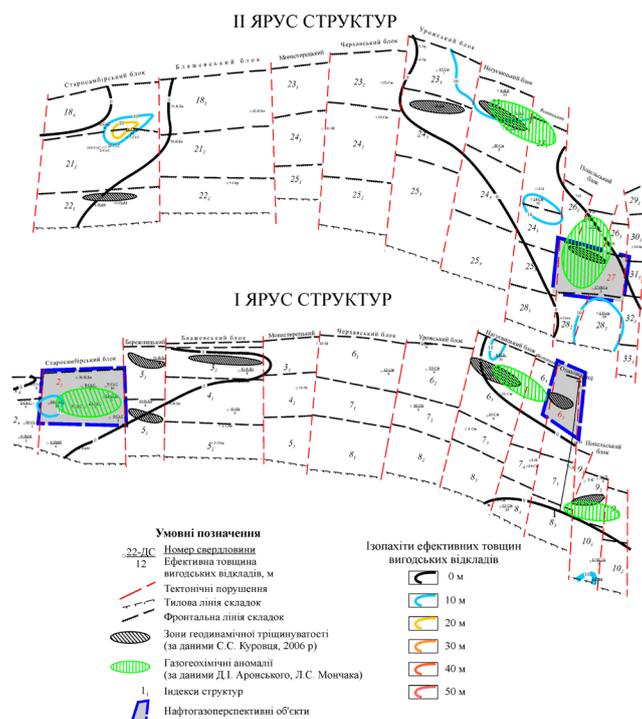

Рис. 2. Схематичні фрагменти нафтогазоперспективних об'єктів, пов'язаних із вигодськими відкладами I та II ярусу структур (склав Ярема А.В., Маєвський Б.Й. 2013)

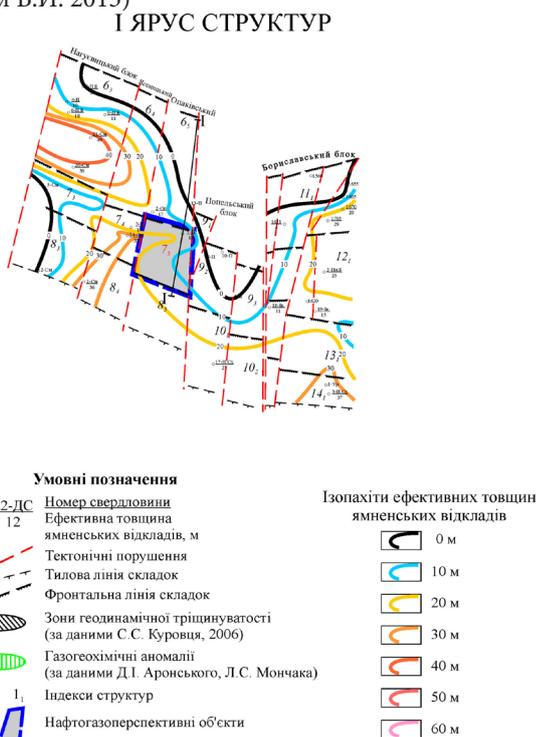

Рис. 3. Схематичні фрагменти нафтогазоперспективних об'єктів, пов'язаних із яменськими відкладами I ярусу структур (склав Ярема А.В., Маєвський Б.Й. 2013)

Для більш впевненого вибору першочергових об'єктів для пошуків нафтових і газових покладів нами пораховано перспективні ресурси категорії С3. Підрахунок виконувався об'ємним методом по трьох продуктивних горизонтах: нижньоменілітовій підсвіті олігоцену, вигодській світі еоцену та яменській світі палеоцену. Площа нафтоносності передбачених покладів вираховувалась шляхом множення площі об'єкту (блоку) на коефіцієнт заповнення пастки за площею характерний для покладів нафти Внутрішньої

зони Передкарпатського прогину. Ефективні товщини визначались як середні по об'єкту з карт розповсюдження ефективних товщин. Інші підрахункові параметри прийняті, як середні для Внутрішньої зони Передкарпатського прогину.

Таким чином, з допомогою наведених параметрів нами розраховані сумарні перспективні ресурси по вищевказаних нафтогазоперспективних об'єктах палеогенових відкладів, які залягають на глибинах від 2 до 5 км, і складають

4221 тис. т.

Висновки.

Наведені вище дані газогеохімічних досліджень, характеру поширення палеогенових порід-колекторів та поховані перспективні ресурси однозначно свідчать про перспективи нафтогазоносності досліджуваного району незважаючи на високу ступінь його вивченості. Тому, враховуючи складність геологічної будови, слабку вивченість процесів покладоутворення і пов'язану з цим неоднорідність колекторських характеристик продуктивних комплексів вважаємо за доцільне продовжити газогеохімічні та геолого-геофізичні дослідження палеогенових відкладів з метою постановки в межах Бориславського НГПР подальших пошуково-розвідувальних робіт.

Література:

1. Аронський Д.І. Системно-аналітичні технології прогнозування нафтогазоносних об'єктів / Д.І. Аронський, Б.Й. Маєвський // Нафтова і газова промисловість. – 2007. – № 4. – С. 7-9.
2. Аронський Д.І., Падва Г.О., Мончак Л.С., Лазарева Н.С. Геохімічні нафтогазопошукові дослідження на площах об'єднання "Укрнафта" в ДДВ та Передкарпатському прогині з метою оцінки перспектив нафтогазоносності локальних структур. Етап: Геохімічні нафтогазопошукові дослідження на площах Передкарпатського прогину. Звіт по темі 151-Ц/92. ЦНДЛ в.о. Укрнафта, 1993, 112 с.
3. Аронський Д.І., Мончак Л.С., Лозинський О.Є. та ін. Геохімічні нафтогазопошукові дослідження на площах об'єднання "Укрнафта" в Передкарпатському прогині з

метою оцінки перспектив нафтогазоносності локальних структур. Звіт по темі 159-І/93. ІФІНГ. Івано-Франківськ, 1994.-137 с.

4. Аронський Д.І., Мончак Л.С., Лозинський О.Є. та інші. Газогеохімічний прогноз і оцінка перспектив нафтогазоносності площ об'єднання "Укрнафта" у Передкарпатському прогині для вибору першочергових нафтогазопошукових об'єктів. Звіт по темі 436-І/94. ІФДТУНГ. Івано-Франківськ, 1995.-181с.

5. Газогеохімічний прогноз і оцінка перспектив нафтогазоносності площ ВАТ "Укрнафта" в Передкарпатському прогині для вибору першочергових нафтогазопошукових об'єктів. Звіт про НДР/ІФДТУНГ; Керівник Д.І. Аронський - Івано - Франківськ., 1996.- 117с.

6. Аронський Д.І., Мончак Л.С., Лозинський О.Є. Газогеохімічний прогноз і оцінка перспектив нафтогазоносності площ АТ "Укрнафта" у Передкарпатському прогині для вибору першочергових нафтогазопошукових об'єктів. Звіт по темі 160/96, ІФДТУНГ, Івано-Франківськ, 1997.-100с.

7. Маєвський Б.Й. Особливості поширення порід-колекторів Бориславського НГПР та вплив тріщинуватості на їх ємнісно-фільтраційні властивості / Б.Й. Маєвський, І.Т. Штурмак, А.В. Ярема [та ін.] // Нафтова і газова промисловість. – 2009. – № 5-6. – С. 7-9.

8. Куровець С.С. Геологічні чинники формування олігоценових порід-колекторів Внутрішньої зони Передкарпатського прогину та їх нафтогазоносності: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. геол. наук: спец. «Геологія нафти і газу» 04.00.17. / С.С. Куровець. – Івано-Франківськ. – 2006. – 21 с.

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe — 162 st.

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>